

На Каменномъ Мысу.

I.

Уже цѣлую недѣлю дулъ свирѣпый сѣверный вѣтеръ, не прерываясь и не ослабѣвая ни на одну минуту. Стремительные порывы вихря прилетали другъ за другомъ безъ малѣйшей передышки и проносились надъ поверхностью ледяныхъ равнинъ съ такимъ торопливымъ и безпощаднымъ ожесточеніемъ, какъ будто отыскивали на ней какой-нибудь выдающійся предметъ, что-либо хоть немного возвышающееся надъ общимъ однообразнымъ уровнемъ, за что они могли бы ухватиться и немедленно вырвать вонъ вмѣстѣ съ корнями. Но на ровной груди ледяныхъ полей не было ничего пригоднаго для сокрушительной дѣятельности вѣтра. Мѣстами виднѣлись только осколки ледяныхъ глыбъ, выпятившіеся вверхъ по линіямъ осеннихъ щелей; но они примерзли такъ плотно, что ихъ трудно было бы сдвинуть съ мѣста даже ударами лома. Кромѣ этихъ осколковъ, на застывшей поверхности океана находился только толстый слой снѣга, отвердѣвшій подъ дѣйствіемъ непрерывныхъ буръ до плотности камня и скорѣе напоминавшій сплошную массу обожженной бѣлой глины, чѣмъ обыкновенную рыхлую пелену зимы. Зато даже эта отвердѣлая кора не могла устоять передъ побѣдоносной яростью вьюги. Вѣтеръ вонзалъ въ лицо убоя свои острые зубы

и выдалъ изъ его окаменѣлой брони узкія заструги, окаймленныя по сторонамъ глубокими бороздами и высывавшія навстрѣчу вьюгѣ длинные бѣлые языки. Выкопавъ такую застругу въ снѣгу, вѣтеръ вдругъ мгновеннымъ усиліемъ срывалъ ея кончикъ и уносилъ съ собою, безостановочно крутя его въ воздухѣ и разрывая на тысячи мелкихъ частицъ, тонкихъ и сухихъ, какъ самая сухая глиняная пыль, носящаяся на крыльяхъ знойнаго вихря надъ безжизненной степью, опаленной лѣтнимъ солнцемъ и изнывшей отъ бездождія. Весь воздухъ былъ наполненъ этими частицами; вьюга была насыщена и пронизана ими; онѣ двигались съ такой быстротой, что, казалось, удлинялись въ своемъ движеніи и производили впечатлѣніе тонкихъ и длинныхъ иглъ, и конечно, онѣ кололи такъ же больно, какъ иглы. Онѣ были такъ легки и мелки, что совершенно сливались съ острыми и холодными частицами воздуха, составлявшими самую субстанцію вьюги, и нельзя было отличить, какіе именно элементы вѣтеръ принесъ съ собой съ невѣдомаго сѣвернаго простора и какіе захватилъ, пролетая надъ ледяными полями. Колючія струи воздуха и атомы раздробленнаго снѣга смѣшались въ одинъ острый, рѣзкій и пронзительный хаосъ на подобіе оледенѣлаго туманнаго пятна, которое двигалось съ сѣвера на югъ съ бѣшеной быстротой, но никакъ не могло истощиться и пролетѣть мимо.

За рубежомъ ледяныхъ полей простиралась земля, но и ея поверхность была также ровна и безжизненна, какъ бѣлое лицо океана. Море переходило въ тундру такъ незамѣтно, что нужно было бы снять прочь весь снѣжный покровъ для того, чтобы опредѣлить, гдѣ оканчивается ледяной пласть и начинается гладкая площадь прибрежной тины, переходящей въ такое же гладкое и твердое отъ мороза моховище.

Правда, на западѣ возвышался огромный каменный мысъ, выступавшій въ море тремя высокими, крутыми грядками, а со стороны земли переходившій въ приземистый кряжъ, расползавшійся по направленію къ югу. Но онъ такъ угрюмо чернѣлъ своими утесами, совершенно обнаженными отъ снѣга, и такъ непоколебимо подставлялъ навстрѣчу мчавшейся вьюгѣ свои отвѣсныя ребра, что, наткнувшись на него съ разлета, она испуганно бросалась въ сторону и спѣшила умчаться прочь—туда, гдѣ на краю тундры чуть синѣла надъ горизонтомъ полоска низкаго и пологога горнаго перевала. Вокругъ выступовъ мыса море намело узкій песчаный прилавокъ и завалило его горами наноснаго лѣса, которыя щетинились изъ-подъ снѣга, гармонируя съ острыми и неправильными гранями каменныхъ уступовъ, поднимавшихся надъ ними вверху.

Это была мрачная страна, лишенная всякаго признака жизни, та самая пустыня,—какъ описываютъ ее чукотскія сказки,—на которой нѣтъ ни мышки, ни былинки, по которой не пробѣгаетъ олень и не гонится за нимъ волкъ. По крайней мѣрѣ такъ было въ это глухое зимнее время года. Оленьи стада, дикія и прирученныя, съ наступленіемъ осени ушли на югъ, къ границамъ лѣсовъ, и за ними послѣдовали двуногіе и четвероногіе пожиратели мяса, живущіе на ихъ счетъ: волки, собаки, кочевые пастухи и бродячіе охотники. Лебеди, гуси и вся водяная птица улетѣли предъ наступленіемъ холодовъ; даже вороны и полярныя куропатки покинули тундру и удалились въ болѣе гостепріимныя широты. Тѣ немногіе обитатели, которые остались еще на землѣ и на льдахъ, притаились теперь въ своихъ логовищахъ и терпѣливо ожидали, пока ослабѣетъ ярость вьюги и дастъ имъ возможность выглянуть на Божій свѣтъ. Бѣлые медвѣди зачопались въ снѣжный заносъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застала вьюга, и отлежи-

вались теперь, наглухо зарытые въ сугробъ; песцы попрятались въ дуплахъ наноснаго лѣса и въ расщелинахъ между камнями; мыши смирно сидѣли въ гнѣздахъ подъ кочками, не осмѣливаясь пробѣжать по своимъ внутреннимъ ходамъ подъ поверхностью снѣга. Огромныя, неуклюжія совы, болѣе похожія на какихъ-то бѣлыхъ звѣрей, и маленькіе, проворные горностаи, одаренные чисто птичьей легкостью и быстротой движеній, всѣ попрятались по своимъ норамъ и боялись высунуть носъ наружу, пока не пройдетъ вьюга.

Пастухи и бродячіе охотники удалились вслѣдъ за стадами сухопутныхъ животныхъ. Однако, на этихъ негостепріимныхъ берегахъ еще остались люди. Нѣдра океана подъ толстой ледяной корою изобиловали рыбой и тюленями, и изъ числа обитателей пустыни выдѣлились семьи, которыя, соблазнившись обиліемъ морскоѣ пищи, рѣшились проводить лѣто и зиму въ этой суровой странѣ. Они принадлежали къ племени людей, рожденныхъ отъ «бѣломорскоѣ жены»¹⁾, и отъ поколѣнія къ поколѣнію, съ незапамятныхъ временъ, такъ привыкли къ борьбѣ съ моремъ, морозомъ и вѣтромъ, что безъ нея жизнь показалась бы имъ лишенной содержанія и смысла. Это были охотники, нападавшіе съ копьемъ въ рукахъ на огромнаго бѣлаго медвѣдя; мореплаватели, на утлыхъ кожанныхъ лодкахъ державшіе лавировать на негостепріимномъ просторѣ полярнаго океана, люди, для которыхъ холодъ былъ стихіей, океанъ — нивой, а ледяная равнина — поприщемъ жизни,—вѣчные борцы съ природой, тѣло которыхъ было закалено, какъ сталь, и мышцы не уступали неустойчивости ни одному изъ дикихъ звѣрей, пробѣгавшихъ среди пустыни,—воины, привыкшіе считать естественную смерть

1) Такъ называютъ себя чукчи въ эпическихъ разсказахъ и преданіяхъ.

постыдной и бессильную старость—наказаніемъ судьбы, которое слѣдуетъ сокращать добрымъ ударомъ ножа или копья...

У того изъ выступовъ мыса, который былъ выше и находился посрединѣ между двумя другими, на широкой, слегка пологой площадкѣ стояли два шатра. Они забились въ уголь между двумя каменными стѣнами, сходящимися подъ тупымъ угломъ, и прислонились къ самому отвѣсу скалы, преграждавшей наискось обычную дорогу сѣвернаго вѣтра.

Передній шатеръ былъ больше и благоустроеннѣе. Это былъ обыкновенный зимникъ, какъ его устраиваютъ сидячіе чукчи, а также и кочевые оленеводы, когда они останавливаются на неподвижную зимовку. Огромный кожаный шатеръ былъ плотно натянутъ и поднимался въ высоту на полторы сажени, а въ ширину расплзался не менѣе чѣмъ на десять аршинъ. Оболочка его представляла пеструю мозаику оленьихъ и тюленьихъ шкуръ, сшитыхъ вмѣстѣ цѣликомъ и въ кускахъ, и была покрыта толстымъ слоемъ копти и сажи; но всѣ отверстія и дырки въ ней были тщательно заплатамы, несмотря на огромную затрату времени и заботливости, которой требовала эта работа. Полы шатра были завалены вокругъ высокимъ снѣжнымъ окопомъ и укрѣплены огромными камнями; передъ входомъ устроено нѣчто вродѣ сѣней изъ такой же мозаичной оболочки, низко нахлобученной на небольшой деревянный остовъ навѣса и старательно подогнутой со всѣхъ сторонъ внизу. Задній шатеръ былъ такъ низокъ, что изъ-подъ своего снѣжнаго завала походилъ скорѣе на большой сугробъ, чѣмъ на человѣческое жилище. Онъ скромно ютился на второстепенномъ планѣ, предоставляя своему переднему товарищу болѣе видную позицію, которая, впрочемъ, была также и болѣе открыта дѣйствию не-

погоды. Вѣтеръ залеталъ и сюда, несмотря на каменную ограду. Вьюга встряхивала плотно утопанный снѣгъ окопа, вырывала изъ него сухія струйки снѣжной пыли, съ визгомъ и воемъ кружилась вокругъ покатыхъ верхушекъ шатровъ, какъ бы примѣриваясь, съ какого конца удобнѣе схватиться за длинные концы жердей, расходившихся вверху, какъ огромный вѣеръ, и вдругъ слернуть прочь укрѣпленные шатры. Но плотно натянутая кожа, выпяченная извнутри толстыми пятниками ¹⁾ и раздувшаяся навстрѣчу вѣтру, какъ огромный пузырь, только гудѣла въ отвѣтъ. Она была съ внутренней стороны повсюду обшита веревками, которыя привязывались къ кольямъ, вбитымъ въ землю, и тяжелымъ санямъ, нагруженнымъ разнымъ хламомъ. Зимникъ былъ сооруженъ такъ прочно, что никакая вьюга не могла причинить ему ущербъ.

Въ самомъ центрѣ передняго шатра, на земляномъ очагѣ, горѣлъ огонь, наполняя все помѣщеніе ѣдкимъ дымомъ, который силою наружнаго вѣтра задержался вверху у дымового отверстия и не хотѣлъ выходить вонъ. Въ задней половинѣ шатра, по чукотскому обычаю, былъ устроенъ такъ называемый пологъ, теплое отдѣленіе, въ видѣ четверугольнаго ящика изъ шкуръ, плотно закрытаго со всѣхъ сторонъ и покрытаго толстымъ слоемъ травы, связанной въ пучки.

Большая часть жителей шатра въ настоящее время находилась въ тепломъ отдѣленіи. Это было тѣсное помѣщеніе, длиною въ сажень, шириною сажени въ двѣ, настолько низкое, что взрослый человѣкъ не могъ бы приподняться на ноги, подъ опасеніемъ упереться головой въ потолокъ и сдвинуть съ мѣста травяную покрывку, лежащую поверхъ оленьихъ шкуръ. Большая каменная

1) Пятники—плотныя жерди, изогнутыя дугообразно и вдавленные въ крышу шатра длинными шестами.

чаша, наполненная полужидкимъ тюленьимъ жиромъ, съ зажженной свѣтильной, плававшей у передняго края, коптила на видномъ мѣстѣ, по срединѣ задней стѣнки. Другая, маленькая, горѣла въ правомъ углу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ проходъ или, лучше сказать, пролазъ изъ ящика наружу, огражденный длинной мѣховой полой, аккуратно подвернутой подъ шкуры, разостланныя на полу. Въ пологѣ было жарко. Спертый и пропитанный мiasмами воздухъ чукоотскаго домашняго святилища, которое хозяева постарались тщательно оградить отъ всякаго свѣжаго вѣянiя, зелеными волнами носился взадъ и впередъ. Испаренiя человѣческаго тѣла, прѣсный запахъ вареной ѣды и невымытой посуды, которымъ была пропитана каждая шерстинка мѣховыхъ стѣнъ, ѣдкая вонь прокислыхъ шкуръ, устилавшихъ дно ящика и совершенно почернѣвшихъ отъ грязи, горькая копоть лампъ, запахъ мочи и гнiющей пчени, которыя употреблялись хозяйкою для выдѣлыванiя кожъ, все это сливалось въ такой одуряющiй букетъ, что можно было только удивляться, какъ живыя человѣческiя существа могутъ выносить его безнаказанно.

Однако, въ пологѣ было восемь человѣкъ и всѣ они, повидимому, не чувствовали никакого неудобства отъ окружающей атмосферы. Хозяинъ сидѣлъ на особо разостланной шкурѣ на своемъ обычномъ мѣстѣ, по правую сторону лампы. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, крѣпкiй и здоровый, съ спокойными, пронизательными глазами и худощавымъ лицомъ, обрамленнымъ жидкой бородкой и такими же усами. Кожа на его щекахъ и шеѣ совсѣмъ побурѣла отъ постояннаго пребыванiя на холодномъ вѣтрѣ и походила на древесную кору. Голова его была украшена узкимъ кожанымъ ремешкомъ, усаженнымъ круглыми голубыми бусами, между которыми выдѣлялись четыре маленькихъ безформенныхъ кусочка дерева; это

были уккамаки, заговоренные амулеты, которые должны были отстранять отъ головы владѣльца всякое зло, неудачу и болѣзнь. Такъ какъ въ пологѣ было душно, старикъ снялъ съ себя мѣховую рубаху и вмѣсто нея надѣлъ красную фуфайку американскаго происхожденія, которую онъ приобрѣлъ во время одной изъ поѣздокъ на мысъ Пээкъ (Чукотскій носъ), гдѣ американскіе товары попадаютъ очень часто. Онъ уже сорокъ лѣтъ постоянно занимался торговыми развѣздами по ледовитому побережью на протяженіи двухъ тысячъ верстъ, и его такъ же знали въ Нууканѣ и Чейтунѣ ¹⁾, какъ и въ русскихъ поселеніяхъ на Колымѣ и Анадырѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ неутомимыхъ бродячихъ перекушщиковъ, при помощи которыхъ бессарабскій листовою табакъ попадаетъ на рѣку Мекензи въ Америкѣ, и наоборотъ, сиводушки ²⁾ съ рѣки Ньюкома ³⁾ отправляются въ путешествіе къ ирбитской ярмаркѣ. По первому осеннему пути на своихъ быстроногихъ собакахъ онъ доѣзжалъ въ десять дней изъ своего дома до деревни Коретовой на Колымѣ, отдавалъ тамъ торговымъ казакамъ тюленьи шкуры, свитки моржовыхъ ремней и забиралъ кирпичи чаю и папуши листового табаку, потомъ отправлялся въ отдаленныя поселенія сидячихъ чукчей на Носу и вымѣнивалъ новые запасы ремней и чемодановъ ⁴⁾ съ двойнымъ и тройнымъ барышомъ. Весной онъ приносилъ на анойскую ярмарку купцамъ, пріѣхавшимъ

1) Чукотскіе поселки недалеко отъ Берингова пролива.

2) Сиводушка—лисица пепельно-сѣраго цвѣта съ чернымъ брюхомъ и темнымъ крестомъ на верхней части спины; цѣнится гораздо дороже обыкновенной лисицы.

3) Р. Ньюкомъ въ бывшихъ русско-американскихъ владѣніяхъ—впадаетъ въ Берингово море.

4) Чемоданъ — тюленья шкура, снятая съ туши убитаго животного въ видѣ мѣшка, и просто тюленья шкура.

изъ Якутска, песцовъ и выпоротковъ (оленьихъ телятъ), перекупленныхъ отъ оленныхъ чукчей, а лѣтомъ, сообщившись съ другими подобными ему искателями барышей и торговыхъ приключеній, отправлялся на большой восьмивесельной байдарѣ къ островнымъ эскимосамъ или на американскій материкъ за дорогими лисицами и бобрами. Имя старика было Кителькутъ, но русскіе охотнѣе называли его Мақамонкомъ по его отцу Мақаму, который во время оно занимался такимъ же торгомъ и умеръ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ.

По правую сторону большой лампы, на почетномъ мѣстѣ, обыкновенно предназначенномъ для гостей, сидѣлъ человѣкъ такого крупнаго роста и тѣлосложенія, что можно было только удивляться, какъ онъ умудрился забраться въ такой тѣсный уголь. Онъ тоже снялъ съ себя мѣховую рубаху, и его обнаженный торсъ и руки выставляли богатырскія мышцы, какія не часто можно встрѣтить даже между закаленными витязями и борцами тундры. Лицо его было налито кровью и красно, какъ кирпичъ; низкій лобъ и квадратныя челюсти придавали его чертамъ характерное выраженіе упрямства и жестокости. Голова его сидѣла на короткой шеѣ и была какъ-то притиснута къ плечамъ и наклонена немного впередъ. Ему приходилось смотрѣть на Божій свѣтъ исподлобья и притомъ такимъ мрачнымъ и злобнымъ взглядомъ, который не обѣщалъ ничего хорошаго. Говорятъ, такъ держитъ голову и такъ смотритъ загривистый медвѣдь-шатунъ¹⁾, встрѣтившись съ человѣкомъ и питая намѣреніе на него напасть.

Это, дѣйствительно, былъ гость, пріѣхавшій съ Чаун-

¹⁾ Туземцы рассказываютъ, что рядомъ съ черными медвѣдями иногда попадаетъ медвѣдь загривистый съ широкимъ бѣлымъ пятномъ на шеѣ. Этотъ медвѣдь считается особенно свирѣпымъ.

ской тундры изнутри страны, по имени Яякъ. Кочевья чаунскихъ жителей отстоятъ отъ Каменнаго мыса не болѣе, какъ верстѣ на триста, и они часто прїѣзжали къ Кителъкуту за чаемъ и табакомъ, выбирая время, когда онъ возвращался изъ поѣздокъ на русскія поселенія. Съ тѣхъ поръ, какъ Яякъ прїѣхалъ, прошло уже дней десять, но разыгравшаяся непогода удержала его въ шатрѣ Кителъкута долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ.

Рядомъ съ Яякомъ сидѣлъ маленькій старичокъ съ быстрыми глазками, какъ у обезьяны, и сморщеннымъ лицомъ совершенно коричневаго цвѣта. Это былъ Уквунъ, хозяинъ другого шатра, сосѣдъ и сожитель Кителъкута по стойбищу. При условіяхъ разрозненной жизни въ пустынѣ, мало-мощные и недостаточные люди никогда не селятся одни; они рисковали бы умереть съ голоду безъ того, чтобы кто-нибудь даже узналъ объ этомъ. Семьи, которыя не рассчитываютъ прокормиться собственными усиліями, присосѣживаются къ болѣе сильнымъ и восполняютъ недостатки своего промысла ихъ подачками, не оказывая взаимнѣе никакихъ услугъ и даже не чувствуя особой благодарности за помощь. Уквунъ находился именно въ такихъ отношеніяхъ къ семейству Кителъкута. Онъ не имѣлъ сыновей и во время двухмѣсячной зимней тьмы не могъ съ достаточной бдительностью наблюдать за своими сѣтями, такъ что его собаки умерли бы съ голоду, если бы старый Кителъкутъ каждый разъ, когда его охотники привозили домой моржа или нѣсколько тюленей, не удѣлялъ ему извѣстной части промысла. О пищѣ для людей не стоило и говорить. За столомъ жителя пустыни каждый голодный имѣетъ право получить свою долю, кто бы онъ ни былъ, соплеменникъ или чужеродецъ, сосѣдъ на жительствѣ или пришлецъ изъ отдаленной земли, и отступленіе отъ этого обычая считается тяжкимъ грѣхомъ, который не замедлитъ

навлечь на виновнаго наказаніе Наргинэна¹⁾. Уквунъ, впрочемъ, былъ человѣкъ довольно угрюмаго нрава и въ обыкновенное время предпочиталъ сидѣть въ собственномъ шатрѣ и уничтожать со своими домочадцами долю общаго промысла, не приходя въ гости къ хозяину. Въ настоящее время онъ сидѣлъ въ шатрѣ Макамонка ради гостя, который ему приходился двоюроднымъ братомъ и въ первый разъ завелъ торговыя сношенія съ Кителькутомъ именно при его посредствѣ.

Нуватъ, единственный сынъ Кителькута, лежалъ на брюхѣ, помѣстивъ свои локти въ промежуткѣ между Якомъ и Уквуномъ и опираясь лицомъ на сложенные ладони. Онъ какъ будто дремалъ, но время отъ времени поднималъ голову и открывалъ совсѣмъ молодое лицо, блѣдное, худощавое, какъ у отца, съ тонкимъ, рѣзко очерченнымъ носомъ и страннымъ, задумчивымъ, даже мечтательнымъ взглядомъ глубокихъ свѣтлокарихъ глазъ. Несмотря на позу Нувата, въ глазахъ его не было сонливости. Онъ скорѣе смотрѣлъ, какъ человѣкъ, который всецѣло погруженъ въ самого себя и долженъ каждый разъ сдѣлать усиліе для того, чтобы оторваться отъ своего внутренняго міра и обратить вниманіе на окружающихъ. Лицо его поднималось какъ разъ навстрѣчу отцу, и каждый разъ, когда Кителькуту приходилось уловить выраженіе этого страннаго взгляда, по его собственному лицу пробѣгала тѣнь.

Нуватъ, несмотря на свои молодые годы, былъ лучшимъ промышленникомъ между всѣми охотниками тундры на триста верстъ протяженія. Никто не умѣлъ съ такой искусной осторожностью подкрасться къ старому моржу, отдыхающему на льдинѣ, или выслѣдить горнаго барана

1) Наргинэнь—Вселенная. Обычное названіе верховнаго божества.

на отрогахъ хребта, синѣвшаго на югѣ. Онъ особенно славился легкостью на бѣгу; говорили, что по гладкому морскому берегу онъ въ состояніи настигнуть дикаго оленя. Уже третій годъ онъ бралъ призъ на большомъ весеннемъ бѣгу, который устраивали «носовые» торговцы, возвращаясь съ анойской ярмарки.

Кителькутъ очень гордился удачею своего сына и рассказывалъ о немъ и въ землянкахъ островитянь, когда его языкъ развязывался отъ американскаго рома, и въ рубленныхъ домахъ колымскихъ казаковъ, угощаясь сибирской сивухой.

— Я объ одной ногѣ лучше хожу, чѣмъ другіе о всѣхъ четырехъ!— хвастливо говорилъ онъ.— Я только ѣзжу по гостямъ, утѣшаюсь бесѣдой и разсматриваю чужое, а Нувать кормить и меня, и собакъ, и сосѣдей. Этотъ паренъ — утѣшеніе. Пусть прикочуютъ еще десять шатровъ, его руки всѣмъ принесутъ пищу!

Но съ годъ тому назадъ съ Нуватомъ вдругъ что-то приключилось. Во время осенней охоты на дикихъ оленей онъ, по обыкновенію, ушелъ изъ дому съ ружьемъ за плечами, собираясь вернуться вечеромъ, такъ какъ въ добычѣ въ это время недостатка не было, но вернулся только черезъ три дня и, молча положивъ ружье, забрался въ пологъ. О добычѣ не было и рѣчи. Повидимому, онъ даже не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, такъ какъ лоскутъ кожи, обернутый вокругъ ружейнаго замка, былъ повязанъ съ прежней тщательностью, какъ будто его всѣмъ не развязывали въ походѣ. Въ пологѣ онъ пролежалъ еще сутки, отворотившись къ стѣнѣ, не принимая пищи и не отвѣчая на вопросы. Онъ ни тогда, ни послѣ не хотѣлъ объяснить ни одной живой душѣ, что случилось съ нимъ въ пустынѣ. Быть можетъ, впрочемъ, онъ и не могъ бы дать опредѣленнаго объясненія. Судя по аналогичнымъ

примѣрамъ, можно было предполагать, что онъ вдругъ услышалъ въ окружающей природѣ или въ своей душѣ смутный, но властный голосъ Вышняго Духа¹⁾, который приказалъ ему отречься отъ обыденной жизни и посвятить свои мысли и чувства новому, таинственному служенію. Юноши, которые впоследствии должны сдѣлаться великими шаманами, на поворотѣ половой зрѣлости иногда слышатъ такой голосъ или встрѣчаютъ знакъ, ничтожный и непонятный для непосвященныхъ, но имъ внезапно открывающій глаза на ихъ грядущее призваніе. Сѣрая чайка, пролетѣвшая три раза мимо, камень странной формы, попавшій подъ ноги, съдобный корень, завернувшійся необычайнымъ узломъ, въ состояніи произвести полный переворотъ въ настроеніи человѣка, обреченнаго вдохновенію.

Черезъ нѣсколько дней наступилъ праздникъ дикихъ оленей, когда, по обычаю, мужчины и женщины должны по очереди показывать свое шаманское искусство, покаячивая бубень и распѣвая обрядовые напѣвы. На этомъ праздникѣ оказалось, что Нуванъ приобрѣлъ шаманскую силу совсѣмъ необычайной для него величины; кромѣ своихъ семейныхъ напѣвовъ, онъ сталъ распѣвать множество другихъ, самыхъ разнообразныхъ, неизвѣстно откуда сошедшихъ въ его горло. Мало того, голоса духовъ начали откликаться на его голосъ изъ разныхъ угловъ темнаго полога, когда лампа была погашена по обычному требованію вдохновенныхъ²⁾. Наконецъ, прошаманивъ около часа, Нуватъ вдругъ удалился на своемъ бубнѣ въ надзвѣздныя страны и совершенно свободно носился тамъ, т.-е. носился, конечно, его духъ, между тѣмъ какъ тѣлесная оболочка безжизненно лежала на шкурѣ. Такъ

1) То же, что Наргинэнъ. 2) Вдохновенный — шаманъ.

какъ ни одинъ изъ присутствовавшихъ на праздникѣ шамановъ не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, летать на бубнѣ, то Нувата тутъ же провозгласили нововдохновеннымъ, т.-е. молодымъ шаманомъ, только-что начавшимъ приобрѣтать шаманскую способность и общающимъ имѣть въ будущемъ большую силу. Послѣ этого Нуватъ нѣсколько разъ шаманилъ и пѣлъ въ пологу, но задумчивость его не проходила. Какое-то странное сознание неудовлетворенности лежало на его лицѣ, между тѣмъ какъ обыкновенно первое обнаруженіе шаманской силы у юношей ведетъ за собой подъемъ жизненной энергіи. Оттого-то старикъ съ такимъ опасеніемъ поглядывалъ на сына. Можно было ожидать, что высшія силы хотятъ привести Нувата къ какому-нибудь дальнѣйшему шагу на поприщѣ вдохновения.

— Такъ всегда!— съ горечью думалъ Кителькутъ, — самыхъ искусныхъ, самыхъ удалыхъ, гордыхъ умомъ, храбрыхъ сердцемъ, Наргинэнъ забираетъ на службу себѣ; скупится оставлять ихъ людямъ.

Онъ сильно опасался, чтобы высшія силы не побудили Нувата покинуть отцовскій домъ и удалиться въ какую-нибудь отдаленную страну или же не приказали бы отказаться отъ всѣхъ мужскихъ промысловъ и занятій и принять на себя женскую одежду и естество, какъ это нерѣдко бываетъ съ молодыми нововдохновенными шаманами.

У второй лампы, въ сторонѣ отъ другихъ сидѣли рядомъ двое подростковъ: мальчикъ и дѣвочка. Мальчику могло быть лѣтъ двѣнадцать, дѣвочкѣ немного меньше. Оба они были совсѣмъ раздѣты и сидѣли другъ подле друга, набросивъ себѣ на колѣни старое мѣховое одѣяло, и, не обращая вниманія на старшихъ, съ большимъ увлеченіемъ занимались своеобразной игрой, весьма распространенной между чукотскими ребятишками и состоящей въ

выдѣлываніи различныхъ арабесокъ и фигуръ изъ одной длинной нити, которую они переплетаютъ по очереди на своихъ десяти пальцахъ, снимая другъ у друга петли такимъ образомъ, чтобы каждый разъ получалось новое изображеніе. Особенно искусенъ въ этой игрѣ былъ мальчикъ, запускавшій свои мизинцы и толстые пальцы съ различными хитроумными расчетами то въ ту, то въ другую петельку плетенки; потомъ онъ вдругъ сдергивалъ ее съ пальцевъ подруги и, раздвинувъ далеко руки, созидалъ передъ ея изумленными глазами продолговатую рамку, внутри которой появлялся старый моржъ, ползущій по льдинѣ, охотникъ, преслѣдующій оленя, нарта, запряженная длиннымъ рядомъ собакъ, или какое-нибудь иное любопытное изображеніе, которое, вдобавокъ, могло двигаться слѣва направо и справа налѣво и вдругъ исчезало при особомъ чудодѣйственномъ движеніи пальцевъ творца. У дѣвочки на плетенкѣ выходили только изображенія орудей женской работы и разной домашней утвари: ножницы, деревянный треножникъ съ котломъ, подвѣшеннымъ на крюкѣ, мотыга для копанія корней и тому подобныя простые фигуры, не требовавшія особеннаго искусства.

Дѣвочка была сиротка безъ отца и матери, приходилась двоюродною племянницею Кителькуту и состояла на его попеченіи и подъ его властью, такъ какъ онъ былъ самымъ старшимъ изъ ея родственниковъ. Мальчикъ былъ вывезенъ Кителькутомъ изъ поселка Якана года два тому назадъ въ качествѣ пріемнаго мужа для маленькой десятилѣтней Черинги. Брачное кровопомазаніе было уже совершено, и Каймень навсегда сдѣлался членомъ семьи Кителькута. Юная чета росла и воспитывалась въ шатрѣ Кителькута въ ожиданіи того, когда формальное сожителство превратится въ дѣйствительное, что должно было случиться при первомъ побужденіи природы. Такіе браки

часто встрѣчаются на тундрѣ, и маленькій пріемный зять, достигнувъ возмужалости, вступаетъ къ своему тестю и воспитателю въ сыновнія отношенія, на что и рассчитывалъ, конечно, старый Кителькутъ, имѣвшій только одного сына.

Старая Рынтына, жена Кителькута, сидѣла рядомъ съ дѣтьми, держа въ рукахъ пучокъ расчесанныхъ сухожилій, нохожій на льняную кудель. Она сучила и скручивала изъ нихъ толстыя и крѣпкія нитки, складывая ихъ въ маленькій кожаный мѣшочекъ. Она собиралась переменить кожаную обшивку на одноручныхъ байдаркахъ ¹⁾ своихъ домашнихъ промышленниковъ и приготовляла теперь необходимый запасъ нитокъ и шнурковъ. Изъ-за ея плеча выглядывало маленькое старушечье личико съ совершенно птичьимъ выраженіемъ и съ глубокими складками около глазъ и губъ. Ввалившіяся щеки и подбородокъ нѣкогда были украшены тонкими синими пунктированными линиями татуировки, которая теперь почти совершенно сливалась съ морщинами. Это была Анека, старая жена Уквуна, совсѣмъ подъ стать своему мужу. Она была родомъ изъ-за морского поворота, т.-е. съ тихо-океанскаго взморья Азіи по южную сторону Берингова пролива, и происходила отъ небольшого племени керекъ, отличнаго отъ чукчей по языку и весьма презираемаго ими за бѣдность и робкій нравъ. Сорокъ лѣтъ жизни среди чукчей не могли сгладить для Анеки ея чужероднаго положенія. Если Уквунъ не могъ плотно ужитья ни въ какомъ поселкѣ, то это болѣе всего зависѣло отъ неудовольствій, возникавшихъ между женами природныхъ жителей и его женой. И въ настоящемъ случаѣ было не лучше. Рынтына всегда громко выражала неудовольствіе, отдавая чужестранкѣ часть пищи, приносимой ея сыномъ.

¹⁾ Байдарка — кожаная лодка на одного человѣка.

— И не могъ ты выбрать себѣ жены между настоящими людьми!¹⁾— говорила она, не обинуясь, Уквуну.— Развѣ мало намъ своего племени, что мы должны набивать рты керековъ?

Обижаться Уквуну не приходилось, ибо, конечно, насущная пища гораздо важнѣе какихъ бы то ни было попрековъ, тѣмъ болѣе, что старикъ сознавалъ, что, въ сущности, хозяйка стойбища права, и ему слѣдовало выбрать себѣ подругу въ средѣ болѣе уважаемой, чѣмъ кереки.

Жили между собой Уквунъ и Анека очень согласно, несмотря на то, что у Анеки не было ни одного ребенка, а это составляетъ великое несчастіе и униженіе для чукотской женщины. Когда Уквуну удавалось добыть тюленя, или когда жена его получала отъ сосѣдокъ часть чужого промысла, они непрерывно варили и уничтожали свою добычу, пока оставался еще хоть одинъ кусокъ. Когда ѣды не было, они голодали. Въ этомъ состояла ихъ жизнь, уже Богъ знаетъ, сколько лѣтъ, и они привыкли къ ней. Впрочемъ, они были очень чутки къ малѣйшему неравенству при раздѣлѣ добычи и обижались, если имъ на долю выпадали менѣе жирные куски.

Якъ и Кителькутъ молчали. Съ ранняго утра они сидѣли безвыходно въ пологѣ и успѣли смертельно надѣсть другъ другу. Всѣ новости были пересказаны съ обѣихъ сторонъ, а наиболѣе интересныя повторены вновь со всѣми подробностями и даже прикрасами, какія только могло подсказать скучающее воображеніе и ничѣмъ не наполненный досугъ, такъ что теперь говорить было не о чемъ. Правда, кромѣ разговора, нѣкоторое развлеченіе доставляютъ еще ѣда и питье, и каждую трапезу они ста-

¹⁾ Чукчи называютъ себя просто людьми, а въ противоположность другимъ племенамъ—настоящими людьми.

рались тянуть, какъ можно дольше. Но, къ сожалѣнію, это времяпровожденіе не могло продолжаться безъ перерыва, а, напротивъ, требовало значительныхъ промежутковъ отдыха.

— Что же, Катыкъ!—наконецъ, лѣниво спросилъ Кителькутъ.—Такъ и задушили?.. А?

— Если самъ просить,—проворчалъ Яякъ, не поднимая головы,—развѣ откажутъ?

— А кто же душилъ?—спросила изъ своего угла Рынтина, продолжая скручивать свои безконечныя нитки на голомъ колѣнѣ.

— Жена держала на колѣняхъ, сыновья тянули веревку,—проворчалъ Яякъ послѣ нѣкоторой паузы еще болѣе недовольнымъ тономъ.

— Жена держала?.. гычь!¹⁾—повторила Рынтина протяжно.—А онъ почему просилъ смерти?

Дѣло шло о добровольной смерти одного чаунскаго жителя, который, подобно Яяку, ежегодно прѣзжалъ къ Кителькуту для торга, но въ эту зиму вдругъ предпочелъ потребовать отъ собственныхъ сыновей, чтобы они ему перетянули горло веревкой, что и было благополучно исполнено. Присутствующіе уже выслушали изъ устъ Яяка подробное описаніе этой интересной исторіи, но Рынтина отъ нечего дѣлать была не прочь услышать повтореніе.

Однако, Яякъ не чувствовалъ расположенія удовлетворить ея желаніе.

— Я вѣдь говорилъ уже,—отрывисто сказалъ онъ.—Надоѣло на солнце смотрѣть, захотѣлъ уйти къ предкамъ. Развѣ я что знаю!

И онъ выпятилъ свои толстыя губы съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что Рынтина сразу удержала новый во-

¹⁾ Выраженіе удивленія.

прось, бывший у нея на языкѣ. Видно было, что онъ рѣшительно отказывается повторить разсказъ.

— У, пріятель!—задумчиво проговорилъ Кителкутъ.—Надоѣло на солнце смотрѣть! Охъ! Старый пріятель отправился одинъ! Не захотѣлъ подождать товарища!.. Всѣ уходятъ старые, по одному!—продолжалъ онъ еще задумчивѣе.—Видно, и до меня очередь доходить.

Старикъ въ свободныя минуты любилъ пофилософствовать на эту тему.

— Будетъ тебѣ!—вдругъ сердито сказала Яякъ.—Вотъ были, вотъ не стали! Не все ли равно? Развѣ мы бабы? Скажи лучше: хорошо погуляли у таньговъ¹⁾ въ деревянныхъ домахъ?

— Эгэй! Погуляли!—отвѣтилъ Кителкутъ довольнымъ тономъ.—Какъ слѣдуетъ, развлекли скуку. У Кулючина²⁾ очень крѣпкая... За черную бутылку—красную лисицу. На цѣлый день оглушишься...

Лица всѣхъ присутствующихъ оживились, старуха отложила на колѣни свою кудель и приготовилась слушать, машинально поглаживая ее рукой. Даже Нувать на минуту приподняла голову, но, впрочемъ, тотчасъ же опять приняла къ своимъ ладонямъ. Водка была единственнымъ предметомъ разговора, который не допускалъ истощенія.

— А сколько бутылокъ?—спросилъ Яякъ съ жаднымъ блескомъ въ глазахъ.

— Сколько угодно, — нѣсколько уклончиво отвѣтилъ Кителкутъ.—Водка не кончалась. Уѣхали, не истощивъ запаса.

1) Чукчи даютъ это имя безразлично русскимъ, корякамъ и чукчанцамъ.

2) Чукотская передѣлка русской фамиліи—Колесинъ.

— Ухъ!—широко вздохнулъ великанъ. Ему вдругъ не хватило воздуха въ тѣсномъ пологу.

— Янытынъ переколотилъ всѣхъ людей въ Коретовой,—сказалъ Кителькутъ, улыбаясь. — Этотъ человѣкъ, когда напьется сердитой воды, хуже чорта.

— Такъ-таки всѣхъ до одного человѣка!—подтвердилъ Кителькутъ.—Баба тамъ есть старая, одна въ домѣ живетъ, и ту не пропустилъ. У него былъ чемоданъ съ американскими подпилками, чемоданомъ ее по головѣ огрѣлъ. Она послѣ него до вечера голосомъ кричала со страха.

— Го-го-го!—радостно засмѣялся Яякъ.—Чемоданомъ.

— Другой тамъ есть, Мичаньконъ (Мишанька), человѣкъ съ табачнымъ носомъ... Только хотѣлъ нюхнуть, а Янытынъ ударилъ по табакеркѣ и приплюснулъ ее къ носу. Насилу отчихался...

— Го-го-го!—смѣялся Яякъ еще радостнѣе.

— Одну бабу съ избы столкнулъ; два мужика унять хотѣли — обоихъ повалилъ, обоихъ талиной дралъ, до третьяго голосу кричали, — продолжалъ Кителькутъ описывать подвиги неизвѣстнаго Янытына.

— А за что онъ разсердился? — спросилъ Яякъ, нѣсколько успокоившись отъ смѣха.

— У Кулючина разбавленную бутылку взялъ. Вотъ! — объяснилъ Кителькутъ.

— Такъ и надо,—одобрилъ Яякъ, — такъ ихъ и надо! А къ Кулючину ходилъ?

— Зачѣмъ пойдетъ? — сказалъ Кителькутъ.—Онъ не вовсе глупъ. То казаки. У нихъ длинные ножи (сабли) есть. Еще могли бы причинить вредъ.

Яякъ не выразилъ особаго восхищенія мудростью этихъ соображеній.

— А ты кого поколотилъ?—спросилъ онъ полу-шутя.

— Мой умъ не тонетъ въ сердитой водѣ,—сказалъ

Кителькутъ. — Съ молоду живу, гостя. Ъмъ чужое мясо чаще, чѣмъ свое. Стану ли дѣлать злое въ чужихъ домахъ?

— А сюда не привезъ? — полу-утвердительно сказалъ Якъ.

— Везъ, да на полдорогѣ кончилъ, — признался старикъ. — Сердце не можетъ терпѣть, зная ея присутствіе. Ему везъ, да не смогъ, — указалъ онъ на сына.

Нувать опять поднялъ голову.

— Пускай! — сказалъ онъ небрежно. — По крайней мѣрѣ, посуду видѣлъ, — довольно этого.

— А какая посуда? — спросилъ торопливо Якъ. — Деревянная? Давайте вываривать¹⁾.

— Вываривали дважды! — отвѣтилъ старикъ. — Первый разъ, какъ слѣдуетъ въ голову вошло. Потомъ ужъ худо. Теперь ничего нѣтъ.

— Каттамъ мэркичкинъ²⁾, — не вытерпѣлъ Якъ не выругаться. — Сами лакаете, какъ собаки, а мы облизываемъ губы.

Кителькутъ пожалъ плечами.

— Сперва свое брюхо, потомъ брюхо дѣтей, потомъ сосѣдей, потомъ гостей! — отвѣтилъ онъ пословицей.

— Когда Пуречи беретъ «воду» у бородатыхъ³⁾ — вдругъ заговорилъ Уквунъ, — съ огненныхъ кораблей — большія бочки, выше человѣка... не пьеть одинъ, ставятъ на берегу... всѣ сосѣди пьютъ досыта... цѣлые поселки, женщины, дѣти... черпаютъ котлами, наливаютъ въ миски, хлебаютъ ложками, какъ похлебку... Не приходятъ въ умъ по цѣлой недѣлѣ...

1) Чукчи и русскіе, опорожнивъ боченокъ со спиртомъ, выполаскиваютъ его горячей водой и ополоски выпиваютъ до послѣдней капли

2) Ругательство.

3) Такъ чукчи называютъ американцевъ.

Голосъ Укувуна звучаль горечью. Кителькутъ пиль ополоски самъ со своей семьей, не приглашая къ участию Укувуна и его жену.

Кителькутъ опять пожалъ плечами.

— Пуречи богатъ! — сказалъ онъ. — Живеть подь суконной крышей. Его шатерь лучше нашей одежды. Можеть давать!

Пуречи былъ самый богатый изъ торговыхъ чукчей въ поселкѣ Уэленъ на оконечности мыса Пээка, куда американскія суда приходятъ по нѣскольку разъ въ лѣто. Чукчи съ завистливымъ восхищеніемъ передавали, что у него даже лѣтній шатерь сдѣланъ изъ краснаго сукна.

— Сами пьете водку, — упрямо повторилъ Якъ, — намъ бы хоть чай давали.

— Развѣ я не пою чаемъ? — съ упрекомъ сказалъ Кителькутъ. — Если ты хочешь чаю, — скажи!

— Ей, наружные! — крикнулъ онъ, нагибаясь къ выходной стѣнѣ.

— Го? — отозвался звонкій женскій голосъ изъ наружнаго отдѣленія.

— Скорѣй чайникъ! — крикнулъ старикъ. — Гость пить хочеть! Торошитесь!

— Я не о томъ! — поспѣшно возразилъ Якъ. — Твое угощеніе претъ изъ брюха... И мнѣ, и упряжкѣ... Я обь иномъ чаѣ. Ты знаешь самъ...

Дѣйствительно, Кителькутъ не хуже другихъ жителей тундры исполняль обязанности гостепріимства и все это время угошалъ Яка лучшимъ, что имѣлось между его запасами. Упряжку его онъ кормилъ наравнѣ съ своими собственными собаками, и готовъ былъ кормить ее еще сколько угодно времени.

За то онъ оцѣнилъ чай и табакъ, привезенные отъ рус-

скихъ и назначенные въ продажу, слишкомъ дорогой цѣной и рѣшительно отказывался уступить что-либо.

— Что дѣлать! — кратко сказалъ Кителькутъ въ отвѣтъ на упрекъ. — Мало привезъ отъ русскихъ. Въ одиночку ѣздили. Много ли положишь на одну нарту? А у меня много друзей. Еще не одинъ человѣкъ пріѣдетъ. Каждый годъ пріѣзжаютъ. А отказывать — грѣхъ.

— А развѣ давать по табачному листу за выпоротка не грѣхъ? — прямо и грубо спросилъ Якъ. — Или я на полѣ подбираю шкуры, или у меня горло не такое, какъ у васъ?

Сердце его сжалось, когда онъ думалъ объ условіяхъ, предложенныхъ Кителькутомъ. Несмотря на свою собачью упряжку, онъ принадлежалъ къ оленнымъ чукчамъ и выросъ у стада. Его единственнымъ товаромъ были выпоротки, красивыя шкурки молодыхъ оленьихъ телятъ, во множествѣ погибающихъ каждую весну вскорѣ послѣ рожденія. Передъ отъѣздомъ на Каменный мысъ онъ обобралъ выпоротковъ у всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ и обѣщалъ взаменъ привезти соответственное количество чаю и табаку. А теперь Кителькутъ давалъ ему такую ничтожную цѣну, что со стороны его довѣрителей неспремѣнно должны были возникнуть обвиненія въ утайкѣ. На Чаунѣ никто не повѣритъ, что выпоротка можно отдавать только за одинъ листокъ табаку. О какомъ-нибудь барышѣ въ свою пользу нельзя было и думать.

— Что же! — сдержанно возразилъ Кителькутъ. Дѣйствительно, телячья шкура сама достается человѣку. Не отъ ружья, не изъ сѣти. Содрана съ трупа, какъ найдена въ полѣ... Безъ труда.

— Да, безъ труда! — съ негодованіемъ возразилъ Якъ. — А попробовали бы вы, морскіе, походить за стадомъ! Вотъ бы узнали, какъ тутъ нѣтъ труда. Ваша забота — только

убить, да домой принести, а наши ноги отъ малыхъ лѣтъ не знаютъ покоя при обереганіи... Ночью безъ сна, зимой въ мятель, лѣтомъ подъ дождемъ — все одна и та же работа.

Вѣчная рознь между приморскими охотниками и тундренными пастухами выразилась въ этомъ короткомъ обмѣнѣ словъ.

Кителькутъ смолчалъ. Въ его расчеты не входило ссориться съ гостемъ.

— Телячья шкурка — наша жизнь! — продолжалъ Якъ такъ же сердито. — Онъ бы выросъ, былъ бы большой олень; а теперь отъ него только одна шкурка и остается... А ты даешь по листу.

— Такъ лучше не брать, — невинно возразилъ Кителькутъ. — У меня у самого товару мало. А русскіе на ярмаркѣ дадутъ дороже. Лучше отложить до ярмарки.

— Я знаю, — снова заговорилъ Якъ съ растущимъ гнѣвомъ. — Тебѣ не нужно выпоротковъ. Ты хочешь лисицъ, бобровъ; а гдѣ я возьму бобровъ? Развѣ я кавралинъ¹⁾; развѣ ѣзжу за море къ айванамъ (эскимосы)?

— Я торговецъ, — сказалъ Кителькутъ, — самъ не пишу ни лисицъ, ни выпоротковъ. Отдаю чужеплеменникамъ. Что предпочитаютъ русскіе купцы, то предпочитаю и я.

— Торговецъ! — съ негодованіемъ передразнилъ Якъ. — Только и думаешь, чтобы изъ одной папуши табаку сдѣлать двѣ; не помнишь, что чужое горло жаждетъ горькаго. Мы развѣ не такъ же мучимся, какъ ты, не имѣя питья? Твой отецъ не поступалъ такъ, Кителькутъ...

¹⁾ Кавралинъ — бродячій человѣкъ. Оленные чукчи такъ называютъ тѣхъ изъ приморскихъ, которые приходятъ къ нимъ за торгомъ или просто на поиски счастья.

II.

Въ наружномъ отдѣленіи шатра тоже были люди. Голось, отвѣтившій старику, принадлежалъ молодой дѣвушкѣ, сидѣвшей на корточкахъ у правой стороны, гдѣ было меньше дыма. Откликнувшись на зовъ, она, однако, осталась сидѣть на своемъ мѣстѣ и, въ свою очередь, окликнула другую женскую фигуру, сидѣвшую у самаго огня, а эта немедленно полѣзла въ темный уголъ за порогомъ и принялась выбрасывать оттуда одно за другимъ короткія полѣнья дровъ. Черезъ нѣсколько минутъ огонь вспыхнулъ ярко и освѣтилъ весь шатерь. Женщина съ дровами подвѣсила надъ очагомъ на деревянныхъ крючьяхъ огромный закопченный чайникъ и такой же огромный котель изъ чернаго желѣза и потомъ опять усѣлась у огня. Лицо ея было ясно видно при свѣтѣ огня. Ей могло быть лѣтъ сорокъ или сорокъ пять. На лбу вытянулся широкій шрамъ неправильной формы, — очевидно, слѣдъ зажившей язвы. Носъ былъ тоже испорченъ и какъ-то неестественно согнутъ на сторону. Это были послѣдствія ужасной болѣзни, вѣдшейся въ плоть и кровь всѣхъ племенъ полярнаго сѣверо-востока. Вельвуна была родственница Уквуна и выросла въ его жилищѣ. Съ ранней юности она была безотвѣтной рабыней и слугой у этой обнищавшей семьи паріевъ и исполняла всѣ прихоти старой Анеки. Выросши, она попробовала искать счастья въ чужихъ шатрахъ, но духи Этэля¹⁾ были къ ней неблагосклонны и изувѣчили ея лицо. Мужчины пренебрегали ею, и она была принуждена вернуться подъ нищій кровъ, дававшій пристанище ея юношескимъ годамъ. Въ настоящее время она считалась второй женой Уквуна, такъ какъ старикъ не погну-

1) Сифились.

шался возложить брачное кровопомазаніе ¹⁾ на ея нечистое лицо, рискуя оскорбить чистоту своего домашняго огня ²⁾, для того, чтобы получше закрѣпить себѣ эту безотвѣтную рабочую силу. Руки Вельвуны, на зло силамъ Этэля, сохранили свою прежнюю крѣпость и исполняли теперь всѣ домашнія работы по женскому хозяйству Анеки. Когда женщины передняго шатра, взамѣнъ за участіе въ добычѣ, требовали отъ семьи Уквуна помощи при ея уборкѣ, Анека постоянно посылала свою младшую подругу. Когда Уквунъ лѣнился привезти дровъ на нартѣ, Вельвуна съ топоромъ въ рукахъ и ремнемъ подъ мышкой отправлялась по берегу собирать хворостъ и возвращалась, сгибаясь подъ тяжестью вязанки. Приготовление пищи и запасовъ, выдѣлываніе кожъ и шитье одежды, — все лежало на ней. И теперь Анека сидѣла, сложа руки, въ пологу, вмѣстѣ съ почетными людьми, а Вельвуна возилась въ наружномъ отдѣленіи у дымнаго огнища, съ чайниками и котлами.

Огонь освѣтилъ также и дѣвушку, сидѣвшую справа. Около нея на обрывкѣ шкуры полулежалъ молодой парень, опираясь на локоть. Они очень близко придвинулись другъ къ другу и, повидимому, вели весьма серьезный и оживленный разговоръ, который на минуту прервался отъ Кителькутова окрика, но тотчасъ же возобновился снова. Буря на дворѣ такъ шумѣла, и крыша шатра такъ гудѣла и вздрагивала, что имъ приходилось каждый разъ сдвигать свои лица до прикосновенія, чтобы слышать сказанныя слова.

— Такъ ты говоришь: пестрые пыжиги? — сказала дѣ-

1) Обрядъ чукотскаго брака состоитъ въ совмѣстномъ помазаніи жениха и невѣсты кровью только-что убитой жертвы.

2) Явные сифилитики считаются нечистыми, и ихъ домашній огонь оскверненнымъ.

вущка, вопросительно взглядывая въ лицо своему себе-сѣднику.

— Всѣ пестрые до одного, — подтвердилъ онъ, энергично мотнувъ головой. — Мои сестры иныхъ не носятъ. И каждую осень шьютъ по двѣ новыхъ одежды.

— По двѣ! — протянула дѣвушка недовѣрчиво.

— Право, по двѣ! — сказалъ парень. — Одну для дома, а другую для ѣзды въ гости, — одна другой красивѣе. Спина черная; опушка на груди изъ тройного мѣха — все разнаго цвѣта; штаны съ пестринкой; спереди пестринка и сзади пестринка, у самаго колѣнka, какъ у осенней куропатки.

— Правда, красиво! — согласилась дѣвушка: — черное къ пестрому пристаетъ.

— А тебѣ, — сказалъ парень выразительно, — я буду отбирать самыя лучшія шкуры. У меня и теперь запасены. Какъ пріѣдешь, такъ и сшей,

Дѣвушка радостно улыбнулась.

— Непремѣнно сошью! — сказала она.

— А у каждой женщины есть свои прыговые олени, — продолжалъ молодой человекъ. — Только она и ѣздитъ на нихъ. Прибѣгаютъ на зовъ, пьютъ изъ рукъ ¹⁾.

— Люблю оленей! — сказала дѣвушка.

— А весной домашніе люди пятнаютъ своимъ клеймомъ молодыхъ телятъ, по два, по три, по пяти, чтобы росли на ихъ счастье. Каждый человекъ — женщины, дѣвущки, дѣти... Кто счастливъ, у того размножаются, какъ комары на пригрѣвѣ.

— И ты тоже будешь пятнать, — заключилъ онъ.

— Люблю и телятъ! — сказала дѣвушка.

¹⁾ Чужчи поятъ самыхъ ручныхъ оленей изъ особаго маленькаго кожанаго сосуда — мочей.

— Моя мать добрая, мои сестры веселыя!—продолжалъ ея собесѣдникъ, становясь все краснорѣчивѣе.—Будутъ тебѣ добрыми подругами. Одна будетъ съ тобою разговаривать въ шатрѣ, чтобы ты не знала скуки, а другая будетъ дѣлать твою работу. Не услышишь во вѣки худого слова. Будутъ держаться за тебя обѣими руками. Не дадутъ выйти изъ шатра одной..

Дѣвушка наклонила свою голову еще ближе, безъ сомнѣнія, затѣмъ, чтобы лучше слышать заманчивыя обѣщанія. Лица разговаривавшихъ встрѣтились, и молодой человѣкъ предпочелъ пустить въ ходъ такія объясненія, вразумительность которыхъ не страдала отъ шума метели. Дѣвушка не думала уклоняться отъ его обѣщаній. Она сама закинула ему руку на шею и дважды поцѣловала его въ губы.

— А теперь будетъ!—сказала она, вырываясь и дѣлая видъ, что хочетъ подняться.—Надо закуску ладить. Мать кричать станетъ.

Но молодой человѣкъ удержалъ ее за одежду.

— Сиди, успѣешь!—сказалъ онъ. Недавно ѣли, еще не скоро чай. Буду еще рассказывать.—И разговоръ возобновился съ прежнимъ воодушевленіемъ.

Это была нареченная чѣта. Дѣвушка была дочерью стараго Кителъкута; молодой человѣкъ происходилъ изъ оленной семьи и пришелъ съ верховьевъ рѣки Куаты, протекающей по сосѣдству, съ тѣмъ, чтобы по обычаю прожить зиму и лѣто въ шатрѣ тестя и отплатить за невѣсту усерднымъ трудомъ на пользу ея семьи. Стадо его осталось на попеченіи его родныхъ, и онъ уже болѣе полугода былъ вѣрнымъ товарищемъ Нувата на промыслѣ и работѣ. Онъ вставалъ раньше всѣхъ въ домѣ и засыпалъ послѣднимъ, и только въ такіе промежутки невольной праздности, какъ теперь, могъ улучшить время, чтобы пере-

кинуться нѣсколькими словами со своей невѣстой. Но онъ покорялся необходимости, работалъ безъ малѣйшаго ропота съ утра до вечера и терпѣливо ждалъ. До конца срока оставалось еще почти полгода, а отцы невѣсть въ подобныхъ случаяхъ проявляютъ очень большую придирчивость. Малѣйшая неисправность могла безвозвратно лишить его приза. Впрочемъ, пока все шло хорошо. Старикъ былъ доволенъ его стараніемъ, а Нувать даже близко подружился съ своимъ будущимъ зятемъ. Старый Кителъкутъ, несмотря на отчужденіе между оленными и приморскими чукчами, охотно отдавалъ свою дочь оленеводу, такъ какъ жизнь у стада считается счастливѣе и обезпеченнѣе, хотя и требуетъ болѣе постоянной заботы, чѣмъ существованіе приморскаго охотника.

Разговоръ въ пологѣ принималъ довольно непріятный оборотъ. Якъ не щадилъ упрековъ по адресу хозяина. Хитрый старикъ, желая предотвратить ссору, задумалъ отвлечь его мысли въ другую сторону.

— А что? — сказалъ онъ вдругъ, — не покормить ли собакъ? Онѣ со вчерашняго дня не ѣли.

— Ухъ! — немедленно подхватилъ Якъ. — Бѣда! Мои собаки, съ тѣхъ поръ, какъ пришла вьюга, ни разу не ѣли, какъ слѣдуетъ. Передовая худо смотритъ. Пропадетъ — бѣда: кто найдетъ дорогу къ Шелеватому холму?

Такъ называлось урочище, на которомъ въ ту зиму паслось стадо Яка.

— Отчего не возьмешь ее въ домъ? — обязательно предложилъ Кителъкутъ.

— Не любить, боится, — сказалъ Якъ. — Въ шатрѣ ни за что не станеть ѣсть. Искони привыкла на снѣгу.

— Эта собака, — продолжалъ Яякъ съ воодушевленіемъ, — умнѣе человѣка; только что словъ нѣтъ, а умомъ все знаетъ. Въ темноту, въ непогоду найдетъ сама каждую дорогу. Прямо приходитъ на старыя огнища. Тутъ и дрова, тутъ и ночлегъ. Безъ нея какъ поѣду домой?.. Пойду, посмотрю! — заключилъ онъ, вытаскивая изъ-за спины свою двойную кукашку (мѣховую рубаху).

— Не ходи! — сказалъ старикъ. Ты не здѣшній, можешь сбиться. Коравія за-одно посмотреть.

— Коравія! — окликнулъ онъ, опять обращаясь къ выходящей стѣнѣ.

— Гой! — откликнулся оттуда мужской голосъ, принадлежавшій молодому человѣку, который бесѣдовалъ съ дѣвушкой.

— Попробуй накормить собакъ! Можетъ, стануть, — сказалъ старикъ изъ полога.

— Ладно! — отвѣчалъ Коравія. — Сейчасъ!

— Наруби жиру тюленьяго да моржоваго мяса... помельче! — кричалъ старикъ.

— Знаю! — сказалъ Коравія.

— Собакъ гостя хорошенько осмотри!.. Передовую! — не унимался старикъ.

— Эгей! — отозвался Коравія. — Сейчасъ пойду!

Но Яякъ уже надѣлъ кукашку и теперь торопливо натягивалъ косматые сапоги на свои огромныя ноги. Онъ непремѣнно хотѣлъ лично осмотрѣть собакъ.

— Самъ знаешь! — сказалъ старикъ. — Смотри, не уйди въ другую сторону!

Яякъ недоувѣрчиво усмѣхнулся.

— Я тоже выросъ въ пустынь! — сказалъ онъ.

— Море злѣе суши, — сказалъ старикъ. — Намъ самимъ случается сбиваться у собственной двери. Въ третьемъ году тоже былъ вѣтеръ. Уявунъ пошелъ изъ своего дома

къ намъ, прошелъ мимо входа, до утра проходилъ кругомъ шатра. Чуть не замерзъ.

Уквунъ подтвердилъ разсказъ старика молчаливымъ кивкомъ. Якъ только упрямо тряхнулъ головою и полѣзъ изъ полога.

— Придете, пить станемъ! — напутствовалъ его старикъ.

— Эгей! — отвѣчалъ Якъ уже изъ наружнаго отдѣленія. Коровія еще не поднялся съ мѣста. Чтобы придать себѣ бодрости для предстоящаго путешествія, онъ опять обнялъ свою невѣсту и торопливо цѣловалъ уже не однѣ губы, а также и щеки, и шею, выглядывавшую изъ широкаго мѣховаго корсажа. Онъ не предполагалъ, что кто-нибудь изъ сидѣвшихъ внутри захочетъ сопровождать его въ такую погоду и вылѣзетъ изъ полога. Развѣ Нувать, — думалъ онъ: Нувата онъ не опасался.

Но, поднявъ голову, онъ встрѣтилъ нахмуренный взглядъ толстаго Яяка, наблюдавшаго за его занятіемъ при яркомъ свѣтѣ костра.

— Ты зачѣмъ сидишь на мѣстѣ, — сказалъ сердито чаунецъ, — когда надо дѣлать дѣло? Если хочешь держаться за бабьи пазухи, дай мнѣ мясо, — я самъ накормлю своихъ собакъ!

Прежняя горечь прилила къ его сердцу. Онъ тоже имѣлъ виды на красивую дѣвчу. Оленные чукчи вообще охотно выбираютъ себѣ невѣстъ между приморскими дѣвушками, которыя считаются болѣе бойкими на всякую работу, способными, въ случаѣ нужды, замѣнить мужчину при каждомъ промыслѣ. Якъ уже четвертый годъ заговаривалъ со старикомъ по поводу молодой Янты, желая взять ее себѣ во вторія жены, такъ какъ въ его шатрѣ на Чаунѣ уже жила одна жена. Кителькутъ не говорилъ: „нѣтъ“, но сватовство никакъ не могло наладиться. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что Яяку не на кого было

покинуть свое стадо на время обычной службы за вѣно, а старикъ ни за что не хотѣлъ согласиться на обыкновенный выкупъ.

— Или я ламутъ, — говорилъ онъ, — что стану продавать дѣвку! Развѣ это собака или нерпа, чтобы брать за нее шкуры на плату?

Переговоры возобновлялись изъ году въ годъ во время обычныхъ прїѣздовъ Яака. На этотъ разъ онъ принялъ почти окончательное рѣшеніе и намѣревался только еще разъ переговорить со старикомъ, чтобы съ будущей осени явиться объявленнымъ женихомъ и прожить до весны. Зимой стадо не столько нуждалось въ его охранѣ; а на лѣто онъ надѣялся уломать старика, чтобы тотъ отпустилъ его домой.

И вдругъ теперь онъ застаётъ другого претендента, перебывшаго ему дорогу и уже готоваго увезти къ себѣ намѣченную имъ невѣсту. Яакъ началъ подозрѣвать, что Кителькутъ никогда не хотѣлъ серьезно отдать ему Янту и только манилъ его для большей выгоды при торговыхъ сношеніяхъ. Онъ съ горечью припоминалъ, какъ дешево онъ отдалъ старику свои шкуры въ прошлую весну, надѣясь задобрить его для сватовства, и сколько неприятностей онъ имѣлъ потомъ изъ-за этого въ своей родной землѣ. А теперь Кителькутъ дѣвку отдалъ другому; а его хочетъ прижать еще крѣпче, чѣмъ въ прошломъ году. Яакъ такъ разсердился, что чуть не полѣзъ назадъ въ пологъ ругаться со старикомъ.

Больше всего его злило, что Коравіа тоже не изъ приморскихъ, а такой же оленный, какъ и онъ самъ. — Что они въ немъ нашли? — говорилъ онъ себѣ съ гнѣвомъ. — Старикъ сразу принялъ; дѣвка льнетъ, а на меня смотрѣть не хотѣла. А развѣ мои руки не вдвое толще? У меня въ лицѣ больше крови, чѣмъ у него во всемъ тѣлѣ.

У чукчей, дѣйствительно, крѣпость сложенія и яркая краска въ лицѣ считаются главнымъ условіемъ мужской красоты, и чаунскій богатырь привлекалъ взоры многихъ женщинъ на тундрѣ и на взморьѣ.

Однако, Коравія ничего не отвѣтилъ на грубую выходку соперника. Якъ былъ гораздо старше его лѣтами; кромѣ того, онъ былъ на положеніи гостя и ему уступали самое почетное мѣсто въ пологу, а бѣднаго жениха далеко не всегда впускали внутрь. Онъ ограничился тѣмъ, что на глазахъ Яка еще разъ крѣпко поцѣловалъ свою невѣсту, въ видѣ молчаливой демонстраціи, и потомъ торопливо поднялся на ноги и сталъ вытаскивать изъ того же темнаго угла за пологомъ длинный мѣшокъ изъ тюленьей кожи, набитый жиромъ и мясомъ, изрубленнымъ въ мелкіе куски. Онъ еще съ утра приготовилъ кормъ въ ожиданіи, пока выюга позволитъ выглянуть на дворъ.

— Пойдемъ! — сказалъ онъ, вытаскивая изъ мѣшка длинный ремень и обвязывая его вокругъ пояса. — Другимъ концомъ ты обвяжись, чтобы намъ не растеряться въ темнотѣ.

Якъ проворчалъ что-то, но обвязался ремнемъ. Коравія уже успѣлъ выйти изъ шатра со своимъ мѣшкомъ.

— Скорѣе! — кричалъ онъ во все горло. — Вѣтеръ не дастъ стоять на мѣстѣ!

Якъ нахлобучилъ свою шапку поглубже на уши и распластался по землѣ, чтобы вылезти изъ шатра въ сѣни. Выходъ былъ плотно закутанъ шкурами и нужно было открывать его какъ можно уже, чтобы не впустить выюгу, которая ломилась внутрь, какъ бѣшеная. Якъ быстро проползъ по землѣ черезъ сѣни, приподнялъ вторую выходную полу, окончательно вылѣзъ на дворъ, опустилъ за собой кожаную покрывку и поднялся на ноги. Выюга

ударилъ ему въ лицо съ такимъ остервенѣнiемъ, что онъ пошатнулся и чуть не опрокинулся назадъ. Кругомъ было темно, какъ въ могилѣ. Вѣроятно, была ночь, хотя въ такую метель трудно отличить раннія сумерки зимняго вечера отъ настоящей ночи. Лицо Яка, еще разгоряченное отъ продолжительнаго пребыванiя въ душномъ пологу, вдругъ оледенѣло и стало саднить отъ холода. Колючія иглы снѣжинокъ, гонимыя вѣтромъ, впивались ему въ щеки, какъ живыя тучи голодныхъ комаровъ, желавшихъ отвѣдать его крови. Онѣ забирались за воротъ, набирались въ рукавицы и отверстiя рукавовъ. Струи быстро текущаго холода такъ легко пронизывали мѣховую одежду, что Яяку на минуту показалось, будто онъ совсѣмъ раздѣтъ. Онъ отвернулъ отъ вьюги лицо и сталъ ощупью пробираться между сугробами по направленiю къ собакамъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что ремень натянулся.

— Куда прешь? — долетѣлъ крикъ спереди. — Или мнѣ надо волочить за собою два мѣшка?

Голосъ Корави, долетѣвшiй по вѣтру, все-таки едва былъ слышенъ среди воя и визга вьюги. Молодой человекъ, повидимому, хорошо ориентировался въ темнотѣ. Яякъ, напротивъ, отворачивая отъ вѣтра лицо, мало-помалу сбился съ настоящаго направленiя и теперь безъ ремня онъ неминуемо заблудился бы. Онъ поспѣшно повернулъ обратно и пошелъ на голосъ, каждый разъ ощупывая ремень, чтобы видѣть, не натягивается ли онъ.

Это было трудное и утомительное путешествiе, несмотря на то, что приходилось пройти не болѣе двухсотъ шаговъ. Вьюга намела поперегъ дороги сугробы скрипучаго и сухого снѣга. Передняя сторона ихъ быстро твердѣла, а задняя, напротивъ, осыпалась, какъ песокъ, при малѣйшемъ движенiи. Два раза Яякъ оступился и попалъ внутрь сугроба выше пояса; цѣлая куча снѣга забила

ему подь кукашку и за поясъ шароваръ, онъ отряхивался, какъ могъ и продолжалъ итти за Коравіей, руководствуясь натяженіемъ ремня.

Собаки были привязаны нѣсколько подалеже задняго шатра, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ у каменной стѣны. Вьюга намела вдоль стѣны цѣлый снѣжный валъ, и они должны были подняться на него, какъ на гору, и потомъ спуститься внизъ, гдѣ у самага утеса оставалась узкая полоска незанятаго пространства. Сюда вьюга не такъ хватала, и потому здѣсь было немного свѣтлѣе. Снѣгъ поблѣскивалъ тусклымъ бѣлымъ свѣтомъ, и собаки выступали на немъ чернымъ пятномъ. Всѣхъ собакъ было около пятидесяти; онѣ были привязаны на короткихъ палкахъ двумя длинными рядами и лежали прямо на снѣгу безъ всякой подстилки. Собаки внутренняго ряда были лучше защищены отъ снѣга. Онѣ лежали, свернувшись клубкомъ, уткнувъ носъ въ брюхо и не подавая признаковъ жизни. Но наружный рядъ помѣщался уже на окраинѣ снѣжнаго вала, и ему приходилось здѣсь довольно плохо. Снѣжная пыль непрерывно осыпалась внизъ съ верхушки вала, и собаки должны были поминутно вставать и отряхиваться, чтобы ихъ не занесло. Нѣкоторыя лѣнились дѣлать это достаточно часто, и въ наказаніе должны были выбираться наружу изъ цѣлага сугроба, быстро собиравшагося надъ ихъ головой.

Коравія развязалъ мѣшокъ и сталъ кликать собакъ, называя ихъ по именамъ. Обыкновенно собаки привѣтствуютъ появленіе корма неистовымъ визгомъ и воемъ; но на этотъ разъ онѣ отнеслись къ нему довольно холодно. Нѣкоторыя не подняли даже головы, чтобы посмотреть на пришедшихъ людей; другія съ тихимъ повизгиваніемъ виляли хвостомъ, не рѣшаясь встать на ноги.

— Сурокъ! Пестрякъ! Кровоѣдъ!—настойчиво зывалъ

Коравія, чтобы разбудить тѣхъ собакъ, которыя еще лежали свернувшись.

Якъ набралъ на подолъ верхней кукашки жиру и мяса и пошелъ къ своимъ собакамъ. Ихъ было двѣнадцать; онѣ лежали на самомъ лучшемъ мѣстѣ въ срединѣ внутренняго ряда. Всѣ онѣ встали навстрѣчу хозяину, кромѣ одной, и широко потягивались, расправляя ноги и спину и зѣвая, точь-въ-точь, какъ человѣкъ, которому надоѣлъ слишкомъ долгій сонъ. Якъ поспѣшно разбросалъ имъ кормъ по порціямъ и подошелъ къ лежащей собакѣ.

— Бѣлоногъ! Бѣлоногъ! — настойчиво кликалъ онъ.

Собака подняла голову, но не встала.

— Ухъ! — вздохнулъ хозяинъ. — Что, заблещь, дружокъ? — спросилъ онъ у своей собаки такъ нѣжно, какъ никогда не разговаривалъ съ людьми. Бѣлоногъ вильнулъ хвостомъ, очевидно, въ знакъ утвержденія.

— Станешь ѣсть, Бѣлоногъ? — продолжалъ Якъ, какъ будто собака дѣйствительно понимала его рѣчь.

Бѣлоногъ опять вильнулъ хвостомъ. Якъ положилъ передъ его мордой большой кусокъ желтаго тюленьяго жира.

— Ышь, ѣшь, Бѣлоногъ! — понукалъ онъ собаку.

Но Бѣлоногъ лѣниво протянулъ носъ, понюхалъ жиръ и опять убралъ голову. Якъ опустилсѣ на одно колѣно, вытащилъ ножъ изъ-за пояса и сталъ крошить жиръ на мелкіе куски. Потомъ онъ сталъ кормить собаку изъ рукъ, почти насильно сунувъ ей куски въ ротъ. Бѣлоногъ ѣлъ неохотно, очевидно, только для того, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяину, однако съѣлъ весь жиръ. Но на мерзлое мясо онъ отказался даже смотрѣть. Зубы его были плохи, и онъ совсѣмъ не хотѣлъ мучиться надъ окаменѣлымъ кускомъ въ такую стужу. Другія собаки съ трескомъ перегрызали оледенѣлыя волокна моржатины. Мно-

гія, впрочемъ, скоро утомились этимъ неблагодарнымъ трудомъ и, подобравъ остатки своей доли подъ себя, снова улеглись на снѣгу, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени для ѣды. Якъ постоялъ, посмотрѣлъ и отошелъ въ сторону.

Старанія Коравіи накормить своихъ собакъ дали еще меньшій успѣхъ. Жиръ ѣли почти всѣ собаки, но лежавшія въ наружномъ ряду поголовно отказались отъ мерзлаго мяса, и Коравія убралъ его обратно въ мѣшокъ. Въ снѣгу около собакъ было и безъ того закопано много кусковъ, и онъ не хотѣлъ безъ пользы бросать кормъ. Собаки Уквуна были тутъ же, и Коравія накормилъ ихъ наравнѣ съ собаками своего нареченнаго тестя.

Двѣ или три собаки отказались отъ всякой ѣды, не смотря на увѣщеванія хозяина; Коравія стоялъ надъ ними, не зная, что дѣлать.

— Уснуть! — пробормоталъ онъ, сомнительно качая головой. — Непремѣнно уснуть!

— Пойдемъ! — сказалъ Якъ нетерпѣливо. — Уснуть, такъ не пробудишь!

Ему было холодно стоять.

— А тебя кто звалъ? — огрызнулся Коравія. — Могъ бы я и одинъ накормить собакъ!

Однако онъ взвалилъ на плечо полуопустѣвшій мѣшокъ и пустился въ обратный путь по сугробамъ и застругамъ. Якъ опять шель сзади на привязи. Ему стало такъ холодно, что весь гнѣвъ его остылъ. Теперь онъ склоненъ былъ относиться къ молодому человѣку съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде.

— Видишь, какъ претъ! — невольно говорилъ онъ себѣ, чувствуя нетерпѣливое подергиваніе ремня. — Или онъ видитъ въ этой темнотѣ?..

III.

Въ пологу, послѣ ухода Яяка, воцарилось полное молчаніе. Оставшимся рѣшительно не о чемъ было разговаривать. Нувать вытянулся свободнѣе на опустѣвшемъ мѣстѣ и, кажется, заснулъ. Даже Кителькутъ задремалъ въ ожиданіи чая. Дѣтямъ тоже надоѣло заниматься выдѣлываніемъ фигуръ на плетенкѣ, и они стали пріискивать новый предметъ для развлечения.

— Бабушка!—вдругъ обратилась къ Анекѣ дѣвочка,— разскажи сказку.

У керецкой старухи никогда не было дѣтей, однако съ дѣтьми она умѣла ладить гораздо лучше, чѣмъ съ взрослыми. По части сказокъ она представляла настоящій неисощимый кладезъ. Она подобрала ихъ во время своихъ непрерывныхъ скитаній по приморскимъ поселкамъ и оленьимъ стойбицамъ. Память ея впитывала, какъ губка, каждый разсказъ, услышанный однажды, и сохраняла его на вѣчныя времена, не теряя ни одного слова. Она разсказывала ихъ охотно по первому приглашенію и могла разсказывать цѣлыя сутки сряду, не утомляясь, не останавливаясь и искусно сплетая конецъ одной сказки съ началомъ другой, такъ что слушателю трудно было различить спайку.

— О чемъ разскажу?—тотчасъ же отвѣтила она, обращая свое сморщенное лицо къ дѣтямъ.

Она говорила совершенно правильнымъ чукотскимъ языкомъ, но въ произношеніи ея былъ слышенъ своеобразный скрипучій акцентъ. «Каркаетъ, какъ кукушка!»¹⁾— говорили о ней кукушанки по этому поводу.

¹⁾ Сѣрая птица, похожая на сойку, довольно обыкновенная на опушкѣ полярныхъ лѣсовъ.

Дѣвочка задумалась. Въ это время новый порывъ вѣтра промчался надъ шатромъ съ такой силой, что чуть не сорвалъ одного изъ пятниковъ.

— Расскажи о вѣтрѣ! — сказала дѣвочка.

— О вѣтрѣ? — переспросила Анека. — Хорошо. Ну, слушайте! — Было селеніе на морѣ, — начала она. — Жилъ человекъ съ женой и братомъ. Вѣтеръ такъ и дуетъ, не переставая. Отъ метели не видно рукъ. Голодають. Давно съѣли всѣ шкуры, изгрызли ремни. Совсѣмъ высохли, хотятъ умереть.

— Ухъ! — вздохнула дѣвочка. — Хотятъ умереть.

Въ качествѣ главной слушательницы, она была обязана время отъ времени давать старухѣ сочувственные отклики.

— Холостой братъ говоритъ женатому: — Пойдемъ, поищемъ въ пустынѣ. Что же мы можемъ высидѣть дома?

— Правда! — сказала дѣвочка.

— Да вѣдь вьюга, — говоритъ другой. — Какъ пойдемъ? — Все равно, не для жизни — для смерти пойдемъ! — Связались ремнями по плечамъ и поясицѣ, пошли. Вѣтеръ дуетъ. Темно, ночная темнота. Идутъ ощупью.

— Идутъ, идутъ, идутъ! — продолжала Анека протяжнымъ голосомъ.

— Да, идутъ, идутъ! — откликнулись дѣти уже вдвоемъ.

— Идутъ!! Въ темнотѣ наткнулись на что-то. Стали шупать: — желѣзо. Обошли кругомъ: — кругло, гладко, словно яйцо. Желѣзный домъ. Ищутъ кругомъ: нигдѣ нѣтъ входа, глухія стѣны...

— А-а! — откликнулись дѣти. — Глухія стѣны!

— Какъ же взойдемъ? — спросилъ женатый братъ холостого. — Входа нѣтъ!..

— Правда, нѣтъ? — спросила дѣвочка.

— «Ужо, ужо!» — говоритъ холостой братъ, — про-

должала старуха, хитро прищурывая лѣвый глазъ. — И я говорю: ужо, ужо!

— Холостой братъ помочилъ палець въ слюнѣ, обвелъ желѣзно-яичный домъ по самой серединѣ: домъ раскололся. Снялъ верхушку, какъ блюдо, поставилъ на землю.

— А что было въ домѣ?—нетерпѣливо спросила дѣвочка.

— Тамъ жила орлица-великанша, — сказала Анка. — А ты не забѣгай, не то перестану!

Сказка продолжалась обычнымъ путемъ. Двое странствующихъ братьевъ попросили орлицу-великаншу унять вѣтеръ. Она начала было соскабливать небо аутомъ¹⁾, но потомъ вдругъ разсердилась на нескромность старшаго брата, подсмотрѣвшаго ея голыя икры, и схватила обоихъ странниковъ за ноги, забросила ихъ на третью вселенную. Тамъ они нашли дѣвичій шатеръ, стали играть съ дѣвушками въ мячъ и пробили мячъ. Оттуда опять вылетѣлъ вѣтеръ и унесъ ихъ съ собой. Онъ принесъ ихъ на берегъ моря, гдѣ старикъ, величиной съ мизинецъ, тесалъ полозья гаткой²⁾, ручка которой была сдѣлана изъ цѣлой лиственницы, а лезвее имѣло въ ширину размахъ человѣческихъ рукъ. Они спрятались отъ вѣтра въ его брюхѣ, вышли изо рта и подкрѣпили силы стружками отъ его работы, которая оказалась стружками рыбы. Послѣ этого братья встрѣтили еще много различныхъ приключеній, причемъ вѣтеръ и спасеніе отъ него постоянно играли выдающуюся роль. Въ концѣ концовъ они нашли стадо дикихъ оленей и, обремененные добычей, благополучно вернулись домой.

Дѣти слушали, стараясь не проронить ни слова, но старая Рынтана нетерпѣливо пожала плечами.

1) Ау тъ — орудіе для скобленія шкуръ.

2) Гатка — поперечное тесло, замѣняющее чукчамъ топоръ при плотничьей работѣ.

— Будто это правда!— презрительно сказала она.— Такъ себѣ, бабья болтовня! Вотъ у насъ въ Иченѣ¹⁾ старухи разсказываютъ. Вотъ сказки!.. Кто начнетъ говорить — нѣтъ конца. Спать хочется, а отстать неохота. Что спать! Изъ полога никто не хочетъ вылѣзть. Чай сварить некому. Такъ и сидимъ кругомъ съ разинутыми ртами... Говорить, говорить, чисто клубокъ мотаетъ, до утра не оборветъ нитку, а ни одного слова не скажетъ мимо.

Непріязнь Рынтыны къ чужеземкѣ простиралась и на ея разсказы, хотя старая Анека, пожалуй, не уступала и иченскимъ сказочницамъ. Сама Рынтына не могла, повидимому, запомнить ни одного разсказа своихъ хваленыхъ старухъ, и дѣти даже не пробовали обращаться къ ней по этому поводу. Видя, какъ лицо ея дочери обращается къ ненавистой чужеземкѣ, она ощущала настоящія муки ревности.

Лицо Анеки приняло довольно кислое выраженіе, и она уже хотѣла огрызнуться въ отвѣтъ, но вниманіе ея было отвлечено шумомъ въ шатрѣ. Это Якъ и Коравія возвращались съ кормежки. Собираясь войти въ пологъ, они съ ожесточеніемъ выколачивали снѣжную пыль изъ своей одежды особыми роговыми колотушками. Черезъ нѣсколько минутъ оба они пролѣзли въ пологъ. Коравія тоже озябъ и хотѣлъ согрѣться.

— Наружные!.. Бабы!— закричалъ старикъ, какъ только они усѣлись по мѣстамъ.— Что же чай? Горопитесь! Гость замерзъ!

— Ну, метель!— говорилъ Якъ, отдуваясь и отфыркиваясь.— Слѣпите, зарываетъ голову!

Онъ на время забылъ объ условіяхъ торга и думалъ теперь о томъ, скоро ли пройдетъ вьюга и останется ли въ живыхъ его упряжка.

¹⁾ Приморскій чукотскій поселокъ.

— А что собаки?— спросил Кителькутъ.

— Худо!— сказалъ Коравія.— Только жиръ съѣли, мяса не грызутъ.

— Плохо!— подтвердилъ старикъ.— Высохнуть на одномъ жирѣ.

— Охъ!— сказалъ Якъ, помолчавъ.— Когда же перестанетъ вѣтеръ? Хотя бы кто-нибудь пошаманилъ навстрѣчу.

Лицо Кителькута опять омрачилось. Онъ съ опасеніемъ взглянулъ на сына, который, повидимому, спалъ и не поднималъ головы, чтобы взглянуть на пришедшихъ.

— Наружные! Го!— закричалъ онъ, чтобы отвлечь разговоръ въ другую сторону.— Закуску, ѣду! Живо!

— Вы! кто-нибудь!— настаивалъ Якъ.— Неужели никто изъ васъ не умѣетъ унять этотъ вѣтеръ? На нашей землѣ было бы, ему бы не дали такъ безумствовать.

Женщины, бывшія въ наружномъ отдѣленіи, просунули сквозь входную полу деревянные лотки съ ѣдой. Угощеніе было обильное и разнообразное. Видно было, что Кителькутовы охотники имѣютъ удачу въ каждомъ промыслѣ. Тутъ былъ твердый моржовый жиръ, нарѣзанный ломтиками, китовая кожа, бѣлая и плотная, мясо дикихъ оленей, замороженное, растолченное въ порошокъ и смѣшанное съ застывшимъ топленнымъ саломъ, и тому подобные деликатесы. Рынтина разставила лотки на тюленьей шкурѣ по срединѣ полога, и всѣ присутствующіе пододвинулись ближе. Только Нувать, котораго старикъ попробовалъ разбудить, промычалъ что-то непонятное и отвернулся къ стѣнѣ. Онъ не хотѣлъ ѣсть. Мужчины и женщины ѣли пальцами, обмакивая каждый кусокъ въ большую чашу тюленьей ворвани, поставленную между лотками. Анека ѣла не менѣ жадно, чѣмъ другіе, но лицо ея было мрачно.

— Видишь!— сказала она вдругъ на своемъ родномъ языкѣ, въ то же время прожевывая кусоцкъ.— Весь жиръ оставили себѣ. Намъ даютъ самое худое.

— Перестань,— сказалъ Уквунъ тоже по-керецки.— Набивай лучше брюхо!

Онъ собственно раздѣляя неудовольствіе своей жены, но у него не хватало духу для такого смѣлаго протеста. Кителькутъ, въ свою очередь, нахмурился.

— У васъ зачѣмъ два языка во рту? Развѣ не можете говорить, какъ люди, что должны каркать по-вороньему?

— Она говоритъ,— объяснилъ Якъ, который тоже понималъ по-керецки,— что вы даете имъ мало жиру, а онъ унимаетъ ее.

Несмотря на свое миролюбивое настроеніе, онъ не хотѣлъ пропустить случая кольнуть Кителькута его скупостью по отношенію къ сосѣдямъ.

Лицо Кителькута покраснѣло, и въ глазахъ его вспыхнулъ гнѣвный огонь.

— Я вѣдь говорилъ,— грозно обратился онъ къ женѣ,— чтобы ровно дѣлить мясо. Ты зачѣмъ не слушаешь?

Рынтына нисколько не смутилась. Она знала, что гнѣвъ старика втайнѣ направленъ противъ сосѣдей, а не противъ нея.

— У нея три рта, а у меня восемь,— возразила она,— и дѣти, и собаки, и гости. Или я стану гостей кормить безъ жиру? Несытые глаза!— обратилась она къ Анецѣ.— Я развѣ хожу считать куски за твоимъ обѣдомъ?

Ссора готова была вспыхнуть, но Якъ удержалъ Анеку. Онъ издавна имѣлъ надъ ней какое-то странное вліяніе, и она боялась его гораздо больше, чѣмъ Кителькута, не говоря уже объ ея собственномъ мужѣ. Уквунъ въ своихъ непрерывныхъ скитаніяхъ доходилъ и до Чауна и прожилъ

когда-то двѣ или три зимы на стойбищѣ своего оленнаго родственника. Можетъ быть, Анека, именно, въ то время имѣла случай ближе узнать характеръ Яка, и онъ казался ей не совсѣмъ безопаснымъ для противорѣчія, или просто его огромная фигура подавляла ее. Какъ бы то ни было, она ничего не отвѣтила на упрекъ хозяйки, и трапеза продолжалась въ угрюмомъ молчаніи. Янта и Вельвуна такъ и не входили въ пологъ и только просовывали новые и новые запасы.

Когда закуска была окончена, хозяйка тѣмъ же порядкомъ выставила лотки въ наружное отдѣленіе и, приподнявъ лампу, вытащила изъ-подъ ея подставки невзрачный деревянный ящикъ, служившій хранилищемъ для чайной посуды. Женщины въ наружномъ шатрѣ въ это время торопливо очищали и облизывали корыта. Это была ихъ доля ѣды. Вычистивъ корыта, онѣ съ усиліемъ подтащили и продвинули въ пологъ огромные черные чайники съ кипяткомъ и круто завареннымъ кирпичнымъ чаемъ. Въ пологѣ стало жарко, какъ въ печи. Бѣлый паръ, валившій клубомъ изъ-подъ мѣдныхъ крышекъ, не находя себѣ выхода, скапливался подъ невысокимъ потолкомъ. Свѣтъ лампы какъ будто потускнѣлъ. Люди, сидѣвшіе въ пологу, раздѣлись до послѣдней возможности; всѣ лица и спины лоснились отъ пота. Если бы не чашки съ горячей красной жидкостью, которую они неутомимо похлебывали, оттопивъ губы и стараясь не пролить ни капли на шкуры, прикрывавшія имъ колѣни, можно было бы подумать, что они собирались сюда для того, чтобы принять паровую ванну. Только Нуватъ лежалъ неподвижно у стѣны, не снимая мѣховой одежды и не чувствуя духоты.

Вьюга на дворѣ гудѣла попрежнему. Взявъ въ руки десятую чашку и собираясь отхлебнуть изъ нея, Якъ вернулся къ своей первоначальной идѣѣ.

— Вы, кто-нибудь,— сказалъ онъ,— постучите въ бубень, уймите вѣтеръ!

— А можетъ, ты самъ попробуешь!— сказалъ Уквунъ.— Мы незнающіе.

— Земля не моя, вѣтеръ чужой... Какъ стану унимать?— возразилъ Якъ.— Какъ вы — незнающіе? Въ такой старости... Попробуйте, по крайней мѣрѣ!

— Хорошо! — согласился Уквунъ.— Пускай! Можно и попробовать... Послѣ ужина! — назначилъ онъ, подумавъ.

Шаманство у чукчей, строго говоря, не составляетъ привилегіи особыхъ лицъ. Каждая семья имѣетъ свой бубень, и упражненіе на немъ составляетъ не только право, но и обязанность всѣхъ ея взрослыхъ членовъ и даже дѣтей. Помимо обычныхъ годовыхъ праздниковъ осенью и весной, гдѣ шаманство играетъ наиболѣе выдающуюся роль, въ обыденной жизни каждая чукотская семья прибѣгаетъ къ волхвованію по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Нужно ли обезпечить успѣхъ для поѣздки на ярмарку, предугадать результатъ промысла, выбрать мѣсто замстванія сѣтей,—звонко обтянутый бубень, жженіе оленьей лопатки, камень, подвѣшенный на посохѣ и т. п. виды колдовства немедленно пускаются въ ходъ. Послѣ каждой удачной охоты непременно устраивается шаманское празднество, родъ тризны или служенія духу убитой добычи, съ особенными традиціонными обрядами.

Ужинъ появился вскорѣ послѣ чая и состоялъ изъ груды тюленьяго и моржоваго мяса, нарѣзаннаго кусками и сваленнаго въ длинное деревянное корыто. Онъ отличался отъ ужина, недавно предложеннаго собакамъ, только тѣмъ, что мясо на короткое время было опущено въ кипящую воду, гдѣ наружныя части обварились и приобрѣли весьма непривлекательный темнобурый цвѣтъ и осли-

злый видъ, а внутри осталась сырая темнокрасная мякоть. Чашка съ ворванью опять стояла на самомъ видномъ мѣстѣ, и ѣда исчезала такъ быстро, какъ будто до этого цѣлый день никто не съѣлъ ни куска.

— Гдѣ же переночуемъ?— спросилъ послѣ ужина Уквунъ, вытирая губы грязнымъ комочкомъ сухой травы, замѣнявшей салфетку.— Пойдемъ въ мой шатеръ!

Въ его шатрѣ было темно и холодно, и, несмотря на всю любовь къ собственнымъ домашнимъ пенатамъ, онъ былъ не прочь заночевать у Кителькута; но Кителькутъ еще не сказалъ ни одного слова, и ему не приходилось распорядиться въ чужомъ жилищѣ. Кителькутъ, впрочемъ, и не думалъ останавливать ихъ.

— Пусть у тебя!— напротивъ, подтвердилъ онъ.— Видишь, Нуватъ спать хочетъ.— И онъ указалъ рукой на своего сына, который лежалъ въ прежней позѣ, отказавшись и отъ ужина.

Но, при словахъ отца, Нуватъ вдругъ повернулъ голову.

— Пусть здѣсь!— сказалъ онъ громко.— Я хочу здѣсь!

Кителькутъ хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ. Настаивать долже на удаленіи гостей было не совсѣмъ прилично. Кромѣ того, онъ сознавалъ, что все равно, не сегодня, такъ завтра ему, пожалуй, и самому придется, въ качествѣ главы семейства, привлечь Нувата къ участию въ шаманскихъ обрядахъ. Онъ плотно сжалъ губы, и лицо его стало какъ будто отѣнкомъ темнѣе.

Янта и Вельвуна, наконецъ, покончили свою работу. Молодая дѣвушка пролѣзла въ пологъ, но помощница ея осталась въ наружномъ отдѣленіи. Въ пологѣ для нея не было мѣста, и она должна была провести всю ночь, свернувшись, какъ собака, на голой землѣ, у остывшаго огня.

Люди, бывшіе въ пологѣ, начали разсаживаться по-

удобнѣе, собираясь слушать. Шаманское дѣйствіе должно было происходить въ полной темнотѣ и могло продолжаться нѣскольکو часовъ подъ рядъ. Янта, по обыкновенію, усѣлась около своего жениха. При видѣ молодой четы, сидящей такъ близко другъ подлѣ друга, Яякъ почувствовалъ, что вся его злоба проснулась.

— Вотъ,— заговорилъ онъ, обращаясь къ Кителькуту,— мнѣ дѣвку обѣщаль, а отдалъ другому. А развѣ я хуже? Такой же оленный.

— Я думалъ, ты не хочешь!— сказалъ уклончиво Кителькутъ.— Если ты не приходилъ за нею, какъ я могъ отдать ее тебѣ? А этотъ человѣкъ сразу укрѣпился въ сватовствѣ. Яякъ сдѣлалъ надъ собою усиліе.

— Что же, я не сержусь,— сказалъ онъ, наконецъ.— Его счастье! Можетъ, я вправду просилъ плохо. Я не держу худого сердца. Но теперь поступимъ по-старинному.

Кителькутъ поднялъ голову. Онъ началъ понимать, куда клонится рѣчь его гостя.

— Скольکو лѣтъ я ѣзжу,— заговорилъ Яякъ еще болѣе смягченнымъ тономъ,— въ хорошей дружбѣ ведемъ дѣла... даемъ другъ другу пробовать чужое, привезенное издалека... Стали какъ родные. А между тѣмъ, родства нѣтъ. Теперь, если есть согласіе... сойдемся!

Кителькутъ не отвѣчалъ ни слова.

— Вотъ я, вашъ гость,— продолжалъ чаунецъ,— сколько дней ѣхалъ по пустынѣ, не видѣлъ женщины. А вѣдь я тоже быкъ, не корова... Дѣлю ваше мясо, сплю на вашей постели... Вотъ я прошу:— не хотите ли принять меня въ долю?..

Кителькутъ замаялся.

— Или отъ меня будетъ плохой плодъ?— продолжалъ Яякъ,— Или я не могу отплатить взаимно? Придите къ

Щелеватому холму! На моемъ стойбищѣ много женщинъ,— ни одна не скажетъ — нѣтъ.

Просьба Яяка не заключала въ себѣ ничего необычайнаго. Подобнаго рода взаимно-брачныя отношенія постоянно завязываются у чукчей и соединяють участниковъ узами такими же сильными, какъ кровное родство. Чаще всего онѣ заключаются между дальними родственниками и укрѣпляютъ ослабѣвшія родственныя связи.

Но Кителькутъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду принять чаунца въ члены своей семьи.

— Къ сожалѣнiю,—сказалъ онъ,— у меня нѣтъ женщинъ. Одна жена, да и та стара. Сообщаться молодымъ со старухами — грѣхъ.

— А дочь? — возразилъ Яякъ. — Она прежде была дѣвка, вольная; а теперь ея радость — въ рукахъ мужчины.

— Но не въ моихъ! — сказалъ старикъ. — Я ее отдалъ другому.

— Пусть! — сказалъ Яякъ. — Союзники нужны молодымъ, а не старымъ. Можетъ мнѣ и вотъ этотъ быть смѣльнымъ товарищемъ. — И онъ указалъ рукой на Коравiю, сидѣвшаго на противоположной сторонѣ. Янта, при этомъ жестѣ, быстро попятилась и спряталась за спиной своего жениха. Она смертельно боялась огромнаго чаунца, и теперь, когда онъ заявлялъ такое прямое притязанiе на ея любовь, съ ужасомъ думала, что мужчины могутъ и уступить его просьбѣ. Она украдкой приводила въ порядокъ свою одежду, питая смутное намѣренiе, при неблагопрiятномъ поворотѣ дѣла, выскочить изъ полога и изъ шатра и бѣжать, куда глаза глядятъ, на зло вьюгѣ, свирѣпствовавшей вокругъ.

— Я еще не взялъ ее, — сказалъ Коравiя въ отвѣтъ на предложенiе Яяка. — Еще дѣвушка, не жена!.. Самъ живу въ шатрѣ тестя.

— Я развѣ вамъ мячь,—сердито крикнулъ Якъ,— чтобы перекидывать отъ одного къ другому? Воинъ — не игрушка! Одинъ говоритъ: не моя; другой говоритъ: не моя. Ну, если ничья, пусть я возьму.— И онъ сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто хотѣлъ протянуть руку въ сторону Янты.

Коравія быстро подвинулся и оѣончательно заслонилъ собою невѣсту.

— Или ты хочешь силою пріобрѣсти родство? — возразилъ онъ. — Если мы не хотимъ... Должно быть, считаешь насъ всѣхъ бабами? Тогда не нужно просить о союзѣ.

Нувать вдругъ повернулся и сѣлъ на шкурѣ.

— И зачѣмъ ты у насъ просишь? — сказалъ онъ громко, обращаясь къ Яку. — Проси у Уквуна; онъ — братъ твой, и у него двѣ жены!..

Насмѣшка была очевидна. Родственный союзъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Уквунъ, никому не могъ льстить, а изъ женъ его одна была дряхлая старуха, а на другой лежало клеймо отверженія. Якъ съ угрожающимъ видомъ протянулъ руку. Еще минута, и въ тѣсномъ помѣщеніи полога завязалась бы общая драка. Но въ эту минуту въ переднемъ шатрѣ послышался трескъ и стукъ паденія какихъ-то твердыхъ предметовъ на мерзлую землю. Что-то быстро захлопало, какъ огромный парусъ. Порывъ вьюги ворвался въ шатеръ и пролетѣлъ изъ угла въ уголъ. Послышался грохотъ и звонъ, какъ будто круглый желѣзный предметъ покатился по землѣ и ударился объ дерево.

Мужчины кое-какъ натянули кукашки и выскочили вонъ. Оказалось, что порывъ вѣтра сорвалъ одну изъ шатровыхъ полъ и сломалъ лѣвый пятникъ, который былъ тоньше другихъ. Обломки шеста и длинная деревянная дуга, поддерживавшая стѣнку шатра, валялись на землѣ.

Вѣтеръ, ворвавшись въ шатеръ, уронилъ котельный треногъ прямо на голову Вельвуны, но, къ счастью, не ушибъ ее; только вся вода, приготовленная ею на утро, вылилась прочь, а котелъ упалъ на землю и откатился въ уголъ, подъ сани.

Для того, чтобы исправить беспорядокъ, нужно было достать новый шестъ. Коравія вылъзъ на дворъ и ощупью сталъ рыться въ грудѣ деревянныхъ обломковъ позади шатра. Другіе связывали порванные веревки и натягивали кожу шатра на старое мѣсто. Прошло около часа, пока имъ удалось исправить весь ущербъ, произведенный вѣтромъ.

— Наргинэнъ сердится, — сказалъ Уквунъ, когда они вернулись, наконецъ, въ пологъ. — Собрались шаманить, а стали драться. Еще счастье, что весь шатеръ не упалъ на голову.

Всѣ молчали.

Бубенъ лежалъ подъ потолкомъ на деревянной грядкѣ, Уквунъ снялъ его, испробовалъ звонкость оболочки колоутушкой изъ китоваго уса и приготовился приступить къ священнодѣйствію.

IV.

Шаманское дѣйствіе было въ полномъ разгарѣ. Обѣ лампы были погашены, и въ пологѣ было темно, какъ въ гробу; но темнота эта жила и какъ будто двигалась, вся переполненная звуками. Частый и дробный стукъ колоутушки раздавался, какъ набатъ.

Уквунъ надрывался отъ усердія, извлекая изъ своего горла самые странные и сложныя напѣвы: подражалъ храпу моржа и клетоту орла, рычалъ медвѣдемъ и гоготалъ гарарой, завывалъ въ унисонъ выюгъ, бушевавшей на дворѣ.

Но напрасно слушатели кричали: — Гычь, гычь! Правда! — поощряя его и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь выставить передъ призываемыми духами его силу въ болѣе выгодномъ свѣтѣ. Духи бури, пролетавшей мимо, не обращали, повидимому, никакого вниманія на его призывъ и никакъ не хотѣли задержаться на минуту и откликнуться. Быть можетъ, имъ хотѣлось еще потѣшиться надъ беззащитной тундрой, и они не одобряли затѣи Уквуна, клонившейся къ ихъ умиротворенію.

— Э-ге-ге-ге-гей! Гей, гей! — протянулъ, наконецъ, Уквунъ. — Гей, гей! Я человѣкъ, я ищущій, я зовущій!..

Онъ рѣшилъ отъ простыхъ напѣвовъ перейти къ заклинаніямъ, которыя считаются гораздо болѣе дѣйствительными.

— Маленькая рыбка Вѣканъ! — запѣлъ онъ громкимъ и протяжнымъ речитативомъ. — Гей, гей! Выросла, стала больше кита. Гей! Она лежитъ среди открытаго моря; шея ея стала, какъ островъ, спина ея вытянулась материкомъ. Гей, гей, гей! Если ты, пролетая, задѣлъ концомъ крыла о землю Люрэнъ, дай отвѣтъ!

Но буря опять пронеслась мимо, не откликаясь на призывъ.

— Надъ истокомъ бѣгущей воды, на вершинѣ бѣлаго хребта, у гремящаго ледника, живетъ молнія, мать горнаго эха, она летаетъ по небу, гремя желѣзными крыльями... Изъ-подъ ногъ ея брызжетъ алый огонь... Если ты вылетѣлъ изъ ея узкихъ ущелій, дай отвѣтъ!

Но отвѣта не было попрежнему.

— За предѣломъ земли, освѣщенной солнцемъ, за рубежомъ печальной страны вечера, лежитъ область вѣчнаго мрака. Призракъ мѣсяца замѣняетъ тамъ солнце... Она закрыта, какъ огромный шатеръ; внутри ея духи справляютъ служеніе... Если ты вырвался изъ чернаго шатра духовъ,

оборвавъ всѣ завязки выхода, и катился кубаремъ по широкой тундрѣ, чтобы пролетѣть съ разгона устье большой рѣки, дай отвѣтъ!..

— На остромъ мысу, гдѣ сходятся материки, море поворачивается въ обратный путь ¹⁾.. Въ промежуткѣ воды сплетаются пути народовъ... За сдвигающимися скалами лежитъ птичья скала ²⁾.. Если ты успѣлъ развѣять сѣрья перья, промчавшись сквозь челюсти каменной ловушки, прихлопнувшей столько крылатыхъ стай, дай отвѣтъ!

— Скажи, скажи, скажи! Кто разгребаетъ огромной лопатой снѣгъ на краю пустыни, чтобы ослѣпить глаза всякой живой твари?.. Скажи!..

Порывъ вѣтра, пронесившійся мимо, вдругъ какъ будто закружился надъ верхушкой шатра. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ измѣнилъ направленіе и сталъ спускаться внизъ, проникнувъ сквозь плотную наружную оболочку и приближаясь къ пологу; духи рѣшились не противостоятъ болѣе настойчивымъ заклинаніямъ призывателя и теперь хотѣли дать отвѣтъ. Люди, сидѣвшіе въ пологу, слышали все яснѣе и яснѣе исполинскіе вздохи вихря, похожіе на шипѣніе огромныхъ мѣховъ. Черезъ минуту вихрь ворвался въ пологъ, пронизалъ его съ верхняго лѣваго угла до праваго нижняго, во второй разъ пробивъ толстую мѣховую оболочку, ушелъ въ глубину и потонулъ въ отдаленныхъ нѣдрахъ земной утробы.

Люди, сидѣвшіе въ пологу, однако, не ощутили ни малѣйшаго вѣянія снѣжнаго воздуха. Настоящій реальный

¹⁾ У Берингова пролива.

²⁾ По представленію чукчей, перелетныя птицы два раза въ годъ должны пролетать сквозь узкій проходъ между землей и небомъ въ видѣ огромной каменной ловушки, непрерывно поднимающейся и опускающейся. Разказы объ этомъ проходѣ нѣсколько напоминаютъ сдвигающіяся скалы на пути корабля Арго въ походѣ Аргонавтовъ.

вѣтеръ остался снаружи, а въ пологъ явился только его увырыть¹⁾, который весь исчерпывался звуками. Порывъ вихря, промчавшійся сквозь пологъ, былъ потокомъ визгливыхъ воплей и задыхающагося воя, который, прокатившись мимо, опустился куда-то въ глубь и исчезъ такъ же быстро, какъ возникъ.

— Эгей, ге, ге, гей! — опять протянулъ Уквунъ. — Онъ говоритъ, что прилетѣлъ съ сѣвера.

Повидимому, шумъ, промчавшійся сквозь пологъ, имѣлъ для него болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ.

Чаунецъ нетерпѣливо фыркнулъ. Духи какъ будто шутили надъ Уквуномъ, ибо сообщеніе ихъ было извѣстно всѣмъ присутствующимъ безъ всякой сверхъестественной помощи.

— Солнце, подыми вверхъ руки! — началъ снова Уквунъ, — покажи мѣсяцу свои рукавицы²⁾... По твоей рукѣ я полѣзу вверхъ, достигну зыбкаго лона облаковъ съ облаковъ подымусь до прозрачнаго неба; по твердому небу пройду въ небесную щель... Сквозь щель достигну Звѣзды Воткнутаго Дерева³⁾... Люди Разсвѣта, помогите мнѣ!.. Люди Зари, помогите мнѣ!.. Люди Восхода, помогите мнѣ!.. Люди Утра, помогите мнѣ!.. Къ утренней Зарѣ Вечерняя ходитъ въ гости, плаваетъ внизъ по Песчаной рѣкѣ⁴⁾... Утренняя Звѣзда идетъ кочевымъ караваномъ... У Охотниковъ за лосями⁵⁾ возьму троесплетенный арканъ

1) Увырыть — душа. Собственно, движущее начало, проникающее всѣ предметы, одушевленные и неодушевленные.

2) Столбы по сторонамъ солнца называются его рукавицами, а вѣнецъ — шапкой.

3) Полярная звѣзда.

4) Песчаная рѣка — млечный путь.

5) Охотники за лосями — парные звѣзды Рыси (двѣ пары).

у Блестящей Звѣзды 1) — желѣзные пути... Макушка неба, дай свои ножницы... остричь и выщипать его маховыя перья... Накину на него троеспрядный арканъ, опутаю его желѣзными путами, желѣзной цѣпью обвяжу поперекъ тѣла..

Каждую фразу своего заклинанія Уквунъ повторялъ трижды, сопровождая ее самыми вычурными переливами тоновъ, какіе только могъ произвести его голосъ. Коло-тушка стучала въ натянутую кожу бубна съ такой силой, что можно было удивляться, какъ она не порветъ эту тонкую и непрочную оболочку.

— Съ подвѣтренной стороны къ моему шатру подошелъ быкъ съ семивѣтвистыми рогами, — продолжалъ Уквунъ. — Нюхаетъ горечь моего дыма, вдыхаетъ запахъ моего логовища... Повези меня на долгій поискъ, обскачу всѣ земли, осмотрю тундры и хребты, отыскивая шатеръ, поставленный его женой...

— Старый моржъ одынецъ заснулъ на льдинѣ, зацѣпившись клыками за край тороса 2)... Понеси меня черезъ широкое море! Осмотрю всѣ заливы и глубокія заводи, отыскивая пологъ, развѣшенный его женой.

— Сѣрая сова съ широкими крыльями ищетъ пищи среди трещинъ убоя!.. На ея крыльяхъ полечу на поискъ, обыщу девять небесъ и девять разныхъ міровъ, чтобы найти костеръ, разведенный его женой.

— Гдѣ ты? Гдѣ ты? — завопилъ Уквунъ неистовымъ голосомъ. Явись, явись, явись!..

Въ сторонѣ полога, противоположной Уквуну, послышался какой-то необыкновенный звукъ, похожій на истерическую икоту.

1) Блестящая Звѣзда — Венера.

2) Торось — глыбы морского или рѣчного льда, выдавшіяся вверхъ подъ дѣйствіемъ взаимнаго нажима льдинъ.

Янта вздрогнула и крѣпче прижалась къ жениху, такъ какъ звукъ раздавался какъ разъ надъ ея головой.

Вслѣдъ за первымъ звукомъ послышался другой, и непосредственно за этимъ раздалось такое оглушительное фырканье, что оно заглушило даже стукъ колотушки Уквуна, неистовствовавшей въ противоположномъ углу. Духъ свѣжаго вѣтра, очевидно, чувствовалъ себя не особенно хорошо въ душной атмосферѣ полога. Когда фыркание, наконецъ, прекратилось, надъ головой людей поплылъ отрывистый рядъ странныхъ, дрожащихъ, задышающихся, почти судорожныхъ звуковъ, которые пытались складываться въ короткія и непонятныя слова ¹⁾.

— Котэро, тэро, муро, коро, поро! — силился выговорить духъ на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ.

Уквунъ на минуту прекратилъ барабанный бой.

— Что? — сказалъ онъ, обращаясь къ невѣдомому существу, говорившему въ темнотѣ.

— Поро! — сказалъ духъ.

— Ко! (не понимаю) — отвѣтилъ Уквунъ.

— Поро! поро! — продолжалъ духъ съ отбѣнкомъ нетерпѣнія. Онъ, повидимому, особенно настаивалъ на этомъ словѣ.

— Отъ рожденія своего я глупъ, — съ сокрушеніемъ сказалъ Уквунъ. — Предъ языкомъ духовъ имѣю заткнутыя уши. Если бы вы говорили понятными словами!..

— Поро! — отвѣчалъ упрямо духъ. Онъ, очевидно, не хотѣлъ произносить никакого другого слова.

¹⁾ Сущность чукотскаго шаманства заключается въ чревоушчаніи, причемъ многіе шаманы достигаютъ большого искусства, подражая, кромѣ членораздѣльной рѣчи, также и крикамъ разныхъ животныхъ, шуму бури и т. п. Съ другой стороны, почти каждый старикъ является до нѣкоторой степени шаманомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чревоушчателемъ. Всѣ приведенныя заклинанія составляютъ переводъ съ чукотскаго.

— Ухъ! — сказалъ Уквунъ съ отчаяніемъ. — Умъ мой грубъ для пониманія. Если бы привести толкователя, его мудрость дала бы помощь.

По обычаю чукотскихъ шамановъ, онъ просилъ духовъ призвать переводчика для того, чтобы передать языкъ заоблачныхъ сферъ въ обыкновенныхъ человѣческихъ словахъ.

Порывъ вѣтра опять пронесся сквозь пологъ, но на этотъ разъ не прошелъ сквозь, а задержался у той стѣнки, откуда недавно раздавался голосъ духа.

— Вотъ я пришелъ! — послышался новый голосъ. — Пришелъ я! Пришелъ. Да! Говорите, чего хотите! Я хочу торопиться!

Новый посѣтитель говорилъ на чукотскомъ языкѣ; но тембръ его голоса поразительно походилъ на голосъ духа, говорившаго раньше. Это былъ все тотъ же беззвучный, задыхающійся шопотъ, съ трудомъ выходившій изъ невидимаго горла и успѣвавшій произносить только первую половину словъ. Вторая половина терялась въ фыркани и сопѣни, и слушателю предоставлялось самому возстановлять смыслъ произносимой рѣчи.

— Котэро, тэро, поро! — заговорилъ первый духъ, успѣвшій перемѣститься влѣво и теперь осѣнявшій голову Яяка.

— Онъ говоритъ: я Духъ Милосердія! ¹⁾ — давился и захлебывался переводчикъ. — Если живете мирно, не затѣвайте ссоръ!

Кителькутъ, сидѣвшій недалеко отъ Уквуна, шумно перемѣнилъ свое положеніе. Въ словахъ таинственнаго гостя содержался неопредѣленный намекъ на его споръ съ пріѣзжимъ чаунцомъ.

¹⁾ Собственно, Милосердное Бытіе. Тоже одно изъ обычныхъ названій Верховнаго Божества.

— Маыпра кули, рэтыкъ, потэро, тэро! — заговорилъ первый духъ.

— Онъ говоритъ, — сказалъ переводчикъ, — я Духъ Милосердія. Если другъ друга не жалѣете, то зачѣмъ вамъ промысль?..

Теперь духи, повидимому, намекали на неравномѣрное распредѣленіе жира на стойбищѣ. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, они хотѣли оказать покровительство тому человѣку, который являлся посредникомъ передъ ихъ лицомъ. Несмотря на неопредѣленность, намеки духовъ были, однако, такъ хорошо понятны всѣмъ слушателямъ, какъ будто были выражены самыми ясными словами.

— Пустое! — вдругъ сказалъ Китилькутъ; — это керекій духъ, не чукотскій!..

Голось его звучалъ непоколебимымъ упрямствомъ. Старый торговецъ считалъ духовъ, говорившихъ въ пологу, такими же реальными существами, какъ людей, которыхъ онъ встрѣчалъ въ сосѣднихъ селеніяхъ, но зато и относился къ нимъ почти такъ же свободно, какъ къ людямъ. Безчисленную сѣть обрядовъ, которая перешла къ нему по преемству отъ дѣдовъ и отцовъ, онъ въ точности соблюдалъ какъ наслѣдственное достояніе своей семьи: зажигалъ священные огни, собиралъ и уничтожалъ остатки ѣды, совершалъ возліянія кровью, мазалъ саломъ связки амулетовъ, приносилъ въ жертву собакамъ. Но онъ совсѣмъ не хотѣлъ измѣнять характеръ своихъ житейскихъ поступковъ и отношеній сообразно велѣніямъ свыше, которыя притомъ въ чукотскомъ быту получаютъ черезчуръ часто, чтобы придавать имъ слишкомъ серьезное значеніе. Китилькутъ относительно боговъ и духовъ успѣлъ выработать себѣ смутно сознаваемую, но тѣмъ не менѣе глубоко застѣвшую теорію, по которой боги, получая съ него дань, какая имъ слѣдовала по праву, уже не должны были

вмѣшиваться въ его отношенія къ людямъ и жизни. Въ довершеніе всего, духи, призванные Уквуномъ, обнаруживали явное пристрастіе къ интересамъ задняго шатра, и онъ былъ вполне убѣжденъ, что это какіе-то не настоящіе духи, по всей вѣроятности, домашніе покровители Анеки, которая ихъ привезла съ собой изъ своей родины.

Но Уквуну слова стараго торговца показались чуть не святотатствомъ.

— Грѣхъ! — тотчасъ же откликнулся онъ изъ своего угла. — Не говори! Только меня подводишь! Ты противишься, а на мнѣ могутъ выместить!

Въ голосѣ его звучалъ страхъ. Чукотскіе духи, недовольные поведеніемъ слушателей, имѣютъ обыкновеніе вымещать на шаманахъ свой гнѣвъ.

— Что онъ проситъ? — отрывисто спросилъ Кителькутъ.

Онъ готовъ былъ дать духамъ выкупъ, чтобы они не мѣшались въ его дѣла.

Уквунъ снова пустилъ въ ходъ колотушку и бубень и принялся пѣть и барабанить съ удвоеннымъ усердіемъ, видимо, желая загладить неловкія слова хозяина. Но духи, повидимому, обидѣлись замѣчаніемъ Кителькута и рѣшили хранить суровое молчаніе, и никакія усилія Уквуна не могли заставить ихъ явиться снова. Это продолжалось съ четверть часа.

Вдругъ слушатели, нетерпѣливо слушавшіе безплодныя завыванія Уквуна, вздрогнули всѣ сразу. Въ отвѣтъ на пѣніе старика въ противоположномъ углу полога раздался другой голосъ, тоже пѣвшій напѣвы, посвященные призыву внѣшнихъ силъ. Это не былъ голосъ духа, онъ для этого былъ слишкомъ чистъ и громокъ. Онъ вырывался изъ груди своего обладателя съ такой полнотой и свободой, которая говорила прежде всего о крѣпкихъ легкихъ и хорошо развитыхъ связкахъ горла и во всякомъ случаѣ

не имѣла ничего общаго съ захлебывающимся хрипѣніемъ гостей Уквуна. Звуки этого голоса наполняли пологъ, обтекали его стѣны и углы, рвались наружу и, не находя выхода, носились взадъ и впередъ, трепеща, какъ пойманныя ласточки, пока, наконецъ, присутствующимъ не начало казаться, что онъ раздается уже не во внѣшнемъ мірѣ, а гдѣ-то внутри, подъ ихъ собственнымъ черепомъ.

Уквунъ былъ пораженъ не менѣе, чѣмъ другіе, и сдѣлавъ двѣ или три попытки состязаться съ новымъ пѣвцомъ, сбился съ тона, оборвался и замолкъ. Онъ прекратилъ также свой барабанный бой, который теперь не имѣлъ никакого смысла. Новый рядъ напѣвовъ тоже прекратился на мгновеніе.

— Пусти!—громко сказалъ повелительный голосъ Нувата,—такъ какъ это былъ онъ.—Слышно было, какъ они съ Уквуномъ помѣнялись мѣстами. Вслѣдъ за этимъ колоушка снова застучала въ бубень съ лихорадочной быстротой, и цѣлый взрывъ переливающихся тоновъ голоса разразился надъ слушателями. Молодой шаманъ замѣнилъ стараго и, въ свою очередь, хотѣлъ помѣриться съ духами вѣтра.

Однако, Нувать не сталъ тратить много времени на предварительныя эволюціи. Напѣвы Уквуна расчистили передъ нимъ дорогу, и онъ чувствовалъ въ себѣ достаточную степень возбужденія, чтобы прибѣгнуть прямо къ заклинаніямъ.

— Мой челнокъ,—запѣлъ онъ,—легокъ и быстръ! На лету обгоняетъ птицъ. Маленькая птичка каянальгинъ,—обгоняетъ и ее. Двѣ мои души ¹⁾ сказали: мы возьмемъ за ручки по обѣ стороны челна и полетимъ въ невѣдомыя страны! Хорошо мнѣ летѣть съ вами, сидя на растянутой

¹⁾ По представленіямъ чукчей, каждый человекъ имѣетъ до пяти душъ.

шкурѣ, среди круглой деревянной ограды, грести веслами изъ китоваго уса... Го, го, го, гой!

Онъ аккомпанировалъ себѣ на натянутой кожѣ, которую воспѣвала его пѣснь, но теперь полоска китоваго уса слегка касалась звонкой поверхности и извлекала изъ нея тихіе рокочущіе перебаты, какъ будто отъ этой упругой перепонки отскакивали маленькіе круглые шарики, непрерывно возвращаясь назадъ, чтобы оттолкнуться снова. Эти звуки не заглушали, а только еще болѣе отѣняли значеніе словъ Нувата.

— Голова Летающаго въ темнотѣ — моя голова... Его руки — мои руки... Его ноги — мои ноги... Тѣло его я присвоилъ себѣ, а мое собственное тѣло стало старымъ пнемъ, упало на стрѣлку мыса среди наноснаго лѣса... Пѣснь моя прекрасна. Души мои летаютъ въ разныя стороны, обозрѣваютъ все сущее, сами невидимыя, и приносятъ въ мою грудь знаніе, какъ пищу въ гнѣздо.

— Издавна стремлюсь я летѣть на своемъ кругломъ парусѣ вверхъ, вверхъ!..

Голосъ его внезапно оборвался. Слушатели затаили дыханіе, ожидая, что будетъ дальше.

Послышалось легкое хрипѣніе, потомъ шуршаніе бубна, упавшаго на шкуру вмѣстѣ съ державшей его рукой. Дальше не было ни звука. Душа молодого шамана, очевидно, покинула на время его смертную оболочку и отправилась въ таинственное путешествіе, которое онъ воспѣвалъ передъ этимъ съ такимъ увлеченіемъ.

Прошла минута или двѣ молчаливаго ожиданія.

— Зажгите свѣтъ! — сказалъ Кителкутъ суровымъ тономъ. — Станемъ, по крайней мѣрѣ, курить.

— Вельвуна, Вельвуна! — немедленно закричала хозяйка, — дай огня! Нерпичья морда, зажги лучинку! Драный носъ!.. Или ты оглохла?

Но Вельвуну не такъ-то легко было разбудить. Утомленная дневной работой и равнодушная къ шаманскимъ церемоніямъ, которыя, впрочемъ, были отдѣлены отъ нея мохнатой стѣной полога, она спала, какъ убитая, растянувшись на землѣ и пододвинувъ къ догорающему огню свои ноги въ истертыхъ оленьихъ сапогахъ, которые, по видимому, вовсе не защищали отъ холода. Янта поспѣшно выползла и принесла огня. Багровое око лампы блеснуло подъ пологомъ и освѣтило молодого шамана, лежавшаго въ углу. Кителькутъ быстро нагнулся въ сторону сына; но Уквунъ тотчасъ же накинулъ ему на лицо шаль, нарочно приготовленную для этого. Лицо человѣка, оставленнаго душами, не слѣдовало показывать глазамъ другихъ людей. Кителькутъ успѣлъ замѣтить, что глаза молодого шамана были закрыты и крѣпко стиснутые зубы нѣсколько выставлялись изъ-за полуоткрытыхъ губъ.

Молодой человѣкъ лежалъ навзничъ, опираясь плечами и головой о мѣховую стѣну полога. Одна рука его стиснула рукоять бубна, лежавшаго рядомъ; другая, державшая тонкій хлыстикъ китоваго уса съ лопаткообразнымъ расширеніемъ на концѣ, упала на грудь и нѣсколько свѣшивалась въ сторону.

Люди въ пологу поспѣшно выкурили свои трубки и стали молча ожидать пробужденія шамана. Кругомъ ихъ царилъ полная тишина, нарушаемая только отдаленнымъ завываніемъ бури и тихимъ, но напряженнымъ шипѣніемъ свѣтлаго пламени. Суровый взоръ Кителькута и боязливый взглядъ Янты были одинаково внимательно прикованы къ неподвижной человѣческой фигурѣ, голова которой смутно обрисовывалась изъ-подъ покрывала.

Наконецъ, изъ-подъ шали послышался слабый, но протяжный вздохъ. Души Нувата возвращались изъ воздушнаго странствія.

— Погасите огонь! — послѣшно сказалъ Уквунъ.

Руки его были заняты. Онъ наполнялъ крѣпкимъ табакомъ, не имѣвшимъ примѣси скобленаго дерева, трубку, которую слѣдовало подать молодому шаману немедленно по пробужденіи.

— Скорѣе! — прибавилъ Уквунъ нетерпѣливо. — Вотъ встаетъ!

Нувать дѣйствительно сдернулъ съ своего лица шаль и приподнялся на своемъ сидѣнѣ въ ту самую минуту, когда Янта утопила въ тягучихъ нѣдрахъ ворвани послѣднюю частицу пылающей моховой свѣтильни.

— Э-гей! — снова вздохнулъ Нувать. Рука его, сжимавшая еще колотушку, поднялась и машинально потянулась къ бубну, но тотчасъ же опустилась внизъ. Тоненькій усовый хлыстикъ только слегка шаркнулъ по перепонкѣ, вызывая глухой и непріятный скрипъ... Уквунъ сунулъ въ ротъ молодому шаману закуренную трубку. Нувать жадно сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ подъ рядъ. При слабомъ свѣтѣ, вспыхивавшемъ и снова погасавшемъ надъ деревяннымъ жерломъ трубки, лицо Нувата, на мгновенье выступая изъ тьмы, казалось присутствующимъ смертельно блѣднымъ и похожимъ на лицо мертвеца. Глаза его все еще были закрыты.

Но возбуждающее дѣйствіе крѣпкаго курева мгновенно возвратило ему сознание и силу.

— Э-ге-ге-гей! — вздохнулъ онъ въ третій разъ уже полной грудью.

Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ оглушительный залпъ ударовъ колотушки, какъ будто молодой шаманъ выбивалъ побѣдный маршъ въ честь своего возвращенія изъ заоблачныхъ сферъ.

— Я пришелъ, пришелъ, пришелъ! — заговорилъ онъ нараспѣвъ. — Я спустился съ неба на салазкахъ падающей

звѣзды, я всплылъ надъ моремъ, какъ плавательный мѣхъ, пробился изъ-подъ земли, какъ рогъ чортова оленя¹⁾, когда онъ прорываетъ себѣ ходъ въ прирѣчныхъ ярахъ... Я пришелъ...

Онъ находился въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія. Голосъ его дрожалъ и вибрировалъ, фразы перемежались истерическими вздохами. Ему какъ будто не хватало воздуха и, протягивая послѣдній слогъ заключительнаго слова фразы, онъ вдругъ рѣзко обрывалъ его, дѣлалъ глубокой и жадный глотокъ воздуха и только тогда переходилъ къ слѣдующей фразѣ.

— Я поднимался за предѣлы вселенной,—говорилъ Нувать,—ноги мои топтали изнанку неба; глаза мои видѣли шатры верхнихъ странъ; прильнувъ къ своей ладѣ, я носился надъ невѣдомыми странами; незримый, я смотрѣлъ...

— Я видѣлъ, какъ ущербленный мѣсяцъ столкнулся съ нарождавшимся, и одинъ изъ нихъ упалъ мертвымъ...

— Я видѣлъ, какъ Восходъ и Закатъ состязались, прыгая взапуски черезъ черное ущелье, утыканное острыми осколками костей...

— Я видѣлъ, какъ играли въ мячъ люди сполоховъ²⁾... Ноги ихъ не знаютъ покоя... Снѣгъ подъ ихъ ногами переливается огнемъ.

— Я видѣлъ дочерей Разсвѣта, одѣтыхъ въ испещренное платье. Воротъ ихъ опушенъ солнечнымъ лучомъ. Отверстія рукавовъ наполнены сіяніемъ.

— Я видѣлъ Владычицу міра, Богатую Женщину, сидящую на грудѣ бобровъ... Изъ ноздрей ея при каждомъ вздохѣ выходитъ по десяти бобровъ, и она складываетъ ихъ въ сумы и раскладываетъ по сторонамъ, воздвигая пестрый шатеръ...

1) Мамонтъ. 2) Сѣверное сіяніе.

— Я видѣлъ красоту верхняго міра, но Наргинэнъ мнѣ сказалъ: не будь здѣсь, спустись!

— Я спустился до глубины третьей бездны, гдѣ живутъ тѣни всего сущаго, — говорилъ Нуватъ.

— Я видѣлъ тѣнь нашей земли, призракъ моря, отраженіе прибрежныхъ скалъ... Души нашихъ шатровъ спустились туда прежде меня и прильнули къ утесу между разбросанными камнями.

Слушатели сидѣли, затаивъ дыханіе. Передъ глазами ихъ во-очію развертывались новыя и странныя картины, описываемыя Нуватомъ; они носились вмѣстѣ съ нимъ надъ вселенскими безднами, прицѣпившись къ скользящимъ ручкамъ угла челока-бубна.

— Люди мертваго племени приносили жертвы за шатрами, — продолжалъ Нуватъ. — Огонь ихъ костра поднимался вверхъ тонкимъ столбомъ, не имѣющимъ дыма. Я подошелъ и сталъ ѣсть вмѣстѣ съ ними.

— Вотъ примчались двое съ полуночной стороны. Они пріѣхали на пестрыхъ оленяхъ. Подстилки ихъ саней отрепаны отъ долгой ѣзды. Копыта оленей стерлись отъ скачки. Я посмотрѣлъ на нихъ, умъ мой смутился, и тѣло мое ослабло и стало, какъ вода.

— Отчего глаза ихъ обращены назадъ? — спросилъ я, — брюхо оленей распорото, кишки волочатся сзади?

— Когда они подѣхали къ костру, я увидѣлъ ихъ лица. У одного была веревка на шеѣ; глаза его были глазами Катыка, шея его была шейей давленника. Кого они искали среди подземныхъ жителей?.. Снѣгъ сталъ таять и потекъ, какъ кровь; цѣлое озеро натекло между шатрами.

— Кровь, кровь! — закричалъ Нуватъ, внезапно возвысивъ голосъ. — Я вижу кровь на столбахъ нашего дома.

Присутствующіе снова вздрогнули. Слова Нувата, по-видимому, уже не относились къ области его видѣній.

— Какая кровь? — спросилъ Коравіа неувѣренно.

— Тамъ въ шатрѣ на столбахъ свѣжее пятно, — крикнулъ Нуватъ. — Пустите! Я хочу посмотрѣть.

И онъ стремительно бросился впередъ и выскочилъ въ переднее отдѣленіе шатра.

Яркій свѣтъ ударилъ ему въ глаза и на мгновеніе ослѣпилъ его. Вельвуна, проснувшись у полупогасшаго костра, теперь подбросила въ огонь охапку дровъ. Пламя пылало и поднималось неправильными языками къ тремъ толстымъ столбамъ, сходящимися вверху и составлявшимъ основу Китилькутова жилища.

Коравіа послѣдовалъ за своимъ товарищемъ.

— Ну, гдѣ же кровь? — говорилъ онъ съ удивленіемъ. — Смотри, столбы чисты.

Но Нуватъ, при свѣтѣ огня внезапно очнувшійся отъ своихъ грезъ къ сознанию дѣйствительности, и самъ не понималъ своего предыдущаго порыва.

— Мнѣ холодно! — сказалъ онъ вмѣсто отвѣта. — Войдемъ въ пологъ!

Коравіа зажегъ лучинку у костра и унесъ ее съ собой. Теперь, когда очарованіе было нарушено, можно было зажечь лампу въ темнотѣ полога. Выходка Нувата, впрочемъ, не произвела на слушателей особенно глубокаго впечатлѣнія. Лицо Китилькута было совершенно спокойно. Эти люди, существовавшіе плодами охоты, слишкомъ привыкли видѣть и проливать кровь, чтобы лишнее упоминаніе о ней могло разстроить имъ нервы.

Мысли ихъ, повидимому, отклонялись совсѣмъ въ другую сторону.

— А что же вѣтеръ? — спросалъ Яякъ съ разочарованіемъ въ голосъ. — Ты развѣ не видѣлъ духа вѣтровъ?

Нуватъ опять сѣлъ на свое мѣсто и старался сосредоточиться въ самомъ себѣ, чтобы уловить нить своихъ видѣ-

ній. Черезъ нѣсколько секундъ это ему удалось. Но онъ уже не чувствовалъ достаточнаго подъема духа, чтобы проникнуться величіемъ видѣнныхъ имъ картинъ. Кромѣ того, онъ чувствовалъ сильную усталость, и сонъ, давившій его весь вечеръ, теперь вернулся съ удвоенной силой. Онъ закрывалъ глаза, чтобы лучше припомнить, и чувствовалъ, какъ вѣки его слипаются и внезапный туманъ задерживаетъ образы, возникающіе въ мозгу. Однако, такъ или иначе, нужно было докончить требуемое прорицаніе.

— Я не нашель духа вѣтровъ, — вяло заговорилъ онъ, — ни на тверди верхнихъ небесъ, ни въ преисподней вселенной. Тогда я полетѣлъ по нашей землѣ. Нашель его среди Бѣлаго моря: сидитъ на торосѣ и машетъ руками. Изъ одного сыплется снѣгъ, изъ другого вылетаетъ вѣтеръ...

Говорю ему: — Старикъ, зачѣмъ дѣлаешь вѣтеръ!

— У меня не хватаетъ въ упряжкѣ одной собаки.

— Какой собаки? — спросилъ Кителькутъ.

— Я спросилъ тоже, — сказалъ Нувать. — Онъ говоритъ: духи и люди любятъ все пестрое.

— Пеструю собаку? — сказалъ Кителькутъ, соображая. — Если бы вѣтеръ утихъ, можно не пожалѣть.

Вопросъ этотъ касался обрядовой и практической стороны религіи, и онъ сразу почувствовалъ твердую почву подъ ногами.

Якъ насупился. Въ его упряжкѣ тоже была пестрая собака. Онъ подумалъ, что и ему не мѣшало бы принести жертву «хозяину» этой страны, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ онъ вообще относился къ нему довольно беззаботно. Но собаку онъ отдать не могъ въ виду предстоящаго путешествія, а относительно русскихъ товаровъ, которые такъ нравятся духамъ, онъ даже не зналъ съ увѣренностью, что именно достанется на его долю,

Шаманское дѣйствіе кончилось. Нувать, положивъ бубенъ на мѣсто, откуда онъ былъ взятъ, уже улегся на своемъ прежнемъ мѣстѣ у стѣны. Другіе тоже укладывались, кто какъ могъ. Въ пологѣ было такъ тѣсно, что едва хватало мѣста для того, чтобы улечься всѣмъ. Янта помѣстилась рядомъ съ дѣтьми на хозяйской сторонѣ справа. Трое мужчинъ стѣснились на лѣвой сторонѣ. Уквунъ съ женой помѣстились посрединѣ, скрючивъ ноги, чтобы не опрокинуть огромнаго котла съ холоднымъ бульономъ, который стоялъ рядомъ съ лампой. Зато было такъ тепло, что спавшіе не нуждались въ одѣялахъ и могли, разоблачившись отъ лишней одежды, нѣжить свое тѣло на мягкихъ шкурахъ, между тѣмъ какъ на дворѣ попрежнему ревѣла вьюга и продолжала свирѣпствовать вся ярость разыгравшейся зимней непогоды.

V.

На другой день вьюга, дѣйствительно, немного утихла. Вѣтеръ прилеталъ съ океана съ прежнимъ ожесточеніемъ, но небо стало свѣтлѣе. Тучи тонкой снѣжной пыли, носившейся кругомъ, вдругъ окрасились блескомъ восходящей зари. Весь воздухъ наполнился сіяніемъ. Лучи дневного свѣта таяли и расплывались въ пучинѣ бушевавшей воздушной стихіи, какъ свѣтлыя чары, понемногу смягчавшія ея необузданную ярость. Теперь можно было ожидать, что къ вечеру непогода совсѣмъ уляжется.

Нувать и Коравія немедленно стали собираться къ сѣтямъ. Январскій день коротокъ, и они должны были торопиться, если хотѣли успѣть засвѣтло управиться съ работою. Коравія уже вывелъ свою упряжку туда, гдѣ начинался спускъ со взгорья. Собаки, наскучившія долговре-

меннымъ пребываніемъ на привязи, выли, подымались на дыбы и рвались изо всѣхъ силъ, желая поскорѣе пуститься въ путь. Нувать увязалъ въ чумъ¹⁾ ремни, пешни²⁾, ружья и другія вещи, нужныя для промысла, и сталъ войдать³⁾ полозья. Кое-какъ съ большими усиліями, при помощи двухъ тормазныхъ палокъ, они спустили нарту со взгорья, и черезъ минуту полозья уже стучали и грохотали по высокимъ застругамъ на открытомъ льду далеко отъ каменной стѣны мыса. Собаки неслись, какъ бѣшенныя. Коравія то и дѣло просовывалъ приколъ (тормазъ) между копыльями нарты, чтобы нѣсколько замедлить ихъ быстроту. Онъ боялся, чтобы онѣ не надорвались съ натуги. Но остріе тормазы не пробивало твердой коры убоа, и собаки совсѣмъ не чувствовали задержки. Нувать никакъ не могъ усидѣть на нартѣ. Отъ быстрой ѣзды онъ пришелъ въ возбужденное состояніе. Онъ самъ ощущалъ такую же потребность движенія, какъ и собаки. То-и-дѣло онъ вскакивалъ съ нарты и, подхвативъ копье, бѣжалъ рядомъ, опираясь на тупой конецъ ратовья, чтобы увеличить размахъ своего шага, или, ловко пробираясь между застругами, обгонялъ упряжку и убѣгалъ впередъ, къ великому соблазну собакъ, которыя, задыхаясь отъ соревнованія, мчались сзади съ нетерпѣливымъ визгомъ. Менѣе чѣмъ черезъ часъ они уже были у первой линіи торовъ, гдѣ начинались стѣи.

Промыселъ, по обыкновенію, былъ удаченъ; уже изъ пятой проруби они вытащили тюленя, запутавшагося въ

1) Чумъ — кожаное покрывало, разстилаемое на нартѣ и завертываемое поверхъ уложенныхъ вещей.

2) Пешня — желѣзный ломъ на длинной рукояткѣ; употребляется для долбленія льда.

3) Войдать — смачивать водой. Полозья собачьей нарты для лучшей плавкости принято леденить, смачивать на морозѣ водой.

сѣти, подвѣшенной, какъ колыбель, снизу деревянной четверугольной рамы. Они весело переходили отъ кожухи къ кожухѣ¹⁾, быстро пробивая пешнями толстый ледъ, уже намерзшій на поларшина послѣ того, какъ добыча уснула въ водѣ. На шестомъ переѣздѣ собаки вдругъ взяли духъ и, свернувъ вправо, опять помчались, какъ угорѣлыя.

— Нахъ! нахъ!²⁾—кричалъ Коравія, давая знать передовой собакѣ, чтобы она вернулась на прежній путь. Но она даже не оборачивала головы въ его сторону.

— Не тронь! — сказалъ Нуватъ. — Медвѣжій духъ взяли. Посмотри на Дьявола!

Дѣйствительно, лѣвая собака третьей пары, носившей это имя и натасканная (выдрессированная) для отысканія медвѣдей, проявляла необычайное возбужденіе. Она пригibasа къ землѣ, вытягивая въ то же время голову, чтобы понюхать воздухъ, потомъ съ размаху дергала свару³⁾, изо всѣхъ силъ стараясь перервать ремень и освободиться отъ привязи.

Передъ ними тянулася поперечная линія торосовъ, совершенно занесенныхъ вьюгой и превратившихся въ толстый снѣжный валъ, изъ котораго мѣстами выглядывали верхушки льдинъ. Собаки еще прибавили бѣгу и съ визгомъ неслись впередъ, поминутно подскакивая на заднихъ лапахъ. Вдругъ изъ узкаго прохода между двумя вертикально стоявшими льдинами выскочилъ огромный медвѣдь и кинулся въ сторону. Это былъ старый самецъ; шерсть на немъ имѣла рыжеватый оттѣнокъ, особенно на спинѣ. Онъ былъ величиной почти съ быка, ниже на ногахъ, но

1) Кожуха — широкій сугробъ надъ дыхательной прорубью нерпы, съ полостью внутри и ходомъ наружу.

2) Влѣво.

3) Свара — постромка собачьей шлеи.

зато длиннѣе. Особенно массивными казались лапы, благодаря густой косматой шерсти, длиной почти съ четверть.

Несмотря на свою величину, которая должна была сопровождаться и соответственной силой, медвѣдь не проявил никакого мужества и малодушно пустился на утекъ, не лучше какого-нибудь зайца. Онъ бѣжалъ съ удивительной быстротой для такой массивной туши, опустивъ голову къ землѣ и на каждомъ шагу подрагивая своимъ неуклюжимъ задомъ. Онъ удалялся отъ торосовъ тоже вправо, подъ прямымъ угломъ къ тому направленію, откуда пріѣхали охотники. Собаки хотѣли свернуть по его слѣду, но сбились и перепутали потягъ¹⁾. Нарта набѣжала сзади, и черезъ минуту вся упряжка билась на снѣгу, свиваясь огромнымъ живымъ клубкомъ.

Нуватъ съ копьемъ въ рукахъ уже былъ впереди.

— Отпускай собакъ! — крикнулъ онъ на ходу.

Коравія бросился къ потягу и выстегнулъ Дьявола и еще двухъ собакъ. Потомъ онъ сталъ распутывать потягъ, но собаки рвались впередъ, волочили его по снѣгу и тѣмъ значительно затрудняли работу. Выпроставъ, наконецъ, всю упряжку, онъ поднялъ голову. Ни медвѣдя, ни Нувата, ни отпущенныхъ собакъ уже не было видно. Но и его свора ринулась впередъ съ такой быстротой, что онъ едва успѣлъ вскочить на нарту. Ухватившись за дугу²⁾, онъ гикнулъ особеннымъ пронзительнымъ тономъ, которымъ приморскіе чукчи возбуждаютъ быстроту собакъ въ погонѣ за дичью, и торопливо сталъ выдергивать ружье изъ нартяной покрывки.

¹⁾ Потягъ — длинный ремень, къ которому пристегиваются собаки попарно.

²⁾ Дуга неподвижно укрѣплена въ средней части нарты и имѣетъ вертикальное положеніе. Погонщикъ, обыкновенно держась за дугу, управляетъ нартой.

Ноги Нувата оказались легче всѣхъ ногъ, бѣжавшихъ въ эту минуту по убою. Спущенныя собаки такъ и остались сзади; а разстояніе между нимъ и медвѣдемъ быстро сокращалось. Медвѣдь запыхался; онъ еще ниже опустилъ голову, и длинный красный языкъ вывалился у него, какъ у собаки, и почти волочился по снѣгу.

Бѣлый медвѣдь не считается у чукчей особенно опаснымъ противникомъ, благодаря своей глупости и неповоротливости. Надѣясь на свою ловкость, Нувать безстрашно ринулся впередъ, держа копье на перевѣсѣ. Но медвѣдь до конца проявилъ прежнюю трусость. Видя или, лучше сказать, слыша приближеніе охотника, такъ какъ его огромная голова на неповоротливой шеѣ была обращена совсѣмъ въ другую сторону, онъ вдругъ упалъ на колѣни и уткнулся головой въ снѣгъ. Нувать, добѣжавъ, ткнулъ его изо всей силы сзади. Желѣзное лезвіе скользнуло по бедру и глубоко вошло въ животъ. Медвѣдь издалъ громкій хрипящій звукъ, но не думалъ подняться на ноги. Молодой охотникъ вытащилъ копье и опять ткнулъ медвѣдя въ бокъ подъ лѣвую лопатку.

Все это потребовало такъ мало времени, что когда Қоравія пріѣхалъ, все было кончено. Медвѣдь, правда, оказался очень живучъ; но его живучесть имѣла пассивный характеръ. Онъ барахтался на снѣгу, дрыгая всѣми четырьмя лапами, и ни за что не хотѣлъ издыхать. Собаки лаяли и рвались укусить эти движущіяся лапы. вмѣсто того, чтобы удерживать собакъ, Қоравія схватилъ ружье и выстрѣлилъ медвѣдю въ ухо.

— Вотъ тюленья душа! — говорилъ Нувать съ нѣкоторымъ разочарованіемъ. — Дважды ткнулъ, хоть бы пошевелинулся.

Онъ казался выше и тоньше, какъ будто его тѣло сжалось и вытянулось отъ быстрого движенія. Мѣховой кол-

пакъ висѣлъ у него на спинѣ, и обнаженная голова была вся опушена инеемъ и походила немного на шкуру его добычи. Но грудь его поднималась чуть-чуть выше обыкновеннаго. Собаки, напротивъ того, совсѣмъ запыхались и жадно грызли оледенѣлый снѣгъ.

— Хорошая шкура! — сказалъ Коравія. — Отецъ обрадуется. Прямо десять табаковъ (фунтовъ табаку).

— Повеземъ домой! — сказалъ Нуватъ. — Сѣти досмотримъ завтра. Надо править благодарственную тризну.

Они распоролли брюхо медвѣдя, вывали на снѣгъ внутренности, кромѣ сердца и печени, и вылили кровь. Потомъ соединенными усиліями взвали медвѣжью тушу на нарту. Нуватъ опять взялъ копьё.

— Ты поѣзжай напрямки! — сказалъ онъ. — А я сбѣгаю, загребу тюленей и спущу сѣти.

И онъ побѣждалъ къ сѣтямъ такъ легко, какъ будто весь день просидѣлъ на мѣстѣ и только теперь поднялся на ноги.

Вьюга совсѣмъ улеглась. Солнце, выглянувшее на минуту на горизонтѣ, опять закатилось; но небо еще сіяло мягкой и блѣдной синевою. Заструги блестящи, какъ вымытыя. Черная стѣна каменнаго мыса широко поднималась на югъ. Даже сѣдловина горнаго перевала за рубежомъ тундры чуть синѣла на краю небесъ.

Собаки Коравіи бѣжали крупной рысью, но онъ гикалъ и свисталъ, непрерывно понукая ихъ для того, чтобы доѣхать домой засвѣтло.

— У, гусь, гусь, гусь! — кричалъ онъ. — Олень, олень, олень! Пестрякъ, олени! Валинъ, олени! Дьяволъ, олени! О, домой, домой, домой!

Потомъ онъ вдругъ соскакивалъ и, схвативъ нарту за дугу, тащилъ ее изо всѣхъ силъ, помогая своей упряжкѣ; потомъ вскакивалъ лѣвой ногой на полозъ и, повиснувъ на дугѣ, отталкивался отъ земли правой ногой на всемъ

бѣгу, перескакивалъ взадъ и впередъ черезъ нарту съ искусствомъ опытнаго жонглера, поддерживалъ ее на раскатахъ и поворотахъ; однимъ словомъ, проявлялъ полную мѣру той необычной дѣятельности, которая достается на долю каждому каюру, управляющему упряжкой въ двѣнадцать собакъ съ двадцатипудовымъ грузомъ на длинной, узкой и неустойчивой нартѣ, готовой каждую минуту опрокинуться на бокъ безъ поддержки человѣка.

VI.

Якъ съ утра сталъ дѣятельно приготовляться къ отъѣзду. Онъ думалъ уѣхать на слѣдующее утро; но ему было необходимо тщательно осмотрѣть состояніе своей нарты и упряжки, прежде чѣмъ пуститься въ далекій путь по безлюдной пустынѣ. Онъ внимательно осмотрѣлъ одну за другой всѣхъ своихъ собакъ, изслѣдуя ихъ пахи, чтобы убѣдиться, что они не имѣютъ ссадинъ и достаточно защищены отъ мороза густою шерстью. Потомъ вынулъ изъ своей нарты двѣнадцать шлей и цѣлую кучу собачьихъ сапогъ, небольшихъ кожаныхъ мѣшечковъ, предназначенныхъ для надѣванія на собачьи ноги, когда ихъ подошвы протрутся до крови о шероховатую поверхность убоя. Эта обувь была прорвана во многихъ мѣстахъ, шлей тоже нуждались въ починкѣ. Онъ принесъ ихъ въ шатеръ Уквуна и молча кинулъ по направленію къ Вельвунѣ. Онъ не забылъ вчерашней обиды и отъ женщинъ Кителькута не хотѣлъ принимать больше услугъ. Осмотрѣвъ упряжь, онъ втащилъ свою нарту въ задній шатеръ и принялся изслѣдовать вязки ¹⁾ и перевязывать темляки ²⁾, расхлябавшіеся

¹⁾ Вязки — круглыя перекладки, соединяющія копылья нарты; на вязкахъ лежитъ доска (настилка нарты).

²⁾ Темляки — ремни, притягивающіе переднюю дугу къ копыльямъ.

отъ многочисленныхъ спусковъ и подъемовъ предыдущей дороги. Приведя въ порядокъ нарту, онъ навойдалъ полозья и вытащилъ ее на дворъ, чтобы зарыть въ сугробъ. Ему было такъ противно снова заговорить съ Китилькутомъ о своихъ торговыхъ дѣлахъ, что онъ инстинктивно откладывалъ это объясненіе какъ можно дальше. Поэтому онъ принесъ съ подгорья длинный и прямой обрубокъ сосны и сталъ вырубать изъ него полозья. Уквунъ нашелъ это дерево среди сплавного приморскаго лѣса, который изъ году въ годъ накапливался на крайней стрѣлкѣ мыса, и припасъ его въ подарокъ Яяку, такъ какъ на Чаунѣ не было подходящаго лѣса на полозья. Зато Яякъ привезъ своему двоюродному брату пыжиковъ на кукашку и черныхъ камусовъ¹⁾ на двѣ пары обуви.

Расколовъ дерево пополамъ, Яякъ сталъ обтесывать станъ полозьевъ, желая уменьшить ихъ вѣсъ для перевозки на Чаунѣ. Онъ такъ тянулъ эту работу, что когда отложилъ въ сторону тесло, солнце склонялось къ вечеру. Медлить дольше было невозможно, такъ или иначе слѣдовало покончить съ торгомъ. Закатъ уже наступалъ, а рано утромъ онъ думалъ уѣзжать. Онъ еще разъ сходилъ къ собакамъ, какъ будто для того, чтобы набраться бодрости отъ лицезрѣнія своего любимаго Бѣлонога, и потомъ немедленно прошелъ къ переднему шатру.

Китилькутъ сидѣлъ передъ входомъ и тоже тесалъ что-то гаткой.

— Ну, гдѣ у тебя? — сказалъ Яякъ, насупившись и не глядя на старика. — Сколько чего хочешь дать, такъ давай!

— Ты самъ знаешь, сколько, — тотчасъ же отвѣтилъ Китилькутъ. — Возьмешь, такъ дамъ.

¹⁾ Шкура, содранная съ ногъ оленя или другого животнаго; употребляется на приготовленіе зимней обуви.

Они уже нѣсколько разъ пробовали договариваться о торгѣ. Якъ привезъ на промѣнъ около двухсотъ телячьихъ шкурокъ и, кромѣ того, пятьдесятъ большихъ шкуръ. Прежде всего ему нужно было желѣзо: два небольшихъ котла, два топора и два большихъ ножа. Старикъ предлагалъ ему за его шкуры, кромѣ желѣзныхъ издѣлій, еще десять кирпичей чаю и двадцать папушъ табаку. Собственно говоря, такія условія не были особенно обидны. Весь вопросъ былъ въ табакѣ. вмѣсто большихъ папушъ, такъ-называемыхъ «сумныхъ неломанныхъ», т.-е. сохранившихъ неприкосновенность первоначальной связки, у старика были весьма сомнительныя мелкія папушки, изъ которыхъ чья-то коварная рука болѣе или менѣе искусно убавила около трети первоначальнаго количества. На нихъ-то и намекалъ Якъ, когда минувшимъ вечеромъ упрекалъ Кителкута въ томъ, что онъ изъ одной папуши норовитъ сдѣлать двѣ.

— Давай! — сказала Якъ неохотно.

Старикъ ушелъ внутрь шатра и черезъ минуту вынесъ всѣ товары, перечисленные выше. Онъ, очевидно, приготовилъ ихъ заранѣе. Онъ былъ увѣренъ, что Якъ въ концѣ концовъ согласится на его условія, и хотѣлъ, чтобы совершеніе сдѣлки прошло, какъ можно скорѣе. Чаунецъ взялъ котлы и сталъ ихъ разсматривать и ощупывать крѣпость стѣнокъ и дна; потомъ снялъ съ пояса свой маленькій, совершенно источенный ножикъ, и сталъ пробовать достоинство ножей и топоровъ.

Собственно говоря, въ этомъ не было никакой нужды. Онъ уже нѣсколько разъ тщательно изслѣдовалъ эти издѣлія и признавалъ ихъ качество довольно удовлетворительнымъ. Большіе блестящіе ножи якутской работы, въ кожаныхъ ножнахъ, пестро изукрашенныхъ бѣлой и желтой жѣстью, ему положительно нравились. Даже и теперь онъ вдругъ почувствовалъ искушеніе надѣтъ одинъ изъ

пожей себѣ на поясъ вмѣсто своего стараго ножа, но удержался и угрюмо переложилъ кучку желѣзныхъ издѣлій на свою сторону. За желѣзомъ послѣдовали кирпичи; но и противъ нихъ онъ ничего не могъ сказать. Теперь дошла очередь до табаку. Онъ принялъ отъ старика кожаную сумку, зашитую тонкимъ ремешкомъ по устью, и долго ощупывалъ ее со всѣхъ сторонъ и взвѣшивалъ на рукахъ, какъ будто не рѣшаясь заглянуть внутрь. Табаку рѣшительно было мало. Въ умѣ его опять промелькнулъ расчетъ, что если изъ такой малой сумки раздать родственникамъ и друзьямъ, то на его долю ничего не останется. Наконецъ, онъ съ рѣшительнымъ видомъ развязалъ ремень и, порывшись, вытащилъ одну папушку изъ тѣхъ, которыя лежали на днѣ. Мелкая табачная пыль, поднявшаяся со дна, заставила его чихнуть.

— О и табакъ! — сказалъ Кителькутъ. — Чисто сахаръ!..

Этимъ сравненіемъ, часто употребляемымъ на сѣверѣ, онъ хотѣлъ выразить, что его табакъ въ своемъ родѣ такъ же вкусенъ, какъ сахаръ. Отъ своихъ русскихъ друзей старикъ научился показывать товаръ лицомъ.

Якъ ничего не отвѣтилъ. Онъ съ мрачнымъ лицомъ разсматривалъ папушу, которую держалъ въ рукѣ. Какъ на грѣхъ, ему попалась чуть ли не самая дрянная во всей сумѣ, какая-то короткая, сиротливаго вида папушка, обдерганная и обкромсанная со всѣхъ сторонъ и неестественно раздутая посрединѣ. Корешки листьевъ были перевязаны ниткой, ссученной изъ оленьихъ жилъ, конечно, весьма недавняго происхожденія. Якъ отвязалъ нитку и бросилъ въ сторону, потомъ развернулъ папушу. Раздутость объяснилась очень просто: въ середину папуши былъ затиснуть пучекъ табачныхъ кореньевъ, почти совершенно негодныхъ для куренія. Якъ вытащилъ коренья, положилъ ихъ

на ладонь, пристально поглядѣлъ на нихъ, и вдругъ его нижняя челюсть затряслась.

— Еще скажутъ, что я самъ... — проговорилъ онъ, всхлипывая, какъ огромный ребенокъ. — Будутъ говорить на Чуанѣ, что листья я самъ выкурилъ, а корни привезъ друзьямъ...

При видѣ этихъ слезъ даже Кителькутъ почувствовалъ смущеніе.

— Это не я! — шель нужнымъ оправдаться онъ. — Это русскіе сдѣлали... Мои руки не ломали папушъ.

Но Якъ уже не плакалъ.

— Развѣ ты безъ глазъ? — гнѣвно спросилъ онъ.

— Я былъ пьянъ, — сказалъ старикъ почти кроткимъ тономъ.

Воспоминаніе о водкѣ окончательно вывело Яка изъ себя. Онъ вдругъ швырнулъ табакъ на землю съ такой силой, что листья разлетѣлись во всѣ стороны.

— Не надо! — заревѣлъ онъ во все горло. — Бездѣльникъ! Отдай назадъ мои шкуры!

По обычаю, немедленно по приѣздѣ, онъ сдалъ свои шкуры старику на храненіе, и теперь онѣ лежали въ мѣшкахъ въ общемъ хранилищѣ Кителькута сзади полога.

Старикъ въ свою очередь, разсердился.

— Ты зачѣмъ швыряешь чужое добро, моховая морда? ¹⁾ — крикнулъ онъ, дѣлая шагъ по направленію къ противнику. — Вотъ схвачу за шею, да швырну съ утеса, мѣшокъ съ гнилымъ мясомъ!

Онъ стоялъ передъ Якомъ, выпрямивъ свой станъ, еще сохранившій полную мужскую крѣпость. Онъ былъ почти такого же роста, какъ и чаунскій богатырь, но значительно тоньше и костлявѣе. Въ борьбѣ и дракѣ онъ

¹⁾ Обидное прозвище оленеводовъ.

долженъ былъ явиться, пожалуй, не менѣе опаснымъ противникомъ, чѣмъ и самъ Якъ.

— Обманщикъ! — кричалъ чаунецъ. — Отдай назадъ мои шкуры! — и съ характернымъ чукотскимъ движеніемъ онъ оскалилъ зубы и крѣпко закусилъ рукавъ мѣховой рубахи, точь-въ-точь какъ собака, которая угрожаетъ другой собацѣ.

— Возьми! — сказалъ старикъ, возвращая все хладнокровіе. — Къ чорту твоихъ телятъ!

Онъ опять ушелъ въ шатеръ и вернулся, таща за собой два длинныхъ и узкихъ мѣшка, сдѣланныхъ изъ цѣльной шкуры тюленя, распоротой поперекъ брюха въ видѣ устья.

— Съ этого времени не ѣзди и не проси о торгѣ! — сказалъ онъ. — Какое сокровище! — насмѣшливо прибавилъ онъ, выбрасывая изъ мѣшковъ рыжія и пестряя шкуры. — Подумаешь, бобры!

Въ самомъ дѣлѣ, выоротки въ его глазахъ имѣли такъ мало цѣнности, что онъ почти не жалѣлъ о несостоявшейся сдѣлкѣ.

Изъ-подъ угорья послышался свистъ и сухое шарканье полозьевъ.

— Сто-ой! сто-ой! — кричалъ Коравія, останавливая собацъ. — Йаго! Съ медвѣдемъ! — раздался его громкій и веселый окликъ. — Бабы, напоите!

Обычай требовалъ, чтобы женщины совершили на голову привезенной добычи возліяніе теплой воды, прежде чѣмъ подвезти ее къ дому.

— Съ медвѣдемъ! Йаго! — радостно крикнули Каймень и его жена, игравшіе на площадкѣ, и кубаремъ скатились съ угорья.

Кителькутъ бросилъ на снѣгъ полуопорожденные мѣшки и быстро сбѣжалъ внизъ, совершенно забывъ объ Якѣ,

— Кто убилъ? — кричалъ онъ, подбѣгая къ нартѣ.

— Нувать, — сказалъ Коровія.

— А гдѣ Нувать? — поспѣшно спросилъ старикъ.

— Къ сѣтямъ ушелъ! — сказалъ Коровія.

— А съ нимъ ничего не случилось? — спросилъ подозрительно Китилькутъ.

Коровія поднялъ голову, удивляясь странности вопроса.

— Если бы случилось, развѣ я оставилъ бы сзади? — отвѣтилъ онъ. — Да вонъ онъ бѣжитъ! — прибавилъ онъ, указывая на движущуюся точку, показавшуюся на горизонтѣ.

Старикъ съ облегченіемъ вздохнулъ и принялся разсматривать и ощупывать добычу.

— Ну, шкура! — говорилъ онъ съ довольнымъ видомъ. — Кривой Федька пріѣдетъ, меньше, какъ за пятнадцать¹⁾, не отдамъ.

Они стали помогать собакамъ тащить медвѣжью тушу наверхъ, поддерживая и подтягивая нарту съ обѣихъ сторонъ. Кайменъ шелъ рядомъ съ нартой и тоже помогалъ тащить ее вверхъ своими маленькими ручками. Въ сущности, впрочемъ, онъ самъ тащился за нартой на особенно крутыхъ мѣстахъ, такъ какъ скользякія подошвы его сапогъ, сдѣланныя изъ оленьихъ щетокъ²⁾, постоянно съѣзжали внизъ, и онъ то и дѣло падалъ носомъ на мягкую шерсть убитаго медвѣдя.

Якъ сошелъ съ угорья вслѣдъ за старикомъ, чтобы посмотреть на великолѣпную добычу. У него тоже было сердце охотника. Теперь онъ шелъ сзади нарты.

Когда на крутомъ подъемѣ собаки подернули недружно

¹⁾ Фунтовъ табаку. При счетѣ табаку, его обыкновенно даже не упоминаютъ. Кривой Федька — русскій торговецъ съ р. Кольмы.

²⁾ Кусочки жесткой шкуры, снятые съ подошвы оленьей стопы между четырьмя копытами.

и нарта раскатилась назадъ, онъ снизошелъ даже до того, чтобы подхватить тяжелый задокъ и удержать его на вѣсу.

Очутившись, наверху, онъ опять посмотрѣлъ на свои выпоротки, небрежно брошенные на снѣгу, и они вдругъ показали ему въ высшей степени жалкими.

— Возьми! — сказалъ онъ Китилькуту, который помогъ Корави разгружать медвѣдя. — Убери обратно! А я возьму табакъ.

— Хорошо! — сказалъ торговецъ. — Только помни! Больше не мѣняй ума! Все равно, не отдамъ назадъ.

Онъ убралъ шкуры въ шатеръ.

Чаунецъ собралъ желѣзо и табакъ и отнесъ къ своей нартѣ. У него теперь явился новый планъ, и онъ рѣшился отложить свой отъѣздъ еще на день. На завтра Китилькутъ долженъ былъ справлять тризну медвѣдю и вмѣстѣ съ тѣмъ принести благодарственную жертву за избавленіе отъ вьюги. По древнему обычаю, гость, присутствующій на такомъ праздникѣ, имѣетъ право просить у хозяина въ подарокъ любую вещь по своему желанію. Якъ намѣревался заявить на праздникѣ притязаніе на недостающее ему количество табаку и надѣялся, что Китилькутъ не рѣшится отказать ему. Отказъ въ подобной просьбѣ считается у чукчей тяжкой обидой, влекущей полный разрывъ дружественныхъ сношеній. Чаунецъ довольно справедливо думалъ, что старикъ получаетъ отъ него довольно много выгодъ, чтобы оттолкнуть его отъ себя безъ всякой уважительной причины. Обычай требуетъ также соответственныхъ даровъ и со стороны гостя; но для нихъ не назначается никакого опредѣленнаго срока, и Якъ думалъ привезти подарокъ въ будущій свой пріѣздъ. До будущаго года было далеко, и Якъ мало думалъ объ этомъ. Онъ охотно взялъ бы у Китилькута табакъ, въ видѣ долга, если бы между чукчами существовало обыкновеніе давать въ долгъ.

VII.

На другой день жители поселка проснулись съ первым лучомъ разсвѣта. Женщины въ шатрѣ Кителькута чуть не съ полночи начали возиться, вытапливая сало изъ толченыхъ костей оленя и приготовляя жертвенную похлебку изъ тюленьей крови, смѣшанной съ кореньями и жиромъ. Рынтына наварила цѣлую гору самаго разнообразнаго мяса, какое только нашлось въ ея пищевыхъ мѣшкахъ. Яякъ провелъ ночь въ заднемъ шатрѣ; но немедленно по пробужденіи онъ явился къ Кителькуту вмѣстѣ съ Уквуномъ и его женами. Женщины расчистили снѣгъ сзади шатра и соединенными усиліями перетащили туда медвѣжью тушу. Янта вынесла идоловъ, представлявшихъ одновременно снарядъ для добыванія огня, и разставила ихъ въ рядъ. Рынтына извлекла изъ какого-то сокровеннаго тайника огромную связку наслѣдственныхъ амулетовъ, большею частію представлявшихъ невзрачные кусочки дерева, раздвоенные съ одного конца; были тутъ также черные камни странной формы, нѣсколько вороньихъ и песцовыхъ череповъ и даже одна человѣческая челюсть въ кожаномъ чехлѣ, почернѣвшемъ отъ времени. Все это было навязано на одну длинную веревку, въ видѣ чудовишныхъ четокъ, покрыто толстымъ слоемъ копоти и лоснилось отъ жира.

— Онъ просилъ пеструю собаку, — сказалъ Кителькутъ рѣшительнымъ тономъ, — приведите Пестряка!

Пестрякъ была лучшая собака той упряжки, на которой ѣздилъ Коравія. Коравія выстегнулъ собаку изъ своего потяга. Пестрякъ, думая, что его распрягаютъ, весело повиливалъ хвостомъ, онъ совсѣмъ не предчувствовалъ своей участи.

— Бѣдняжка! — сказалъ Нувать. — Хоть покормите его

передъ смертью! — И онъ отрѣзалъ кусокъ отъ жертвеннаго мяса и бросилъ собаку. Потомъ надѣлъ ей на шею петлю и взялъ въ руки конецъ, Кителькутъ обвязалъ заднія ноги собаки другимъ ремнемъ и подалъ конецъ Янгѣ.

— Тяните! — сказалъ онъ, беря въ руки копые.

Коравія отвернулся — онъ не могъ видѣть смерти этой собаки, которую ежедневно кормилъ и ласкалъ. Пестрякъ, растянутый на двухъ веревкахъ, почувствовалъ себя неудобно и жалобно визгнулъ, какъ будто жалуясь на жестокое обращеніе съ собою.

Кителькутъ наставилъ копые подъ лѣвую лопатку и нанесъ ударъ. Собака пронзительно завизжала, рванулась въ сторону и стала биться, стараясь закусить ремень, стягивавшій ей горло. Черезъ минуту она уже лежала на снѣгу, подергиваясь въ послѣдней судорогѣ. Кителькутъ зачерпнулъ рукой нѣсколько капель крови изъ свѣжей раны и брызнулъ сначала вверхъ Богу Творцу, живущему на макушкѣ неба, на Звѣздѣ Воткнутаго Дерева, потомъ на востокъ — Разсвѣту, потомъ на сѣверъ — Вѣтру-Хозяину, главному владѣтелю этой холодной земли, потомъ внизъ — землѣ и подземнымъ духамъ. Жертву повернули головой къ востоку и подложили ей подъ голову и задъ по маленькой вѣткѣ тальника, еще сохранившей нѣсколько увядшихъ листьевъ.

Нуватъ зарѣзалъ ножомъ небольшого щенка на жертву духу убитаго медвѣдя. Женщины развели огонекъ надъ головой медвѣдя, потомъ совершили возліяніе кровяной похлебкой и стали разбрасывать во всѣ стороны мясо и сало, накрошенное мелкими кусочками. Рынтина вынула изъ котла свитокъ кишки, начиненной жиромъ, и, разрѣзавъ ее на кусоочки, украсила ими уши и зубы медвѣдя; засунула также по кусоочку въ пасть убитымъ собакамъ. Идолы и амулеты были вымазаны жиромъ и испятнаны

свѣжей жертвенной кровью. Участвующіе взяли по куску жертвеннаго мяса и стали ѣсть. Первая часть церемоніи была окончена.

Вельвуна, хватаясь руками за веревки, стала карабкаться на верхушку шатра для того, чтобы заглушить шкурами дымовое отверстіе. Другіе участники уносили внутрь шатра жертвы и идоловъ. Нувать и Янта, какъ наслѣдники семейнаго служенія, положивъ на тарелки мяса, медленно пошли кругомъ шатра.

— Го-го! Го-гокъ! — громко кричали они, отпугивая враждебныхъ духовъ отъ своего жилища. Потомъ они отошли въ сторону и, выкопавъ въ снѣгу ямку, положили туда по кусочку отъ каждаго сорта мяса, покропили его вареной кровью и тщательно зарыли и заровняли съ поверхностью. Окончивъ послѣднее жертвоприношеніе, они тоже вернулись въ шатерь.

Всѣ отверстія шатра были наглухо закрыты. Небольшой огонекъ, курившійся на очагѣ, уже успѣлъ наполнить дымомъ переднее отдѣленіе. Яркіе и прямые снопы солнечныхъ лучей, проникавшіе сквозь крошечныя дырки кожаной оболочки, прорѣзывали эту густую атмосферу длинными пучками, тонкими у основанія, но постепенно расширявшимися и оканчивавшимися круглымъ свѣтовымъ пятномъ на противоположной стѣнѣ или разбивавшимися о частый переплетъ шатровыхъ столбовъ, жердей и пятниковъ.

Мужчины были въ обыкновенной носильной одеждѣ, но женщины надѣли поверхъ своихъ керкеровъ¹⁾ широкіе балахоны, разукрашенные разноцвѣтной бахромой и пучками сѣрой и черной шерсти.

Кителькутъ съ бубномъ въ рукѣ и съ длинной дере-

¹⁾ Женская одежда, состоящая изъ широкихъ штановъ съ пришитымъ корсажемъ.

вянной палкой, вмѣсто обыкновенной пластинки китоваго уса, сталь передъ огнемъ со стороны входа, обратившись лицомъ къ внутреннему отдѣленію. Съ другой стороны огня стала Рынтына на оленьей шкурѣ, обратившись лицомъ къ мужу.

— Го-гокъ! — закричалъ Кителькутъ, ударивъ палкой по деревянному станку бубна.

— Го-гокъ, го-гокъ, го-гокъ! — дружно и громко отвѣтили всѣ присутствующіе.

Началась торжественная пляска. Нувать и Янта, согнувъ колѣни и разставивъ носки врозь, прыгали взадъ и впередъ вокругъ огня. Кителькутъ и его жена медленно и размѣренно плясали другъ противъ друга, присѣдая то вправо, то влѣво, съ протянутыми руками и съ различными странными тѣлодвиженіями. Оба они пѣли свой особый, одинаково сложный и трудный для исполненія напѣвъ, который перешелъ къ нимъ по наслѣдству: — Кителькуту отъ отца, а Рытынѣ отъ матери, — постепенно возвышая голосъ и ускоряя темпъ пѣнія, но продолжая свои движенія въ прежнемъ размѣренномъ порядкѣ. Одинъ за другимъ всѣ присутствующіе приставали къ нимъ, начиная каждый свою особую пѣснь и постепенно возвышая голосъ. Весь шатеръ наполнился звуками. Неискусный въ священныхъ обрядахъ, Коровія пѣлъ свою обычную пѣсню, которой онъ сокращалъ себѣ время у оленьяго стада и у тюленьей сѣти. Уквунъ стоялъ, прислонясь лицомъ къ столбу, и пѣлъ тихимъ и тонкимъ голосомъ странный и грустный напѣвъ съ безчисленными горловыми переливами и неожиданными переходами тоновъ. Анека, скорчившись, сидѣла на землѣ и, закрывъ лицо ладонями, пропускала сквозь неплотно сжатые пальцы безконечный рядъ прерывистыхъ, прыгающихъ, всхлипывающихъ и булькающихъ звуковъ. Ея ротъ какъ будто былъ наполненъ водой, и

она давилась при каждой нотѣ. Якъ гудѣлъ глухо и монотонно, изрѣдка разнообразя свое пѣніе громкими и сердитыми выкриками. Онъ какъ будто все еще бранился съ Кителькутомъ изъ-за табаку, но выражалъ свой гнѣвъ, вмѣсто членораздѣльныхъ словъ, протяжными, скрипучими и невразумительными звуками. Только Нувать, окончивъ свою часть пляски, усѣлся на землѣ съ скучающимъ видомъ. Онъ чувствовалъ свое вдохновеніе истощеннымъ послѣ позaproшлой ночи и не ощущалъ желанія будить своихъ духовъ новыми призывами. Старый Кителькутъ искоса поглядѣлъ на сына, продолжая наколачивать бубенъ палкой. Ему вдругъ пришло въ голову, что, можетъ быть, его опасенія насчетъ Нувата были преувеличены.

Наконецъ, Кителькутъ усталъ и сошелъ съ своего мѣста. Но служеніе не прекращалось. Мужчины смѣняли другъ друга за бубномъ, а женщины чередовались въ пляскѣ. Шумъ все усиливался. Женщины тоже стали показывать свое искусство на натянутой кожѣ. Уквунъ послалъ Вельвуну за своимъ собственнымъ бубномъ. Теперь уже всѣ женщины прыгали одновременно около огня, издавая ужасные нечеловѣческіе вопли. Два бубна гремѣли и дребезжали взапуски, какъ будто стараясь заглушить другъ друга. Въ Янту вдругъ вселился духъ убитаго медвѣдя, и она отчаянно затопала ногами и завертѣлась на мѣстѣ съ фырканиемъ, хрипомъ и пѣной у рта, какъ она неоднократно видѣла у другихъ женщинъ на такихъ празднествахъ. Кто уставалъ, садился на землю и, отдохнувъ немного, снова присоединялся къ шабашу. Собаки на дворѣ были въ семьдесятъ здоровыхъ плотокъ и на семьдесятъ разнообразныхъ голосовъ. Можно было подумать, что онѣ тоже справляютъ праздникъ.

Въ самый разгаръ церемоніи Якъ вдругъ громко хлопнулъ въ ладоши.

— Вижу! Табакъ! — крикнулъ онъ, обращаясь къ Кителъкуту съ обычной формулой просьбы.

Крики и шумъ умолкли, какъ будто по командѣ. Домашніе Кителъкута смутились отъ неожиданности, а Уквунъ съ любопытствомъ ждалъ, что отвѣтитъ старикъ. Но Кителъкутъ отчасти предвидѣлъ выходку чаунца и твердо рѣшился не разставаться ни съ одной лишней папушей табаку. Онъ захватилъ лѣвой рукой колотушку вмѣстѣ съ бубномъ, а правую поднесъ къ горлу.

— Хоть горло перерѣжь! — произнесъ онъ формулу отказа, сразу отрекаясь отъ всякой торговли и знакомства съ Якомъ и подтверждая свое утреннее приглашеніе не ѣздить больше за торгомъ на Каменный мысъ. Онъ не могъ не припомнить въ эту минуту, что шкуры Яака лежатъ въ его мѣшкахъ въ темномъ углу шатра и составляютъ теперь его полную, законно приобрѣтенную собственность.

Услышавъ отказъ, Яакъ молча подобралъ свою шапку и вышелъ изъ шатра.

Служеніе послѣ его ухода продолжалось довольно долго, но совершалось уже безъ прежняго воодушевленія. Всѣхъ озабочивала мысль о только-что происшедшемъ.

Нувать, не принимавшій почти никакого участія ни въ пляскѣ, ни въ пѣніи, вышелъ изъ полога провѣдать собакъ. Яакъ стоялъ на площадкѣ передъ шатромъ. Онъ, видимо, ожидалъ перваго, кто выйдетъ изъ шатра.

— Скажи своему отцу, — заговорилъ онъ тихимъ, но тѣмъ болѣе зловѣщимъ голосомъ, — Кителъкуту скажи: — Вотъ вы отвергли меня, стараго знакома оттолкнули прочь, товарища-однокорытника выгнали, какъ собаку. Пускай! Завтра уѣду, рано утромъ удалюсь съ вашего стойбища! Пускай! Больше не будемъ видѣть другъ друга! Пускай, пускай, пускай! — твердилъ онъ, не находя другихъ словъ и стараясь не давать воли своему гнѣву.

— Онъ сказалъ: перерѣжь горло! — вдругъ вырвалось у него громкимъ запальчивымъ крикомъ. — Наргинэнъ слышалъ. Да будетъ! Всѣ ножи, топоры, копья, всѣ острия вещи слышать!..

И онъ отошелъ въ сторону, повидимому, опасаясь прибавить болѣе, и скрылся въ глубинѣ задняго шатра.

Собаки, успѣвшія успокоиться, опять залились оглушительнымъ воемъ, какъ будто желая подчеркнуть послѣднія слова раздраженнаго чаунца.

Нуватъ задумчиво посмотрѣлъ ему вслѣдъ и съ недовольнымъ видомъ почесалъ лобъ.

Въ этотъ вечеръ семья Кителькута совершала ужинъ мирно и молчаливо. Якъ сидѣлъ въ шатрѣ Уквуна и не показывался наружу, и Коравія накормилъ, по обыкновенію, его собакъ вмѣстѣ съ своими. Молодые промышленники хотѣли улечься рано. Нуватъ былъ еще задумчивѣе обыкновеннаго и то и дѣло потиралъ рукою лобъ. Онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго чувства, навѣяннаго словами чаунца.

Черезъ пять минутъ лампа была погашена, и домашніе Кителькута огласили пологъ громкимъ храпомъ самаго различнаго тембра и характера. Нуватъ выбралъ себѣ ложе рядомъ съ отцомъ, но заснуть не могъ.

— Отецъ! — наконецъ, окликнулъ онъ старика. — Ты не спишь?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Кителькутъ. — Чего тебѣ?

Наступило короткое молчаніе. Нуватъ, видимо, искалъ словъ, чтобы начать разговоръ.

— Отецъ! — наконецъ, сказалъ онъ. — Яку пришелъ великій гнѣвъ.

Кителькутъ ничего не отвѣтилъ. Однако, можно было слышать въ темнотѣ, какъ онъ повернулся на постели лицомъ къ сыну, очевидно, для того, чтобы удобнѣе разговаривать.

— Чаунскій человекъ имѣетъ худое сердце! — настойчиво продолжалъ Нувать.

— Собака злится, никто ее не боится! — проворчалъ нехотя старикъ.

— Я видѣлъ его лицо, — сказалъ Нувать. — Вся его кровь почернѣла!

— Чтобы ей протухнуть до тюленьей черноты! — выругался старикъ.

Наступила вторая пауза.

— Отчего ты ему не далъ табаку? — нерѣшительнымъ тономъ спросилъ Нувать.

— А ты знаешь, сколько мы должны Кулючину? — сказалъ старикъ. — Другимъ станемъ раздавать, собственный долгъ не покроемъ... Развѣ хорошо?

Нувать не отвѣчалъ.

— Я выпилъ у Кулючина десять бутылокъ, — продолжалъ отецъ, — и еще хочу выпить на ярмаркѣ. Ты думаешь, онъ дастъ даромъ?

— Хотя бы малую прибавку Яяку! — тихо сказалъ Нувать.

— Пустое! — сказалъ старикъ. — Выпоротки — худой товаръ. Кулючинъ говоритъ: выпоротки не стоятъ водки; привези лисицъ!

— Хоть бездѣлицу! — настаивалъ Нувать. — Погладить по сердцу, утолить гнѣвъ!

— Не дамъ! — сказалъ старикъ. — Всѣ пустыя руки не наполнишь, всѣхъ пустыхъ угрозъ не переслушаешь!

— Кто шуритъ глаза, тому медвѣдь — мышью... — возразилъ Нувать пословицей.

— А я тебѣ вотъ что скажу, парень, — сердито началъ старикъ, — мой умъ твоего не хуже. Или я ничего не видѣлъ на свѣтѣ?

Нувать молчалъ.

— Много видѣлъ! — продолжалъ старикъ. — Однажды гнались за моржами. Старый моржъ забросилъ зубы черезъ край байдары, отпоролъ на маховую сажень; налилось воды до набоевъ. Насъ было восьмеро; семь стали безъ рукъ, а я ткнулъ копьемъ ему въ пасть и проткнулъ до затылка.

— Злой человекъ страшнѣе моржа, — сказалъ Нувать.

— А то еще было, — медленно продолжалъ старикъ. Гнѣвъ его успокоился, но въ темнотѣ, повидимому, передъ нимъ проходили воспоминанія его минувшей жизни. — Возвращаясь отъ русскихъ, я ѣхалъ... У Айона ¹⁾ прилетѣла вьюга... Пять сутокъ просидѣлъ подъ застругой... Духи плевали мнѣ въ глаза ледяною пѣной... Провѣяли надо мной весь снѣгъ тундры. Всѣ собаки остались подъ убоемъ, а я ушелъ и остался живъ...

Нувать молчалъ.

— Однажды вѣтеръ со взгорья раскололъ ледяное поле, — продолжалъ старикъ, — унесло меня на льдинѣ; по открытому морю носило... носило... Десять дней сосалъ торось вмѣсто талой воды, жевалъ ремни вмѣсто варенаго мяса, видѣлъ горы земли Крекая ²⁾, а прибило-таки къ этому берегу, вышелъ, остался живъ.

— Живой врагъ хуже враждебнаго духа! — сказала Нувать.

— Пустое! — сказалъ старикъ. — Злыхъ людей тоже видѣлъ много. Вѣкъ свой живу между племенами; половину ночей проспалъ на чужихъ изголовьяхъ. Если будешь трусить, какъ хочешь ходить по землѣ?

¹⁾ Островъ Айонъ у входа въ Чаунскую губу.

²⁾ Такъ называютъ чукчи какую-то обширную землю, лежащую за Ледовитымъ океаномъ, куда будто бы нѣкогда переселилась часть ихъ племени подъ предводительствомъ Крекая. Въ основѣ этого представленія, повидимому, лежатъ неясныя свѣдѣнія о землѣ Врангеля.

— Не за себя боюсь! — сказалъ Нувать съ легкой дрожью въ голосѣ. Его укололъ такой прямой укоръ въ трусости.

— Помнишь Ималинъ? — вдругъ сказалъ старикъ. — Гдѣ вмѣсто бѣлыхъ песцовъ голубые? Островъ на морѣ?

— Помню! — отозвался Нувать, — гдѣ люди носятъ одежду изъ птичьихъ шкуръ...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отецъ бралъ его съ собою о время лѣтней поѣздки за торгомъ, и они заѣзжали на этотъ небольшой островъ на полупути между двумя великими материками.

— Ты еще не былъ на свѣтѣ, — сказала Китилькутъ, — да и у меня самого животъ только-что обросъ пухомъ. Мы ходили за пушниной съ покойнымъ Леутомъ, на байдарѣ, шесть человекъ... Возили табакъ. Тогда табакъ былъ дорогъ, не такъ, какъ теперь. За моремъ давали суму за суму: табакъ вынуть, набьютъ лисицы. На обратномъ пути зашли на Ималинъ. Мы съ Леутомъ двое пошли черезъ островъ, пѣшкомъ, съ котомками за спиной. Перешли черезъ островъ; на берегу поселокъ. Вышла ссора... Ротастые (эскимосы) захотѣли ограбить. Было десять нападавшихъ, а мы и то отбили и унесли въ цѣлости товары.

— Завтра онъ уѣдетъ! — задумчиво сказалъ Нувать. — Говорить — рано утромъ.

— Пусть ему вѣтеръ дуетъ сзади! — сказалъ старикъ.

— Но когда-нибудь можете встрѣтиться! — выразительно сказалъ Нувать.

— Какая встрѣча! — безопасно возразилъ Китилькутъ. — Гдѣ онъ ѣздитъ, — и гдѣ я? Его глаза не увидятъ приморской дороги. Вотъ уѣдетъ, забудемъ навѣки, какъ будто не было.

Нувать не чувствовалъ себя особенно удовлетвореннымъ.

— Ну, ладно! — сказалъ онъ, наконецъ. — Пусть онъ уѣдетъ пока!..

Опять наступило молчаніе.

— Отецъ! — вдругъ сказалъ молодой человѣкъ, — отчего мое сердце вздрагиваетъ, какъ пузырь куропатки? ¹⁾ — Онъ произнесъ эти слова такимъ страннымъ тономъ, что Кителькутъ вздрогнулъ.

— Что ты слышишь? — спросилъ онъ. Ему показалось, что Нуватъ прислушивается къ чему-то.

— Не знаю! — сказалъ Нуватъ опасно. — Духъ пролетѣлъ мимо меня.

Отецъ недовольно фыркнулъ.

— Пусть же летаетъ! — сказалъ онъ угрюмо. — А мы станемъ спать! Завтра надо встать, какъ можно раньше. — И онъ сердито отвернулся отъ сына и черезъ минуту уже присоединилъ свой тонкій и равномерный храпъ къ общему храпящему хору. Быть можетъ, онъ только показывалъ видъ, что спитъ.

Нуватъ продолжалъ лежать на постели съ открытыми глазами, всматриваясь въ темноту и вслушиваясь во что-то беззвучное, не имѣвшее никакого голоса для обыкновеннаго смертнаго уха.

VIII.

На другой день Коравія при брезжущемъ разсвѣтѣ уже войдалъ свою нарту, собираясь отправиться къ сѣтямъ. Яякъ тоже вышелъ изъ сосѣдняго шатра и сталъ возиться около своей нарты. Онъ, очевидно, готовился къ отъѣзду, выносилъ изъ шатра сумки и связки ремней,

¹⁾ Высушенный пузырь куропатки иногда употребляется для храненія жиру и т. п.

тюленьи шкуры и т. п. и раскладывалъ ихъ по нартѣ вдоль и поперекъ. Кителъкутъ еще вчера распорядился, чтобы всѣ его вещи были перенесены къ Уквуну, и ему не было надобности заглядывать въ передній шатеръ. Якъ, повидимому, и не думалъ объ этомъ и сосредоточилъ все вниманіе на томъ, чтобы уложить свое имущество такъ, чтобы оно занимало какъ можно меньше мѣста. Кителъкутъ тоже вышелъ изъ своего шатра.

— А ты чего не запрягаешь?— довольно сурово сказалъ онъ Коравіи. Въ его принципы входило строго обращаться съ своимъ нареченнымъ зятемъ.

— Нувать говоритъ: подожди!— отвѣчалъ Коравія, кивая головой на своего товарища, который сидѣлъ на корточкахъ по другую сторону шатра, обхвативъ колѣни съ своимъ обыкновеннымъ задумчивымъ видомъ.

— Зачѣмъ ждать?— обернулся съ удивленіемъ Кителъкутъ къ сыну.

— Пусть тотъ уѣдетъ сначала,— сказалъ молодой человекъ, — а мы потомъ.

Старикъ вдругъ разсердился.

— Я что, баба?— крикнулъ онъ. — Что ты меня караулишь? Развѣ мои руки слабы? Я ѣзжу по тундрѣ отъ одного конца до другого, — или тамъ тоже ты хочешь быть моимъ сторожемъ?

Онъ нарочно кричалъ такъ громко, что Якъ не могъ не слышать его словъ.

— Мои руки берегутъ мое тѣло!— продолжалъ старикъ. — Вамъ же добываю и вожу, а вы сидите дома.

— Пусть тотъ уѣдетъ первый!— упрямо повторялъ Нувать.

— Я знаю!— кричалъ старикъ. — Ты лѣнишься рано загремѣть пешней. Теперь молодые люди стали лѣнны.

Лицо Нувата окрасилось легкой краской. Для молодого

человѣка нѣтъ ничего позорнѣе упрека въ лѣни, высказаннаго устами отца. Онъ не отвѣтилъ ни слова и, взявъ свое неизмѣнное копые, медленно направился къ спуску. Передъ тѣмъ, какъ спуститься, онъ, однако, оглянулся назадъ. Чаунецъ уже растягивалъ свой потягъ, собираясь запрягать собакъ. Молодой человѣкъ вдругъ быстро устремился внизъ и, сбѣжавъ съ угорья, помчался впередъ съ такой быстротой, какъ будто онъ хотѣлъ убѣжать отъ тревожныхъ мыслей, осаждавшихъ его душу.

Коравія уѣхалъ немедленно. Ему нужно было торопиться, чтобы догнать легконогаго товарища. Якъ тоже запрягъ своихъ собакъ, но почему-то медлилъ. Передній конецъ его потяга былъ привязанъ крѣпкимъ ремнемъ къ короткому колу, врытому въ снѣгъ для того, чтобы собаки не могли неожиданно сдернуть нарту и умчаться въ путь безъ хозяина. Кителькутъ сидѣлъ у входа въ шатеръ и тесалъ копыль отъ нарты, ожидая, чтобы его бывший пріятель, а теперешній врагъ, наконецъ, уѣхалъ. Но какъ только нарта Коравіи превратилась въ маленькую точку, мелькающую на горизонтѣ, Якъ оставилъ свою нарту и съ рѣшительнымъ видомъ подошелъ къ переднему шатру.

— Кителькутъ! — окликнулъ онъ старика, сдѣлавшаго видъ, что онъ такъ углубленъ въ свое занятіе, что не замѣчаетъ приближенія чаунца.

— Вуй! — отвѣтилъ торговецъ, не подымая головы.

— Ты вчера сказалъ мнѣ, чтобъ я уѣхалъ!

— Самъ знаешь! — сказалъ старикъ. — Впрочемъ, развѣ ты думаешь здѣсь жить вѣчно?

Онъ поглядѣлъ на чаунца. Якъ былъ въ дорожной одеждѣ; на поясъ себѣ онъ повѣсилъ, кромѣ своего маленькаго стараго ножика, еще одинъ изъ большихъ ножей въ пестрыхъ ножнахъ, которые купилъ у старика.

— Такъ дай мнѣ прибавку!—сказалъ чаунецъ. Ты мнѣ мало далъ за шкуры.

— Я говорилъ тебѣ, чтобы ты не заговаривалъ больше о шкурахъ, — сказалъ торговецъ. — Я ихъ купилъ.

— Дай прибавку!—сказалъ Яякъ, повысивъ голосъ.

— Не дамъ!—коротко отвѣтилъ старикъ.

— Ну, такъ я самъ возьму!—крикнулъ чаунецъ, дѣлая шагъ впередъ.

Кителькутъ отбросилъ въ сторону тесло и поднялся на ноги.

— Попробуй!—сказалъ онъ выразительно, становясь поперекъ входа.

И шкуры, и товары были сзади него въ шатрѣ. Онъ ни капли не боялся Яяка и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалъ въ эту минуту такую страстную привязанность къ своимъ товарамъ, какъ будто бы они были частью его собственного тѣла. Если бы сзади него были жена или ребенокъ, онъ не заслонилъ бы ихъ грудью съ болѣе непоколебимой готовностью.

Яякъ стоялъ, не зная, что дѣлать. Кителькутъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, и этотъ спокойный взглядъ отнималъ у него рѣшимость.

— Зачѣмъ ты ожидалъ, чтобы мои молодые люди ушли?—сказалъ Кителькутъ.—Развѣ мы волки, чтобы нападать втроемъ на одного? Что же! Хочешь бороться, попробуемъ! Кто изъ насъ хуже!—Онъ думалъ, что Яякъ, считая себя обиженнымъ, по обычаю предложить ему единоборство. Кителькутъ славился своимъ искусствомъ въ борьбѣ и былъ вполне увѣренъ, что совладеетъ съ чаунцомъ, несмотря на его массивную тушу. Онъ постоялъ немного, но, видя, что Яякъ не распоясывается, презрительно улыбнулся и повернулся для того, чтобы войти въ шатеръ, такъ и не поднявъ тесла, валявшагося у его ногъ

Онъ нимало не думалъ, что одинокій и лишенный друзей чаунецъ осмѣлится напасть на него въ его собственномъ жилищѣ, почти на глазахъ его сына и зятя. Но вдругъ онъ увидѣлъ прямо надъ своей головой обнаженный ножъ, сверкавшій въ огромной рукѣ Яяка. Быстрѣ кошки старикъ повернулся и поймалъ своими обѣими руками руку, державшую ножъ. Въ то же самое мгновеніе Рынына, возившаяся у огня, вскочила съ короткимъ воплемъ и, схвативъ чаунца за лѣвую руку, повисла на ней всѣмъ своимъ вѣсомъ. Соединенный двойной толчокъ былъ такъ силенъ, что богатырь упалъ на колѣни. Еще мгновеніе, и его бы повалили навзничъ. Передъ нимъ мелькнуло видѣніе позорной казни, которой, конечно, предадутъ его побѣдоносные враги. Весь свѣтъ вдругъ принялъ багровый оттѣнокъ въ его глазахъ. Шея его стала еще толще и короче отъ натуги. Отчаяннымъ нечеловѣческимъ усиліемъ онъ опять поднялся на ноги и такъ дернулъ лѣвой рукой, что Рынына отлетѣла черезъ весь шатеръ и, ударившись съ размаха головой о шатровый столбъ, растянулась безъ движенія. Яякъ схватился лѣвой рукой за правую руку противника, стараясь отодрать ее прочь. Началась отчаянная борьба за ножъ. Противники топтались среди шатра, стараясь перетянуть и повалить другъ друга. Руки ихъ сплелись въ какой-то чудовищный узелъ, изъ середины котораго торчало лезвіе ножа. Яякъ имѣлъ преимущество въ вѣсѣ и, пользуясь имъ искуснѣе, чѣмъ можно было ожидать, успѣлъ оттащить старика къ самому входу. Всю свою бдительность онъ направлялъ теперь на длинныя ноги Кителькута, который умѣлъ сбивать съ ногъ самыхъ сильныхъ людей неожиданнымъ ударомъ носка. Къ его удивленію и гнѣву, руки старика оказались почти такъ же сильны, какъ и его собственныя. Онѣ застыли въ одномъ непрерывномъ напряженіи и какъ будто со-

всѣмъ потеряли способность гнуться. Желѣзные пальцы Кителькута впивались въ его кисти съ такой силой, что онъ чуть не кричалъ отъ боли.

Никто изъ нихъ не былъ увѣренъ, что онъ останется побѣдителемъ. Наконецъ, Кителькутъ поднялъ голову и пронзительнымъ голосомъ позвалъ на помощь. Ему откликнулись только собаки. Янта спустилась подъ гору, чтобы собирать дрова, и не могла его слышать, а шатерь Уквуна былъ такъ безмолвенъ, какъ будто жители его были мертвы. Старикъ не захотѣлъ крикнуть во второй разъ. Онъ сталъ тянуть свою шею, стараясь приблизить лицо къ рукамъ противника. Якъ дернулъ внезапно старика къ себѣ; лицо Кителькута коснулось его лѣвой руки, и онъ изо всей силы запустилъ свои зубы въ твердое и жилистое мясо чаунца. Несмотря на смертельную опасность, онъ почувствовалъ, какъ дрожь сладострастія пробѣжала по его спинѣ при этой волчьей хваткѣ. Десны его стянулись, какъ отъ оскомы, потомъ онъ ощутилъ во рту сладковатый вкусъ теплой крови.

Якъ такъ крикнулъ отъ боли, что оболочка шатра заколебалась отъ сотрясенія; онъ вырвалъ свою руку изъ зубовъ противника и замоталъ ею въ воздухѣ. Въ эту минуту онъ вспомнилъ, что у него на боку виситъ еще одинъ ножъ. Скрежеща зубами, онъ еще разъ напрягъ всю силу правой руки подъ двойными тисками рукъ противника и сталъ судорожно ощупывать лѣвой рукой свой запасный ножикъ. Кителькутъ удвоилъ усилія, стараясь вырвать большой ножъ. Онъ совсѣмъ забылъ про маленькій и думалъ, что Якъ прижимаетъ къ себѣ лѣвую руку, чтобы остановить кровь. Ему казалось, что онъ перекусилъ ему жилу; онъ былъ теперь увѣренъ въ побѣдѣ. Но Якъ выдернулъ, наконецъ, запасной ножикъ изъ кожаныхъ ноженъ и ткнулъ противника въ грудь около лѣ-

ваго соска. Онъ не имѣлъ мѣста для размаха и только могъ надавить своей огромной пятерней на короткую роговую рукоятку, стараясь, чтобы ножъ вошелъ поглубже. Если бы могъ, онъ втиснулъ бы въ тѣло противнику и самую рукоятку. Лезвее было сильно отточено и очень узко; оно вошло, какъ по маслу. Старикъ опустилъ руки и грянулся навзничь.

Якъ съ громкимъ крикомъ торжества взмахнулъ въ воздухъ освобожденной правой рукой, потомъ наступилъ колѣномъ на грудь старика и однимъ ударомъ перерѣзалъ ему горло, почти отдѣливъ голову отъ туловища. Онъ исполнилъ свою угрозу и вмѣстѣ съ тѣмъ по исконному чукотскому обычаю обезопасилъ себя отъ загробнаго мщенія духа противника, открывъ ему свободный выходъ сквозь прорѣзъ горла.

Въ это время почти надъ самой его головой раздался раздирательный женскій крикъ. Онъ быстро вскочилъ на ноги, сжимая въ рукѣ окровавленный ножъ, и обернулся ко входу. Прямо передъ нимъ стояла Янта и смотрѣла на него расширенными отъ ужаса глазами. Она, очевидно, возвращалась съ дровами и до сихъ поръ не подозрѣвала о случившемся. За спиной у нея виднѣлась большая вязанка хворосту, перетянутая веревкой.

Якъ пристально посмотрѣлъ на молодую дѣвушку. Онъ, повидимому, еще не принялъ опредѣленнаго рѣшенія и колебался, какъ поступить съ нею. Вдругъ хищная улыбка искривила его губы, онъ вложилъ ножъ въ ножны и сдѣлалъ два шага по направленію къ Янтѣ. Дѣвушка закрыла глаза и бессильно склонилась впередъ вмѣстѣ съ дровами. Ужасъ совершенно парализовалъ ея силы. Якъ протянулъ руки и подхватилъ ее; потомъ, нетерпѣливо дернувъ конецъ веревки, поддерживавшей дрова, распустилъ узелъ. Дрова съ грохотомъ упали на землю.

Чаунецъ схватилъ въ охапку свою добычу и потащилъ ее къ пологу. Вдругъ двѣ маленькія человѣческія фигурки выскочили ему навстрѣчу и проскользнули къ выходу изъ шатра. Это были Каймень и его жена. Дѣти спали въ пологу все утро и пробудились только при шумѣ борьбы, завязавшейся въ шатрѣ. Немного приподнявъ шкуру у входа, они молча наблюдали ужасную сцену, происходившую передъ ихъ глазами. Съ просонокъ они никакъ не могли понять, въ чемъ дѣло, но увидѣвъ убійство, они застыли отъ страха и боялись пошевелить однимъ членомъ, чтобы не выдать своего присутствія.

Однако, когда Яякъ приблизился къ пологу, они не стали ожидать больше и, выкарабкавшись наружу, обратились въ бѣгство. Мальчикъ благополучно проскользнулъ мимо Яяка. Дѣвочка съ размаха наткнулась на огромныя ноги убійцы, но успѣла проскользнуть въ промежутокъ между ними и послѣдовала за своимъ товарищемъ. Черезъ мгновеніе ихъ уже не было въ пологѣ. Можно было только слышать дробный топотъ ножекъ Каймена и его пронзительные крики: — Нувать, Нувать, убиваютъ! — быстро удалявшіеся отъ шатра. Отъ дѣвочки не было слышно даже и этого.

Яякъ простоялъ мгновеніе въ нерѣшительности.

— Какъ онъ кричитъ! — сказалъ онъ съ неудовольствіемъ, поворачивая голову въ ту сторону, откуда доносились крики Каймена. Онъ вдругъ нагнулся и протолкнулъ полубезчувственную дѣвушку внутрь полога сквозь отверстіе входа. Потомъ выдернулъ изъ-за пояса свой новый ножъ, на лѣвой сторонѣ котораго застылъ красный кровавой слѣдъ, и ринулся изъ шатра. Когда онъ вернулся назадъ черезъ нѣсколько минутъ, правая сторона ножа тоже была въ крови. Это не была кровь Кителкута. Это была частица той крови, которая нѣсколько мгновеній

простояла въ видѣ небольшой красной лужи на поверхности убоя, потомъ быстро всосалась внутрь, оставивъ на снѣгу маленькое круглое отверстіе, желтое по краямъ и коричневое внутри, похожее на ту рану, откуда вытекла эта кровь.

IX.

Коравія и Нувать осмотрѣли уже болѣе половины сѣтей. Теперь они подвигались по направленію къ дому, осматривая тѣ сѣти, которыя нарочно оставили для обратнаго пути. Впрочемъ, одинъ Коравія работалъ, какъ слѣдуетъ. Нувать разсѣянно и слабо двигалъ пешней, то и дѣло попадая не туда, или вдругъ останавливался надъ свѣжею прорубью, держа въ рукахъ головки сѣтныхъ шестовъ, которые слѣдовало поскорѣе вытащить наружу. Одну тюленью тушу онъ совсѣмъ вывалилъ изъ сѣти, и она немедленно упала на дно, откуда ее уже нельзя было достать. Онъ то и дѣло посматривалъ въ сторону берега, гдѣ чернѣлась каменная стѣна мыса.

— А это кто идетъ? — вдругъ сказалъ онъ, прикрывая глаза рукой, чтобы лучше видѣть. Коравія, спускавшій въ это время въ воду хоботь сѣти, поднялъ голову.

Отъ Каменнаго мыса по направленію къ нимъ двигалась какая-то точка.

— Кто это идетъ? — повторилъ онъ съ недоумѣніемъ, въ свою очередь присматриваясь. — Человѣкъ или звѣрь?

— Бѣжимъ! — сказалъ Нувать. — Бѣда! скорѣе!

Онъ подхватилъ копье и бросился впередъ.

Коравія побѣждалъ за нимъ, не давъ себѣ труда отвязать собакъ отъ остраго ледяного обломка, вокругъ котораго былъ захлестнутъ передній конецъ потяга.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, точка

росла и выяснялась. Это была, несомненно, человѣческая фигура, которая направлялась къ нимъ, но движенія ея носили очень странный характеръ. Она какъ будто все порывалась бѣжать, но каждый разъ падала впередъ и не могла подняться въ теченіе сравнительно долгаго промежутка и потомъ, поднявшись, снова пыталась бѣжать и снова падала.

Черезъ минуту Нувать узналъ Янту.

— Что случилось? — закричалъ онъ издали, устремляясь впередъ съ такою быстротою, какъ будто его ноги обладали крыльями.

Янта опять упала и, вмѣсто того, чтобы подняться, сѣла на снѣгу. Она изнемогала отъ усталости. Одежда ея была въ беспорядкѣ, мѣховой корсажъ былъ разорванъ до пояса, и голая грудь виднѣлась наружу. Она смотрѣла передъ собою совершенно безумнымъ взглядомъ. Однако, при приближеніи Нувата она сдѣлала попытку что-то выговорить, но губы ея шевелились, не произнося ни звука.

— Что ты сказала? — кричалъ Нувать, подбѣгая.

— Онъ послалъ меня! — выговорила, наконецъ, Янта.

— Кто послалъ? — спросилъ Нувать, задыхаясь отъ волненія и быстрого бѣга. — Отецъ?

— Отецъ умеръ! — сказала дѣвушка. — Онъ послалъ, человѣкъ съ ножомъ: „Поди!.. скажи Нувату и Коравіи, — я взялъ недоплату. Теперь мы въ расчетъ“... — Она произносила слово по слову, съ промежутками, какъ будто съ трудомъ соображая, что ей слѣдовало сказать.

— Захвати дѣвку и собакъ! — крикнулъ Нувать Коравіи, который подбѣгалъ сзади.

И онъ помчался, сколько хватило въ его ногахъ быстроты, по направленію къ мысу.

— Что случилось? — съ ужасомъ спросилъ Коравіа, останавливаясь передъ своей невѣстой.

Увидѣвъ жениха, Янта разразилась такими рыданіями, какъ будто ея сердце хотѣло разорваться.

— Убилъ! — выкрикивала она. — Отца убилъ, мать, сестру, брата... Всѣхъ зарѣзалъ.

Коравія тоже сѣлъ на снѣгъ. У него подкосились ноги. Въ прибавку къ сообщенію Янты въ головѣ его мелькнула страшная догадка.

— А ты какъ убѣждала? — спросилъ онъ, запинаясь.

— Не убѣждала! — рыдала дѣвушка. — Онъ самъ послалъ за вами... Зоветъ васъ, будетъ ждать.

Коравія вскочилъ на ноги. Теперь его сердце горѣло неудержимой жаждой мести. Онъ хотѣлъ-было броситься вслѣдъ за Нуватомъ, но подумалъ, что на собакахъ доѣдетъ быстрѣе. Скрѣпя сердце, онъ воротился назадъ, собираясь бѣжать къ оставленной упряжкѣ. Но Янта ложно истолковала его движеніе. Она думала, что онъ хочетъ послѣдовать за Нуватомъ. Она тоже вскочила на ноги и охватила станъ молодого человѣка съ энергіей утопающаго.

— Не ходи! — кричала она. — Не ходите! Онъ и васъ убьетъ! Тебя, Нувата... А меня возьметъ совсѣмъ, увезетъ на Чаунъ! Не хочу на Чаунъ!.. Ножъ, ножъ! — Она билась въ судорогъ, цѣпляясь за платье жениха, ловила его руки, обнимала ноги. Коравіи казалось, что если онъ вырвется и оставитъ ее одну на снѣгу, она тутъ же умретъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что взвалилъ свою невѣсту себѣ на спину и побѣжалъ къ упряжкѣ, немного сгибаясь подъ тяжестью и напрягая всю свою осторожность, чтобы не раскатиться на убоѣ.

Нуватъ бѣжалъ и бѣжалъ, стараясь какъ можно скорѣе достигнуть поселка. Онъ не остановился, чтобы выслушать рассказъ Янты. Но онъ и безъ того зналъ, что случилось въ его домѣ. Онъ думалъ на бѣгу, что, быть можетъ, еще застанетъ Яака. Онъ совсѣмъ забылъ, что чау-

нець могъ овладѣть однимъ изъ ружей, хранящихся въ шатрѣ Кителькута, и только судорожно сжималъ древко своего копья.

Черезъ часть онъ уже взбѣжалъ по тропинкѣ, ведущей отъ морского берега на верхъ. Собаки жалобно выли позади шатровъ, но ни одинъ человѣкъ на вышелъ ему навстрѣчу. Яка нигдѣ не было видно, и собаки его тоже не стояли на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ были привязаны утромъ. За сотню шаговъ отъ шатра Нуватъ наткнулся на трупъ Каймена. Мальчикъ лежалъ ничкомъ на самой тропинкѣ. Онъ какъ будто уснулъ, но затылокъ его буквально былъ просверленъ страшнымъ ударомъ ножа. Нуватъ бросилъ только бѣглый взглядъ на мертвое тѣло и прошелъ мимо. Въ переднемъ шатрѣ царствовалъ беспорядокъ. Нѣсколько кожаныхъ мѣшковъ, набитыхъ рухлядью, валялось на остывшемъ огнищѣ вперемежку со шкурами. Якъ, конечно, не сталъ дожидаться возвращенія молодыхъ людей, несмотря на его слова, переданныя Янтою. Удовлетворивъ свою месть, онъ захватилъ чай и табакъ, принадлежавшіе Кителькуту, и уѣхалъ. Мѣховъ, ружей, ремней и т. п. вещей онъ не тронулъ, но русскіе товары онъ считалъ законными трофеями своей побѣды. Впрочемъ, Нуватъ не сталъ разсматривать своихъ имущественныхъ ущербовъ. Онъ сталъ на колѣни около трупа матери и взялъ ее за руку. Рука была холодна и уже перестала гнуться. Старуха лежала въ той же позѣ, какъ упала, отброшенная мощной рукой чаунца. На ея растрепанныхъ сѣдыхъ волосахъ, немного повыше лѣваго виска, запеклось нѣсколько капель крови. Нуватъ хотѣлъ подойти къ отцу, но вздрогнулъ и остановился. Глаза старика были открыты и еще смотрѣли сквозь смертельную дымку, заволокшую ихъ. Голова, полуотрубленная ударомъ ножа, неестественно закинулась назадъ. Нувату показалось, что мертвыя губы

отца силятся сказать что-то, но не могутъ. Но онъ пере-силить свое чувство и, перейдя къ старику, присѣлъ на корточки. Потомъ съ рѣшительнымъ видомъ протянулъ руку къ его перерѣзанному горлу и вынулъ изъ раны нѣсколько капель крови. Кровь была мерзлая и запекшаяся. Нуватъ отогрѣлъ ее своимъ дыханіемъ и изобразилъ этой кровью на своемъ лбу и щекахъ наслѣдственные знаки своей семьи¹⁾. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ приобшиться къ крови своихъ предковъ, пролитой подъ его ногами на этой холодной землѣ. Потомъ онъ вышелъ вонъ и подошелъ къ шатру Уквуна. Задній шатерь хранилъ такое же безмолвіе, какъ утромъ, но въ наружномъ его видѣ была перемена. Кругомъ его положили стѣны были обвѣдены длинный и тонкій ремень, связанный у входа²⁾.

— Уквунъ! — громко крикнулъ Нуватъ. — Уквунъ!

Въ шатрѣ слышалось движеніе, но никто не отвѣтилъ на откликъ.

— Уквунъ, покажись! — продолжалъ Нуватъ. — Или я подожду шатерь.

Внутри шатра раздался женскій плачь и неясныя жалобы. Такъ плакали и жаловались коряцкія жены, когда грозный Левтылигалинъ³⁾ требовалъ сдачи предъ входомъ въ Квэдланъ. Движеніе въ шатрѣ усилилось и черезъ минуту старый Уквунъ просунулъ голову изъ входа, потомъ съ видимымъ трудомъ пролѣзъ подъ ремень. Въ лѣвой

1) Каждая чукотская семья ежегодно во время осенняго праздника совершаетъ кровопомазаніе, причемъ члены ея изображаютъ на своихъ лицахъ особые знаки, наслѣдственно переходящіе отъ поколѣній къ поколѣнію.

2) Шатерь обвязываютъ ремнемъ въ знакъ того, что обитатели его предаются отдыху и не желаютъ, чтобы ихъ беспокоили.

3) Одинъ изъ главныхъ героевъ преданій о борьбѣ чукчей съ коряками.

его рукѣ была бѣлая шкура, одна изъ тѣхъ шкуръ, которыя Яякъ далъ ему въ обмѣнъ за полозья, а въ правой—короткій посохъ. Онъ бросилъ шкуру на землю и сталъ на нее, опираясь на посохъ. На немъ была бѣлая кукашка и шаровары изъ бѣлыхъ оленьихъ камусовъ. Шея его была повязана новымъ ситцевымъ платкомъ пестраго узора. Это была его смертная одежда. Пять лѣтъ тому назадъ ему дешево достались на торгу бѣлыя шкуры; онъ заставилъ своихъ женъ сшить себѣ изъ нихъ одежду и, не смотря на свою бѣдность, никому не продалъ ее.

— Гдѣ Яякъ? — спросилъ Нуватъ.

— Уфхалъ! — тихо сказалъ старикъ. Онъ смотрѣлъ себѣ подъ ноги и избѣгалъ поглядѣть въ лицо Нувату.

— Зачѣмъ вы допустили перебить нашу семью? — спросилъ Нуватъ. Тонъ его голоса былъ совершенно спокоенъ.

— Я немощный старикъ, а тамъ женщины! — сказалъ Уквунъ, указывая рукой сперва на себя, а потомъ внутрь шатра.

— Вы даже не выходили наружу! — сказалъ Нуватъ. По множеству мелкихъ признаковъ, онъ могъ теперь опредѣлить весь ходъ убійства такъ ясно, какъ если бы самъ присутствовалъ при немъ.

— Я боленъ! — сказалъ Уквунъ. — Насилу хожу.

Онъ дѣйствительно шатался и съ трудомъ держался на ногахъ, опираясь на посохъ. Нуватъ покачалъ головою.

— Пусть же не говорятъ люди, что дѣти Рожденнаго сукой ушли изъ этого свѣта безъ свиты! — сказалъ онъ.

Семья Кителъкута вела свою родословную отъ Амлю, рожденнаго черной сукой на берегу земли Нэтэнъ. Уквунъ поднялъ голову и въ первый разъ посмотрѣлъ въ лицо Нувату. Онъ увидѣлъ, что рѣшеніе Нувата непоколебимо. Его грязно-смуглыя щеки поблѣднѣли до самой глубины

морщинъ. Онъ какъ будто еще постарѣлъ на десять лѣтъ. Однако, онъ сохранилъ внѣшнее спокойствіе.

— Что же! — сказалъ онъ. — Я и такъ старъ. Если я сталъ тебѣ дичью, кончай скорѣе!

Слова эти заключали въ себѣ формулу добровольной смерти. Уквунъ предпочиталъ получить смертельный ударъ, какъ многіе изъ его предковъ, съ собственнаго своего согласія, чѣмъ биться и трепетать подъ ножомъ, какъ убиваемый олень.

— Ну! — коротко сказалъ Нуватъ.

Уквунъ перетасилъ шкуру, служившую ему подстилкой, къ самому порогу и, обвязавъ себѣ лицо платкомъ, усѣлся на ней. Посохъ онъ положилъ рядомъ съ собою. Онъ закинулся полою шатровой оболочки, какъ покрываломъ, и его почти совсѣмъ не было видно.

— Давай! — сказалъ онъ глухо.

Нуватъ протянулъ ему лезвее копья. Уквунъ ощупалъ его руками.

— Можешь! — послышался голосъ изъ-подъ покрывала.

Онъ наставилъ остріе копья противъ своего сердца. Нуватъ съ силою нажалъ копьё; два бѣлыхъ сапога вдругъ показались изъ-подъ покрывала и сдѣлали нѣсколько судорожныхъ движеній, какъ будто собираясь встать, потомъ вытянулись неподвижно на шкурѣ. Нуватъ выдернулъ копьё и бросилъ его въ сторону. Старикъ недаромъ сѣлъ поперекъ входа. Онъ хотѣлъ заградить убійцѣ входъ въ свое жилище и спасти своихъ женъ. Но Нуватъ рѣшилъ, что и матери его тоже нужны спутницы. Не желая переступить черезъ тѣло старика, онъ вынулъ изъ-за пояса ножъ и сдѣлалъ широкой разрѣзъ въ лѣвой стѣнѣ шатра, потомъ проскользнулъ туда такъ же быстро и неслышно, какъ пробирается горностаи по мышинымъ галлереямъ подъ снѣгомъ. Черезъ минуту изъ шатра раздался отчаянный

воплъ Анеки, прервавшійся на половинѣ. Вельвуна даже не крикнула ни разу.

Когда Коравія прискакалъ на своихъ собакахъ, все уже было кончено. Нуватъ стоялъ у входа въ задній шатерь.

Коравія по дорогѣ успѣлъ приблизительно узнать отъ Янты о томъ, что произошло въ шатрѣ Кителькута. Несмотря на свое разстройство, онъ удивился, видя Нувата неподвижно стоящимъ передъ заднимъ шатромъ.

— Гдѣ другіе люди? — спросилъ онъ своего шурина, подходя къ нему.

Нуватъ не отвѣчалъ. Онъ продолжалъ пристально смотрѣть на тотъ же предметъ. Прослѣдивъ взглядъ своего товарища, Коравія увидѣлъ двѣ неподвижныя ноги въ бѣлыхъ сапогамъ, торчавшія поперекъ входа. Онъ догадался, что онѣ принадлежатъ Уквуну.

— Кто его? — спросилъ онъ съ ужасомъ.

Нуватъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Всѣхъ? — тихо спросилъ Коравія.

Нуватъ кивнулъ головой.

— Зачѣмъ? — спросилъ Коравія.

— Развѣ дѣти Рожденнаго сухой должны уйти изъ этого свѣта безъ спутниковъ? — сказалъ Нуватъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и недавно передъ этимъ.

— Пусть! — сказалъ Коравія. — Но гдѣ Яякъ?

— Я видѣлъ это! — сказалъ Нуватъ, не отвѣчая на вопросъ. — Когда на своемъ кораблѣ я перелеталъ изъ вселенной во вселенную и ноги души моей попирали небесную твердь, я видѣлъ это. Кругомъ меня неслись облака багроваго свѣта. Кровавыя сполохи разстилались отъ запада до востока. Призраки блестящимъ желѣзомъ убивали другъ друга. Когда я вернулся, всѣ столбы моего шатра были испачканы кровью, лицо моего отца было, какъ лицо

мертвеца. Наргинэнь показалъ мнѣ все, но я не хотѣлъ смотрѣть, какъ слѣдуетъ.

— Якъ, Якъ! — говорилъ Қоравіа, занятый своей мыслью.

— Я слышалъ это! — продолжалъ Нувать, не обращая вниманія на его слова. — Вольные голоса ¹⁾ приносили мнѣ издали грозныя вѣсти. Духи шептали мнѣ на ухо днемъ и ночью. Мать Горнаго Эха откликалась изъ ущелья, остерегая. Въ безлюдной пустынѣ неслись крики, зовущіе на помощь. Въ ночной темнотѣ раздавались предсмертныя стоны. Земля и небо, девять вселенныхъ, подземныя и надземныя бездны остерегали меня, а я не хотѣлъ ничего понять.

— Погонимъ Яка! — твердилъ Қоравіа. — Темнѣетъ. Будетъ темно ѣхать.

— Не хочу! — сказалъ, наконецъ, Нувать, вслушавшись въ слова товарища. — Довольно я крови пролилъ на землѣ.

— Я погонюсь! — горячо сказалъ Қоравіа. — Пусть я одинъ. Ты уже исполнилъ свою долю. Оставайся съ сестрой. Пусть голова Яка на мои руки.

— Не надо! — сказалъ Нувать настойчиво. — Довольно крови пролито на эту мерзлую землю. Семь душъ сегодня ушли, запачканныя въ красное. А убійцу видитъ Наргинэнь.

Қоравіа хотѣлъ что-то возразить.

— А я тебѣ говорю, — повелительно сказалъ Нувать, — не ищи и не убивай больше! Наргинэнь видитъ и слышитъ, и знаетъ самъ. Говорю тебѣ, если станешь искать жизни убившаго, потеряешь и свою. И родъ до конца истребится, ибо съ кѣмъ останется Янта безъ тебя?

— А ты? — сказалъ Қоравіа съ удивленіемъ.

— Меня зовутъ, — сказалъ таинственно Нувать. — Я не могу итти съ вами.

¹⁾ Духи, вызываемые путемъ чревоѣщанія.

Қоравія хотѣлъ сказать что-то, но посмотрѣлъ на лицо Нувата и смолкъ. Ему показалось, что Нувать не здѣсь около него, а гдѣ-то, Богъ знаетъ, какъ далеко, и что онъ совсѣмъ не услышитъ его словъ. Янта стояла рядомъ съ нимъ, онъ указалъ ей глазами на брата. Дѣвушка тихо обошла сзади и стала съ другой стороны Нувата.

— Другъ!—сказала она, кладя руку на плечо молодого человѣка.—Развѣ ты меня хочешь оставить? Возьми и меня съ собой! Изъ всей семьи ты одинъ остался надо мной.

— Вотъ твоя семья!—сказалъ Нувать, указывая на ея жениха.—Сдѣлай ее женою, Қоравія! Время твоего выкупа кончилось.

Онъ, повидимому, не подозрѣвалъ, какою цѣною Янта купила себѣ пощаду сегодня утромъ.

— Поѣзжайте къ себѣ домой!—сказалъ Нувать.—Не ходите по этому морю. Будьте оленными. Живите на «горѣ» ¹⁾. Вотъ ваши собаки. Дорожную пищу возьмите отъ сѣтей на льду. Не заходите въ шатры, не берите ничего. Пусть все останется тѣмъ, ушедшимъ...—И онъ сдѣлалъ рукой неопредѣленный жестъ. Потомъ, доставъ изъ своей семейной кибитки длинный ремень, обвязалъ свой шатеръ точно такъ же, какъ былъ обвязанъ шатеръ Уквуна. Потомъ подошелъ къ заднему шатру и, натянувъ оболочку, плотнѣе укрылъ ноги Уквуна, такъ, чтобы скрыть ихъ отъ посторонняго взора.

Қоравія посмотрѣлъ на эти жилища, теперь превратившіяся въ могилы, и на эту молчаливую фигуру, тихо переходившую отъ одной двери къ другой, и ему стало страшно. Ему припомнились рассказы стариковъ, какъ во время Великаго Мора Духъ смерти ходилъ по ночамъ между покинутыми шатрами, считая свою добычу. Онъ не сталъ

¹⁾ Внутри страны.

спорить долѣе и, повернувъ свою нарту къ морю, усадилъ на нее невѣсту. Кромѣ нея, онъ ничего не увозилъ изъ поселка. Онъ рассчитывалъ провести ночь на льду у сѣтей, а на разсвѣтъ, запасшись тюленьимъ жиромъ и мясомъ, вернуться вновь на твердую землю и пуститься въ путь. Черезъ минуту его собаки уже мчались по ледянымъ полямъ. Когда онъ обернулся, чтобы бросить прощальный взглядъ на опустѣлый поселокъ, высокая фигура Нувата стояла на краю взгорья и, казалось, смотрѣла имъ вслѣдъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ описанныхъ выше событій, настоятель чукотской миссіи (кстати сказать, живущій въ Нижнеколымскѣ въ шестистахъ верстахъ отъ ближайшаго чукотскаго поселка) вздумалъ сдѣлать «объѣздъ по миссіи». Уже третью весну онъ все собирался съ мужествомъ для трудной и небезопасной поѣздки по ледовитому морю и каждый разъ возвращался съ полдороги. На этотъ разъ онъ твердо рѣшилъ добраться, по крайней мѣрѣ, до мыса Эрри. Экспедиція путешественниковъ, состоявшая изъ десяти человѣкъ, на шести собачьихъ упряжкахъ, послѣ восьми ночлеговъ подъ открытымъ небомъ, пересѣкла по льду морскую губу, раздѣляющую островъ Айонъ отъ Шелагскаго мыса. Русскіе не взяли съ собой запаса ѣды для себя и корма для собакъ; они надѣялись найти и то, и другое у Кителкута. Но ихъ ожидало жестокое разочарованіе. Шатры стояли на мѣстѣ, но изъ-подъ косматыхъ шкуръ никто не вылѣзъ, чтобы привѣтствовать путниковъ. Только нѣсколько одичалыхъ собакъ, еще бродившихъ по поселку, отозвались хриплымъ воемъ на разноголосый лай колымскихъ упряжныхъ псовъ.

Пріѣзжіе остановились поодаль и послѣ нѣкотораго колебанія отправились на рекогносцировку. Шатры были

попрежнему обязаны ремнями, но весеннія вьюги ворвались внутрь и занесли толстымъ слоемъ снѣга огнище и домашнюю утварь, разбросанную на землѣ. Но изъ-подъ снѣга все еще виднѣлись человѣческія руки и ноги, полуобглоданныя собачьими зубами. Путешественники, пораженные ужасомъ, бѣжали къ своимъ нартамъ. Проведя въ невыразимой тревогѣ бессонную ночь и дождавшись разсвѣта, они поспѣшно пустились въ обратный путь, стараясь поскорѣе добраться до своихъ собственныхъ поселеній. Имъ казалось, что времена чукотскихъ войнъ возвратились обратно, тѣ грозные годы, когда по всей землѣ отъ Анадыря до Колымы и отъ Пильгина до Индигирки всюду можно было находить подобные поселки, населенные мертвецами.

Въ западной сторонѣ много лѣтъ не знали истинныхъ виновниковъ рѣзни. Русскіе говорили, что таинственные шелаги, нѣкогда приходившіе на байдарахъ громить рыбачьи деревни на Колымѣ, снова переплыли море, чтобы разгромить поселокъ на мысу, заимствовавшемъ отъ нихъ свое названіе ¹⁾). Оленные чукчи западной тундры, напротивъ, приписывали это кровавое дѣло таньгамъ, съ которыми ихъ предки вели борьбу и о чьихъ свирѣпыхъ дѣлахъ такъ много рассказываютъ старинныя легенды, подразумѣвая подъ этимъ именемъ одновременно русскихъ, коряковъ и чуванцевъ, нѣкогда совмѣстно дававшихъ контингентъ для военной силы Якунина (майора Павлуцкаго).

Жители Чауна и Кауты имѣли на этотъ счетъ болѣе точныя свѣдѣнія.

Коравія съ невѣстой благополучно добрался до своего

¹⁾ Мысь Эрри или Шелагскій, гдѣ происходитъ дѣйствіе разсказа, лежитъ на восточномъ краю широкаго устья Чаунской губы.

собственного шатра. Если онъ питалъ еще мстительные замыслы противъ Яяка, то въ ближайшее лѣто долженъ былъ навсегда отказаться отъ нихъ.

Наргиненъ, видѣвшій страшное дѣло рукъ чаунскаго богатыря и слышавшій послѣдній крикъ Кителькута, послалъ убійцѣ не менѣе жестокою смерть, чѣмъ жертвамъ. Двоюродный братъ Яяка, тотъ самый, которому онъ недавно собирался поручить свое стадо, составилъ заговоръ противъ его жизни, въ союзѣ съ другимъ молодымъ па-стухомъ, выросшимъ въ семьѣ Яяка. Оба они съ молодыхъ лѣтъ жили подъ защитой его огня и питались отъ его стада, но считали себя въ правѣ лишить жизни чело-вѣка, посягнувшаго на такое ужасное дѣло. Истиннымъ мотивомъ заговора, впрочемъ, было желаніе овладѣть многочисленнымъ стадомъ, принадлежавшимъ Яяку. Заговорщики боялись напасть на богатыря при дневномъ свѣтѣ и рѣшили убить его ночью во время сна. Двоюродный братъ, ночевавшій съ нимъ въ одномъ положу, уловивъ удобную минуту, ударилъ его топоромъ по головѣ. Ударъ былъ нанесенъ ошупью и не могъ раздробить крѣпкой чере-пѣ Яяка. Исполинъ успѣлъ схватить свой ножъ и вы-скочить на дворъ. Несмотря на тяжелую рану, онъ ока-зался не подъ силу убійцамъ, погнавшимся за нимъ, и уже успѣлъ распороть бокъ своему двоюродному брату. Перевѣсъ, несомнѣнно, склонялся на его сторону. Въ это время какой-то чело-вѣкъ, проходившій мимо съ копьемъ въ рукахъ, поспѣшилъ на помощь убійцамъ и притворилъ великана къ землѣ своимъ копьемъ. Горло Яяка было перерѣзано тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ онъ когда-то отрѣзалъ голову старому торговцу на мысѣ Эрри. Замѣ-чательно, что проходившій чело-вѣкъ, помогавшій убійству, тутъ же исчезъ неизвѣстно куда, какъ будто провалился сквозь землю. Другіе убійцы, впрочемъ, не стали его ра-

зыскивать. Имъ было довольно заботы на своемъ стойбищѣ. Они, однако, успѣли хорошо рассмотреть его лицо, такъ какъ на дворѣ было совершенно свѣтло. Это былъ молодой человѣкъ, высокій и худощавый, съ продолговатымъ лицомъ и задумчивыми глазами. Они со страхомъ припоминали, что уста его во все время не открылись ни разу, какъ будто онъ былъ нѣмъ. Легенда о Шелагской рѣзнь, на слѣдующую зиму рассказанная сказочниками въ Уэленѣ ¹⁾, во время долгихъ декабрьскихъ ночей, говорить, что это былъ духъ Нувата, посланный Наргиненомъ для того, чтобы отомстить за смерть его отца.

Никто никогда не могъ сказать, что сдѣлалось съ настоящимъ живымъ Нуватомъ. Кочевники на западной тундрѣ говорятъ, правда, будто въ послѣдніе годы на самомъ крайнемъ изъ Медвѣжьихъ острововъ на Ледовитомъ Океанѣ завелся житель. Охотники за бѣлыми медвѣдями, посѣщающіе каждую весну островъ Креста, будто бы нашли тамъ оленя, издохшаго отъ раны. Изъ раны торчала желѣзная стрѣла особой формы съ небольшимъ листовиднымъ остриемъ, вырубленнымъ изъ стараго котельнаго желѣза, какія до сихъ поръ весьма употребительны у приморскихъ чукчей. Старухи на тундрѣ уже стали говорить, что въ декабрьскія ночи вѣтеръ, прилетающій съ сѣвера, со стороны Медвѣжьихъ острововъ, приноситъ съ собой глухой и частый стукъ бубна, какъ будто гдѣ-то, въ недоступной дали, таинственный шаманъ призываетъ своихъ духовъ.

Съ другой стороны, торговые чукчи съ Якана, возвратившіеся на байдарѣ изъ обычной лѣтней поѣздки къ американскимъ Икыргаулямъ ²⁾ и прибитые бурей къ берегу,

1) Поселокъ у Берингова пролива.

2) Икыргаулинь—ротастый. Такъ называютъ чукчи американскихъ эскимосовъ за то, что они вставляють по угламъ рта по бусинѣ или по кусочку дерева.

недалеко отъ проклятыхъ скалъ Кичетуна, гдѣ прячутся въ пещерахъ морскіе оборотни ³⁾, подстерегая неосторожнаго морехода, видѣли на пескѣ человѣческой слѣдъ. Онъ уходилъ прямо къ пещерамъ, пользующимся такой дурной славой, и они не рѣшились отыскивать того, кому онъ принадлежалъ. Если угодно, одинъ изъ этихъ разказовъ можно связать съ исчезновеніемъ Нувата.

Еще одинъ членъ семьи Кителъкута спасся отъ гибели. Яякъ, догнавъ Каймена и умертвивъ его, не захотѣлъ преслѣдовать его жены; быть можетъ, онъ опасался, что другая, болѣе цѣнная добыча, лежавшая въ пологу Кителъкута, можетъ уйти отъ него тѣмъ временемъ. Дѣвочка убѣжала внутрь страны по направленію къ горамъ, темнѣвшимъ на югѣ. Шестъ ночей она провела на снѣгу безъ крова и пищи. Но ей удалось перебраться черезъ переваль и достигнуть человѣческаго жилища.

Вышеупомянутая легенда разказываетъ, что огромная черная сука, бывшая прародительницей Кителъкутова рода, явилась ей на первомъ же ночлегѣ и съ тѣхъ поръ все время оказывала ей покровительство. Днемъ она шла впереди, указывая ей дорогу, а ночью согрѣвала ее своимъ тѣломъ и кормила молокомъ изъ своихъ сосцовъ. Какъ бы то ни было, дѣвочка благополучно добралась до оленней семьи, поставившей свой зимникъ на рубежѣ лиственничнаго лѣса на верховьяхъ рѣки Выйона, текущей съ вышеупомянутаго хребта на юго-западъ. Коравія узналъ объ ея спасеніи только черезъ годъ. Но онъ не захотѣлъ отнимать родственницу своей жены у пріютившихъ ее людей, тѣмъ болѣе, что тамъ уже нашелся для нея новый женихъ.

На стрѣлкѣ Каменнаго мыса до сихъ поръ нѣтъ жите-

³⁾ Чудовища, похожія на дельфиновъ, которыя будто бы лѣтомъ опрокидываютъ байдары и пожираютъ мореходовъ, а зимою выходятъ на сушу и превращаются въ волковъ.

лей. Двѣ семьи тюленьихъ охотниковъ, пришедшія черезъ два года искать промысла въ этихъ водахъ, обильныхъ добычей, поставили свои шатры верстъ на пятнадцать къ востоку у другой оконечности скалистой гряды, выходящей къ морю. Шатры убитыхъ людей стоятъ на своей каменной площадкѣ въ прежнемъ мрачномъ безмолвіи; бури сорвали съ деревянной основы большую часть кожаной оболочки Песцы изглодали все то, что валялось на землѣ. Теперь отъ шести труповъ осталось только нѣсколько разбросанныхъ костей. А надъ ними нѣсколько кожаныхъ клочьевъ, развѣвающихся на конической верхушкѣ переплета жердей, указываютъ человѣку, проѣзжающему мимо, то мѣсто, гдѣ когда-то жили и промысляли двѣ погибшія семьи.

Кривоногій.

Эуннэкай медленно брель по склону высокаго «камня», опираясь на длинное ратовище чэруны ¹⁾ и съ трудомъ переставляя свои кривыя ступни. Его небольшое и тщедушное тѣло сгибалось подъ тяжестью огромной котомки, навьюченной на спину и поддерживаемой однимъ узкимъ ремнемъ, перетянутымъ черезъ грудь. Товарищи ушли впередъ со стадомъ и сложили свои ноши на его безсильныя плечи. Участъ вьючнаго животнаго была его постоянной долей. Все равно, онъ не могъ быть помощникомъ при вѣчной погонѣ за разбѣгающимися оленями, и ему приходилось волей-неволей облегчать другихъ пастуховъ отъ излишней тяжести и брать ее на себя. Его лѣвая нога отъ колѣна до лодыжки ныла и болѣла, какъ будто хотѣла переломиться. Спина тоже ныла; уродливая грудь, выгнутая, какъ у птицы, сжималась, словно въ тискахъ. Ремень отъ котомки скатывался на шею и душилъ, какъ петля.

Ноша Эуннэкая имѣла такіе почтенные размѣры, что не всякій вьючный олень могъ мы ее нести. Тутъ было безчисленное множество обуви, которая во время лѣтнихъ скитаній по острымъ камнямъ хребтовъ такъ и горитъ на ногахъ пастуховъ, нѣсколько перемѣнъ мѣховой одежды, три верхнихъ балахона изъ невидѣланной оленьей кожи,

¹⁾ Чэруна — небольшой желѣзный крюкъ на длинномъ ратовищѣ, употребляемый для выхватыванія мелкой рыбы изъ воды.

нѣсколько длиннѣйшихъ ратовищъ, подобныхъ тому, которое Эуннэкай держалъ въ рукахъ, большой котелъ, копье, пара большихъ ножей въ поларшина длиной.

Несмотря на то, что июльское солнце палило отвѣсными лучами даже вѣчно холодные камни Степанова хребта, Эуннэкай былъ одѣтъ въ неизмѣнную мѣховую рубаху и такіе же шаровары, а голова его была покрыта рыжей шапкой изъ шкуры двойного пыжика. Эуннэкай такъ привыкъ къ этой одеждѣ, что разсматривалъ ее, какъ свою природную шкуру. Отъ зноя онъ не страдалъ. Тенантумгинъ, Оленій Богъ, давшій всѣмъ звѣрямъ косматую одежду, одарилъ ее чудесной способностью — лѣтомъ линять и становиться тоньше, чтобы обладатели ея не слишкомъ страдали отъ жары. Эуннэкай былъ созданъ нагимъ и долженъ былъ самъ придумывать для себя защиту отъ измѣчивости стихій и, конечно, его выдумка не отличалась такимъ совершенствомъ, какъ созданіе великаго родоначальника и творца полярной земли.

Эуннэкай шелъ и раздумывалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ оглодалъ послѣднюю косточку, брошенную его братомъ Каулькаемъ, изъ которой онъ пытался извлечь еще какой-нибудь съѣдобный матеріалъ, мясо не касалось его устъ. Впрочемъ, онъ не очень страдалъ отъ голода. Чукчи вообще ѣдятъ разъ въ день, а молодые люди, пасущіе стада, сплошь и рядомъ голодаютъ по два и по три дня, особенно въ лѣтнее время. Эуннэкай привыкъ разсматривать голодь, какъ нормальное условіе своей жизни. И въ этомъ отношеніи онъ тоже былъ выносливѣе своихъ оленей!

Солнце поднималось выше и выше, а шагъ Эуннэкай становился все медленнѣе. Утромъ, когда онъ впервые тронулся въ путь, онъ шагалъ не такъ тихо и долго не терялъ изъ вида стада, двигавшагося впереди. Олени поминутно останавливались и щипали свѣжіе листочки на вѣт-

вахъ мелкихъ кустиковъ, зелень которыхъ они такъ любятъ. Пастухи то и дѣло отбѣгали въ сторону, чтобы собрать во едино разбредаящихся животныхъ. Стадо подвигалось впередъ довольно медленно. Но потомъ Эуннэкай отсталъ и потерялъ-таки его изъ вида. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, и стадо, должно быть, успѣло сдѣлать болѣе половины пути по направленію къ бѣлой наледи, дающей желанную защиту отъ комаровъ. А Эуннэкаю предстояло итти еще очень долго. Окружающая мѣстность была знакома ему, какъ его пять пальцевъ. Недаромъ онъ родился и выросъ въ пустынѣ. Онъ узнавалъ каждый уступъ окружающихъ его вершинъ, каждый изгибъ маленькой горной рѣчки, бѣжавшей по сѣрымъ камнямъ въ узкой ложбинѣ, и зналъ, что ему придется сдѣлать еще много поворотовъ, пока вдали блеснутъ бѣлые края широкой наледи, не тающей даже подъ іюльскимъ солнцемъ.

Столбъ комаровъ съ пронзительнымъ жужжаніемъ вился надъ головою Эуннэкай, словно призывая къ атакѣ. Комары торопились воспользоваться благоприятными минутами. Время отъ времени Эуннэкай медленно проводилъ рукою по лицу и, раздавивъ десятка полтора комаровъ, размазывалъ кровь по щекѣ или по лбу. Лицо его было покрыто засохшими пятнами такой крови. Но и помимо этихъ пятенъ, смуглое лицо Эуннэкай было до такой степени испачкано грязью, что даже среди никогда не моющихъ чукчей заслужило ему названіе Чарарамкина, т. е. грязнаго жителя. Глаза его были узки и прорѣзаны наискось, губы некрасиво оттопырились, низкій лобъ, сильно наклоненный назадъ, переходилъ въ худо сформированный несимметричный черепъ. Надъ безобразіемъ Эуннэкай смѣялись молодая дѣвушка на всѣхъ тѣхъ стойбищахъ, гдѣ когда-либо показывалась его жалкая фигура.

Рѣчка, по которой лежалъ путь Эуннэкай, носившая

ламутское имя Муруланъ, постоянно разбивалась на множество мелкихъ ручьевъ, совершенно наполняя ложбину, пролежавшую между двухъ невысокихъ, но обрывистыхъ горныхъ цѣпей.

Тропа то и дѣло обрывалась и переходила съ лѣваго берега на правый и обратно, перерѣзывая одинъ за другимъ эти безчисленные ручьи. Эуннэкай переходилъ ихъ въ бродъ въ своихъ толстыхъ мѣховыхъ штанахъ, впитывающихъ воду, какъ губка, и жалкой дырявой обуви, сгибаясь въ три погибели подъ тяжестью ноши и только стараясь, чтобы мелкое, но яростное теченіе не сбило его съ ногъ. Онъ былъ не очень твердъ на своихъ кривыхъ ступняхъ, смотрѣвшихъ въ разныя стороны.

Наконецъ, Эуннэкай совершенно остановился. Онъ ощущалъ непреодолимое стремленіе отдохнуть. Что дѣлать? Величайшій порокъ чукотскаго «охранителя стадъ» былъ въ высшей степени присущъ ему. Онъ любилъ спать. Его товарищи, никогда не отдавашіе сну больше половины своихъ ночей, часто проводившіе по трое сутокъ, не смыкая глазъ, въ постоянномъ охраненіи непокорныхъ стадъ, больше всего презирали его именно за эту постыдную слабость. Но избавиться отъ нея было выше силъ Эуннэкай. Когда у него болѣла грудь, онъ ощущалъ непобѣдимое стремленіе свернуться гдѣ-нибудь подъ кустомъ или подъ камнемъ и предаться забвенію, уничтожавшему на время его существо.

Сонъ Эуннэкай не былъ здоровымъ сномъ молодого организма, готоваго воспрянуть съ новымъ запасомъ силъ. То была тусклая дремота больного животнаго, апатично отказывающагося отъ всѣхъ проявленій жизни, пелена глухой тьмы, не освѣщавшейся ни однимъ призрачнымъ лучемъ, унылый обморокъ, лишенный грезъ и видѣній, истинное подобіе и преддверіе смерти.

Остановившись на широкой каменной площадкѣ, покрытой тонкимъ слоемъ свѣтлозеленаго мха, перемежаемаго бурыми и ржавокрасными пятнами лишаяевъ, Эуннэкай сбросилъ свою ношу на землю, не теряя ни минуты опустился около нея, покрылъ лицо платкомъ въ защиту отъ комаровъ, уронилъ голову на мягкую котомку и сразу замеръ, придя въ привычное ему состояніе временнаго небытія. Комары продолжали кружиться надъ его невзрачной фигурой, отыскивая уязвимыя мѣста, слѣпни гудѣли и съ налета опускались на его грудь и руки, безуспѣшно стараясь пробить крѣпкимъ жаломъ, укрѣпленнымъ въ нижней части тѣла, толстый мѣхъ его одеждъ. Только Эуннэкай могъ спать на самомъ солнцепекѣ, окутанный мѣховой одеждой и съ закрытымъ лицомъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Эуннэкай проснулся. Горло его было сухо. Ему хотѣлось пить. Онъ спустился внизъ по неровнымъ уступамъ камней и жадно припалъ къ водѣ, не обращая вниманія на то, что воротъ его рубахи мокнетъ въ бѣгущей струѣ, а колѣни погружаются въ сырой песокъ. Его одежда и такъ была наполовину пропитана водой.

Напившись ледяной воды, Эуннэкай утѣлся на сухой дресвѣ и сталъ перебирать и разсматривать мелкіе камешки, во множествѣ разсыпанные на берегу рѣки. Пристрастіе его къ маленькимъ рѣдкостямъ, какія можетъ находить пастухъ, вѣчно бродящій по берегамъ рѣкъ и вершинамъ горъ, тоже служило немалымъ поводомъ для постоянныхъ насмѣшекъ надъ нимъ. Эуннэкай собиралъ яркія перья, косточки, обрывки цвѣтныхъ хвостиковъ, которые чукчанки пришиваютъ къ одеждѣ и т. п. Но въ особенности онъ любилъ собирать мелкіе цвѣтные камешки, красные, какъ цвѣтъ шиповника, синіе, какъ глазокъ полярнаго колокольчика, прозрачные, какъ кусокъ рѣчнаго

льда. У него за пазухой всегда копился запасъ такихъ камешковъ, размѣры котораго постепенно увеличивались. Когда коллекція начинала обращаться въ бремя, Эуннэкай не безъ сожалѣнiя извлекалъ свое богатство изъ нѣдръ подвижной сокровищницы, чтобы оставить его среди той пустыни, гдѣ оно было собрано. Для этого онъ старался выбрать мѣстечко повыше и поровнѣе, какую-нибудь площадку, гладкiй уступъ скалы и раскладывалъ на немъ свои камни, выводя изъ нихъ правильные узоры и заимствуя образцы отъ ламутскихъ вышивокъ, которыя ему не разъ приходилось видѣть, — и уходилъ прочь, для того, чтобы немедленно начать собиранiе новыхъ сокровищъ. Это было проявленiемъ первобытной эстетической потребности вродѣ той, какая присуща нѣкоторымъ птицамъ, украшающимъ подобными рѣдкостями свои временные павильоны для весеннихъ прогулокъ.

Только два камня Эуннэкай ни за что не хотѣлъ оставить и носилъ ихъ за пазухой уже третье лѣто. Одинъ изъ нихъ былъ кусочекъ чернаго агата, обточенный въ видѣ конуса съ отломленной верхушкой и глубокой царапиной на нижней грани, другой — круглый кремень дымчатаго цвѣта, величиною съ орѣхъ. Эуннэкай придавалъ имъ значенiе амулетовъ и, чувствуя ихъ прикосновенiе къ своей голой груди, ощущалъ, какъ будто, таинственную поддержку среди всевозможныхъ невзгодъ своей жизни. Ему казалось, что даже боль въ его груди смягчается отъ прикосновенiя этихъ камней.

Кромѣ камней, Эуннэкай любилъ также цвѣты. На своихъ неуклюжихъ ногахъ онъ иногда взбирался на самые крутые склоны, чтобы сорвать большую желтую лилю, пробившуюся сквозь щель скалы, и прижималъ къ лицу нѣжные лепестки, не умѣя дать имъ названiя, не имѣя даже словъ, чтобы опредѣлить тотъ или иной оттѣнокъ яркости,

будившій въ его сознаниі неопредѣленное чувство красоты. Проходя по горнымъ лугамъ, разукрашеннымъ яркими красками альпійской флоры, онъ иногда бросался на землю, катался, какъ оленій теленокъ, взадъ и впередъ, приминая своимъ тѣломъ алыя, фіолетовыя и голубыя головки, срывалъ ихъ обѣими руками, чтобы приложить къ своимъ щекамъ и волосамъ, и незамѣтно засыпалъ среди цвѣтовъ въ своей бурой мѣховой рубахѣ, какъ будто полярная пародія первобытнаго царя природы, заснувшего на пышномъ цвѣточномъ ложѣ, подъ знойнымъ кровомъ тропическихъ небесъ.

Но цвѣты были, по его мнѣнію, хуже камней. Ихъ красота была слишкомъ непрочна. Было бесполезно уносить ихъ съ собою, такъ какъ они тотчасъ же портились и увядали. Ихъ приходилось отбрасывать прочь, не имѣя возможности даже соорудить узорное украшеніе на скалѣ изъ осыпающихся лепестковъ, разлетавшихся по вѣтру, какъ пухъ мертвой птицы.

Однако, на этотъ разъ ему не попалось ничего, что было бы достойно присоединиться къ его сокровищамъ. Дресва на берегу Мурулана состояла изъ обломковъ песчаника тусклаго свѣтложелтаго, сѣроватаго и зеленоватаго цвѣта. Даже формы ихъ были угловаты и неправильны. Маленькая горная рѣчка не имѣла досуга, чтобы правильно обтачивать обломки каменныхъ породъ, загромождавшихъ ея теченіе, и только дробила ихъ на самыя мелкія части, съ шумомъ сбѣгая внизъ по скату долины.

Порывшись немного въ дресвѣ, Эуннэкай поднялся на ноги и неловко полѣзъ обратно на косогоръ. Онъ чувствовалъ себя все-таки гораздо лучше прежняго. Продолжительный отдыхъ всегда приносилъ ему облегченіе. Грудь его перестала болѣть, нога ныла значительно слабѣе. Надо было продолжать прерванный путь, не то ему никогда не до-

браться до наледи. Взваливъ на плечи свою котомку, Эуннэкай довольно бодро пустился въ дорогу.

Смутныя мысли медленно ползли въ его головѣ, слѣдуя другъ за другомъ непрерывнымъ рядомъ, словно цѣпь его хромящихся шаговъ.

— Вотъ ламуты! — думалъ онъ. — Они не носятъ котомки на плечахъ... Лукавые люди! Выдумали взвалить свою тягость на оленью спину. И пѣшкомъ не любятъ ходить! Дядя его, Эйгелинъ, когда увидитъ ламутское кочеваніе, смѣется: «Хорошъ пастухъ! Сзади стада верхомъ ѣдетъ! Свои ноги жалѣетъ, а олени нѣтъ!..»

— Правда! — Эуннэкай неодобрительно покачалъ головой. — Грѣшно отягощать лѣтомъ оленей! Это значитъ служить враждебному духу Кэля, приводящему «хромую болѣзнь»!

Подумавъ о Кэля, Эуннэкай со страхомъ посмотрѣлъ вокругъ. Вѣдь и его болѣзнь, конечно, тоже была дѣломъ враждебныхъ Кэля. Кто-нибудь изъ нихъ, навѣрно, возненавидѣлъ его родъ. Можетъ, еще дѣдъ или прадѣдъ обидѣлъ его, обошелъ его жертвой, пренебрегъ въ началѣ осени окропить закатъ кровью черного оленя, убитаго среди пустыни, или что-нибудь въ этомъ родѣ, а онъ выместилъ злость на Эуннэкай и въ минуту его рожденія вывернулъ ему ногу и исковеркалъ грудь... А что, если и теперь онъ не оставилъ Эуннэкай въ покоѣ? Если онъ тутъ, совсѣмъ близко? Вѣдь видѣть его глазами нельзя!.. Онъ вспомнилъ, что недалеко находилось ущелье Уннукина, названное такъ по имени чукотской семьи, которую Кэля погубилъ тамъ. Двѣ жены Уннукина родили ему пять сыновей и пять дочерей, и никто изъ нихъ никогда не зналъ, что такое болѣзнь. Но Уннукинъ обѣщалъ злему духу оленя и забылъ исполнить обѣщаніе. И вотъ, когда Уннукинъ прикочевалъ въ это ущелье и остановился на ночлегъ, Кэля явился

ночью и унесъ его обѣихъ женъ и пять сыновей, и пять дочерей. Только Уннукинъ остался въ живыхъ, въ ужасѣ покинулъ стадо и шатерь и бѣжалъ, куда глаза глядятъ.

Непріятная дрожь пробѣжала по спинѣ Эуннэкай. Онъ спустился къ рѣкѣ и перебрелъ ее безъ особенной надобности, кое-какъ прыгая съ камня на камень, чтобы не слишкомъ замочиться, но рассчитывая сдѣлать текущую воду преградой между Кэля и собой. Теперь тропинка извивалась въ густыхъ и высокихъ кустахъ тальника и ольховника, сквозь которые Эуннэкай съ трудомъ пробирался, то и дѣло путаясь ногами въ корняхъ, торчавшихъ во всѣ стороны. Онъ шелъ, опустивъ голову и внимательно разсматривая дорогу. Мягкая земля, покрывавшая въ этомъ мѣстѣ каменную подпочву, была вся испещрена слѣдами. Большею частью то были овальные раздвоенные отпечатки оленьихъ копытъ, съ едва намѣченными сзади тонкими верхними копытцами. Эуннэкай всматривался въ эти отпечатки: то не были слѣды чукотскаго оленя: товарищи его не захотѣли бы прогнать стадо по такой неудобной заросли и, безъ сомнѣнія, предпочли сдѣлать небольшой обходъ по болѣе открытымъ мѣстамъ. То были, конечно, слѣды Эльвиля (дикаго оленя). Слѣдъ былъ глубже, копыта длиннѣе, задніе пальцы больше вдавлены. А вотъ совсѣмъ свѣжій слѣдъ! О, какой огромный быкъ ходилъ тутъ! Должно быть, жиру на бедрахъ по меньшей мѣрѣ на три пальца. Вотъ бы убить!.. А это что?.. Между многочисленными слѣдами на самой тропинкѣ ему попался еще отпечатокъ, очень похожій на слѣдъ босой человѣческой ступни, только гораздо шире и со вдавленными основаніями пальцевъ. Но Эуннэкай очень хорошо зналъ, что за человѣкъ оставилъ этотъ отпечатокъ: тотъ самый, который вѣчно ходитъ босикомъ и не носитъ мѣховой обуви.

Онъ остановился, какъ вкопанный, и почувствовалъ,

что волосы на его темени начинают приподниматься дыбомъ.

— Безъ собаки хожу! — пронеслось въ его головѣ. — Самъ себя скормлю звѣрю и никто знать не будетъ!

Слѣдъ былъ совсѣмъ свѣжій, какъ будто чернѣйшій старикъ только что прошелъ по этой тропѣ. Эуннэкай стоялъ, не смѣя перенести ногу черезъ роковой отпечатокъ и не рѣшаясь обойти его сбоку, и пытливо всматривался въ густую листву, какъ будто опасаясь, что вотъ-вотъ покажется страшная морда съ маленькими злыми глазками и оскаленными зубами и потянется къ нему навстрѣчу.

— Что одинъ слѣдъ? — попробовалъ онъ утѣшить себя. — Старикъ, должно быть, ушелъ, Богъ знаетъ куда! Надо и мнѣ уйти поскорѣе!

Но рѣшеніе Эуннэкай умерло, не успѣвъ сформироваться. Въ десяти шагахъ отъ него послышался трескъ сучьевъ... Большая бурая масса поднялась изъ ямы, наполненной прошлогодними сухими листьями, и вышла на дорогу. Эуннэкай увидѣлъ длинную морду, протянутую къ нему навстрѣчу. Маленькіе глазки шурились и мигали, кончикъ носа морщился и безпокойно поворачивался во всѣ стороны, зубы наполовину оскالились; все было совсѣмъ такъ, какъ онъ только что представлялъ себѣ.

Медвѣдь остановился на дорогѣ и посмотрѣлъ на Эуннэкай.

— Старикъ! — сказалъ съ отчаяніемъ Кривоногий. — Пожалѣй меня! Пощади меня! Во всю мою жизнь я не трогалъ никого изъ твоего рода. Я не говорилъ о тебѣ худо! Встрѣчая слѣдъ твой на дорогѣ, я не ступалъ черезъ него, а обходилъ далеко стороною... Пожалѣй меня! Иди къ тѣмъ людямъ, которые наносятъ тебѣ обиды, которые говорятъ хвастливо тебѣ навстрѣчу и приходятъ въ твой домъ съ копьями, чтобы заколотъ тебя и съѣсть твое мясо!

Эуннэкай дрожалъ, какъ листъ, произнося эти заклинанія. Медвѣдь, вѣроятно, былъ сытъ или онъ, дѣйствительно, тронулся жалобами Эуннэкай. Онъ постоялъ немного, какъ будто бы ждалъ, не скажетъ ли тотъ еще чего-нибудь, потомъ покинулъ тропинку и, лѣвиво переступая, скрылся въ той же чащѣ, откуда вышелъ. Судя по шуршанію листьевъ и треску мелкихъ сучьевъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, онъ, кажется, опять намѣревался улечься на отдыхъ и выбиралъ себѣ ложе помягче.

Эуннэкай подождалъ, чтобы медвѣдь скрылся изъ глазъ, и быстрыми шагами направился впередъ, не забывая обходить медвѣжьи слѣды, виднѣвшіеся на тропѣ. Онъ совсѣмъ забылъ о ношѣ, лежавшей на его плечахъ, и чувствовалъ неодолимое стремленіе, какъ можно скорѣе, удалиться отъ опаснаго мѣста. Если бы онъ не боялся разсердить старика слишкомъ замѣтной торопливостью, онъ бы пустился бѣгомъ сквозь кусты, несмотря на свою больную ногу.

— Пожалѣлъ старику!— думалъ онъ.— Все знаетъ, до чиста! Зачѣмъ станеть обижать бѣднаго парня, который никогда не говорилъ о немъ худо? А въ прошломъ году онъ унесъ Айвана прямо съ ночлега. И подѣломъ! Если дѣдушка хочетъ зарѣзать оленя, пастухъ не долженъ тотчасъ же хвататься за ружье. Русакамъ вѣдь убиваемъ оленей и ламутамъ тоже, безъ платы! — говорилъ себѣ Эуннэкай. А Айванъ пришелъ на ночлегъ и расхвастался: «Ружье вычищу, говоритъ, завтра медвѣдя промыслятъ стану!» Ну, старику въ обиду стало!.. Айванъ разбираетъ ружье, а старику пришелъ къ костру и унесъ его вмѣстѣ съ ружьемъ. Айванъ кричалъ и звалъ на помощь. А другіе пастухи припали лицомъ къ землѣ и боялись дышать, чтобы старику не замѣтилъ и не сталъ вымещать обиду и на нихъ. А потомъ въ лѣсу нашли отъ Айвана обѣденную ногу.

Въ этотъ день Эуннэкай не отдыхалъ больше и неуклонно шелъ впередъ, стремясь поскорѣе присоединиться къ товарищамъ. По временамъ онъ подозрительно оглядывался. Онъ боялся, чтобы старикъ не передумалъ и не пустился за нимъ въ погоню. Жидкія рощи корявыхъ листовнищъ, темнѣвшія мѣстами на берегахъ Мурулана и на склонахъ горныхъ вершинъ, окаймлявшихъ его теченіе, по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ рѣки становились все рѣже и приземистѣе и, наконецъ, совершенно исчезли. На южныхъ склонахъ мѣстами еще виднѣлись три или четыре тонкихъ искривленныхъ дерева, какъ будто съжившихся отъ стужи, царствующей здѣсь почти цѣлый годъ. Только ползучій кедровникъ широкими пятнами лѣпился по обнаженнымъ буро-коричневымъ склонамъ, пользуясь каждымъ выступомъ, каждой неровностью камней, чтобы разостлать свои кудрявыя цѣпкія вѣтви. Высокій тальникъ и развѣсистый ольховникъ тоже исчезли и замѣнились низкорослыми кустиками не выше полуаршина, жесткими, густыми и курчавыми, похожими на зеленую шерсть, такими сухими, что можно было разводить огонь ихъ тонкими сучьями. Наконецъ, когда солнце уже низко склонилось къ западному краю горныхъ вершинъ, вдали блеснула бѣлая линія желанной наледи. Эуннэкай радостно поднялъ голову и еще прибавилъ шагъ.

Стадо паслось на широкой и ровной площади, поросшей густымъ моховымъ ковромъ, шагахъ въ трехстахъ отъ наледи. Съ наступленіемъ вечера потянулъ легкій вѣтерокъ, сдувая большую часть насѣкомыхъ, которыя успѣли укрыться въ травѣ или между листьевъ кустарника. Только самые упрямые изъ комариного воинства еще кружились, звеня крыльями надъ головой оленей, но вѣтеръ препят-

ствовали имъ расчитывать движенія и, когда они опускались внизъ, каждый разъ относилъ ихъ въ сторону. Олени, пользуясь промежуткомъ свободы, паслись на моховищѣ, поспѣшно вырывая свѣтло-зеленый мохъ большими клочьями изъ каменистой почвы и торопясь набить желудокъ, пока комары вновь не возстали изъ праха. Стадо было очень большое, около трехъ тысячъ головъ. Молодые бычки, по зимней привычкѣ, то и дѣло пытались разгрести то лѣвымъ, то правымъ копытомъ воображаемый снѣгъ и каждый разъ только извлекали рѣзкій стукъ изъ твердаго камня. Старые быки степенно бродили взадъ и впередъ, опустивъ головы, увѣнчанныя вѣтвистыми рогами, уже выросшими до полныхъ размѣровъ, но покрытыми еще мягкой гладкошерстной кожей, похожей на черный бархатъ. Старыя матки и молодыя важенки, стройныя, изящныя, какъ будто выточенныя изъ темнаго мрамора, виднѣлись повсюду. Телята съ черной шерстью, высокіе, смѣшныя, съ тонкимъ и короткимъ туловищемъ, съ маленькимъ хвостикомъ, задраннымъ кверху, какъ у собаки, бѣгали вокругъ на своихъ длинныхъ ногахъ. Самые робкіе съ тревожнымъ хрюканьемъ метались по пастбищу, отыскивая матокъ. Другіе не очень заботились о собственной матери. То были любимцы стада, получавшіе, такъ сказать, общественное воспитаніе. Тамъ и сямъ можно было видѣть, какъ четверо или пятеро такихъ избалованныхъ питомцевъ, обступивъ со всѣхъ сторонъ какую-нибудь старую важенку, наперебой другъ передъ другомъ теребили ея короткіе сосцы, и, поминутно ударяясь головой объ вымя, настойчиво требовали молока... Важенка стояла смирно, отдаваясь всецѣло избалованнымъ дѣтямъ стада, которыя сосали ее трое и по-четверо вдругъ, отбиваясь въ то-же время задними копытами отъ новыхъ претендентовъ.

Каулькай и Кутувія, другіе пастухи стада, сидѣли на

самомъ краю площади у маленькаго костра, протянувшаго по вѣтру длинный и тонкій дымокъ съ развихреннымъ концомъ, похожимъ на кудрявую метелку. Пастухи отдыхали отъ бѣготни, увѣренные, что олени не уйдутъ съ пастбища, пока нѣтъ комаровъ.

— Пришелъ?— сказалъ Кутувія, поднимая голову. Онъ лежалъ на животѣ, опираясь локтями объ землю. То былъ здоровый, точно выкованный изъ желѣза человекъ, съ плоскимъ и широкиимъ лицомъ, безформеннымъ носомъ, похожимъ на шишку, и узкими глазами, какъ будто выковырянными тупымъ шиломъ. Черты его лица поражали грубостью, фигура напоминала обрубокъ массивной плахи, поставленный на пару крѣпкихъ прямыхъ кольевъ. Зато на своихъ четверугольныхъ плечахъ Кутувія могъ нести на большое разстояніе круглую, т.-е. не ободранную и невыпотрошенную оленью тушу.

Каулькай сидѣлъ противъ него на корточкахъ, упираясь подбородкомъ на соединенныя вмѣстѣ колѣни. Онъ также поднялъ лицо по направленію къ новопришедшему и остановилъ на немъ свои большіе глаза орѣховаго цвѣта. Лицо его было совсѣмъ бронзовое, съ суровыми крупными чертами, съ большимъ слегка орлинымъ носомъ и рѣзкой вертикальной морщинкой между нахмуренныхъ бровей. Онъ напоминалъ индѣйскаго вождя изъ племени какихъ-нибудь семиноловъ или апаховъ, и глаза невольно искали на его коротко остриженной головѣ традиціоннаго пучка орлиныхъ перьевъ, знаменующаго достоинство предводителя индѣйскихъ воиновъ. Желтая собака, лежавшая у ногъ Каулькая, тоже подняла длинную морду, вытянутую, какъ у лисицы, вильнула долгимъ пушистымъ хвостомъ и снова свернулась въ клубокъ.

Эуннэкай сбросилъ на землю ношу, отдавившую ему плечи, и самъ тяжело опустился около нея. Оживленіе

его силъ исчезло вмѣстѣ со страхомъ, и онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ.

— Эгей!..— отвѣтилъ онъ на привѣтствіе,— пришелъ!..

— Что, видѣлъ?— спросилъ Кутувія, помолчавъ.

— Нѣтъ!— вяло отвѣтилъ Кривоногій. Ему не хотѣлось рассказывать про медвѣдя.

— А я думалъ, что медвѣдь тебя съѣлъ!— сказалъ насмѣшливо Кутувія, оскаливъ два ряда крупныхъ бѣлыхъ зубовъ, похожихъ на лошадиные.

Глаза Эуннэкая широко раскрылись отъ ужаса.

— Не говори! Не поминай!—сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ. — Поминать грѣхъ!

— Развѣ видѣлъ?— спросилъ Каулькай голосомъ, въ которомъ слышалась тревога.

Кривоногій утвердительно опустилъ глаза.

— Куда пошелъ?— снова спросилъ Каулькай.

— Не пошелъ. Еще лежитъ!—неохотно отвѣтилъ Кривоногій. Разговоръ положительно казался ему опаснымъ.

— Еще въ стадо придетъ!—задумчиво продолжалъ Каулькай. — Всѣхъ оленей разгонитъ.

О подробностяхъ встрѣчи Эуннэкая съ медвѣдемъ никто, однако, не сталъ спрашивать. Онъ вышелъ изъ нея благополучно,—стало быть, и спрашивать было нечего.

Наступило короткое молчаніе.

— Сколько разъ ложился?—спросилъ Кутувія такъ же насмѣшливо.

Но Эуннэкай не отвѣтилъ. Его глаза были прикованы къ кучкамъ рыбьей шелухи, разсыпанной тамъ и сямъ около костра.

— Нашли?— спросилъ онъ тихо. Ему внезапно до смерти захотѣлось ѣсть.

— Нашли!—безпечно отвѣтилъ Кутувія, поворачиваясь на бокъ и опираясь на локоть.

— Сколько?

— Три!

— Крюкомъ?

— Крюкомъ!

На устахъ Кривоногого вертѣлся невысказанный вопросъ, но вмѣсто того, чтобы сказать что-нибудь, онъ только сплюнулъ въ сторону долгимъ, голоднымъ плевкомъ. Нечего и спрашивать. Очевидно, ему ничего не оставили.

— Хочешь ѣсть? — спросилъ Кутувія, потягиваясь. — Пососи матку!

Эуннѣкай бросилъ на него укоризненный взглядъ. Кутувія опять насмѣхался. Онъ хорошо зналъ, что Кривоногому ни за что не удастся поймать и осилить дикую оленью матку.

Каулькай медленно поднялся съ мѣста и, захвативъ свой арканъ, валявшійся возлѣ, направился къ стаду. Вытянувъ внезапно руку, онъ швырнулъ свитокъ колець аркана по направленію къ ближайшей важенкѣ. Петля развернулась, свистя и описавъ дугу, упала на тонкіе рога животнаго, которое тщетно пыталось спастись бѣгствомъ. Черезъ минуту Каулькай уже лежалъ брюхомъ на шеѣ важенки, легко осиливая ея отчаянныя стремленія освободиться.

— Соси! — коротко сказалъ онъ, придерживая обѣими руками голову животнаго съ короткими, еще не вполне отросшими, лѣтними рогами.

Эуннѣкай припалъ къ сосцамъ и началъ тянуть молоко не хуже теленка, по временамъ поколачивая по вымени своими грязными кулаками, чтобы вызвать отдѣленіе молока.

— Мнѣ! — лаконически сказалъ Кутувія, не вставая съ мѣста.

Эуннэкай послушно поднялся съ земли и, вынувъ изъ своей котомки небольшой жестяной ковшикъ, опять припалъ къ сосцамъ оленьей матки, на этотъ разъ не проглатывая высосанное молоко, а выпуская его въ принесенный сосудъ...

— Вай, вай!— сказалъ онъ, поднося Кутувіи ковшъ, въ которомъ плескалось около полустакана густого молока, добытаго такимъ оригинальнымъ способомъ. Кутувія съ видимымъ удовольствіемъ выпилъ содержимое ковша. Эуннэкай облизывалъ капли, прильнувшія къ нѣсколькимъ бурымъ волосамъ, составлявшимъ его усы. Но Каулькай не удовлетворился этимъ.

— Хочешь хрящъ?— спросилъ онъ отрывисто, снова собирая свой арканъ въ кольца и направляясь къ огромному быку съ вѣтвистыми рогами, который, не подозрѣвая готовящагося нападенія, мирно прогуливался по пастбищу.

— Эгей!— отвѣтилъ Кривоногій, утвердительно кивая головой.

Каулькай снова швырнулъ арканъ и поймалъ быка. Почувствовавъ захлестную петлю, быкъ отчаянно рванулся впередъ. Арканъ глухо шелкнулъ и натянулся, какъ струна.

— Эй, лопнеть, лопнеть!— закричалъ Кутувія, приподнимаясь на колѣни, но Каулькай, перебираясь по аркану, въ одно мгновеніе очутился около быка и мощными руками пригнулъ его голову къ землѣ.

— Рѣжь!— закричалъ онъ запыхавшимся голосомъ.

Кривоногій подбѣжалъ съ огромнымъ ножомъ и оставился въ нерѣшимости.

— Половину!— сказалъ нетерпѣливо Каулькай.

Не долго думая, Кривоногій ударилъ ножомъ по первому рогу оленя и отрубилъ большую лопасть съ тремя

широкими развѣтвленіями. Олень судорожно вздрогнулъ. Кровь тонкой струйкой потекла изъ раны, заливая оленью голову около уха. Каулькай снялъ петлю и отпустилъ быка на волю.

— Перевязать бы!—закнулся Кривоногій.

— Ёшь, не говори!—повелительно сказалъ Каулькай.— Засохнетъ! — прибавилъ онъ, возвращаясь на прежнее мѣсто.

Кривоногій подобралъ лопасть и, усѣвшись у своей котомки, принялся снимать мясистую кожу съ тонкаго хряща. Опаливъ на огнѣ ея короткую шерсть, онъ съ видимымъ наслажденіемъ принялся кромсать ее на кусочки и отправлять ихъ въ ротъ.

— Вай, вай!—сказалъ Кутувія, протягивая руку по направлению къ хрящу, но, встрѣтивъ взглядъ Каулькай, поспѣшно отдернулъ ее, словно обжогшись.

Каулькай стоялъ напротивъ Кривоногаго и, скрестивъ руки на груди, молча смотрѣлъ, какъ онъ управляетъ съ хрящемъ. Нельзя было представить себѣ большей противоположности, чѣмъ эта мощная фигура, составлявшая какъ бы олицетвореніе силы и здоровья, и жалкая болѣзненная фигурка, скорчившаяся напротивъ и опиравшаяся спиной на мягкую котомку, какъ будто одна связка косматой одежды была брошена около другой! И, однако, Каулькай и Эуннэкай были родные братья, дѣти старой чукчанки Нэучкатъ, прожившей уже сорокъ лѣтъ на стойбищѣ своего могущественнаго родственника, чукотскаго «короля» Эйгелина ¹⁾ и выросившей тамъ своихъ сыновей. Нэучкатъ никогда не жила у мужчины въ шатрѣ. Смолоду Эйгелинъ не хотѣлъ отдать ее, чтобы не потерять здоровую

¹⁾ Главный наследственный староста оленныхъ чукчей, называемый въ просторѣчій также королемъ.

рабочую силу, а потомъ какъ-то такъ случилось, что никто не пожелалъ трижды обвести ее вокругъ столбовъ своего жилища и подвести для благословенія къ новому огню, добытому изъ святаго дерева. Должно быть, чукотскіе парни не очень зарились на ея сутуловатую фигуру съ кривыми плечами и на грубое лицо съ толстыми челюстями, выдавшимися впередъ, какъ у росомахи. Даже дѣти у нея являлись какъ-то невзначай, послѣ случайнаго посѣщенія какого-нибудь бродячаго гостя, и появленіе ихъ каждый разъ вызывало удивленіе даже у стараго Эйгелина. Такъ и осталась Нэучкаты жить у Эйгелина въ качествѣ бѣдной родственницы - рабыни, исполнявшей безпрекословно каждое приказаніе своихъ хозяевъ. Теперь Нэучкаты была стара. Лицо ея сморщилось, какъ древесная кора, глаза стали плохо видѣть. Изъ всѣхъ сыновей, которыхъ она въ разное время принесла на Божій свѣтъ, уцѣлѣли только двое. Всѣ другіе давно умерли. Иныхъ враждебные духи унесли въ подземныя пустыни, когда они были еще не больше слѣпого щенка, лежащаго у сосцовъ недавно оценившейся суки. Одного унесъ Великій Морь (оспа), случайно заглянувшій въ эту отдаленную страну. Самому старшему чаунскіе чукчи переломали ребра на весенней ярмаркѣ въ какой-то пьяной ссорѣ, причины которой никогда не зналъ ни одинъ изъ участниковъ.

Но изъ двоихъ уцѣлѣвшихъ одинъ былъ бесполезнымъ уродомъ, непригоднымъ къ охраненію стадъ, дающихъ человѣку жизнь. Только Каулькай удался на славу, какъ молодой олень съ желѣзными рогами, не признавшій власти человѣка и забодавшій волка на вершинѣ горнаго хребта ¹⁾. Отцомъ Каулькай называли Тынэймита, который славился когда-то на Чаунскихъ стойбищахъ, какъ лучший борецъ и

1) Заимствовано изъ чукотской сказки.

бѣгунъ, и обгонялъ всѣхъ, состязавшихся въ пѣшемъ бѣгу. А отцомъ Эуннэкай былъ маленькій одноглазый Ауранъ, весь вѣкъ проходившій работникомъ въ чужомъ стадѣ и не выростившій даже пары прыговыхъ оленей, чтобы отвезти его нарту на погребальный костеръ.

Но и Каулькай съ ранняго дѣтства попалъ въ пастухи чужого стада и уже 12 лѣтъ пасъ оленей Эйгелина, помогая то тому, то другому изъ его восьми сыновей, чаще всего тяжеловѣсному Кутувіи, сердце котораго не отличалось особой оленюлюбивостью и который нуждался въ услугахъ быстроногаго работника больше, чѣмъ его братья, Эуннэкай въ счетъ не шелъ. Онъ бродилъ круглый годъ вмѣстѣ со стадомъ, и его взяли пастухомъ только для того, чтобы не мозолилъ глаза старому Эйгелину, который не потерпѣлъ бы празднаго пребыванія его на своемъ стойбищѣ, даже если бы его ноги были исковерканы въ десять разъ хуже. Ибо никто не имѣлъ права нарушить завѣтъ Тенантумгина, повелѣвшаго потомкамъ Лѣниваго Малютки 1) дни и ночи проводить въ заботахъ о стадѣ.

Эуннэкай скоро справился со своимъ хрящемъ. Ничтожное количество шкуры, содранной съ роговъ, было слишкомъ незначительной величиной для его голоднаго желудка. Каулькай и Кутувія, которые еще утромъ съѣли три маленькихъ хариуса, извлеченныхъ крюкомъ изъ быстро бѣгущихъ струй Мурулана, тоже не чувствовали сытости.

— Попокальгина не видѣлъ? — спросилъ Кутувія, помолчавъ.

— Нѣтъ! — грустно отвѣтилъ Кривоногіи; онъ очень любилъ попокальгинъ 2).

1) Герой чукотскихъ преданій, баснословный предокъ чукотскаго племени.

2) Растеніе изъ породы крестоцвѣтныхъ, корень котораго употребляется чукчами въ пищу.

— Хоть бы мышиное гдѣздо найти! — сказалъ Кутувія.

— Ламуты говорятъ: грѣхъ! — нерѣшительно сказалъ Кривоногій. — Мышь запасъ соберетъ, а люди украдутъ!..

— Ты развѣ ламутъ?.. Ты чавчу (чукча), — жестко возразилъ Кутувія. — Тенантумгинъ велѣлъ намъ брать нашу ѣду тамъ, гдѣ мы ее находимъ!.. А ламуты сами ѣдятъ всякую нечисть!

— Мышь потомъ съ горя давлывается на тальничномъ развилкѣ, — сказалъ Кривоногій. — Я самъ видѣлъ, — прибавилъ онъ, замѣтивъ насмѣшливую улыбку на лицѣ Кутувіи.

— Пускай! — сказалъ Кутувія. — Миѣ какое дѣло. Лишь бы кореньевъ было больше!

— А мышиною отравы не боишься? — спросилъ Каулькай, сощутивъ глаза.

Чукчи увѣряютъ, будто мышь въ защиту отъ грабителей собираетъ нѣкоторые ядовитые корни, которые и перемѣшиваетъ со своими запасами.

— Медвѣдь не боится, я зачѣмъ бояться стану? — задорно возразилъ Кутувія. — Онъ мышиные амбары пуше нашего раскапываетъ!

— Со старикомъ не равняйся, — съ удареніемъ сказалъ Каулькай. — Онъ вѣдь все знаетъ. Онъ шаманъ!..

— Шаманъ, шаманъ! — упрямо повторилъ Кутувія. — Кмэкай тоже шаманъ!..

Каулькай засмѣялся.

— Вранье! — увѣренно сказалъ онъ, усаживаясь на прежнее мѣсто.

— А зачѣмъ онъ женское платье надѣлъ? — подзадоривалъ Кутувія. — Копья не носить, арканомъ не бросаетъ! Совсѣмъ баба!

— Не говори! — сказала Эуннэкай боязливо. — Они велѣли ему женское платье надѣть, когда онъ спалъ пять

дней и пять ночей подряд. Унесли его съ собой, донесли до седьмой бездны и хотѣли запереть въ каменномъ шалашѣ безъ двери и безъ лампы... Онъ насилу отпросился у нихъ и обѣщалъ надѣть женское платье и служить имъ весь свой вѣкъ... Я слышалъ, какъ онъ самъ рассказывалъ Эйгелину объ этомъ!..

— Пустое!— настаивалъ Каулькай. — Онъ, вѣдь, своего тѣла не перемѣнилъ. У него на лицѣ та же черная борода, а его жена, Амрынаутъ, въ прошломъ году родила ему сына. Настоящіе «превращенные» мѣняютъ и тѣло. Вотъ я въ торговой крѣпости ¹⁾ видѣлъ Эчвака, такъ тотъ самъ родилъ двухъ дѣтей. Вотъ это настоящій «женоподобный»! А если бы Кмэкай былъ у Кэля, онъ владѣлъ бы «вольными голосами». Это всякій знаетъ!..

— А вотъ я ходилъ въ позапрошломъ году на верховья Олоя съ Эйгелиномъ и видѣлъ Кауно! Вотъ шаманъ,—сказалъ Кутувія, понизивъ голосъ.—Вотъ страхъ!— Потушатъ огонь въ пологу, а онъ сейчасъ уйдетъ невѣдомо куда. Туша тутъ, съ нами, а самого нѣтъ! А мы прижмемъ другъ къ другу и лежимъ, какъ зарѣзанные олени! Уйдетъ и ходитъ въ надземныхъ странахъ! Потомъ слышимъ голосъ, высоко, высоко... Это онъ возвращается. А съ нимъ и тѣ. Да, много! Страхъ! Всякіе! И надземные, и подземные, и изъ-за моря, изъ-за камней, изъ западной тундры... Кричатъ! Перекликаются!.. То влетятъ въ пологъ, то вылетятъ вонъ. И онъ съ ними. А только Кауно сильнѣе всѣхъ Кэля. Такъ и бранить ихъ, какъ Эйгелинъ бабъ. А они все молчатъ или только отвѣчаютъ: эгей!

— Этотъ Кауно вернулъ Нутелькуту украденный увы-

¹⁾ Такъ называютъ чукчи Анойскую крѣпость, построенную исключительно для весенней ярмарки и въ остальное время года пустынную и запертую на замокъ.

рить (душу), — сказалъ Каулькай. — Самъ Нутелькутъ разсказывалъ. У него Кэля шестой увирить украли. Онъ и сталъ сохнуть. Въ стадо не ходитъ, ѣду не ѣстъ, сномъ не спитъ... Лежитъ день и ночь на землѣ. Умъ мутиться сталъ. «Собирался, — говоритъ, — покинуть и жену, и стадо; уйти въ лѣсъ и стать косматымъ жителемъ» ¹⁾. Вдругъ пріѣхалъ Кауно. Никто его не звалъ, самъ узналъ. Ну, да какъ не узнаеть? У него ихъ сколько на службѣ. Все ему говорятъ! «Я привезъ твою пропажу!» — говоритъ. Сейчасъ велѣлъ поставить пологъ, зажегъ четыре лейки (лампы). Нутелькуту говоритъ: «Раздѣнься до нага! Войди въ пологъ!» — Нутелькутъ вошелъ. А въ пологѣ никого нѣтъ, только бубень лежитъ на шкурѣ. «Потуши три лейки!» — говоритъ Кауно. — А самъ совсѣмъ снаружи, даже въ шатеръ не входитъ. Три погасилъ, четвертая еще горитъ. Вдругъ бубень какъ застучитъ!.. Какъ загремитъ!.. Прыгаетъ по пологу до самага потолка. Прыгалъ, прыгалъ, упалъ. Нутелькутъ смотритъ, что будетъ. Видитъ: вылѣзаетъ изъ бубна черный жучокъ. Поползъ по шкурамъ, прямо къ нему. Взлѣзъ на ногу, поползъ по ногѣ, потомъ по спинѣ, потомъ по шеѣ, потомъ по головѣ. Добрался до макушки и вскочилъ въ голову... Съ тѣхъ поръ Нутелькутъ снова сталъ прежнимъ человѣкомъ. Только имя Кауно велѣлъ ему переименовать. «Можетъ, они снова придутъ, — говоритъ, — такъ пусть не найдутъ прежняго Аттына»...

Эуннэкай слушалъ чудесный разсказъ съ разинутымъ ртомъ. Когда дѣло дошло до жука, который вскочилъ въ макушку Нутелькута, онъ невольно схватился рукой за собственную голову... какъ будто желая убѣдиться, что

¹⁾ Косматые жители сродни медвѣдямъ. Они живутъ въ наиболѣе отдаленныхъ лѣсахъ и не показываются людямъ.

тамъ не происходитъ никакихъ исчезновеній и появленій таинственнаго увырита.

— А ты почаще спи въ пустынѣ! — сказалъ Кутувія, замѣтивъ его движеніе. — Ни стада, ни огня, никакой защиты! Укратутъ когда-нибудь и у тебя!..

Эуннэкай посмотрѣлъ на него жалобно. Онъ готовъ былъ заплакать.

— Оставь! — сказалъ медленно Каулькай. — Не дразни ихъ! Можетъ, услышатъ.

— А знаешь... Кмэкаю везетъ! — перемѣнилъ Кутувія тему разговора. — Его жена въ прошломъ году родила сына, а теперь и сноха беременна!

— Да вѣдь Винтувіи только семь лѣтъ! — сказалъ Каулькай. — Рано у него дѣти рождаются!

— У него, у него! — передразнилъ Кутувія. — Кто ихъ знаетъ, у кого? Кмэкай сказалъ Чейвунѣ: твоему мужу только семь лѣтъ, а у меня нѣтъ внука. Своруй отъ мужа и отъ меня!.. Только чтобъ не знали, съ кѣмъ! Узнаю, поневолѣ придется колотить!

— А здоровая баба Чейвуна, — сказалъ Каулькай. — Я видѣлъ, она несетъ на спинѣ вязанку дровъ. Не каждый парень утащить. Молодецъ Кмэкай!.. Рано сыну жену нашелъ! Выростетъ, не придется сторожить чужихъ оленей! Должно быть, ему вправду помогаютъ тѣ!

— Выростетъ Винтувія, она будетъ старая!.. Старая жена, мало радости.

— А вправду, отъ кого Чейвуна ребенка принесла? — настаивалъ Кутувія! — Не отъ тебя ли, Эуннэкай? Ты, кажется, зимою гостилъ у Кмэкай!..

— Оставь, — сказалъ Эуннэкай, — стыдливо опуская глаза. — Мое сердце не знаетъ дѣвокъ!

— Ну, ври, ври! — со смѣхомъ говорилъ Кутувія.

— Славныя дѣвки у ламутовъ, — продолжалъ онъ, за-

кривая глаза. — На косѣ уйеръ ¹⁾, на груди серебро, на шеѣ бусы. А когда ходитъ, передникъ такъ и звенитъ бубенчиками!.. А наши влѣзутъ въ мѣховой мѣшокъ и ходятъ въ немъ весь вѣкъ!

Несмотря на свой недавній патриотическій окрикъ на Эуннэкая по поводу ламутовъ, Кутувія предпочиталъ ламутскихъ дѣвокъ чукотскимъ.

— У старосты Митрея хорошая дѣвка! — лукаво сказалъ Каулькай. — Спина, какъ у важенки, волосы, какъ волокнистый табакъ ²⁾. Молодому пастуху хорошая жена!

— Да, хорошая! — проворчалъ Кутувія. — Митрей меньше ста оленей не возьметъ. Это, вѣдь, цѣлое стадо! — Худой народъ ламуты! — продолжалъ онъ злобно. — Продають дѣвку, какъ манщика ³⁾.

— Развѣ у Эйгелина оленей нѣтъ? — спросилъ Каулькай. — Ваши олени на пяти рѣкахъ. Упавшіе рога, какъ валежникъ на полѣ!

— Эйгелинъ не хочетъ ламутской невѣстки! — угрюмо сказалъ Кутувія. — Старикъ говоритъ: «дочь Чэмэги убѣждала отъ Кэргувіи, твоя тоже покажетъ спину. Не дамъ оленей за слѣды на снѣгу!»

— Пускай! — сказалъ Каулькай. — Ламутская родня — мало добра. Вонъ у Рольтыэргина на Олоѣ какое было стадо! Одни бычачьи рога стояли, какъ лѣсъ. А какъ взялъ ламутскую дѣвку, такъ ничего не осталось. Шурья, да свояки все съѣли. Ламутское горло проглотитъ всю землю и сытѣе не станетъ!

1) Уйеръ, долгая кисть изъ нѣсколькихъ нитей бусъ, привязываемая къ косѣ дѣвушки.

2) Чукчи очень любятъ волокнистый (такъ называемый, турецкій) табакъ и предпочитаютъ его листовому.

3) Манщикъ — олень, выдрессированный для приманки дикихъ оленей во время охоты; цѣнится значительно дороже обыкновеннаго упряжнаго оленя.

Эуннэкай молча слушалъ разговоры товарищей. Хотя онъ и сказалъ, что его сердце не знаетъ дѣвокъ, но это не совсѣмъ согласовалось съ истиной. Напротивъ, въ рѣдкія счастливыя минуты отдыха, на большомъ стойбищѣ Эйгелина, когда ему не хотѣлось ни спать, ни ѣсть, когда онъ не долженъ былъ немедленно отправляться въ стадо и могъ сидѣть у входа въ шатеръ, не двигаясь и не поднимаясь съ мѣста, онъ находилъ большое удовольствіе въ томъ, чтобы слѣдить своими узенькими, но зоркими глазами за быстрыми движеніями дѣвушекъ, хлопотавшихъ у огня или мявшихъ олени шкуры своими крѣпкими руками. Онъ, однако, не раздѣлялъ вкуса Кутувии относительно ламутокъ.

«Что хорошаго? — думалъ онъ. — Одежда вся распорота ¹⁾. Желѣза столько, что и таскать тяжело. Кругомъ навѣшано, въ глазахъ рябитъ! А у нашихъ одежда гораздо красивѣе: пыжикъ черный, гладкій, на колѣняхъ пестринца. Шея опушена тройнымъ мѣхомъ. Ничего лишняго, гладко, красиво!.. Ламутская дѣвка побѣжитъ, за сучокъ желѣзками задѣнетъ, а чукотская скользитъ между деревьями, какъ лисица!»

Эуннэкай вспомнилъ, какъ въ минувшую весну онъ странствовалъ съ кочевымъ обозомъ и ему пришлось гнать стадо вмѣстѣ съ Аммой. Дорога шла по крутымъ скаламъ съ перевала на переваль. На подъемахъ Амма быстро карабкалась вверхъ, не отставая ни на шагъ отъ оленей, прыгая съ камня на камень, хватаясь руками то за выступы скалы, то за вѣтви кедровника, то просто за снѣгъ. Эуннэкай далеко отсталъ на своихъ кривыхъ ногахъ. Добравшись доверху, онъ совсѣмъ запыхался и принужденъ

¹⁾ Чукчи въ насмѣшку называютъ ламутскую одежду распоротой, ибо она состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ частей.

быль състь на снѣгъ, чтобы отдышаться. Эуннэкай сидѣлъ на вершинѣ перевала, а Амма быстро спускалась внизъ за своими оленями. Ея легкой силуэтъ мелькалъ то слѣва, то справа, обгоняя стадо. На гладкихъ спускахъ, покрытыхъ блестящимъ слежавшимся снѣгомъ, она падала на спину и скользила внизъ, сложивъ на груди руки и откинувъ голову, и горный вѣтеръ раздувалъ долгую шерсть на оторочкѣ ея мѣхового наряда. Она и вся была похожа на комочекъ шерсти, гонимый сѣвернымъ вѣтромъ по склону ущелья... Вдругъ быстрымъ движеніемъ она опять вскакивала на ноги и далеко убѣгала въ сторону въ погонѣ за своенравнымъ пыжикомъ, задумавшимъ избрать для спуска одну изъ боковыхъ тропинокъ. Увы, когда потомъ Эуннэкай догналъ, наконецъ, Амму уже внизу въ глубинѣ долины, она только обвела его презрительнымъ взглядомъ и послѣ того обращала на него гораздо меньше вниманія, чѣмъ на стадо. Дѣвки вообще не засматривались на Кривоногого.

— А гдѣ стадо? — внезапно сказалъ Каулькай, вскакивая на ноги.

Кутувія тоже вскочилъ, и оба они пытливо озирались вокругъ, отыскивая на острыхъ вершинахъ хоть одинъ силуэтъ движущагося животнаго.

— Направо, надъ лѣсомъ! — сказалъ Эуннэкай. Его глаза обладали наибольшей зоркостью.

Неугомонные олени уже успѣли уйти, Богъ знаетъ куда, опустились внизъ, перешли рѣку и взбирались теперь на противоположный горный склонъ, безостановочно и поспѣшно, построившись въ долгую походную колонну, какъ будто ихъ призывала туда какая-то неотложная необходимость.

Каулькай сорвался съ мѣста, какъ стрѣла, сбѣжалъ по косогору, быстро перешелъ рѣку, не разбирая брода, и черезъ нѣсколько минутъ очутился на противоположной

сторонѣ. Высокая фигура его уже мелькала надъ верхней опушкой лѣсовъ, направляясь къ ржаво-краснымъ склонамъ большой сопки, куда богатый моховой покровъ манилъ бѣглецовъ.

Кутувія посмотрѣлъ, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и опустился на прежнее мѣсто.

— Приведеть! — безопасно проговорилъ онъ. — Дай трубку! — прибавилъ онъ, протягивая руку къ Кривоногому.

Эуннэкай вытащилъ свой пустой табачный мѣшокъ и потрясъ имъ въ воздухѣ.

— Нѣтъ! — сказалъ онъ лаконически.

— Что куришь? — спросилъ Кутувія, нахмуривъ брови.

— Трубочную накипь ковырять! — сказалъ Кривоногий. — Съ деревомъ мѣшалъ.

Кутувія проворчалъ что-то непонятное и, вытащивъ изъ-за пазухи собственный табачный мѣшокъ и маленькую оловянную «ганзу», укрѣпленную въ грубой деревянной оправѣ, набилъ ее сѣрымъ крошевомъ изъ «черкаскаго табаку», смѣшаннаго также съ изряднымъ количествомъ дерева.

— Дай! — тотчасъ же протянулъ руку и Эуннэкай. Онъ уже давно не курилъ.

Кутувія безпрекословно передалъ ему мѣшокъ. Табакъ считается у чукчей такимъ продуктомъ, въ которомъ никогда нельзя отказывать просящему.

Не болѣе чѣмъ черезъ полчаса явился Каулькай со стадомъ. Онъ пригналъ оленей на то самое мѣсто, гдѣ сидѣли его товарищи.

— Всѣ? — спросилъ Кутувія.

— А то нѣтъ? — переспросилъ Каулькай, усаживаясь рядомъ съ нимъ.

— Дай! — протянулъ и онъ руку къ Кутувіи, видя, что

Эуннэкай выколачиваетъ трубку.— Скупой твой отецъ! — сказалъ онъ. — Когда даетъ табакъ, всегда ругается. Тратимъ много, говоритъ. А мы вѣдь безъ чаю ходимъ, только табакъ и тратимъ.

— Поневолѣ будешь скупымъ! — сказала Кутувія. — Ясаки вѣдь надо платить каждый годъ, а у насъ, кромѣ оленей, ничего нѣтъ! — А много ли жители помогаютъ моему старику?..

— За то онъ староста! — Изъ всѣхъ старость самый главный! Въ прошломъ году на ярмаркѣ выпивали, я сачный начальникъ говорилъ: ты комиссаръ, я комиссаръ, насъ только двое! ¹⁾

— Да, говорилъ! — не унимался Кутувія. — Ему хорошо говорить! Ясачный начальникъ одной рукой посылаетъ Солнечному Владыкѣ ²⁾ ясаки, а другой рукой отъ него получаетъ деньги, а моему старику ничего не платятъ! А въ позапрошломъ году на Анюйскій Божій Домъ онъ отдалъ пятнадцать разъ двадцать быковъ. Это вѣдь сколько?

— Ко! ³⁾ — отвѣтилъ Каулькай, тряхнувъ головой. Его способности счисленія не простирались такъ далеко.

Кутувія быстро придвинулся къ товарищамъ и, протянувъ руки, собралъ ближайшія конечности, принадлежавшія имъ, и соединилъ ихъ вмѣстѣ, прибавивъ къ общей суммѣ и свои собственныя ноги.

— Сколько разъ нужно сдѣлать такую связку, — спросилъ онъ, обращая лицо къ Каулькаю, — чтобы получилось такъ много?.. — и, выпустивъ руки и ноги пріятелей, онъ

¹⁾ Ясачнымъ начальникомъ чукчи называютъ исправника, которому даютъ также старинное названіе комиссара.

²⁾ Солнечный Владыка — Государь.

³⁾ Не знаю!

сложилъ вмѣстѣ свои собственныя ладони. — Вотъ сколько, — сказалъ онъ съ удареніемъ.

Каулькай посмотрѣлъ на него и выразилъ свое сочувствіе протяжнымъ: У аэ!

Кутувія былъ, очевидно, очень силенъ въ счетѣ. Недаромъ былъ разговоръ, что Эйгелинъ хочетъ передать ему свое достоинство, помимо старшаго своего сына Тнапа.

— Наше лучшее стадо до сихъ поръ не можетъ оправиться отъ потери! — сказалъ Кутувія. — Олени словно стали ниже, потерявъ своихъ старшихъ братьевъ!

— Тенантумгинъ захочетъ, прибавитъ вдвое! — сказалъ Каулькай ободряющимъ голосомъ. — Лишь бы «хромая» не привязалась къ стаду...

— Эуннэкай! вари чай! — крикнулъ онъ весело Кривононому.

Кривоногій заморгалъ глазами. Они не видѣли чаю уже болѣе двухъ недѣль, съ тѣхъ поръ, какъ покинули большое лѣтовье Эйгелина. Однако, онъ не посмѣлъ ослушаться брата и, отвязавъ отъ своей котомки большой черный котель, спустился къ рѣкѣ. Кутувія, улыбаясь, проводилъ его глазами.

— Онъ и вправду! — сказалъ онъ. — Чего заваримъ? Чаю вѣдь нѣтъ!

— Я набралъ полевого чаю! — подмигнулъ Каулькай, показывая на небольшую связку молодыхъ побѣговъ шиповника, завернутыхъ въ его шейный платокъ.

— Заваримъ это и будетъ еще лучше, чѣмъ чай. Мнѣ надоѣло тянуть холодную воду прямо изъ рѣки, какъ олень! Попьемъ горячаго!

Кутувія утвердительно кивнулъ головой. Когда они уходили со стойбища, Эйгелинъ имъ сказалъ: — Развѣ вы старики? Вы вѣдь молодые парни! — и не далъ имъ ни чайника, ни чаю. Старикъ относился подозрительно къ новому

напитку, перенятому отъ русскихъ. — Когда я былъ молодъ, мы не знали, что такое чай! — ворчалъ онъ. — Хлебали супъ изъ моняла ¹⁾ и кровяную похлебку, по мѣсяцу не видѣли горячаго. А теперь молодой парень безъ чайника ни шагу!

Но Кутувія былъ иного мнѣнія и очень уважалъ не только чай, но и бѣлый блестящій сахаръ, который русскіе привозили такими большими круглыми кусками.

— А сахаръ принесть? — весело сказалъ онъ Каулькаю.

— Бѣлый камень, хочешь, принесу! — отозвался Каулькай. — Не то ступай на русскую землю и возьми тамъ кусокъ съ сахарной скалы!

Чукчи были увѣрены, что въ русской землѣ есть бѣлыя скалы, откуда выламываютъ сладкій сахаръ.

— А что? — спросилъ несмѣло Эуннэкай, который успѣлъ возвратиться съ водой и прилаживалъ котелъ у костра на длинной палкѣ. — На сахарныхъ скалахъ мохъ растеть?..

— Видишь! — присвистнулъ Кутувія. — Оленелюбивое сердце! Мохъ вспомнилъ! Ну, ужъ если растеть мохъ, то должно быть тоже сладкій.

— А сердитая вода? — спросилъ Эуннэкай задумчиво. — Она что?

— Огонь! — сказалъ Кутувія также увѣренно. — Размѣшанъ въ рѣчной водѣ... Русскіе шаманы дѣлають.

— Правда! — подтвердилъ Каулькай. — Зажги ее, такъ вся сгоритъ! Останется только простая вода! Я видалъ!

— Сила ея отъ огня! — продолжалъ Кутувія. — Она жжетъ сердце человѣка! Есть ли что сильнѣе огня?

¹⁾ Моняломъ называется зеленая масса полуперевареннаго мху, вынутая изъ желудка убитаго оленя и очищенная отъ непереварившихся растительныхъ волоконъ. Чукчи варили изъ нея похлебку.

— Мудры русскіе шаманы!— сказалъ Эуннэкай.— Воду съ огнемъ соединяють въ одно!

Воображеніе всѣхъ троихъ на минуту перенеслось къ чудесной странѣ, откуда привозятъ такія диковинныя вещи; котлы и ружья, черные кирпичи чаю и круглые сахарные камни, ткани, похожія по ширинѣ на кожу, но тонкія, какъ древесный листъ, и расцвѣченныя разными цвѣтами, какъ горные луга весною, и многое множество другихъ дивъ, происхожденіе которыхъ простодушные полярные дикари не могли примѣнить ни къ чему окружающему.

— Эйгелинъ говоритъ,—медленно сказалъ Эуннэкай,— что Солнечный Владыка живетъ въ большомъ домѣ, гдѣ стѣны и полъ сдѣланы изъ твердой воды, которая не таетъ и лѣтомъ — ну вродѣ, какъ тен-койгинъ ¹⁾. А подъ поломъ настоящая вода, въ ней плаваютъ рыбы, а Солнечный Владыка смотритъ на нихъ. И потолокъ такой же, и солнце весь день заглядываетъ туда сквозь потолокъ, но лицо Солнечнаго Владыки такъ блеститъ, что солнце затмѣвается и уходитъ прочь!.. Я посмотрѣлъ бы!..

— Ты посмотрѣлъ бы! — сказалъ Кутувія съ презрѣніемъ. — А на тебя посмотрѣли бы тоже, или нѣтъ? А что сказалъ бы Солнечный Владыка, когда увидѣлъ бы тебя? Какой грязный народъ живетъ тамъ, за большой рѣкой? А?

Каулькай радостно заржалъ, откинувъ голову назадъ. Мысль о встрѣчѣ Кривоногого съ Солнечнымъ Владыкой казалась ему необычайно забавною.

— Безумный! — сказалъ онъ ему, успокоившись отъ смѣха. — Тоже захотѣлъ на ту землю! Тамъ такъ жарко,

¹⁾ Слова ледъ и стекло по-чукотски тождественны. Тен-койгинъ— стеклянная чаша, т.-е. стаканъ.

что рыба въ озерахъ лѣтомъ сваривается, и русскіе хлебаюгъ уху ложками прямо изъ озера. Развѣ олени могли бы перенести такой жаръ? Охромѣли бы! Передохли бы! А что станется съ чукчей безъ оленьяго стада?

— Что станется съ чукчей безъ оленьяго стада? — повторилъ Кутувія, какъ эхо. — Смотри, Эуннэкай! Олени опрокинутъ твой котель!

Дѣйствительно, олени такъ и лѣзли въ огонь, не обращая вниманія на близость человѣка, къ которому въ другое время они относятся недовѣрчиво. Вѣтеръ улегся такъ же внезапно, какъ и явился, и комариная сила мгновенно воспрянула отъ своего короткаго бездѣйствія. Комаровъ было такъ много, что казалось, будто они слетѣлись сюда со всего свѣта. Изъ края въ край надъ огромнымъ стадомъ мелькали черныя точки, словно подвижные узлы странной сѣти, заброшенной на мѣръ и ежеминутно измѣнявшей свой видъ. Большіе оводы появлялись тамъ и сямъ въ петляхъ этой сѣти, кидаясь изъ стороны въ сторону рѣзкими угловатыми движеніями, одно изъ которыхъ неминуемо заканчивалось на чьей-нибудь злополучной спинѣ. Со стороны казалось, будто кто-то швыряетъ въ оленей мелкими камешками.

Оводы были еще страшнѣе комаровъ. Едва почувствовавъ прикосновеніе овода къ своей кожѣ, олень испуганно вздрагивалъ и начиналъ метаться, становиться на дыбы, лягаться задними ногами, усиливаясь прогнать мучителя. Но оводъ сидѣлъ плотно на мѣстѣ, не нанося, впрочемъ, оленю никакого непосредственнаго вреда, но, тщательно приклеивая къ волосамъ оленьей шерсти множество мелкихъ яичекъ, изъ которыхъ должны были черезъ два, три дня вылупиться маленькіе бѣлые червячки, глубоко пробивающіе оленью кожу, чтобы сдѣлать себѣ гнѣздо въ живомъ мясѣ. Кромѣ крупныхъ оводовъ, были другіе —

мелкіе, съ цвѣтнымъ полосатымъ брюхомъ и короткими прозрачными крыльями. Движенія ихъ были гораздо проворнѣе. Они не старались усѣсться на оленью спину, а, подлетая къ носу животнаго, брызгали ему въ ноздри тонкой струей жидкости, заключающей къ себѣ множество мелкихъ, но чрезвычайно вертлявыхъ червячковъ, не больше самой мелкой булавочной головки. Почувствовавъ у себя въ носу предательскую струю, олени принимались отчаянно чихать и тереться носомъ объ землю, что, конечно, нисколько не помогало имъ освободиться отъ червячковъ, которые успѣшно пробирались въ самое горло, чтобъ тамъ замураваться въ хрящъ.

Олени упрямо лезли въ костеръ, отгоняя другъ друга отъ неширокой струи дыма, дававшей защиту отъ насѣкомыхъ, и опрокинули — таки котель Эуннэкая. Къ счастью, онъ успѣлъ его во время подхватить, и только небольшая часть воды вылилась на землю.

— Бѣдные олени! — сказалъ Каульгай, недоброжелательно поглядывая на тучи насѣкомыхъ, носившихся надъ стадомъ. Пастухи сидѣли на самомъ дыму и мало страдали отъ комаровъ и оводовъ.

— И зачѣмъ это Тенантумгинъ сотворилъ такую нечисть?

— Совсе не Тенантумгинъ! — возразилъ Кривоногій съ живостью, которой совсѣмъ нельзя было ожидать отъ него. — Станетъ родоначальникъ созидать такое? Комаровъ создалъ Кэля. Я слышалъ, еще бабушка разсказывала: когда Тенантумгинъ дѣлалъ весь свѣтъ, онъ сдѣлалъ сперва землю, потомъ оленя съ человѣчьей головой, потомъ волковъ и песцовъ, которые говорили по-человѣчьему. Потомъ онъ взялъ горсть земли, потеръ между ладонями, и вылетѣли, всѣ съ крыльями, гуси лебеди, куропатки. А Кэля набралъ оленьяго помета, тоже потеръ между ладонями,

и вылетѣли комары, оводы и слѣпни и стали жалить оленей.

— Смотри-ка, Кутувія!— перебилъ Каулькай. — Вотъ этотъ пыжикъ, кажется, захромалъ. Дай-ка, я его поймаю!

И онъ осторожно сталъ подбираться къ маленькому черному теленку, слегка прихрамывавшему на лѣвую переднюю ногу, и, быстро вытянувъ руку, схватилъ его сзади. Теленокъ сталъ вырываться. Мать съ тревожнымъ хрюканьемъ бѣгала около пастуховъ.

— Постой, дурачокъ! — ласково проговорилъ Каулькай.—Посмотримъ только и отпустимъ!

И, затиснувъ теленка между своими могучими колѣнями, онъ вздернулъ кверху больную ногу и принялся разсматривать пораженное копыто.

— Не видно!—сказалъ онъ и, вынувъ ножъ, спокойно сръзалъ внутренній краешекъ мягкаго копытца, похожаго скорѣе на хрящъ.

— А ну, посмотримъ! — сказалъ онъ и изо всей силы нажалъ пальцами вокругъ порѣза.

Изъ сѣроватаго хряща показалась капля крови, потомъ капля свѣтлаго гноя, потомъ опять кровь, выдавившаяся цѣпью мелкихъ рубиновыхъ капелекъ. Теленокъ, убѣжденный, что пришелъ его послѣдній часъ, судорожно дрожалъ и закрывалъ глаза. Даже сопротивление его ослабѣло отъ ужаса.

— Пустяки, пройдетъ! — сказалъ Каулькай и уже готовъ былъ отпустить пыжика.

— Однако, не пройдетъ! — покачалъ головой Кутувія, заглядывая ему прямо въ глаза.

— Конечно, не пройдетъ! — согласился тотчасъ же и Каулькай. — Хромая какъ привяжется...

— Не отстанетъ!—докончилъ Кутувія.

— Высохнетъ!..

— Издохнетъ!

— Понапрасну пропадетъ!..

— Что жъ?..— закончилъ Каулькай и, вынувъ изъ-за пояса ножъ, увѣренной рукой вонзилъ его въ сердце бѣдному пыжику.

Пыжикъ судорожно брыкнулъ ножками. Глаза его еще больше закатились, потомъ повернулись обратно, потомъ остановились.

— Вай, вай! Эуннэкай! — сказалъ Каулькай, бросая на землю убитаго теленка.

Кривоногий обыкновенно исполнялъ всѣ женскія работы.

Черезъ полчаса пиршество было въ полномъ разгарѣ. Хотя олень былъ маленькій, но Эуннэкай приготовилъ всѣ его части по разъ навсегда заведенному порядку, и всѣ блюда чукотской кухни были на-лицо, смѣняя другъ друга. Мозгъ и глаза, сырыя почки и сырая печень, легкое, немного вывалянное въ горячей золѣ и только испачкавшееся отъ этого процесса, снаружи черное, внутри кровавое, кожа, содранная съ маленькихъ рожковъ пыжика и опаленная на огнѣ. Въ котелъ съ горячей водой Эуннэкай положилъ цѣлую груду мяса и повѣсилъ его надъ костромъ, прибавивъ двѣ или три охапки жесткаго тальничку, который онъ нарвалъ тутъ же у огнища и бросилъ въ огонь вмѣстѣ съ полусохшими желтозелеными листьями.

— Это лучше твоего чаю! — сказалъ Кутувія, поглаживая себя по брюху.

Каулькай откинулъ голову назадъ, намѣреваясь заготовить по-прежнему, но не могъ, ибо ротъ его былъ набитъ до невозможности. Онъ только что испекъ на угольяхъ тонкія полоски мяса и теперь занимался ихъ уничтоженіемъ. Онъ чуть не поперхнулся и затопалъ ногами по

землѣ. Эуннакай тоже набилъ себѣ ротъ до такой степени, что почти не могъ глотать. Пастухи торопливо ѣли, какъ будто взапуски, дѣйствуя съ одинаковой энергіей и зубами, и руками, и длинными ножами, составлявшими какъ бы продолженіе рукъ, нѣчто въ родѣ длиннаго желѣзнаго ногтя, которымъ можно было съ такимъ удобствомъ выковыривать остатки мяса изъ всевозможныхъ костныхъ закоулковъ. Кости, окончательно очищенные, доставались на долю желтаго Утэля, который разгрызалъ ихъ безъ труда и поглощалъ до тла, не оставляя ни крошки. Онъ тоже былъ голоденъ, а косточки пыжика такъ мягки.

Половины пыжика какъ не бывало.

— А шкуру пусть Эйгелинъ отдастъ Михину! — насмѣшливо сказалъ Кутувія. — Ему вѣдь, все равно, долги платить! — и онъ заботливо растянулъ шкуру на землѣ, придавивъ ее камнями.

Удовлетворивъ голодь, пастухи поднялись съ мѣста и пошли осматривать стадо, какъ бы стараясь возмѣстить усиленнымъ проявленіемъ заботливости свое не совѣмъ честное поведеніе относительно пыжика.

Они переходили отъ группы къ группѣ, внимательно осматривая каждое животное и стараясь по его внѣшнему виду и въ особенности по походкѣ опредѣлить, не начинается ли у него копытница. Маленькихъ телятъ и пыжиковъ Каулькай чрезвычайно ловко, какъ бы невзначай, хваталъ за ноги и передавалъ ихъ Кутувіи, который выкусывалъ у нихъ на ухѣ зубами, то пятно своего отца, то свое собственное. Три или четыре раза онъ сказалъ Каулькаю: «Ты самъ!» И тотъ, бросая на него благодарный взглядъ, мѣтилъ олене ухо собственнымъ пятномъ. Даръ этотъ означалъ, что Эйгелинъ и его дѣти высоко цѣнятъ труды Каулькай. Только усердному работнику собственники дарятъ на счастье нѣсколько телятъ. Маленькій

теленокъ съ длинными, смѣшно разставленными ушами, похожими на ослиныя, набѣжалъ прямо на Каулькая и даже толкнулся носомъ въ его колѣни, принимая его, по-видимому, за матку.

— Дуракъ! — ласково сказалъ Каулькай, поднимая его на руки. То былъ теленокъ отъ его собственной важенки.

— Эуннэкай! — сказалъ молодой пастухъ, обращаясь къ Кривононому. — Вотъ выкуси свою мѣтку! Пусть у тебя прибавится олень!

Кривоногий съ важнымъ видомъ произвелъ требуемую операцию, потомъ выпустилъ пыжика. Почувствовавъ себя на свободѣ, пыжикъ убѣжалъ со всѣхъ ногъ съ громкимъ хрюканьемъ, какъ бы жалуясь на боль, причиненную ему въ отплату за довѣрчивость.

— Красиво! — сказалъ Каулькай, любясь на живописныя группы животныхъ. — Хорошо вылиняли.

— Всѣ черны! — подтвердилъ Кутувія, обводя глазами стадо. — Скоро станутъ жирѣть!

Осмотрѣвъ стадо, пастухи погнали его на наледь, гдѣ комары нападали не такъ сильно. Отъ наледи тянула холодная струя, пагубно вліявшая на насѣкомыхъ. Мелкія лужицы воды, блестящія стальнымъ блескомъ на синеватомъ зернистомъ льду, нѣсколько похожемъ на фирнъ ледника, были наполнены трупами комаровъ и оводовъ, какъ нагляднымъ доказательствомъ своего укрощающаго вліянія на бичъ полярнаго лѣта. Олени съ удовольствіемъ выбѣжали на широкую бѣлую площадь и стали кружить взадъ и впередъ по наледи. Они не хотѣли ѣсть, и имъ было пріятно погружать копыта въ прохладныя лужи или топтать ими по гладкому льду, отвѣчавшему имъ рѣзкимъ отзвукомъ. Здѣсь имъ было прохладно, а на сухихъ горныхъ моховищахъ они задыхались отъ зноя и насѣкомыхъ.

Глядя вокругъ себя, они даже получали иллюзію зимы, составляющей для нихъ самое желанное время года.

Эуннэкай примостился у своей котомки и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Лѣто выдалось знойное и лишенное дождей. Вода въ горныхъ рѣчкахъ и ручьяхъ давно сбѣжала внизъ, только Муруланъ, питаемый наледью, не уменьшился. Ледистые островки, во множествѣ разсѣянные вокругъ большой наледи, сперва растаяли, потомъ тоже высохли. Большая наледь таяла съ каждымъ днемъ. Лѣто обѣло ее со всѣхъ сторонъ, обточило ее кругомъ, какъ кусочекъ сахара, и теперь собиралось повести нападеніе противъ самаго центра. Множество мелкихъ ручейковъ, выбѣгавшихъ изъ-подъ льда и шумно скатывавшихся внизъ, образуя быструю горную рѣчку, свидѣтельствовали о томъ, что нападеніе въ сущности давно началось и что большая наледь уменьшается снизу и сверху.

Пониже къ сѣверу, тамъ, гдѣ мелкія рѣчки, сбѣгавшія по горнымъ долинамъ, сливались въ одну широкую и быструю рѣчку, окаймленную густыми лиственничными лѣсами, было еще хуже. Дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ тянулся густыми непрерывающимися тучами на верховьяхъ рѣкъ и къ вершинамъ горныхъ хребтовъ. Знойный вѣтеръ, прилетавшій оттуда, приносилъ съ собою запахъ горящаго дерна и сизый туманъ, въ которомъ не было ни капли влаги и который стѣснялъ дыханіе и ѣлъ глаза. Комары и оводы точно рождались изъ этого знойнаго тумана и по своей численности стали напоминать одну изъ десяти казней, низведенныхъ Моисеемъ на Египеть.

Олени совсѣмъ взбѣсились отъ зноя, то и дѣло убѣгали съ пастбища и мчались, куда глаза глядятъ, на поиски прохлады и облегченія. То убѣгало все стадо въ

полномъ своемъ составѣ, то небольшіе отрывки и даже отдѣльныя единицы. Многіе пропадали безслѣдно, и пастухи ни за что не могли отыскать ихъ. «Хромая» водворилась въ стадѣ и со дня на день усиливалась, производя большія опустошенія и угрожая погубить всѣхъ телятъ и двухлѣтокъ. Пастухамъ приходилось круто. Имъ нужно было то бѣжать въ догонку за стадомъ, то отыскивать отбившихся въ сторону, слѣдить за хромыми, которые имѣли наклонность прятаться въ самыхъ густыхъ заросляхъ тальника, чтобы ожидать тамъ гибели, не поднимаясь съ мѣста.

Недавній голодъ смѣнился обиліемъ, но оно не радовало пастуховъ. Оно покупалось бесплодной гибелью множества животныхъ, туши которыхъ приходилось покидать на произволъ судьбы, ибо на плечи Эуннэкая нельзя было нагрузить всѣхъ издыхающихъ оленей.

Въ непрерывной вознѣ съ оленями Каулькай и Кутувія забыли, что такое сонъ. Отъ суеты и напряженія они сами стали терять разсудокъ, какъ ихъ олени, и иногда имъ положительно трудно было провести границу между природой оленьей и своей собственной. По временамъ имъ казалось, что зной, мучительный для оленей, нестерпимъ и для нихъ самихъ, и что вмѣстѣ съ оленьими ногами готовы заболѣть копытицей и ихъ собственныя, измученныя безостановочной бѣготней по камнямъ.

А между тѣмъ зной, собственно говоря, былъ довольно умѣренного характера. Правда, въ полдень солнце дѣйствительно жгло камни своими отвѣсными лучами, но къ вечеру жаръ быстро уменьшался и, когда солнце скрывалось за верхушки скалъ, температура быстро падала, а къ утру лужи на наледи затягивались тонкимъ ледкомъ. Но пастухи, одѣтые въ мѣховую одежду и привыкшіе считать лѣто случайнымъ промежуткомъ почти не прерываю-

щейся холодной зимы, даже такую степень зноя называли неслыханной и небывалой. — «Богъ прогнѣвался на эту землю! — говорили они, — и хочеть умертвить насъ вмѣстѣ съ нашими стадами!»

На наледь, прежде отпугивавшую комаровъ своимъ холоднымъ дыханіемъ, они прилетали теперь въ большомъ количествѣ, въ погонѣ за убѣгавшими жертвами. Было что-то противорѣчивое въ этихъ тучахъ насѣкомыхъ, ожесточенно нападавшихъ на бѣдное стадо среди бѣлой ледяной площади, покрытой замерзшими лужами и окруженной побѣлѣвшими отъ инея пастбищами. Какъ будто характерные признаки лѣта и зимы сталкивались и существовали рядомъ, не желая уступить другъ другу мѣсто.

Холодный вечеръ наступалъ послѣ одного изъ особенно безпокойныхъ дней. Солнце такъ низко опустилось на острую верхушку круглой сопки, вырѣзывавшуюся на западѣ въ просвѣтѣ горныхъ цѣпей, что можно было опасаться, чтобы оно не зацѣпилось за одинокое сухое дерево, Богъ вѣсть, какимъ образомъ забравшееся туда и походившее издали на жесткій волосъ, вставшій дыбомъ на окаменѣвшей щекѣ. На вершинахъ поближе уже начиналъ куриться черный туманъ, похожій на дымъ отъ неразгоравшагося костра. Стадо безпокойно ходило по пастбищу, отбиваясь отъ насѣкомыхъ и неумоимо порываясь убѣжать на сосѣднія скалы. Кутувія бѣгаль взадъ и впередъ, заставляя возвращаться наиболѣе упрямыхъ оленей. «Го-го-гокъ! гокъ! гокъ!» — слышались его рѣзкіе крики, гулко отражаемые далекимъ горнымъ эхомъ. Каулькай растянулся на землѣ, положивъ камень подъ голову, и спалъ мертвымъ сномъ. Среди этихъ дикихъ камней его неподвижная фигура тоже казалась каменной. Кажется, землетрясеніе не могло бы разбудить его. Они чередовались съ Кутувіей, для того, чтобы отдохнуть часъ, другой. Доль-

ше этого управляться со стадомъ было не подь силу одному человѣку. Эуннэкай сидѣлъ на шкурѣ, подогнувши ноги, и чинилъ обувь брата, изорванную ходьбою по острымъ камнямъ, ожесточенно дѣйствуя огромной трехгранной иглой, въ ухо которой могъ бы пройти даже евангельскій верблюдь, и грубой ниткой, ссученной изъ сухожилий. Окончивъ работу, онъ тоже растянулся на землѣ, опираясь головой на свою неизмѣнную котомку.

— Эуннэкай!—окликнулъ его знакомый голосъ, и онъ почувствовалъ въ своемъ боку изрядный толчекъ жесткаго носка изъ моржевой кожи, крѣпкаго, какъ дерево.

Эуннэкай поднялъ голову и посмотрѣлъ вверхъ заspanными глазами. Надъ нимъ стоялъ Кутувія, опять подогнавшій оленей къ самому мѣсту ночлега.

— Полно тебѣ спать!—сказалъ Кутувія.—Ты, какъ Лѣнвивый Малютка, и днемъ спишь, и ночью спишь! Скоро на твоихъ бокахъ сдѣлаются язвы отъ лежанія!

— Эгей!—сказалъ Эуннэкай, готовый снова опустить голову на изголовье. Онъ чувствовалъ себя хуже обыкновеннаго.

Но Кутувія угостилъ его вторымъ толчкомъ, еще крѣпче перваго.

— Встань! встань!—кричалъ онъ повелительно.—Зачѣмъ я одинъ долженъ держать открытыми глаза, когда вы съ братомъ валяетесь на землѣ, какъ сурокъ около медвѣдя!—И, довольный своимъ остроуміемъ, сынъ Эйгелина отрывисто размѣялся.

— Эгей!—покорно повторилъ Эуннэкай и сѣлъ на оленьей шкурѣ, служившей ему постелью. Кутувія, поддернулъ ногой другую шкуру, лежавшую поодаль, и тяжело опустился на нее.

— Худо, тяжело!—сказалъ онъ болѣе спокойно.—Кости моихъ ногъ опустѣли! Весь мозгъ высохъ! Цѣлый день

я ни разу не садился съ этими оленями! Они не хотятъ стоять на мѣстѣ хоть бы минуту!

Эуннэкай посмотрѣлъ на стадо. Всѣ олени спокойно лежали на ровной площади пастбища. Нигдѣ не было видно ни одного комара.

— Не теперь, прежде! — сказалъ Кутувія, замѣтивъ его взглядъ. — Теперь хорошо! Тенантумгинъ пожалѣлъ-таки насъ и послалъ большой холодъ. Комары валяются на землѣ, какъ сухая хвоя. Они не въ силахъ прокусить гнилой кожи налима. Теперь олени немного отдохнутъ!

Тѣло Кутувіи понемногу приняло горизонтальное положеніе. Глаза его стали слипаться.

— Если побѣгутъ, разбуди Каулькая! — черезъ силу выговорилъ онъ и смолкъ, какъ пораженный громомъ.

Эуннэкай поджалъ свои кривыя ноги и усьлся плотноѣ, посматривая на оленей глазами, еще не освободившимися отъ сна. Они тоже устали не менѣе пастуховъ и, пользуясь промежуткомъ благословеннаго холода, спали такимъ же крѣпкимъ сномъ, склонивъ головы на вытянутыя переднія ноги. Нѣкоторые телята лежали на боку, протянувъ въ разныя стороны свои тонкія ножки и напоминая трупы, брошенные на землю. Желтый Утэль усталъ больше всѣхъ. Ему приходилось весь день бѣгать за табуномъ на трехъ ногахъ; четвертая была заткнута за веревочный ошейникъ для обузданія его хищныхъ инстинктовъ по отношенію къ телятамъ и хромымъ пыжикамъ. Въ настоящую минуту онъ лежалъ на обычномъ мѣстѣ своихъ отдыховъ, свернувшись въ клубокъ и прижавшись спиной къ ногамъ Каулькая, котораго онъ считалъ своимъ хозяиномъ, хотя, собственно говоря, принадлежалъ Кутувіи.

Эуннэкай чувствовалъ себя очень плохо. Грудь его мучительно ныла. Ему казалось, будто кто-то сдавливаетъ

ее съ боковъ. Отъ этого давленія боль ударяла въ спину и колола гдѣ-то сзади. Даже дышать ему было трудно, и каждый вздохъ выходилъ съ хрипомъ изъ его открытаго рта. Онъ сидѣлъ скорчившись, протянувъ впередъ голову, опираясь основаніемъ спины о свою котомку, и смотрѣлъ прямо передъ собой.

— Отчего я такой плохой?—думалъ онъ.—А Каулькай крѣпокъ, какъ большая листовница у подошвы скалы. И Кутувія крѣпокъ, какъ камень, обросшій мхомъ! Только я плохой, слабый!.. Зачѣмъ Тенантумгинъ создалъ меня такимъ худымъ? Хоть бы немножко иначе! Чтобъ грудь не болѣла и нога ходила прямо, какъ у людей!..

Эуннэкай вспомнилъ, что Кутувія назвалъ его Лѣнивымъ Малюткой; но вѣдь Малютка не весь вѣкъ лежалъ на боку. Потомъ богъ сжалился и сдѣлалъ его настоящимъ человѣкомъ. А можетъ, и надъ нимъ сжалится... Вдругъ прилетитъ ворономъ, ударится объ землю, станетъ человѣкомъ и скажетъ: «Вставай, Эуннэкай! Полно тебѣ лежать на одномъ мѣстѣ, какъ охромѣлый пыжикъ! Ходи и ты, какъ человѣкъ!» И поправитъ его больную грудь и кривую ногу, и дастъ ему высокій станъ и пригожее лицо, красивую одежду изъ бѣлыхъ шкуръ, стадо пестрыхъ оленей, санки въ колокольчикахъ...

Эуннэкай поднялъ голову вверхъ и, видя ворона, пролетаваго мимо, на минуту подумалъ, не Тенантумгинъ ли это. Но воронъ пролетѣлъ дальше, даже не посмотрѣвъ на Эуннэкаю.

Эуннэкай снова посмотрѣлъ передъ собой долгимъ взглядомъ. Рядъ круглыхъ сопокъ передъ его глазами курился густымъ чернымъ туманомъ, который свивался въ огромные клубы и медленно ползъ внизъ, наполняя долину. «Словно костры!»—думалъ Эуннэкай. Но этотъ дымъ такой холодный и мокрый. Отъ него грудь Эуннэкаю всегда

болить сильнѣе, и глаза отъ него слипаются... слипаются... слипаются...

Дальше Эуннэкай уже не думалъ. Сонъ, его истинный властитель, пришелъ такъ же внезапно, какъ всегда, и завладѣлъ его существомъ.

Сверхъ обыкновенія, Эуннэкаю приснился сонъ. Ему снилось, что Тенантумгинъ услышалъ его жалобы, но отнесся къ нимъ совершенно иначе, чѣмъ онъ имѣлъ право надѣяться. Божественный Воронъ, тотъ самый, который когда-то училъ своей каркающей рѣчи поколѣнія людей, лишенныхъ слова,—съ раскрытымъ клювомъ, широко простертыми крыльями и заостренными когтями, прилетѣлъ и прокричалъ у него надъ ухомъ.

— Тебѣ не нравится больная грудь и кривая нога? Ты, негодникъ!.. Ругаешь шатеръ, въ которомъ живешь! Не надо ничего! выходи вонъ!— Эуннэкай почувствовалъ, какъ всѣ шесть увиритовъ, составляющихъ его душу, покинули брентную земную оболочку и, дѣйствительно, вышли всѣ. Пять увиритовъ улетѣли въ разныя стороны, какъ испуганныя птицы, но одинъ остался. То онъ, онъ самъ, Эуннэкай. Онъ сталъ совсѣмъ крошечнымъ («какъ ножовый черенъ»,—мелькнуло у него въ головѣ) и ощущалъ необычную легкость.

Но Тенантумгинъ не далъ ему даже осмотрѣться въ этомъ новомъ состояніи, схватилъ его когтями и понесъ вверхъ. Они летѣли быстрѣе дикихъ гусей, перенесшихъ героя сказки Айваналина черезъ широкое море, легче пушинки, восходящей вверхъ на крыльяхъ отвѣснаго вихря, бѣгушаго со скалы на скалу. Эуннэкай въ ужасѣ закрылъ глаза и старался не слушать даже быстрого трепетанія крыльевъ, направлявшихъ кверху безостановочный полетъ.

Когда онъ открылъ глаза, они уже были подъ самымъ небомъ. Мимо нихъ мелькали разные жители небесныхъ

пространствъ, на которыхъ Эуннэкай столько разъ смотрѣлъ бывало снизу въ ясныя зимнія ночи, дивуясь тому, что они вѣчно ходятъ тамъ, въ вышинѣ, и ни одному изъ нихъ не придется въ голову хоть на минуту спуститься на землю. Шесть прашниковъ (6 звѣздъ Большой Медвѣдицы) вели ожесточенный бой, осыпая другъ друга градомъ камней, а рядомъ съ ними Бурая лисица усердно грызла оленій рогъ, даже не поднимая головы, чтобы взглянуть на битву (7-ая звѣзда Большой Медвѣдицы). Стрѣлокъ (Оріонъ) напрягалъ лукъ, а Толпа женщинъ загородилась сѣтями, чтобы защититься отъ его губительныхъ стрѣлъ (Плеяды). Широкій Песчаный потокъ лежалъ поперекъ всего неба (млечный путь). Множество мелкихъ и крупныхъ оленей тихо бродили по его островамъ. Дальше Большоголовые братья ѣхали на своихъ высокихъ пряговыхъ быкахъ (Вега и Арктуръ). Дѣвичья толпа ожидала прихода жениховъ, Охотники за Лосями проворно скользя на лыжахъ. Много было другихъ, именъ, которыхъ не зналъ Эуннэкай.

Только Воткнутой Колъ, тотъ, который вѣчно пребываетъ на мѣстѣ (Полярная звѣзда), сверкалъ надъ головой въ недосягаемой вышинѣ.

Достигнувъ неба, воронъ мигомъ отыскалъ въ немъ дыру, прямо подъ ногами Воткнутого и, юркнувъ въ нее, продолжалъ подниматься выше. Эуннэкай увидѣлъ въ вышинѣ другое небо, очи котораго были отличны отъ земныхъ созвѣздій, издавна знакомыхъ ему. Только Воткнутой, который вѣчно пребываетъ въ покоѣ, сверкалъ такъ же высоко надъ головой. Онъ посмотрѣлъ внизъ. Прямо подъ нимъ разстилалась черная равнина, убѣгавшая съ каждой минутой въ неизмѣримую бездну, но еще близкая, на которой его острый взглядъ, несмотря на темноту,

различалъ смутныя очертанія горъ и широкія пятна лѣсовъ, прорѣзанныхъ свѣтлыми полосками бѣгущихъ водъ. Безъ сомнѣнія, то была вторая земля, составляющая, какъ извѣстно, изнанку перваго неба, находящагося надъ головой людей. Воронъ продолжалъ подниматься вверхъ, прямо къ подножію Воткнутаго. — «Въ свой домъ летить!» — подумалъ Эуннэкай, и на мгновеніе ему представился высокій утесъ изъ नेताющаго льда, сверкающій, какъ солнце, въ которомъ выдолблено жилище Тенантумгина, а рядомъ воткнуть остроконечный колъ, украшенный звѣздой. Между тѣмъ воронъ уже достигъ втораго неба и, безъ труда отыскавъ въ немъ такую же дыру и на томъ же мѣстѣ, нырнулъ въ нее и одновременно миновалъ второе небо и третью землю, составляющую его изнанку, продолжая свое восхожденіе. Когда всѣ шесть небесъ, висящихъ одно надъ другимъ, были оставлены внизу, Эуннэкаю пришлось претерпѣть жестокое разочарованіе. Пролетѣвъ всѣ небеса, воронъ, вмѣсто Воткнутаго, повернулъ въ сторону и, замедливъ полетъ, тихо поплылъ надъ какою-то мрачной страной, ровной и пустынной, какъ ледяная грудь моря, и густо занесенной сугробами чернаго снѣга, опускаясь все ниже и ниже. Мѣстами изъ снѣга торчали какіе-то короткіе сучья. Но, всматриваясь поближе, Эуннэкай различалъ, что это человѣческія кости, погребенныя подъ снѣгомъ въ самыхъ различныхъ положеніяхъ. Они летѣли такъ низко, что чуть не задѣвали за эти кости; костлявыя руки протягивали къ нимъ свои непомерно длинные пальцы, похожіе на когти. Если бы воронъ выронилъ Эуннэкай и предоставилъ ему упасть внизъ, онѣ выражали готовность тотчасъ же подхватить его маленькое существо, какъ раненаго птенца куропатки, и сдѣлать его собственной добычей. Пустые глаза череповъ смотрѣли на Эуннэкай своимъ таинственнымъ взоромъ, скрытымъ въ глубинѣ

внутренней темноты. Беззубые рты разѣвались широко на-встрѣчу, подстерегая малѣйшую оплошность ворона, чтобы подхватить и проглотить Эуннэкаю.

— Хорошо, что я такой маленькій! — подумалъ онъ. — Былъ бы попрежнему, кто-нибудь непременно поймалъ бы за ногу!

Онъ поднялъ вверхъ голову, чтобы не видѣть ужасныхъ костей, и чуть не крикнулъ Тенантумгину, чтобы тотъ держалъ его крѣпче. Но вдругъ онъ замѣтилъ, что то былъ совсѣмъ не Тенантумгинъ. Воронъ превратился въ безобразное чудовище со странными крыльями, какъ будто тонкая нерпичья шкура была широко натянута на основу изъ китоваго уса. У чудовища были четыре лапы, похожія на нерпичьи ласты. Переднія, которыми оно держало Эуннэкаю, всецѣло состояли изъ длинныхъ желѣзныхъ когтей, изогнутыхъ, какъ «черуна», и выходившихъ изъ самой груди. Заднія были вытянуты вмѣстѣ и поворачивались изъ стороны въ сторону, замѣняя отсутствующій хвостъ. Эуннэкаю узналъ лицо, блѣдное, какъ у мертвеца, незрячіе глаза, широкій ротъ съ двумя длинными клыками, торчавшими, какъ у моржа.

— Это Кэля! — подумалъ онъ въ ужасѣ. — Поглотитель душъ! Принесетъ въ логовище и съѣстъ!..

Эуннэкаю хотѣлъ закричать отъ ужаса, но голосъ остановился у него въ горлѣ. Кэля подлетѣлъ къ высокому черному шатру, стоявшему среди пустыни, и проникъ въ него, увлекаемая съ собой свою маленькую жертву.

— Конецъ, — подумалъ Эуннэкаю и опять закрылъ глаза.

Но Кэля, должно быть, еще не былъ голоденъ. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ же растерзать Эуннэкаю, онъ ограничился тѣмъ, что внесъ его въ пологъ, стоявшій у задней стѣны шатра. Сильный свѣтъ внезапно проникъ сквозь

закрытыя вѣки Эуннэкая, и онъ невольно открылъ глаза. Въ пологѣ было свѣтло, какъ днемъ. Стѣны его были сдѣланы изъ гладкаго желѣза и блестяли, какъ лезвія топоровъ, привозимыхъ морскими бородачами на высокихъ огненныхъ судахъ. Не видно было ни входа, ни выхода. Кѣля проникъ неизвѣстно откуда, и отверстіе, пропустившее его, тотчасъ-же закрылось. У задней стѣны полога горѣла большая лейка. Свѣтлое пламя бѣлаго костнаго жира поднималось яркими языками на краю широкой желѣзной сковороды, наклоненной на одинъ бокъ, для того, чтобы растопленный жиръ лучше стекалъ къ свѣтильнѣ. Кѣля положилъ Эуннэкаю на противоположный край, свободный отъ бѣлыхъ пластовъ жира, и усѣлся въ углу полога, повидимому намѣреваясь отдохнуть отъ утомительнаго путешествія. Эуннэкай тоже чувствовалъ смертельную усталость и лежалъ безъ движенія на сковородѣ. Какое-то крошечное существо, которое онъ сначала принялъ за деревянную заправку лейки, поднялось съ противоположнаго края сковороды, гдѣ оно сидѣло на желѣзной выемкѣ, у самаго пламени, и, подойдя къ Эуннэкаю, толкнуло его маленькой ножкой, не больше деревянной спички. Впрочемъ Эуннэкай и самъ былъ не больше этого маленькаго человѣчка. Эуннэкай присмотрѣлся къ подошедшему. Маленькое тѣльце его, обтянутое коричневой кожей, сморщившейся въ крошечныя складки, имѣло чрезвычайно странный видъ. Оно было засушено до самой послѣдней степени, напоминая осколокъ ламутской горчи (сушеное мясо), повисѣвшей подъ солнцемъ и вѣтромъ цѣлое лѣто. На немъ повсюду виднѣлись глубокіе изъяны, даже просто дыры, сквозь которыя можно было видѣть переливы свѣтлаго пламени, часть котораго онъ заслонялъ своей спиной. Уцѣлѣвшія части напоминали высушенную пленку, и были такъ тонки, что также свѣтились насквозь,

пропуская яркіе лучи. На головѣ его не было ни одного волоса, маленькое личико съежилось, какъ зерно кедроваго орѣха, обожженное огнемъ. Эуннэкай въ первый разъ видѣлъ такое странное существо. Тѣмъ не менѣе ему показалось что-то знакомое въ этой жалкой, скрюченной фигуркѣ.

— Пришелъ? — сказалъ человекъ, толкая его ногой.

Эуннэкай не отвѣчалъ ни слова.

— Эуннэкай, пришелъ? — повторилъ человекъ такимъ страннымъ голосомъ, что Эуннэкай отъ удивленія широко открылъ глаза. Онъ узналъ голосъ Рэу, своего брата, котораго много лѣтъ тому назадъ унесъ Великій Морь.

— Ты что здѣсь дѣлаешь, Рэу? — хотѣлъ крикнуть онъ, но Рэу предупредилъ его.

— Не кричи! — выразительно шепнулъ онъ, предостерегающимъ взглядомъ указывая на Кэля, крѣпко заснувшаго въ углу. — Кэля унесъ меня, чтобы я заправлялъ свѣтильню въ его лампѣ. Уже десять лѣтъ я хожу взадъ и впередъ сквозь горячее пламя! Видишь: на моей головѣ не осталось ни одного волоса, всѣ обгорѣли отъ жара, кожа моя сморщилась, какъ обожженная перчатка, тѣло прогорѣло до дыръ и не можетъ заслонить пролетающей искры. Даже тѣнь моя сгорѣла въ огнѣ! Какъ можетъ человекъ жить безъ тѣни?.. А теперь онъ взялъ и тебя! Берегись жить вблизи огня, Эуннэкай! Тѣло твое прогоритъ насквозь! Лицо почернѣетъ, какъ котелъ, простоявшій у костра 20 зимъ, зубы во рту станутъ, какъ обгорѣлые угли!..

Эуннэкай не отвѣчалъ ни слова.

— Ты спишь, Эуннэкай?.. — человекъ опять толкнулъ его ногой.

— Проснись, проснись!.. Есть средство убѣжать отсюда: пробить дверь въ желѣзномъ пологу!.. Скажи, Эуннэкай: что ты ѣлъ въ своей жизни на землѣ?

Эуннэкай подумалъ, подумалъ и отвѣтилъ:

— Оленину!

— А Ъль ли ты тюленье мясо? Ъль ли ты моржовую кожу? Ъль ли ты китовый жиръ?..

Эуннэкай опять не отвѣтилъ. Онъ боялся сказать: нѣтъ!

— Кто Ъсть разное на землѣ, тотъ копить большую силу. Онъ можетъ бороться съ Кэля! Скажи, Эуннэкай: Ъль ли ты тюленье мясо? Ъль ли ты моржовую кожу? Ъль ли ты китовый жиръ?..

Но при одной мысли о борьбѣ съ Кэля, Эуннэкай вздрогнулъ и зажмурился. Онъ опять не отвѣтилъ на роковой вопросъ.

— Ты, негодай! — раздался громовой голосъ надъ его головой. Ужасный толчокъ ногою въ грудь разбудилъ Эуннэкаю. Кутувія стоялъ надъ нимъ съ лицомъ, искаженнымъ отъ ярости.

— Проклятый! Гдѣ олени?

Эуннэкай вскочилъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, и схватился за грудь. На яву, какъ и во снѣ, онъ не могъ выговорить ни слова. Ни одного оленя не было видно на площадкѣ. Она была такъ тиха и пустынна, какъ будто на ней отъ сотворенія міра не показывалось ни одно живое существо.

— Собака! — сказалъ Кутувія, нанося ему второй ударъ. — Каулькай! Каулькай! Вставай! Твой братъ отпустилъ стадо!

Но Каулькай, спавшій такимъ непробуднымъ сномъ, пробудился еще раньше окрика. Однимъ прыжкомъ онъ очутился на ногахъ, бросилъ быстрый взглядъ вокругъ себя, увидѣлъ своихъ товарищей, погрозилъ имъ своимъ загорѣлымъ кулакомъ и опрометью сбѣжалъ по крутому косогору на берегъ Мурулана, протекавшаго внизу.

— Эй-а! Эй-а! — раздавались его громкіе крики призыва, проникнутые не поддающимся описанію хрипящимъ звукомъ, какой издають олени быки въ пору порозованія. Кутувія простоялъ секунду на мѣстѣ, потомъ, быстро подобравъ съ земли шапку, убѣждалъ по противуположному направленію, также начиная многотрудный поискъ.

Эуннэкай долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, держась рукою за грудь. Онъ никакъ не могъ понять, что случилось. Враждебный духъ опять усыпилъ его умъ, чтобы увести отъ него оленей и погубить его въ конецъ. Не Тенантумгинъ, а Кэля создалъ его, Кэля владѣлъ имъ всю жизнь, Кэля унесъ его душу въ эту туманную ночь и носилъ ее по надземнымъ пустынямъ, гдѣ никогда не бываетъ дня, и заперъ его въ желѣзный шалашъ для того, чтобы тѣмъ временемъ похитить отъ него стадо. Эуннэкай машинально собралъ всѣ вещи, связалъ ихъ по обыкновению въ видѣ плоской и длинной ноши, увѣчанной котломъ, и уже хотѣлъ взвалить на свои плечи, но передумалъ и положилъ ее опять на землю. Надо искать оленей, а за вещами можно будетъ прійти потомъ, въ другой разъ. Эуннэкай поднялъ посохъ, забытый Кутувіей, и опять осмотрѣлся вокругъ. Желтый Утэль, ковыляя на трехъ ногахъ и виляя хвостомъ, подбѣжалъ къ нему. Онъ тоже спалъ и не успѣлъ уйти вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ пастуховъ, а теперь ластился къ Эуннэкаю, какъ будто выражая сочувствіе его горю и обѣщая посильную помощь.

Эуннэкай нагнулся и вытащилъ ногу Утэля изъ-за ошейника.

— Пойдемъ, Утэль! — сказалъ онъ. — Станемъ искать стадо.

Онъ спустился на Муруланъ, но вмѣсто того, чтобы

перейти на другой берегъ къ линіи противоположныхъ вершинъ, какъ это сдѣлалъ Каулькай, направился внизъ по рѣчкѣ, намѣреваясь достигнуть большого горнаго ручья, впадавшаго въ Муруланъ, и, поднявшись вверхъ по его теченію, перевалить черезъ горную цѣпь и достигнуть истока другой горной рѣчки Андильвы, стекавшей съ противоположнаго склона. То были высокія мѣста, богатая наледями и вѣчно обдуваемая вѣтромъ, постоянное жителство дикихъ оленей и горныхъ барановъ. Они были хорошо знакомы чукотскимъ оленямъ, которые не разъ убѣгали туда, и Эуннэкай надѣялся, что, можетъ быть, и теперь найдетъ тамъ свое убѣжавшее стадо.

Послѣ ночного холода и тумана день выдался такой, какого не бывало и въ началѣ іюля, въ самую жаркую пору лѣта. Легкій вѣтеръ, потянувшій съ востока, увелъ всѣ дымныя тучи, надвигавшіяся отъ горѣвшихъ лѣсовъ, захвативъ по пути и сѣрыя облака тумана, нависшія на горныхъ вершинахъ. Было ясно и тепло. Нѣсколько плоское небо полярнаго горизонта сіяло блѣдной синевою, не запятнанной ни однимъ облачкомъ. Солнечные лучи весело переливались въ свѣтлыхъ струяхъ рѣчки, бѣжавшей по камнямъ. Эуннэкай шелъ и думалъ. Что, если стадо убѣжало совсѣмъ и не вернется обратно. Конечно, Эйгелинъ не обѣднѣетъ отъ этого: у него есть еще четыре большихъ стада. Кутувія уйдетъ къ старшему брату Тнапу, но ему и Каулькаю придется плохо. Эйгелинъ въ гнѣвѣ страшень. Развѣ не бросился онъ съ ножомъ на ламута Чемегу, когда дочь Чемеги, купленная для Кэргувіи, убѣжала ночью въ свой родной станъ, а Чемега не хотѣлъ вернуть калыма, какъ было условлено? И развѣ Эуннэкай не видѣлъ, какъ онъ колотилъ кольцомъ отъ аркана прямо по лицу своего третьяго сына Эттувію, когда у того ушелъ немногочисленный «отрывокъ» изъ стада.

Впрочемъ, не за себя лично больше всего опасался Эуннэкай. Пусть Эйгелинъ бьетъ его арканомъ, пусть заколетъ на смерть, пусть переломаетъ кости, какъ чаунцы переломали его старшему брату на Весеннемъ Торгу, пусть ударитъ его ножомъ въ грудь, какъ убиваютъ худого пѣжика весною на ѣду! Онъ заслужилъ все это. Да! пусть они зарѣжутъ его и ѣдятъ его тѣло, ибо онъ заставилъ ихъ потерять такъ много священныхъ животныхъ, дающихъ человѣку ѣду и жизнь!

Но мщеніе Эйгелина не ограничится имъ однимъ. Онъ прогонитъ со стойбища старую Нэучкатъ, и она пойдетъ пѣшкомъ скитаться по пустынѣ, ибо всѣ олени Каулькая ушли вмѣстѣ со стадомъ Кутувии и не осталось ни одного, чтобы запрячь широкия сани и увезти хоть шатеръ и три столба, основу людского жилища. Пойдетъ Нэучкатъ по пустынѣ, питаясь кореньями и дикими травами. Еще захочетъ ли какой-нибудь житель дать ей пристанище? И Каулькая прогонитъ Эйгелинъ, и никто изъ сосѣднихъ владѣльцевъ не захочетъ принять къ себѣ пастуха, который такъ безпеченъ, что отпустилъ стадо. Но у Каулькая крѣпкія ноги. Онъ уйдетъ на другой конецъ Камня или туда, гдѣ Морской Чаунъ (Малый Чаунскій проливъ) наполняется соленой водой во время сѣвернаго вѣтра, а потомъ мелѣетъ, открывая дорогу на далекія пастбища острова Айона, какъ рассказываютъ старики, впервые пригнавшіе стада съ сѣверной стороны на Камень. Уйдетъ Каулькай, опираясь на свое копьѣ, и Эуннэкай больше не увидитъ его. Сердце Эуннэкай болѣзненно сжалось. Въ этомъ нехитромъ и незлобивомъ сердцѣ таилось глубокое, полубезсознательное обожаніе высокаго и статнаго брата, который во всѣхъ отношеніяхъ могъ служить идеаломъ чукотскаго «хранителя стадъ». Эуннэкай забылъ и про боль въ груди, и про больную ногу и быстро шагаль по

каменистому берегу, опираясь на посохъ, и свободный отъ обычной ноши, чуть ли не въ первый разъ. Растительность на берегахъ рѣки снова получала болѣе разнообразный характеръ. Всѣ кусты, травы и цвѣты полярной и альпійской флоры поднимали ему навстрѣчу головы, немного утомленныя бездождіемъ и зноемъ, ибо полярныя растенія также предпочитаютъ сырость и холодъ. Изъ неплотныхъ каменныхъ расщелинъ выглядывали желтые, алые и голубые вѣнчики, которымъ еще не дано имени на языкѣ человѣка, похожіе то на незабудки, то на колокольчики, то на лиліи. Кочанъ (полярный одуванчикъ) поднималъ свои жесткія головки, опушенныя бѣлымъ пухомъ, похожимъ на клочокъ заячьяго мѣха. Жесткіе пучки дикаго лука, похожіе на стрѣлы, маленькіе кустики макарши, напоминашія связки полуобдерганныхъ зеленыхъ перьевъ, выглядывали среди нѣжныхъ стеблей «гусиной травы». Дальше абдэри (чемерица) протягивала широкія листья, подъ которыми прячутся злые духи, когда Тенантумгинъ ударяетъ копьемъ въ основаніе неба, производя громъ. Бѣлые цвѣточки «попокальгина» разстилались по землѣ. Колючій шиповникъ смыкался непроходимой чашей прямо поперекъ его дороги, путая свои иглистые вѣтви съ корявыми побѣгами низкорослаго ольховника и съ тальникомъ, проникающимъ всюду.

Эуннэкай прямо пробирался сквозь кустарникъ. Желтый Утэль бѣжалъ трусцой сзади на своихъ короткихъ ногахъ.

Верховье Андильмы ничѣмъ не отличалось отъ Мурулана. Вдали мелькали бѣлыя линіи наледи. Можно было подумать, что это та самая, отъ которой нѣсколько часовъ тому назадъ разошлись въ разныя стороны чукотскіе пастухи. Выйдя изъ густой тальничной заросли и вскарабкавшись на уступъ, идти по которому было гораздо удоб-

нѣе, Эуннэкай вдругъ остановился и сталъ внимательно всматриваться впередъ. Два или три смутныхъ силуэта мелькнули, Богъ знаетъ на какомъ разстояніи, предъ его глазами. То, конечно, были олени. Ужъ не ихъ ли стадо? Эуннэкай побѣждалъ впередъ по каменнымъ плитамъ, поросшимъ мхомъ, подпрыгивая на одной ногѣ, а другою подпираясь, какъ костылемъ, и помогая себѣ своимъ крѣпкимъ посохомъ, съ широкимъ роговымъ набалдашникомъ, укрѣпленнымъ на концѣ.

Онъ напоминалъ большого линялаго гуся, убѣгающаго отъ собаки и помогающаго себѣ на бѣгу безперымъ крыломъ.

Съ уступа открывался видъ на широкое поле, покрытое крупными кочками и поросшее мелкимъ тальникомъ. Мѣстами между кочками блестѣла вода, на зло засухѣ сохранившаяся въ этомъ мѣстѣ. Стадо оленей, разсыпавшись между купами мелкихъ кустовъ, паслось на полѣ, ошипывая тонкія тальничныя вѣточки и вырывая болотныя травы изъ влажной почвы. Одного бѣглаго взгляда было достаточно для Эуннэкай, чтобы опредѣлить, что это олени не тѣ, которые недавно ушли у него. Ихъ было меньше, и наружный видъ ихъ былъ совсѣмъ иной. То былъ крупный олень на высокімъ ногахъ, большей частью свѣтлосѣраго цвѣта, съ развѣсистыми рогами и длинной вытянутой головой. То было ламутское стадо. Пастуховъ не было видно. Ламутскіе олени гораздо смиреннѣе чукотскихъ, и пастухъ можетъ безопасно засыпать въ стадѣ, не опасаясь, что его животныя убѣгутъ, воспользовавшись его оплошностью. Эуннэкай отправился къ ламутскому стаду, рассчитывая все-таки узнать что-нибудь отъ пастуховъ о своихъ потерянныхъ оленяхъ.

Стойбище было совсѣмъ близко. Онъ сперва не замѣтилъ его изъ-за лѣска, у опушки котораго оно было раскинуто, но теперь прямо направился къ нему.

Пять небольшихъ шатровъ лѣпились другъ около друга. Они состояли изъ тонкаго кожанаго покрова, кое-какъ укрѣпленнаго на переплетѣ жердей и испещреннаго множествомъ дыръ, прожженныхъ искрами, отлетавшими внутрь отъ очага. Таковы ли были огромные чукотскіе шатры, укрѣпленные на крѣпкихъ столбахъ, оболочка которыхъ состояла изъ твердой и косматой оленьей шкуры, гдѣ малѣйшая дыра тщательно починивалась!

У каждаго шатра вытягивался длинный рядъ аккуратно спитыхъ и завязанныхъ переметныхъ сумъ. Все ламутское имѣніе было внутри этихъ сумъ, нигдѣ не было видно опрокинутыхъ саней, мѣшковъ съ рухлядью, шкуръ и т. п. скарба, который всегда разбросанъ на чукотскомъ стойбищѣ.

Внѣшняя обстановка ламутскаго стойбища носила характеръ воздушности, какаго-то птичьяго хозяйства, которое можно каждую данную минуту подхватить чуть ли не подъ мышку и унести безъ всякихъ хлопотъ, поднять съ земли, перекинуть черезъ оленью спину и поскакать, куда глаза глядятъ, оставивъ на случайномъ мѣстѣ ночлега только кучу пепла отъ остывшаго костра.

Старый тощій ламутъ, въ фигурѣ котораго было тоже что-то птичье, сидѣлъ у входа въ шатеръ, внимательно разсматривая кремневый замокъ, вынутый изъ короткой пицали. Онъ поднялъ на Эуннэка свои маленькіе круглые глаза, тоже похожіе на глаза птицы, даже какъ будто имѣвшіе внутреннее вѣко, но смутные и потускѣвшіе, лишенные выраженія и какъ будто мертвые, и, не выразивъ никакого удивленія, снова опустил ихъ на свою работу.

— Пришелъ? — произнесъ онъ, однако, обычное чукотское привѣтствіе.

— Гдѣ мои олени? — обратился къ нему Эуннэкай, даже не отвѣчая на привѣтствіе. Онъ, повидимому, пола-

галь, что весь міръ знаетъ уже объ его потерѣхъ и не нуждается въ объясненіяхъ.

Ламутъ опять поднялъ голову и посмотрѣлъ на него своими тусклыми глазами. Ламутовъ обвиняли, и не безъ основанія, въ присвоеніи оленей, убѣжавшихъ изъ чукотскихъ стадъ, даже прямо въ кражѣ, и старикъ опасался, что Эуннэкай имѣетъ въ виду какой-нибудь случай въ этомъ родѣ.

— Войди! — сказалъ онъ, оставивъ безъ отвѣта невразумительный вопросъ, и посторонился отъ входа.

Эуннэкай поднялъ занавѣску, опушенную полоской медвѣжьей шкуры и замѣнявшую дверь, и пролѣзъ внутрь шатра. Въ шатрѣ было чисто и пахло приятнымъ смолистымъ запахомъ отъ свѣженарубленныхъ вѣтвей лиственницы, разостланныхъ по землѣ. Поверхъ вѣтвей были постланы огромныя шкуры полевыхъ оленьихъ быковъ, убитыхъ ламутскими ружьями. По стѣнамъ были опрятно подвязаны узкіе кожаные полога съ ситцевой занавѣской, за которой ламуты обыкновенно проводятъ ночь. Одинъ пологъ былъ спущенъ, и изъ него торчали двѣ длинныя и тошія ноги, въ красивыхъ кожаныхъ штиблетахъ, обтянутыхъ, какъ трико, и сверкавшихъ на гибѣ ноги чрезвычайно затѣливой вышивкой изъ красиво подобраннаго цвѣтнаго бисера. Нѣсколько мужчинъ, молодыхъ и старыхъ, сидѣли на шкурахъ въ разнообразныхъ позахъ, не занятые ничѣмъ, если не считать короткихъ трубокъ, которыя они поминутно наполняли изъ своихъ узорчатыхъ табачныхъ мѣшковъ какимъ-то бѣлымъ крошевомъ, въ которомъ, кромѣ измельченнаго дерева и трубочной накипи, едва ли былъ какой-нибудь иной элементъ. Въ ламутскихъ вышитыхъ кисетахъ рѣдко водится настоящій табакъ.

Вся одежда ламутовъ сверкала красными и голубыми узорами вышивокъ, какъ цвѣты на каменныхъ склонахъ,

которые недавно миновалъ Эуннэкай. Ему бросились въ глаза кожанные и мѣховые кафтаны, обшитые чернымъ, зеленымъ и краснымъ сафьяномъ, перемежающимся въ клѣтку дорогимъ алымъ сукномъ, маленькій кусочекъ котораго покупается пятью бѣлками, четырехугольные передники, вышитые бисеромъ, крашеной лосиной шерстью, похожей на цвѣтной шелкъ, и еще Богъ знаетъ чѣмъ, отороченные красивой полосой чернаго пушистаго мѣха, обшитые маленькими пунцовыми хвостиками, сдѣланными изъ кусочковъ шкуры молодого тюленя и окрашенными однимъ изъ затѣливыхъ способовъ, извѣстныхъ только ламутскимъ женщинамъ. На шапкахъ, на огнивыхъ и табачныхъ мѣшкахъ, на мѣховыхъ сапогахъ и кожанныхъ штиблетахъ, даже на колыбели, въ которой лежалъ грудной младенецъ, на маленькомъ сѣдлѣ, выглядывавшемъ изъ-за полога и походившемъ на игрушечное, вездѣ и всюду сверкали затѣливые узоры ламутскихъ украшеній. Надъ небольшимъ огнемъ, разложеннымъ среди шатра, висѣлъ маленькій котелокъ, въ которомъ варилось нѣсколько кусковъ мяса. Количество пищи совсѣмъ не соответствовало великолѣпнѣю ламутскихъ костюмовъ. Если бы раздѣлить ее поровну между всѣми присутствующими, то каждому могло бы достаться только по самому маленькому кусочку. У котла хлопотала дѣвушка съ длиннымъ желѣзнымъ крюкомъ въ рукахъ, въ такомъ же красивомъ нарядѣ, испещренномъ всевозможными вышивками, и, кромѣ того, обвѣшанная съ головы до ногъ бусами, серебряными и мѣдными бляхами, бубенчиками, желѣзными побрякушками на тонкихъ цѣпочкахъ и тому подобнымъ добромъ. Огромный уйеръ, знакъ того, что его владѣтельница еще не продана никому въ жены, изъ восьми рядовъ крупныхъ бусъ, вплетенныхъ въ косы, достигалъ до пяты и оканчивался серебряными бляшками. Массивный колоколь-

чикъ, привязанный къ переднику, издавалъ звонъ при каждомъ движеніи. Несмотря на озабоченность Эуннэкай, онъ невольно замѣтилъ голубые глаза и бѣлокурые волосы ламутской красавицы и необычайную бѣлизну ея круглаго лица.

«Какъ русская дѣвка!» — подумалъ онъ. Онъ видѣлъ русскихъ только разъ въ жизни, во время посѣщенія ярмарки, но зналъ, что у нихъ бываютъ глаза, похожіе на небо, а волосы — на увядшую траву. Широкія скулы этого молодого лица и ужасный монгольскій носъ съ вывороченными ноздрями не остановили на себѣ вниманія Эуннэкай. У него тоже были такія скулы и такой носъ.

Въ центрѣ группы ламутовъ сидѣлъ высокій человѣкъ въ кожаномъ кафтанѣ съ безбородымъ лицомъ и злыми глазами, похожими на свиные. То былъ Уляшканъ, сынъ старика, сидѣвшаго у входа, настоящій хозяинъ шатра. Онъ поднялъ голову навстрѣчу вошедшему, и во взглядѣ его зажглась непріязнь. Онъ ненавидѣлъ чукчей отъ всей души, но, какъ и всѣ ламуты, боялся этихъ пришельцевъ, дерзко занимавшихъ лучшія пастбища исконной ламутской земли.

— Пришелъ? — сказалъ онъ сурово.

— Эгей! — нетерпѣливо отвѣтилъ Эуннэкай.

— Какія вѣсти? — спросилъ ламутъ.

— Гдѣ мои олени? — разразился Эуннэкай угнетавшимъ его вопросомъ.

Ламутъ посмотрѣлъ на него еще суровѣе.

— Садись! — указалъ онъ ему рукой на мѣсто по другую сторону огня. — Позови Ивандяна! — обратился онъ къ молодому парню съ рябымъ лицомъ и высокимъ остроконечнымъ затылкомъ, похожимъ на опрокинутую грушу, покрытымъ гладко расчесанной шапкой волосъ, остриженныхъ въ скобку.

Ивандянь, стройный и тонкій, съ правильными чертами и нѣжнымъ цвѣтомъ кожи, съ высокимъ прямымъ лбомъ, сдавленнымъ на вискахъ и придававшимъ его лицу задумчивое выраженіе, вошелъ въ шатерь и присѣлъ на корточкахъ рядомъ съ группой ламутовъ. Онъ долженъ былъ служить переводчикомъ. Уляшканъ и самъ довольно хорошо говорилъ по-чукотски, но для пущей важности хотѣлъ говорить съ пришельцемъ при помощи чужого языка.

— Спроси его! — сказалъ онъ, нахмутивъ брови, — какихъ оленей онъ пришелъ спрашивать въ домахъ чужого ему племени?

— Я потерялъ оленей! — сказала Эуннэкай, не дожидаясь перевода. — Гдѣ мои олени?

Онъ понималъ немного по-ламутски.

Уляшканъ потерялъ терпѣніе и разразился цѣлой рѣчью, направленной противъ всѣхъ чукчей вообще и противъ настоячивыхъ притязаній пришельца въ частности. Онъ говорилъ не безъ краснорѣчія и видимо увлекался собственными словами. Ивандянь почти съ такимъ же наслажденіемъ переводилъ его рѣчь на чукотскій языкъ. Ламуты были рады излить свое негодованіе, накопленное за многіе годы, — на несчастнаго парня, который въ отвѣтъ на словесную обиду не могъ прибѣгнуть къ обычному аргументу несловоохотливыхъ чукчей, т.-е. къ кулачной расправѣ или прямо къ ножу.

— Зачѣмъ ты вошелъ въ домъ чужого племени и сѣлъ около чужого тебѣ огня съ такими странными рѣчами? — говорилъ ламуть. — Развѣ ты нанялъ ламутовъ себѣ въ сторожа, что спрашиваешь у нихъ о своихъ потеряхъ? Таковы ваши чукотскіе обычаи! Вы входите въ чужое жилище, но у васъ нѣтъ въ языкѣ словъ пріязни! Въ рѣчахъ, дающихъ радость слушателю, вы неискусны!.. Почему ты, будучи молодымъ и увидѣвъ людей старше тебя, не

обратился къ нимъ со словами привѣта? Почему ты не ждалъ, чтобы они сами обратились къ тебѣ съ дѣловитой рѣчью?.. Таковы ваши чукотскіе обычаи! Вы не знаете ни старшинства, ни покорности, бродите все равно, какъ олени въ лѣсу... Или ты пришелъ искать своихъ потерь въ моемъ домѣ, своихъ оленей въ моемъ стадѣ?.. Смотри! у насъ нѣтъ ничего чужого!.. Или ваши отцы еще мало отняли у нашихъ, придя на эту землю?.. Они заняли лучшія пастбища, стали станомъ на каждой рѣкѣ!.. Стада дикаго оленя, которыя были нашими стадами и давали намъ пищу, не нуждаясь ни въ дневной, ни въ ночной охранѣ, бѣжали передъ запахомъ помета вашихъ стадъ!.. Ламуты остались безъ пищи, но отъ вашей щедрости и вашего богатства не воспользовались ничѣмъ... Развѣ чукча оживить голоднаго человѣка безъ платы? Но мы не виноваты, что Лѣсной Хозяинъ угналъ бѣлку изъ нашихъ лѣсовъ, и отнялъ у насъ шкуры на плату!.. Красному Солнцу наскучило смотрѣть на ваши насилія и обиды! Оно наказываетъ васъ за то, что вы скупы къ бѣдному, и разгоняетъ ваши стада, превращая ихъ въ дикія, на благо каждой рукѣ, которая можетъ держать пищаль. У него спроси, куда ушло твое стадо! Его глаза видѣли бѣгство... Если благосклонно, скажешь!

Эуннэкай плохо слушалъ слова Уляшкана и вольное переложеніе Ивандяна, упрощавшаго по необходимости высокопарныя выраженія оратора, чтобы приспособить ихъ къ болѣе первобытному строю чукотскаго языка. Онъ понималъ только, что ламуты не знаютъ, гдѣ его олени, и какъ будто даже сердятся на него за то, что онъ хочетъ отыскать ихъ. Странныя мысли приходили ему въ голову. Не увели ли его стадо полевые олени, заколдованные Лѣснымъ Хозяиномъ, чтобы умножить его вольные табуны? Не унесли ли его шаманы изъ таинственной страны, рас-

положенной за семью морями, гдѣ косматые жители па-сутъ бѣлыхъ собакъ, чтобы питаться ихъ жиромъ и вну-тренностями?

Въ сердцѣ его словно что-то оборвалось. Онъ успѣлъ прилѣпиться къ мысли, что здѣсь онъ найдетъ указаніе относительно своей утраты. Если ламуты дѣйствительно ничего не знали объ его стадѣ, значить, оно не приходи-ло на наледь Андильвы, и поиски въ этихъ мѣстахъ были бесплодны. Куда же идти? Вернуться на Муруланъ и отправиться влѣво или вправо по горнымъ ущельямъ и вершинамъ, отыскивать уже не стадо, а кого-нибудь изъ товарищей, ушедшихъ по тому направленію раньше его... Но Кутувія не захочетъ смотрѣть на его лицо и прогонитъ его толчками, какъ коростливую собаку, а Каулькаю онъ и самъ не хотѣлъ показываться на глаза.

Ламутъ прекратилъ, наконецъ, свою гнѣвную рѣчь, тѣмъ болѣе, что ѣда была готова. Дѣвушка выложила мясо на широкую доску, крошила его мелкими кусоч-ками, сыпала ихъ въ желѣзную тарелку и поставила передъ мужчинами.

— Ёшь съ нами!—сказалъ Уляшканъ, указывая рукою на дымившуюся горку мясныхъ кусочковъ.

Эуннэкай машинально обошелъ огонь и припалъ на корточки рядомъ съ Ивандяномъ, взялъ одинъ кусокъ, положилъ его въ ротъ, но, не успѣвъ проглотить, внезапно поднялся на ноги и вышелъ вонъ, оставивъ ламутовъ въ немаломъ удивленіи насчетъ внезапности своего ухода. У входа въ шатеръ онъ подобралъ свой посохъ, оставленный по обычаю снаружи, и медленнымъ шагомъ побрелъ внизъ по Андильвѣ, покинувъ стойбища чужого народа. Желтый Утэль послѣдовалъ за нимъ, грустно опустивъ косматый хвостъ. Онъ тоже былъ убѣжденъ въ бесполезности по-исковъ Эуннэкая.

Каулькай нашель стадо на другой день вечеромъ. Олени быстро шли впередъ, выстроившись въ колонну, и только неутомимыя ноги быстроногаго пастуха могли наверстать значительное разстояніе, уже оставленное ими позади. Кутувія описалъ большой кругъ и снова вышелъ на Муруланъ, на день пути ниже по теченію, потомъ поднялся вверхъ и засталъ Каулькая на прежнемъ пастбищѣ съ найденнымъ стадомъ. Эуннэкай больше не показывался людскимъ глазамъ, и куда онъ дѣвался, никто не могъ узнать. Быть можетъ, онъ сложилъ свои кости, высохшія отъ усталости, у подножія уединенной скалы, или, боясь вернуться къ товарищамъ, отправился къ лѣснымъ людямъ и сдѣлался ихъ братомъ, или черный старикъ, который вѣчно ходитъ босикомъ, разсердился на его нерадѣніе и приготовилъ ему новую встрѣчу, менѣе безобидную, чѣмъ въ первый разъ? Кто можетъ рѣшить это? Даже желтый Утэль не вернулся обратно, чтобы сообщить псамъ на стойбищѣ своимъ собачьимъ языкомъ, непонятнымъ людямъ, о судьбѣ, постигшей Эуннэкаю. Мать не зажгла его костра святымъ огнемъ, вытертымъ изъ деревяннаго огнива. Братъ не закололъ надъ его трупомъ упряжныхъ оленей, чтобы онъ могъ переѣхать ледяныя поля, отдѣляющія область, не знающую ночи, гдѣ ведутъ блаженную жизнь безсмертныя дѣти Крэкая среди безчисленныхъ стадъ, чьи олени не нуждаются въ охранѣ и убиваютъ другъ друга рогами по мановенію ихъ владѣтелей.

На мертвомъ стойбищѣ.

Уже третій мѣсяць грозный Духъ Заразы кочуетъ по большой тундрѣ, собирая съ оленныхъ людей человѣческія головы въ ясакъ. Никто не видѣлъ его лицомъ къ лицу, но говорятъ, что ночью, когда послѣдняя сноха, суетившаяся у костра, влѣзаетъ внутрь полога, онъ проѣзжаетъ мимо стойбищъ на своихъ длинноногихъ красношерстныхъ оленяхъ, ведя безконечный обозъ, нагруженный рухлядью; полозья его саней—изъ красной мѣди; женщины ѣдутъ вмѣстѣ съ нимъ, слѣдя за упряжными оленями; захваченные пастухи гонятъ сзади безчисленные красныя стада съ рогами, похожими на свѣтлое пламя; онъ похищаетъ молодыхъ дѣвушекъ, чтобы онѣ выколачивали снѣгъ изъ его пологовъ; онъ уводитъ молодыхъ крѣпкихъ мужчинъ, чтобы сдѣлать ихъ своими рабами; онъ подкрадывается ночью неслышно, какъ песецъ, и шатры жителей оставляетъ на ночлегѣ пустыми и вѣчно лишенными движенія, а безпризорное стадо уводитъ вмѣстѣ со своими стадами.

Никто не видѣлъ его лица, но люди называютъ его Хозяиномъ страны. Всѣ говорятъ, что онъ пришелъ съ запада. Еще съ прошлаго года Олений Богъ посылалъ своимъ дѣтямъ дурныя предвѣщанія. Олени, убитые на жертву, падали рано внизъ; на жженой лопаткѣ изъ-подъ нижняго края выходила зловѣщая черта, указывая путь Желаящаго похитить; по ночамъ кто-то съ шумомъ

пролеталъ надъ верхушками шатровъ, убивая душу огня, тлѣвшую подъ пепломъ очага; подошвы шатровыхъ столбовъ примерзли къ землѣ, и ихъ приходилось вырубать топоромъ. Но чары похитителя ослѣпили умъ оленныхъ жителей, и они не понимали предвѣщаній. На этой новой землѣ, которую заняли ихъ отцы, перейдя великую рѣку навстрѣчу вѣтру, дующему со стороны вечера, жилось такъ привольно¹⁾. Нетронутыя моховища представляли довольно простора для самыхъ многочисленныхъ стадъ, олени множились, какъ комары въ сырое лѣто. Пусть тунгузскіе сосѣди брали по двухлѣтку за каждый ножикъ, пусть русскіе убивали по молодой важенкѣ за четверть кирпича, по два выборныхъ быка за бутылку спирта, стада все-таки «простирались по полямъ, какъ грязь», какъ будто изъ каждой линиялой шерстинки выросло по оленю. Всего было много на тундрѣ. Озера кипѣли рыбой, берега рѣчныхъ заводей чернѣли отъ помета ленныхъ гусей, песцы приходили на стойбища собирать крохи, какъ собаки. Комары и оводы боялись прохладной тундры, въ вѣчно влажной тинѣ копыта оленей не знали гніенія. Кочующія сани не перебирались черезъ хребты по узкимъ просѣкамъ, прорубленнымъ тяжелыми топорами; тундра была ровна, какъ столъ, и открыта, какъ океанъ, приносившій къ ея окраинѣ сплавной лѣсъ на топливо жителямъ.

Теперь нужно было отдать плату за всю эту щедрость. Недаромъ самые старые изъ тѣхъ, кто первый пришелъ на эту землю, хмурились, глядя на котлы, не вмѣщавшіе мяса, шатры, наполненные дѣтьми; недаромъ удивлялись они, что Хозяинъ пустынь такъ радушно принимаетъ гостей. Его просто не было дома, онъ гостилъ цѣлыхъ два-

¹⁾ Чукчи перебрались на западную тундру не болѣе, какъ 40 лѣтъ тому назадъ.

дцать лѣтъ на дальнемъ западѣ, въ царской землѣ, а теперь вернулся назадъ, чтобы собрать выкупъ. Блюстительницы очаговъ совершали ему возліаніе жертвенной похлебкой, хранители стадъ убивали черныхъ телятъ и бѣлыхъ важенокъ безъ одной отмычины, но онъ презиралъ мясо оленя, онъ питался душами маленькихъ дѣтей, похищенными во время сна, онъ упивался слезами осиротѣвшихъ старухъ, онъ забиралъ стоявшихъ на мѣстѣ, и догонялъ убѣгавшихъ, стремясь превратить эту землю попрежнему въ пустыню. Уже десятки шатровъ стояли, лишённые людей, а онъ не чувствовалъ сытости. Шаманы бросали на его дорогу мясо, срѣзанное съ труповъ, чтобы заставить его перебраться къ сосѣдямъ; но ничто не помогало. Онъ кружился по тундрѣ, какъ волкъ среди разметаннаго стада, возвращался назадъ, посѣщалъ каждое глухое озеро и вездѣ собиралъ добычу.

На берегу озера, въ одномъ изъ малолюдныхъ угловъ тундры, лежало стойбище, пораженное заразой. Оно состояло изъ четырехъ шатровъ, вытянувшихся въ линію, и съ перваго взгляда не представляло ничего примѣчательнаго. Сани, нагруженные рухлядью, стояли кругомъ шатровъ въ обычномъ безпорядкѣ, груды оленьихъ шкуръ лежали на землѣ; два оленя бродили между санями, раскапывая копытами слежавшійся снѣгъ. Однако, взглянувшись поближе, можно было различить слѣды бѣдствія, посѣтившаго стойбище. Рухлядь на саняхъ и шкуры были покрыты толстымъ слоемъ инея, передъ дверьми шатра нигдѣ не горѣлъ огонь, изъ отверстій вверху не выходило дыма, свидѣтельствующаго о дѣятельности женщинъ, варящихъ пищу. Людей нигдѣ не было видно, они были внутри, подъ завернутыми мѣховыми полами, столь же неподвиж-

ные и холодные, какъ мерзлый кусокъ сырого дерева, валившійся поперекъ дороги.

Это было стойбище стараго Рутьувіи, и только три недѣли тому назадъ, на берегу р. Алазеи, имѣлось болѣе тридцати обитателей, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми. Оно состояло тогда изъ восьми шатровъ, но половина была растеряна на скорбномъ пути отъ Алазеи до Лебединаго озера.

Рутьувія былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ владѣтелей стадъ, онъ имѣлъ двѣ жены, четыре сына и столько же зятьевъ. Его старшей женѣ внучки помогали мять кожу, а младшая въ первый разъ понесла жизнь въ утробѣ.

На головѣ его не было ни одного сѣдого волоса, онъ бралъ призы на скачкахъ и останавливалъ на арканѣ четырехлѣтняго быка, гоняющагося за важенками. Стада его истощали силу его пастуховъ и отъ зари до зари объѣдали моховище и уходили дальше.

Злой духъ настигъ Рутьувію ночью и взялъ у него старшаго внука. Тогда Рутьувія покочевалъ на востокъ, намѣреваясь укрыться на тотъ берегъ Колымы. Восемь разъ кочевалъ онъ отъ Алазеи и восемь головъ оставилъ по дорогѣ. Дѣти его, заболѣвая съ вечера, умирали къ утру; онъ покидалъ ихъ вмѣстѣ съ шатрами и уходилъ далѣе. Другіе мучились по нѣскольку дней, и онъ увозилъ ихъ на саняхъ подъ шкурами, которыя покрывались инеемъ отъ дыханія больныхъ, промерзали отъ пота и примерзали къ перекладинамъ саней.

Въ отчаяніи онъ свернулъ въ сторону и покочевалъ наудачу, но черезъ три дня долженъ былъ остановиться на берегу этого озера, такъ какъ большая часть его домочадцевъ уже не могла стоять на ногахъ. Два младшихъ зятя сбѣжали вмѣстѣ съ женами. Остальные раздѣлили общую судьбу. Старая Рутьтына въ ту ночь, когда умеръ

ея послѣдній сынъ, повѣсилась надъ собственнымъ очагомъ, чтобы осквернить его. Рутьувія на утро только выглянула изъ полога, потомъ влѣзъ обратно, легъ къ стѣнѣ и не вставалъ больше. Теперь шатры были наполнены трупами, стадо разбрелось, Богъ знаетъ куда, только нѣсколько самыхъ ручныхъ оленей держались еще у стойбища. Огни потухли, въ жилищахъ не было жизни, а въ суммахъ—пищи, такъ какъ въ послѣдніе дни ни у кого не было силъ, чтобы поймать и заколоть оленя.

Еще одна живая душа оставалась на стойбищѣ. Изъ-подъ полы задняго шатра выползла женщина и поползла на четверенькахъ по направленію къ оленямъ; то была Илинеутъ, младшая жена Рутьувіи, которой было всего 18 лѣтъ и которая ходила въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности. Она была взята старикомъ изъ бѣдной семьи подчиненныхъ «сосѣдей по стойбищу» для того, чтобы служить рабыней старой Рутьынѣ, и вся ея жизнь протекала въ непрерывной работѣ, нерѣдко отнимавшей даже сонъ ночью. Послѣ того, какъ она забеременѣла, жизнь ея стала легче, и въ послѣдній мѣсяцъ ее уже не заставляли перетаскивать тяжелые мѣховые шатры и нагруженные сани. Но на Лебединомъ озерѣ, когда одна женщина за другой выбывали изъ числа живыхъ, ей снова пришлось надѣть прежнюю лямку. Въ послѣдніе три дня она до того измучилась, что послѣ смерти Рутьувіи заползла въ задній шатеръ и легла на шкурахъ, слишкомъ слабая для того, чтобы думать о бѣгствѣ. Духъ заразы, пролетѣвъ мимо нея, повидимому, все-таки задѣлъ ее мимоходомъ. Три дня она пролежала въ шатрѣ, подавленная сномъ, и за все это время она пробуждалась только дважды, чтобы утолить жажду осколками льду, сохранившимися въ ледовомъ мѣшкѣ. Нѣсколько крохъ сушеного мяса, сохранившихся въ одной изъ сумъ, служили ей пищей.

Сегодня она проснулась съ утра, чувствуя себя немного лучше. Первая ея мысль была о бѣгствѣ. Остаться въ этомъ царствѣ мертвыхъ было слишкомъ страшно; кромѣ того, она чувствовала, что время родовъ близко и что если она не доберется къ людямъ, то неминуемо погибнетъ вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Подняться на ноги она не имѣла силы и ползла, какъ зашибленная собака, опираясь руками въ землю и то-и-дѣло увязая въ снѣгу. Она со страхомъ думала, удастся ли ей поймать хоть одного оленя. Если бы они оказались пугливыми, она была бы лишена средствъ покинуть стойбище. Къ счастью, ближайшій олень не только не обнаружилъ пугливости, но даже остановился, разглядывая молодую женщину. Илинеуть облегченно вздохнула. Это былъ ея собственный «приданный» быкъ, старый и смирный, какъ русская корова. Онъ былъ въ недоудкѣ, и размотавшійся поводъ волочился по землѣ. Илинеуть схватила за конецъ повода и подтянулась къ оленю. Тѣмъ не менѣе, прошло около получаса, пока она успѣла наложить на оленя немудреную чукотскую упряжь; по временамъ она останавливалась и плакала отъ слабости и разстройства.

Наконецъ, молодая женщина успѣла на нарту и слабымъ голосомъ понукнула оленя; олень побѣжалъ крупной рысью по плотно утопанной дорогѣ, которая, повидимому, должна была вести на чье-нибудь стойбище. Въ это зловѣщее время сосѣди чуждались сосѣдей, и люди на стойбищѣ Рультуви не имѣли никакого понятія о томъ, кто живетъ вблизи.

Черезъ часъ олень вытянулъ голову и сталъ втягивать воздухъ. На него нанесло дымомъ отъ костра. Отдаленный лай собакъ, которымъ онѣ обыкновенно привѣтствуютъ приближеніе чужихъ оленей, возвѣстилъ о стойбищѣ. Илинеуть передернула возжами, желая заставить оленя бѣжать быстрее.

— Стой!

На поворотѣ дороги стоялъ человѣкъ съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ выставилъ впередъ дуло и цѣлился прямо въ подбѣзжавшую женщину.

Илинеуть онѣмѣла отъ изумленія и страха и не имѣла силы натянуть возжи. Олень продолжалъ бѣжать по-прежнему.

— Стой,—или я убью тебя!

Женщина все еще не поднимала рукъ съ надѣтыми на нихъ петлями возжей, но старый быкъ, видя направленное на него дуло, остановился самъ.

— Кто ты? — закричалъ издали человѣкъ съ ружьемъ

— Илинеуть, жена Рультувии!

— Что у васъ?

— Смерть!

— А ты какъ живешь? — спросилъ человѣкъ.

— Живу!.. — отвѣтила Илинеуть просто. Она сама изумлялась теперь тому, что она еще живеть.

— Зачѣмъ ты лѣзешь къ живымъ, ты не убитая? — закричалъ человѣкъ. — Иди назадъ. Уйди къ своимъ мертвецамъ, бѣглая тварь. Удаvisь, заколись! не показывай своего лица живущимъ! Уйди, будь ты проклята!

Онъ кричалъ, какъ въ изступленіи. На его стойбищѣ еще не было ни одного случая смерти, и въ этой уединенной глуши, куда люди совсѣмъ перестали заглядывать, онъ рассчитывалъ отсидѣться, какъ въ крѣпости; эта зачумленная гостья выводила его изъ себя, и онъ нѣсколько разъ чувствовалъ искушеніе покончить переговоры, спустивъ курокъ. Вѣтеръ, на счастье, тянулъ отъ стойбища и не приносилъ къ нему зараженнаго дыханія.

— Будь ты проклята, уйди! — крикнулъ онъ еще разъ, видя, что Илинеуть не двигается, и угрожающе вскинулъ ружье.

— Я беременна! — сказала женщина.

Человѣкъ остановился, какъ будто колеблясь. Забота о маленькихъ дѣтяхъ вошла въ плоть и кровь жителей тундры.

— Не надо! — сказалъ онъ наконецъ. — Да будетъ выкупомъ за моихъ птенчиковъ!.. Уѣзжай.

Илинеутъ дернула лѣвой возжей и поворотила оленя. Ей не оставалось ничего болѣе, какъ ѣхать назадъ къ мертвецамъ. Страхъ ея прошелъ. Живые люди разсматривали ее, какъ добычу заразы, какъ бѣглую жертву Духа болѣзни, и она сама стала разсматривать себя, какъ отрѣшенную отъ жизни. Голова ея кружилась отъ голода и слабости. Временами она теряла сознание дѣйствительности, и ей казалось, что она ѣдетъ по вѣчно туманной пустынѣ, окружающей загробное царство мертвыхъ. Тундра, подернутая сѣрой дымкой, ничѣмъ не нарушала этого впечатлѣнія. Верхушки шатровъ Рутьувии вынырнули изъ-подъ земли, какъ корабельныя мачты среди моря, но вѣдь тамъ было настоящее царство смерти.

Черезъ часъ олень остановился у ближайшаго шатра. Илинеутъ спустила ноги съ нарты и сдѣлала попытку подняться, но тотчасъ же со стономъ повалилась на землю. Острая боль возвратила ее къ дѣйствительности. Время ея пришло. Она была одна среди мертвецовъ, безъ пищи, безъ дровъ, чтобы натаять воды, окруженная заразой, лицомъ къ лицу съ новою мучительною болью, возвѣщавшей о наступленіи событія, въ которомъ она не имѣла никакой опытности и послѣ котораго должна была сдѣлаться безпомощной, какъ и новорожденный младенецъ.

Черезъ минуту боль утихла. Мысль о младенцѣ, который имѣлъ родиться, придала ей бодрости. Нужно было что-нибудь сдѣлать и какъ можно скорѣе. Она поднялась на колѣни и посмотрѣла кругомъ. Олень, смиренно стоявшій

у входа въ шатеръ, бросился ей въ глаза. Въ немъ заключалась пища и питье одновременно. Она подобрала возжи, лежавшія на землѣ, и привязала ихъ къ завязкамъ шатра, потомъ повернулась къ санямъ и вынула большой ножъ изъ чехла, подвязаннаго къ ихъ спинкѣ. Ходить, все-таки она не могла и поползла попрежнему на колѣняхъ, добираясь кругомъ нарты къ лѣвому боку оленя, который съ дружелюбнымъ храпомъ повернулъ голову ей навстрѣчу. Придерживаясь за его шерсть, она, наконецъ, поднялась на ноги и схватилась за его холку, чтобы не упасть; потомъ, продолжая придерживать лѣвой рукой, правой поставила ножъ на обычномъ мѣстѣ противъ сердца. На минутку въ ея душѣ шевельнулось сожалѣніе: этого оленя она выкормила теленкомъ, и онъ прибѣгалъ на ея зовъ и пилъ изъ руки.

Но черезъ минуту она изо всей силы нажала ножъ и навалилась на него тяжестью своего тѣла. Олень судорожно вздрогнулъ и дернулся всѣми четырьмя ногами, какъ будто собираясь бѣжать, потомъ какъ-то опустился книзу. Глаза его выкатились и приобрѣли дикое выраженіе, ноги его дрожали мелкой дрожью, раздвигаясь врозь. Черезъ минуту онъ рухнулъ на снѣгъ раной кверху и забился въ агоніи. Иллинеуть немного подождала, потомъ съ усиленіемъ прорѣзала оленю брюхо и вырѣзала кусокъ брюшины, достаточно широкой, чтобы прошла рука. Откинувъ мѣховой рукавъ, она просунула руку въ отверстіе и припала лицомъ къ краямъ. Сдѣлавъ два или три глотка, она остановилась, опасаясь пить дальше, такъ какъ чукчи говорили, что человекъ, напившись теплой крови вволю, можетъ умереть. Она опять просунула руку внутрь оленя и, вырвавъ одну за другой обѣ почки вмѣстѣ съ жиромъ, спрятала ихъ за пазуху, потомъ оттянула нижнюю челюсть книзу и вырѣзала часть языка.

Свѣжевать оленя она не имѣла силы, и запаслась, по крайней мѣрѣ, пищей на день или два послѣ родовъ. Кромѣ пищи, ей нужна была также лампа, а топленое сало оставалось только въ пологѣ, гдѣ лежалъ Рультувія. Она оставила оленя и поползла ко входу въ шатеръ. Шатеръ былъ полонъ грустнаго унынія, холодный пепель на очагѣ былъ покрытъ снѣгомъ, нападавшимъ сверху. Опрокинутый котелъ лежалъ на боку съ замерзшими остатками зеленой моховой каши. Слѣва отъ очага лежали два женскихъ трупа съ страшными открытыми лицами, покрытыми пятнами застывшаго гноя. Впрочемъ, Илинеутъ не стала на нихъ смотрѣть и пролѣзла въ пологъ. Въ пологѣ было темно, и, обшаривая лампу, она нѣсколько разъ наткнулась на голову старика, холодную и твердую, какъ камень. Отыскавъ, наконецъ, сало, она выбралась изъ шатра тѣмъ же порядкомъ и поползла къ заднему шатру, гдѣ она недавно пролежала три дня. Въ этомъ шатрѣ мертвецовъ не было на виду, но у лѣвой стѣны лежала груда, похожая на сложенный вмѣстѣ туши, покрытыя шкурами. Илинеутъ, отворачивая голову отъ этой груды, пробралась въ пологъ, гдѣ мертвецовъ не было.

Въ пологѣ было страшно холодно, но онъ былъ такъ малъ, что даже дыханіе одного человѣка могло нѣсколько согрѣть его мерзлыя стѣны.

Поднявъ наружную полу, чтобы пропустить немного свѣта, она высѣкла огня и зажгла моховую свѣтильню въ каменной чашѣ, потомъ закрыла входъ, тщательно подоткнула всѣ стѣнки и, снявъ съ себя обыкновенное платье, надѣла широкій балахонъ и поверхъ него завернулась въ толстое мѣховое одѣяло. Зубы ея стучали отъ холода. Надежды на спасеніе и жизнь не было никакой, тѣмъ не менѣе, по примѣру чукотскихъ роженицъ, она стала молиться Богу Благодѣлательнаго Бытія.

— Ты, взирающій съ высоты на каждый шагъ оленяго племени, — выговаривала она вслухъ среди одинокаго полога, — ты видишь мою бѣду и мой страхъ! Если Ты жалостливъ, пожалѣй малое, еще не рожденное, внушающее жалость звѣрямъ и людямъ. Дай ему выйти изъ моей утробы благополучно. Дай ему питаться молокомъ моихъ грудей благополучно, отведи духовъ болѣзни и смерти, сдѣлай лежащаго сидящимъ, сидящаго ходящимъ, ходящаго бѣгающимъ, быстроногимъ, охранителемъ стада ночью!..

Схватки возобновились еще до конца молитвы. Но, вѣрная завѣту своей матери и бабушки, она не желала навлечь на себя безчестія криками ¹⁾, и только грызла зубами мохнатый край одѣяла, чтобы заглушить боль. Она разметалась на шкурахъ, сбила въ сторону одѣяло, тѣло ея извивалось, какъ тѣло пришибленной ящерицы. Наконецъ, слабый крикъ возвѣстилъ, что на стойбищѣ смерти прибавился новый живой челоуѣкъ. Необычайнымъ усиленіемъ Илинеутъ приподнялась на мѣстѣ и принялась убирать ребенка. Она перевязала пуповину прядью своихъ волосъ, заранѣе выдернутыхъ изъ головы, и, завернувъ ребенка въ свою одежду, переползла въ другую сторону полога. Послѣ этого наступило забытье, длившееся нѣсколько долгихъ часовъ.

Наконецъ, Илинеутъ очнулась. Голова ея была такъ тяжела, что она едва могла отдѣлать ее отъ мѣшка съ рухлядью, лежавшаго въ изголовьѣ. Ей хотѣлось пить, но за неимѣніемъ воды она достала изъ котелка, стоящаго предъ лампой, нѣсколько кусочковъ льду и принялась ихъ сосать. Почки, взятыя въ запасъ, выкатились на постель; одна изъ нихъ лежала какъ разъ подъ рукой, она под-

¹⁾ Чукотскія женщины считаютъ постыднымъ кричать во время родовъ.

няла ее ко рту и принялась сосать полузастывшій жиръ. Однако все это мало ее удовлетворило; у чукчей родильницу черезъ нѣсколько часовъ послѣ родовъ поятъ крѣпкимъ мяснымъ бульономъ, для того, чтобы онъ превратился въ молоко грудей, а здѣсь не было глотка талой воды, чтобы утолить жажду. Ребенокъ молчалъ, онъ, вѣроятно, спалъ; она хотѣла повернуться, чтобы придвинуть его къ себѣ, и почувствовала, что вся нижняя часть ей не повируется. Тѣло ея отъ пояса было приковано къ ложу. Ноги казались совсѣмъ чужими, и она не ощущала ихъ положенія на постели.

Полное отчаяніе овладѣло ея душой. Богъ Милосерднаго Бытія, очевидно, былъ глухъ къ ея мольбамъ. Ребенокъ пискнулъ. Она уперлась ладонями въ шкуры и стала, напрягаясь, переворачивать свое тяжелое тѣло на бокъ. Ноги ей мѣшали, заплетаясь одна за другую, но наконецъ ей удалось принять желанное положеніе. Раскутавъ ребенка, она приложила его къ груди, но въ ея тощей груди не было ни капли молока. Она положила ребенка на шкуры и перекинулась обратно на спину, потомъ отчаяннымъ движеніемъ локтей выпрямила свой оостенѣлый станъ и сѣла, опираясь на стѣну полога; глаза ея горѣли, губы запеклись отъ сухости. Къ горлу подкатывалось что-то большое, колючее, какъ клубъ мышинной шерсти, отрыгнутой отравленной лисицей.

— Злой духъ!—заговорила она хриплымъ шопотомъ,— ты, подползающій сзади, какъ трусливая росомаха, зачѣмъ не убиваешь сразу? Приди и возьми меня и ребенка, всѣхъ людей, всѣхъ оленей, чтобы никто не могъ хвастаться безнаказанностью!..

Ребенокъ, которому было холодно, кричалъ, не умолкая.

— Плачь громче!—сказала Илинеутъ.— Моего голоса

не слышитъ, мое тѣло—плохая добыча... Любить свѣжее, мягкое зубамъ, скользкое горлу.

Ребенокъ какъ будто послушалъ и заплакалъ громче. На дворѣ вдругъ раздался скрипъ чьихъ-то шаговъ на снѣгу.

— Олень!—сказала себѣ Илинеуть, чувствуя, что весь пылъ ея внезапно проходитъ. Но шаги приблизились къ шатру. Чья-то рука осторожно отодвинула входную полу шатра.

Илинеуть почувствовала, что ея волосы поднимаются дыбомъ на головѣ. — Идетъ! — подумала она и замерла, сдерживая дыханіе и стараясь не шевелить ни однимъ пальцемъ. Но ребенокъ кричалъ попрежнему.

— Кто живой? — спросилъ снаружи голосъ, показавшійся ей грознымъ, какъ вой вѣтра.

Илинеуть молчала.

— Кто живой? — повторилъ голосъ.

Илинеуть рѣшилась отвѣтить, но изъ горла ея вырвался хриплый стонъ. Ребенокъ надрывался отъ плача. Кто-то снаружи сталъ на колѣни и потянулъ къ себѣ стѣнку полога. Больше несчастная родильница ничего не слышала и не чувствовала.

Когда она снова открыла глаза, они были ослѣплены яркимъ свѣтомъ лампы, горѣвшей полнымъ пламенемъ. На краю каменной чаши лежали бѣлые пласты свѣжевытопленнаго жира. Въ пологѣ было тепло, даже жарко. Передъ лампой стояли рядомъ чайникъ съ горячимъ чаемъ, выпускавшій бѣлые клубы пара, и котелъ съ дымящимся варевомъ. Ребенокъ лежалъ у лампы, покрытый мягкой телячьей шкуркой, и крѣпко спалъ. Какой-то человекъ возился у котла, выкладывая мясо на чисто выскобленное деревянное корыто.

Илинеуть съ недоумѣніемъ смотрѣла на незнакомца;

она не могла рѣшить, на томъ, или этомъ свѣтѣ она находится.

— Кто ты? — наконецъ, спросила она шопотомъ.

Незнакомецъ вмѣсто отвѣта зачерпнулъ чашку горячаго бульона и, бросивъ туда комокъ снѣга изъ ковшу, стоявшаго съ боку корыта, подаль ей. Она припала съ жадностью къ краю чашки и выпила ее всю небольшими, но частыми глотками; за первой чашкой послѣдовала другая.

— Что за мясо? — вдругъ спросила Илинеуть, со страхомъ поглядывая на корыто. Ей пришло въ голову, что это мясо можетъ быть человѣчьимъ.

— Твой олень, — сказалъ незнакомецъ, дѣлая жестъ по направленію къ входу. — Оленя свѣжевалъ, дрова принесъ, огонь развелъ, мясо сварилъ, чай вскипятилъ, жиръ вытопилъ, ребенка вытеръ, пологъ убралъ, — перечислялъ онъ не безъ самодовольства, но внезапно лицо его омрачилось.

— И тѣхъ вытащилъ вонъ! — сказалъ онъ, морщась, указывая вновь на дверь и подразумевая, конечно, мертвецовъ, недавно лежавшихъ въ шатрѣ подъ шкурами.

Увидѣвъ на его лицѣ выраженіе страха, Илинеуть, напротивъ, ободрилась. Очевидно, это былъ не Кэля, если онъ боялся мертвецовъ. Она стала пристально всматриваться въ лицо незнакомца. Онъ былъ высокъ и плечистъ, но совсѣмъ молодой. Щеки его горѣли румянцемъ, и даже на лбу и на подбородкѣ были здоровые загорѣло-румяные блики. Несмотря на ужасную обстановку, глаза его смотрѣли довольно бойко, и чуть замѣтныя брови были забавно подняты кверху, какъ будто въ знакъ постоянного удивленія.

— Кто ты? — спросила Илинеуть болѣе твердымъ тономъ. Бульонъ теплой струей разливался по ея жиламъ, она ощущала давно невѣдомое чувство благосостоянія и покоя. Ей пришло въ голову, что Богъ Милосерднаго Бытія послалъ-таки ей спасеніе.

— Я Кытлепъ! — началъ незнакомецъ, — сынъ Канена, изъ стойбища на рѣкѣ Новой. Ни отца, ни матери не зная, жилъ сиротою на чужомъ стойбищѣ.

Здѣсь онъ остановился, какъ бы для того, чтобы перевести духъ.

— Духъ забрался на стойбище, истребилъ людей. Бр! — замоталъ онъ головой, — никого не осталось! Я лежалъ шесть ночей, какъ гнилая колода, рядомъ съ мертвецами; потомъ уползъ оттуда, какъ подбитая куропатка...

Илинеутъ молча слушала. Судьба Кытлепа имѣла большое сходство съ ея собственной судьбой. Впрочемъ, въ это время и гибель и спасенье выливались въ одинаковую форму на всѣхъ концахъ тундры.

— Какъ твое имя? — спросилъ Кытлепъ въ свою очередь.

Женщина отвѣтила.

— Ты тоже одна?

Илинеутъ молча показала рукой на ребенка.

— Знаю! — кивнулъ головой Кытлепъ. — Это хорошо.

Онъ вдругъ улыбнулся, какъ будто припомнивъ что-то забавное.

— Слышишь! — сказалъ онъ, — пришелъ къ Лалену, а онъ выходитъ съ ружьемъ, какъ будто на дикаго оленя.

— «Удаvisь, — говоритъ, — или заколись!» Что я за дуракъ, чтобы колотья, если самъ Кэля не могъ меня заколоть?..

Илинеутъ смотрѣла на него съ удивленіемъ: онъ могъ говорить съ улыбкой о подобныхъ вещахъ.

— Ты знаешь? — заговорилъ снова Кытлепъ. — Старики говорятъ, что духъ болѣзни никогда не нападаетъ дважды. — Какъ рысь: если промахнется, уходитъ въ сторону.

Слова его прозвучали для Илинеутъ, какъ пѣніе дѣтей

Рультеннина ¹⁾); они несли съ собой новую надежду на жизнь и на освобожденіе отъ ужаснаго кошмара, простертаго вокругъ.

— Гдѣ ваши олени?—спросилъ Кытлепъ дѣловымъ тономъ.

Илинеутъ покачала головой.

— А много?—спросилъ Кытлепъ не безъ любопытства

— Много!—повторила женщина, — выше счета!..

— Пойду искать?—сказалъ Кытлепъ полувопросительно.

— Не ходи!—поспѣшно заговорила Илинеутъ, — боюсь одна...

— А чьи будутъ олени?—спросилъ Кытлепъ съ прежнимъ любопытствомъ.

— Этого!—указала Илинеутъ на ребенка. — Дай его сюда! Посмотрю, мальчикъ или дѣвочка.

— Мальчикъ!—сказалъ Кытлепъ, отдавая ей ребенка. — Здоровый.

Илинеутъ сдѣлала усиліе, чтобы повернуться на бокъ.

— Постой!—поспѣшно сказалъ Кытлепъ, — я помогу!— И своими огромными руками онъ повернулъ ее такъ ловко и легко, какъ будто бы весь свой вѣкъ провелъ въ ухаживаніи за роженицами.

— Вотъ!—прибавилъ онъ, подкладывая къ ея груди голенькаго ребенка. Теперь въ груди Илинеутъ было много больше молока, и ребенокъ принялся сосать, причиняя сильную боль, но она была счастлива и не обращала на это вниманія.

Черезъ нѣсколько минутъ кормленіе было окончено,

¹⁾ Рультеннинъ—созвѣздіе Оріона. Онъ представляется небеснымъ стрѣлкомъ и имѣетъ женъ между земными вдохновенными женами (шаманками). Его потомки на землѣ считаются обладателями сладкозвучныхъ обрядовыхъ напѣвовъ.

и Илинеутъ опять повернулась на спину, не выпуская ребенка изъ рукъ.

Но черезъ минуту она подняла его вверхъ и протянула Кытлепу.

— Возьми его!— сказала она съ заминкой; потомъ прибавила съ внезапнымъ порывомъ:— Будь ему отцомъ, будь мнѣ мужемъ, будь хозяиномъ дому и стаду, если Богъ Вселенной послалъ тебя для нашего спасенія!

— Хорошо!— просто сказалъ Кытлепъ.— А теперь я буду ѣсть, ибо я голодень!..

Черезъ три дня на стойбищѣ мертвыхъ двое недобитковъ духа смерти справили вмѣстѣ кровопомазаніе брака и родовъ. Кытлепъ трижды обвелъ молодую мать вмѣстѣ съ ребенкомъ вокругъ шатра въ закрытой кибиткѣ, запряженной жертвеннымъ быкомъ.

Параличъ Илинеутъ прошелъ уже на другой день, но въ теченіе двухъ недѣль она не могла ходить, и эти двѣ недѣли новоявленная семья провела среди шатровъ, наполненныхъ мертвецами, правду сказать, мало обращая на нихъ вниманія и занимаясь своей собственной жизнью. Наконецъ Илинеутъ поднялась на ноги, и они покинули стойбище мертвыхъ.

Значительную часть стада Кытлепу удалось собрать, и на будущій годъ молодая чета считалась въ числѣ богатыхъ стадовладѣльцевъ и имѣла бѣдныхъ сосѣдей, кочевавшихъ во слѣдъ ея шатра и пасшихъ ея оленей. Злой духъ покинулъ тундру и перебрался къ востоку, но онъ увелъ больше половины жителей, а у уцѣлѣвшихъ олени перестали множиться попрежнему. Оленнее счастье покинуло западныя стада и переселилось къ юго-востоку, на верховья р. Олоя. Кытлепъ и Илинеутъ, впрочемъ, до сихъ поръ живутъ зажиточно. У нихъ много сыновей, но самый удалый—Рультэтъ, родившійся среди дыханія

заразы, рядомъ съ мертвыми. Полное его имя Пестрый Рультэтъ, такъ какъ его лицо и плечи усѣяны маленькими красноватыми пятнышками, похожими на оспенныя; эти знаки наложилъ на него Духъ Заразы, пролетая надъ тундрой.

Праздникъ.

Полдень давно миновалъ, но солнце еще высоко стояло на небѣ, обливая яркими лучами и хмурые ряды лиственницъ, безмолвно стоявшихъ на обрывистомъ берегу узкой и извилистой виски ¹⁾, и огромные сѣрые шатры нашего стойбища, похожіе скорѣе на холмы, чѣмъ на человѣческія жилища, и въ особенности гладкую, ослѣпительно бѣлую, снѣжную пелену, закутавшую и землю, и мерзлую рѣчку, и черныя вѣтви деревьевъ, упавшую легкимъ пушкомъ на длинныя и острыя верхушки шатровыхъ жердей, похожихъ на связку огромныхъ колевъ, накрытыхъ толстымъ сѣрымъ чехломъ. Яркій блескъ снѣга рѣзалъ глаза и заставлялъ жмуриться. Воздухъ былъ наполненъ сверкающими блестками тончайшихъ снѣжныхъ пылинкъ, рѣвавшихъ и переливавшихъ всѣми цвѣтами радуги. Свѣтъ какъ будто превратился въ вещество, въ блистающую ткань, струившуюся и трепетавшую вокругъ, и заполнялъ землю, вознаграждая ее за унылыя сумерки, еще такъ недавно давившія ее своими тяжелыми тѣнями. Въ этомъ обилии свѣта было что-то бодрящее, сулившее обновленіе природы и близкое воскресеніе жизни, закованной уже болѣе полугода въ суровыя цѣпи полярной зимы.

1) Мелкая рѣчка, протокъ.

Я довольно уныло бродилъ по стойбищу, стараясь отогрѣть ноги, которыя пощипывалъ славный мартовскій морозъ, несмотря на двойные мѣховые сапоги. Обиліе свѣта не особенно прельшало меня. Уныніе зимнихъ сумерекъ уже изгладилось изъ моей памяти, а невыносимый блескъ снѣга успѣлъ навязать мнѣ начало особой глазной болѣзни, которою въ это время страдаютъ почти всѣ жители полярныхъ странъ. Я предпочиталъ бы немножко свѣта, а главное побольше тепла. А между тѣмъ холодъ ни за что не хотѣлъ смягчиться, и при постоянномъ пребываніи съ ранняго утра до поздней ночи на открытомъ воздухѣ давалъ себя чувствовать самымъ непріятнымъ образомъ, забираясь подъ всевозможные покровы и проникая сквозь самыя затѣйливыя сочетанія мѣховъ.

Однако населеніе нашего стойбища обращало мало вниманія на холодъ и спокойно предавалось обычнымъ занятіямъ. Эттыгинъ, довольно тщедушный и тошій старикъ съ замѣтной просѣдью въ всклокоченныхъ волосахъ, съ плоскимъ лицомъ, похожимъ на потертую маску, и испорченными слезящимися глазами, сидѣлъ на корточкахъ у входа въ шатеръ и терпѣливо скоблилъ маленькимъ кривымъ ножичкомъ тонкія березовыя перекладыны, изъ которыхъ должна была составиться новая ѣздовая нарта. Старшая жена его, Оттва, въ полудекольтированномъ мѣховомъ корсажѣ, вырѣзанномъ глубокими мысами на груди и спинѣ и обнажавшемъ всю шею, сидѣла на землѣ и, засучивъ широкіе рукава, мѣшавшіе ея работѣ, чинила широко раскинутый передъ нею старый шатеръ такъ спокойно, какъ будто ея бронзовое тѣло, свѣтившееся изъ-подъ одежды, дѣйствительно было сдѣлано изъ бронзы и не имѣло никакой чувствительности къ холоду. Двѣ молодыя бабы, разостлавъ на снѣгу внутреннюю мѣховую палатку, ожесточенно колотили ее кривыми колотушками изъ

оленьяго рога, стараясь удалить изъ густого мѣха слѣды человѣческаго дыханія, осѣвшаго на стѣнки во время ночного сна и въ настоящую минуту, подѣ дѣйствіемъ мороза, превратившагося въ бѣловатый иней. Онѣ уже цѣлый часъ исполняли эту тяжелую ежедневную обязанность чукотской хозяйки. Лица ихъ разгорались отъ усилій, крупныя капли пота выступили на лбу и медленно текли по щекамъ, расплываясь въ толщѣ чисто геологическихъ наслоеній грязи, никогда не знавшихъ смывающаго вліянія воды. Одна изъ нихъ, чтобы облегчить свои движенія, спустила съ одного плеча широкой кѣркѣрь, открывъ правую половину своего здороваго торса и обнаживъ пышную бѣлую грудь, къ сожалѣнію, испятнанную такими же геологическими наслоеніями, какъ и ея лицо. Другая хватала комьями снѣгъ и засовывала себѣ за пазуху, чтобы освѣжить разгоряченное тѣло. Кучка ребятишекъ, привязавъ концы крѣпкаго ремня къ вѣтвямъ двухъ деревьевъ, стоявшихъ рядомъ, съ визгомъ и криками забавлялись качаніемъ на качеляхъ. Мальчики помогали дѣвочкамъ раскачиваться и потомъ, хватая ихъ за длинные распустившіеся оборы мѣховыхъ сапогъ или просто за ноги, старались заставить ихъ упасть на снѣгъ.

Молодая здоровая ламутская баба Авдотья сидѣла на корточкахъ у огнища и варила въ маленькомъ желѣзномъ котелкѣ полужидкую зеленожелтую массу довольно подозрительной наружности, съ характернымъ острымъ запахомъ.

То была похлебка изъ оленьяго моняла. Собственно говоря, на котелокъ съ варевомъ она обращала довольно мало вниманія, а все время занималась подкладываніемъ въ огонь миниатюрныхъ щепочекъ, едва достаточныхъ для того, чтобы поддерживать маленькое голубоватое пламя подъ самымъ донышкомъ котла. Кругомъ нея былъ густой

лѣсъ, но она непоколебимо соблюдала обычай, вынесенный изъ безлѣсной тундры, гдѣ дрова цѣнятся почти на вѣсъ золота. Она такъ увлеклась своимъ занятіемъ, что рѣшительно не замѣчала, что дѣлается вблизи.

Мой спутникъ по странствіямъ, нижеколымскій казакъ Васька Кауровъ, неуклюжій паренъ съ чрезвычайно рябымъ лицомъ и маленькими узкими глазами, одинъ изъ которыхъ былъ испорченъ оспой, одѣтый въ длинную черную кукашку съ волчьимъ воротникомъ и прикрывавшій плѣшивую голову выпороточнымъ малахаемъ, похожимъ на женскій капоръ, лѣниво поднялся съ пня, на которомъ просидѣлъ уже болѣе часа, спряталъ въ карманъ коротенькую трубку-носотрѣйку, медленно подошелъ къ длинной нартѣ, стоявшей у одного изъ шатровъ, и, взявъ въ руку долгій арканъ, изъ крѣпкаго моржоваго ремня, принялся свертывать его въ кольца. Свернувъ всѣ кольца и расправивъ, какъ слѣдуетъ, петлю, онъ съ притворно безпечнымъ видомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ ничему не подозрѣвавшей ламуткѣ и вдругъ сильнымъ движеніемъ руки бросилъ арканъ и накинулъ ей петлю на шею и плечи.

— Хватилъ! Хватилъ! — радостно кричалъ Васька по-русски, волоча свою добычу по глубокому снѣгу на длинномъ арканѣ.

— Не дури, дьяволъ! — визжала ламутка по-чукотски. — А то полѣномъ хвачу!

Но торжествующій Василій не обращалъ вниманія на этотъ визгъ и, преодолевая отчаянное сопротивленіе ламутки, тащилъ ее къ высокому берегу виски, откуда узкая, гладко утоптанная тропинка круто спускалась внизъ. Дотащивъ ее до спуска, онъ весело покатился подъ гору, употребивъ свою плѣнницу, какъ живыя салазки, и громкимъ свистомъ и гиканьемъ подражая крикамъ каюра,

спускающагося на легкой собачьей нартѣ съ высокаго ко-согора.

Ламутка, получивъ свободу, встала и, отряхнувъ снѣгъ, облѣпившій ея одежду, полѣзла обратно на верхъ. Гладкая шерсть ея мягкаго кэркэра, обращенная наружу, предохранила ее отъ ушибовъ. Глаза ея весело улыбались Явное ухаживаніе Васьки, выражавшееся даже въ такихъ наѣздническихъ эволюціяхъ, очевидно, не было ей не-пріятно. Замахнувшись на своего рыцаря изъ приличія полѣномъ, подхваченнымъ по дорогѣ, она подошла къ костру и стала подкладывать въ почти угасшій огонь свои неизмѣнныя щепочки.

Черезъ четверть часа Василій возобновилъ нападеніе съ такимъ же успѣхомъ, какъ прежде; ему очень нрави-лась эта игра, и онъ, повидимому, намѣревался продолжать ее до безконечности. Котелокъ совсѣмъ остылъ надъ по-гасшимъ костромъ. Зеленой похлебкѣ, вѣроятно, не было суждено свариться въ этотъ день.

Я стоялъ у дороги и, отъ нечего дѣлать, наблюдалъ за этими гимнастическими упражненіями. Спустившись съ горы въ третій или четвертый разъ и опять поднявшись на площадку, Василій отряхнулъ снѣгъ, запорошившій ему шею и лицо, и подошелъ ко мнѣ.

— А знаете, баринъ, — обратился онъ ко мнѣ, широко осклабясь, — вѣдь эта ламутка, можно сказать, моя соб-ственная! Я ее третьяго года купилъ на тундрѣ!

— Какъ купилъ? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— А такъ! очень просто! Еще заплатилъ за нее тогда полъ-лахтака ¹⁾ да кирпичъ чай, да папушу табакъ!

— Да развѣ на тундрѣ людей продаютъ?

— Бабъ продаютъ. По ламутской, да по тунгузской

1) Шкура большого тюленя породы *phoca barbata*.

вѣрѣ, сами знаете, бабу даже полагается продавать!.. Я это ѣздилъ на тундру оленей убивать въ третьемъ годѣ... былъ тутъ одинъ чукча дружный: къ нему заѣхалъ. Ну, убилъ у него сколько-то оленей, переночевалъ, собираюсь ѣхать дальше, а онъ и сталъ мнѣ продавать эту бабу. Сынъ у него былъ, за жену ее держалъ, да только изъ дому уѣхалъ, а бабу-то оставилъ. Ну, старику какъ разъ и ловко ламутскую невѣстку съ рукъ спихнуть. Ихніе старики не любятъ чужеродныхъ бабъ!.. — «Купи, — говорить, — эту бабу! Дешево отдамъ!» — Да ты, — говорю, — какъ это, сынову жену продаешь? — «Не твоя, — говорить, — забота. Я, отецъ, я и хозяинъ! Да какая она, говорить, жена! Такъ себѣ, дѣвка гулящая! А для насъ совсѣмъ худа: ѣсть по многу, работаетъ лѣниво, что подъ руку подвернется, крадетъ! Купи, братъ! За-дешево отдамъ. Только съ глазъ увези!..» — Ну я и купилъ.

— Да на что она тебѣ? У тебя, вѣдь, своя жена есть!

— Ну, жена!.. Что жена!.. Все-таки хоть на прислугу годится. У насъ, вѣдь, на Походской ¹⁾ рыбу убирать некому! Хоть полевой человѣкъ, а руки-то есть...

— Ну, а потомъ что? — спросилъ я.

— Да потомъ-то вышло худо. Такъ и попользоваться не пришлось. Посадилъ я ее на нарту, поѣхалъ дальше по тундрѣ къ Шапкѣ Холму. Верстъ сто не отѣхалъ, встрѣтилъ тунгусовъ. — «Ты, — говорятъ, — куда это Якуля жену увезъ?» — «Какая она жена? — говорю, — мнѣ ее старикъ за полъ-лахтака, да за чай, да за табакъ продалъ! Онъ говоритъ: она совсѣмъ не жена» — «Нѣтъ! — говорятъ, — вретъ старый лѣшій! Она настоящая жена Якулю! И попь вѣнчалъ, и все какъ слѣдуетъ! Отдай лучше на-

¹⁾ Походская виска впадаетъ въ западное устье рѣки Колымы. На мѣстѣ ея впаденія находится русское поселеніе.

заль! Грѣхъ вѣдь! Да и Якуль узнаеть, худо будетъ! Отдай лучше!... Все равно,—говорять,—мы не попустимся! Якуль намъ друженъ. Не отдашь добромъ, силой возьмемъ! Якулевой жены не дадимъ увести русаку!.. Отдай безъ грѣха!»... — Вижу я: ихъ пятеро, а я одинъ. Повертѣлся, повертѣлся... Думаю: чортъ съ вами! Пускай мое пропадаетъ! Ссору затѣешь, еще до начальства дойдетъ. А мнѣ правымъ выйти никакъ!

— Такъ и отдалъ?

— Такъ и отдалъ! Чего дѣлать стану?

— А плата-то? — спросилъ я, улыбаясь. — Вернулъ ли ее отъ старика?

— Вернешь ее отъ стараго чорта!.. Весь животъ по пустому пропалъ. Я оттуль воротился, сталъ ему говорить. Говорелъ, говорелъ... да съ чукчей развѣ сговоришься? Такъ и попустился!.. «Лахтакъ, — говоритъ, — я изрѣзалъ. Вотъ, только лоскутъ остался!.. Чай вышелъ. Табакъ выкурилъ... Никто нѣту!» — Жена моя даже крикъ подняла: «заплати, — говоритъ, — хоть чѣмъ-нибудь!» — «Чего, говоритъ, дамъ! Никто нѣту!.. Васька, — говоритъ, — у меня и такъ все въ карты выигралъ! Ничего не осталось!»

— Какъ выигралъ? — спросилъ я съ удивленіемъ. — Вы развѣ играли въ карты?

— Какъ-да, баринъ! Три дня, три ночи не переставали. Такъ и дулись въ козла! ¹⁾ Этотъ Рыня на карты шибко жарный! Какъ русаковъ увидитъ, такъ и прильнется, какъ сѣра ²⁾: «Давай, да давай»!.. — А чего давай? Самъ-то и играть по путѣ не умѣетъ! На то зарится, видишь, чтобы отъ русскаго хоть разъ выиграть!.. Ну, да гдѣ имъ противъ насъ!

¹⁾ Козель—карточная игра, очень распространенная въ краѣ, но не имѣющая ничего общаго ни съ козлами, ни съ козами.

²⁾ Древесная сырая смола.

— Да какъ же вы играли! Ты разскажи толкомъ! — попросилъ я.

— Да такъ и играли! Въ четвертомъ годѣ это было... Приѣхалъ онъ на Походскую виску съ парнемъ своимъ на четырехъ оленяхъ,—второй сынъ у него, порядочный мальчонко! На проходъ въ карты закатился на всю ночь... Оленей, конечно, покинулъ безъ вниманія... Ну, собаки двухъ оленей и распластали. О! слышимъ крикъ! Выскочили на улицу, а олени совсѣмъ готовы, лежатъ на снѣгу.— «Чортъ съ вами!»—говорить. Оттуль подошелъ ко мнѣ. А онъ мнѣ всегда дружный былъ. «Купи,—говорить,—мою бѣду! Все-таки собакамъ на кормъ годится!» Я и взялъ оленчиковъ. Далъ ему полкиршича, да фунтъ-табакъ,—больно ужъ изѣли собаки... Маленько помеледилъ, оттуль опять приходитъ:—Водка,—говорить,—есть?—«Одна бутылка есть»,—говорю.—Продай мнѣ!—говорить.—Сердце хочеть водки!—«А чѣмъ купишь?»—Оленями,—говорить.—«Какими оленями? У тебя этто олени нѣту!»—Два прыговые есть! Тѣмъ куплю!—«Братъ,—говорю,—грѣхъ вѣдь!»—Не твое дѣло! Мои олени,—не твои! Давай водки! По чашкѣ оленя отдамъ!—Налилъ я къ нему двѣ чашки. Выпилъ онъ ихъ смаху, погода приводитъ двухъ оленей. А парень-то сзади идетъ, такъ и плачетъ.—«А ты, говорю, голова, на чемъ домой уѣдешь?»—Да ты, говоритъ, развѣ меня на своихъ собакахъ не отвезешь?—Поглядѣлъ я на него: совсѣмъ безъ ума dospѣлся человекъ... Легли спать. На утро приходитъ Рыня, оди нарно голову книзу держать.—«Ты о чемъ эдакъ?» говорю.—О! худой я! Худой!—говорить,—прыговыхъ быковъ убилъ, теперь на чемъ ѣздить стану? Да ты, братъ, отвезешь ли хоть домой-то?—«Отвезу!»—говорю.—Твоихъ оленей взялъ, какъ не отвезу?»—И!.. обрадовался Рыня!—Спасибо,—говорить.—Приѣдемъ, я тебѣ сколько хочешь

олений убью! Говори прямо, сколько надо?.. Я могу! — «Десять, — говорю, — убей!» — Хоть десять, хоть двадцать! — кричить. Пальцы на рукахъ растопырилъ, для счету, значить... Подумаешь, у него и нивѣсть какой табунъ! Иванъ Татариновъ тутъ случился. — И ты, — говоритъ, — пріѣзжай! И тебѣ убью, сколько попросишь! — «Спасибо! — говоритъ Иванъ. — Пять убьешь, такъ и ладно». — Поѣхали мы. Я на своей нартѣ Рыню везу и парня везу. А Иванъ Татариновъ налегѣ сзади. Повезли съ собой животъ: сколько-то кирпичей, да сколько-то панушъ. Пріѣхали на стойбище, а у него и табуна ¹⁾ нѣту. Такъ важенокъ ²⁾ 40-ли, 50-ли, кругомъ руйты ³⁾ ходить. А какъ стали доѣзжать до стойбища, онъ и говоритъ: «Станетъ баба меня спрашивать про пряговыхъ, ты не говори, что тебѣ убилъ!» — Вправду, только пріѣхали, баба и спрашиваетъ: «а пряговые гдѣ?» — «Волки, говоритъ, разогнали! Парень день и ночь проискалъ. Слѣдовъ чисто нѣту! Однако, за рѣку ушли!» — Парень молчитъ, и я молчу. Пообѣдали. Сталъ онъ съ краю ловить да убивать оленей, наубивалъ всѣ пятнадцать.

— Ну, — говоритъ, — давайте въ карты играть!

— Чѣмъ станемъ играть? — говоримъ. — Тебѣ весь животъ отдали!

— И!.. — говоритъ, — развѣ мы не люди? Поставимъ хоть по рубахѣ, да раскозлимъ!

Сняли мы съ себя рубахи, поставили на конѣ. Я и выигралъ.

— Давайте еще! — говоритъ.

— Да чего поставимъ?

1) Мѣстное русское нарѣчіе говоритъ: оленій табунъ, а не оленье стадо.

2) Важенка — самка оленя.

3) Руйта — шатерь.

— Да хоть по фунту табакъ, да по кирпичу поставимъ съ каждаго человекѣ!

— Да нѣту у насъ!

— Ну чего тамъ! Вы,—говорить,—поставьте по оленю изъ моего убоя, а я поставлю товаръ!

Сѣли играть, да оттуль играли день и ночь и опять день до вечера... И что же ты думаешь? Миѣ карта такъ и идетъ, все выигрываю, да выигрываю. Выигралъ у него весь чай и весь табакъ, который мы ему дали. Оттуль сталъ онъ оленей ставить, а я ихъ такъ и забираю. Выигралъ 25 оленей, оттуль чайникъ, оттуль котелъ, двѣ тарелки, четыре чайныя пары, топоръ, сковороду, полъ-лахтака... Какое только было обзаведеніе, все отобралъ. А Татариновъ не выигрываетъ и не проигрываетъ. Ночь прошла, онъ и отсталъ. — «Я,—говорить,—спать лягу!» — А мы такъ и играемъ! Осталось у Рыни только шесть оленчиковъ, пустые пряговые! — Четыре оленя поставлю! — кричитъ. — «А кочевать чѣмъ будешь?» — Мои олени, моя и забота!

Выигралъ я и этихъ оленей. А баба его такъ и плачетъ, глаза у нея запухли отъ слезъ. — Перестанемъ! — говорю: — грѣхъ! — Нѣтъ, говоритъ, нельзя перестать! — Совсѣмъ умъ потерялъ. Спать не хочетъ, ѣсть не хочетъ, все о картахъ думаетъ. Выспался Татариновъ, сталъ собираться домой. — «Закажи,—говорю,—походчикамъ, чтобъ сюда всѣ нарты ѣхали! Я табунъ выигралъ!» — Уѣхалъ Татариновъ, а мы еще играемъ. — «Чего ставить станешь?» — говорю. — Два пряговыхъ оленя! — «Чѣмъ ѣздить станешь?» — Не твое дѣло! Не стану ѣздить! У васъ на Походской лѣтовать стану!

Выигралъ я и этихъ оленей. — «Ну, а теперь чего?» — Вотъ, говоритъ, мой домъ! Его поставлю. — Стала его баба вопить голосомъ. А онъ ее колотить. — Ты чего ревешь,—

кричить, — какъ надъ покойникомъ? Еще я живой! Могу я уйти на Камень ¹⁾, привести оттуда большой табунъ!

Выигралъ я и чумъ ²⁾, и пологъ. — «Конецъ! — говорю. — Ничего нѣту! Теперь чего поставишь?» — Есть! — кричить, — себя поставлю! жену поставлю! дѣтей поставлю! — «Ой, — говорю, — не могу! Дай мнѣ поспать! Встану, тогда опять играть станемъ». — А межъ тѣмъ три нарты съ Походской пріѣхали, и моя жена вмѣстѣ. Убилъ я собакамъ по оленю: даровые, такъ чего жалѣть? Лягъ спать, проспалъ ночь и день! Потомъ всталъ и говорю: — «Ступайте вонъ изъ моего дома! Мой теперь домъ!» — Вышли они вонъ, а я шести обломалъ, и чумъ и пологъ на нарту уложилъ. Былъ у меня портяной полужекъ, его наставилъ. Опять вошли, сѣли.

— Ну чего ставишь?

— Парня своего поставлю! Вотъ этого!

— Грѣхъ, говорю, на людей играть!

— Мой грѣхъ! — кричить. — Мой сынъ, не твой!

А жена моя и говоритъ: — Играй ужю! Можетъ, онъ что нибудь и отыграеть. Грѣхъ вѣдь!

— Ну, говорю, во что сына цѣнишь?

— Поставь хоть 10 олень, — говоритъ. — Въ работники на вису возьмешь!

— Ну, ладно! — говорю. — Только въ послѣдній разъ сядемъ теперь играть! Выиграешь, конецъ! И проиграешь, конецъ!

Сѣли опять. Навалилъ онъ на меня два козла, а на немъ нѣтъ ни одного. — Ладно! — говорю. — По крайности хоть разъ выиграешь! Сталъ онъ сдавать, я и давай саксырить ³⁾. Саксырилъ, саксырилъ... Сдалъ онъ карты.

¹⁾ Камень — гора, скала. Нагорная сторона Колымы называется каменной стороной.

²⁾ Чумъ — наружный шатеръ.

³⁾ Саксырить — особеннымъ образомъ тасовать карты, съ цѣлью привлечь удачу на свою сторону.

Что же ты думаешь? У меня полны руки козырей! Да такъ подрядъ и навалилъ на него три козла и выигралъ! Разозлился онъ, страсть! Не то ему досадно, что имѣние все отдалъ, а то, что ни разу выиграть не могъ. Собралъ карты, перервалъ пополамъ и бросилъ въ огонь. — «Ну, — говорю, — все я у тебя забралъ! Все твое мое стало! Теперь оленей переубиваю, на нарты положу и домой повезу!»

— Братъ! — говоритъ. — А я какъ же?

— А мнѣ, — говорю, — какое дѣло?

— Оленей, — говоритъ, — убьешь, и меня убей вмѣстѣ!

— Нѣтъ! — говорю. — Зачѣмъ человекъ убивать стану?

— Все равно! — говоритъ; — уѣдешь, я позадь тебя жену и дѣтей зарѣжу и самъ зарѣжусь!

Испугался я: храни Богъ, зарѣжится: они вѣдь, чукчи, отчаянные. Были тутъ 12 оленей. Всѣ пряговые быки. — Вотъ, — говорю, — это тебѣ! И сына твоего мнѣ не надо! — Далъ ему чайникъ, котелъ, топоръ. Четыре парочки чайныя были, и тѣхъ покинулъ. — А домъ, — говоритъ, — какъ же? — Домъ, — говорю, — увезу! — А мы какъ? — А какъ знаешь! — Домъ, — говоритъ, — увезешь, не надо мнѣ и оленей!

Нечего дѣлать, оставилъ я ему и чумъ, и пологъ. О!.. обрадовался Рыня, словно нивѣсть какое богатство получилъ. — «Другъ, — кричитъ, — другъ! Я на Камень пойду. Послѣ на Камень поѣдешь, ко мнѣ заѣдь! Что въ моемъ домѣ по нраву увидишь, самъ бери, меня не спрашивай!» Далъ ему еще кирпичъ, папушу. Съ тѣмъ и уѣхалъ!

— А ламутка какъ же?

— Вотъ тогда-то онъ и продалъ мнѣ ламутку. Старшаго сына дома не было, онъ и спихнулъ его жену. На тундрѣ это не за рѣдкость!

— Сколько же ты оленей выигралъ? — спросилъ я, помолчавъ.

— Да я, баринъ, го-то купилъ, — высчитывалъ Васька съ довольной улыбкой, очевидно, увлекаясь пріятными воспоминаніями о своей удачѣ. — Да свой животъ назадъ воротилъ. Они, значить, даромъ приплись. Оттуль три собакамъ убилъ, да еще тринадцать увезли на Походску. А пряговыхъ-то 12 къ нему назадъ отдалъ. Вотъ и всѣ его олени! — Да и такой чудакъ, — продолжалъ Васька, — черезъ годъ ѣду по рѣкѣ, встрѣчаю его у «Креста». — Откуда идешь? — говорю. — «Съ Камня». — Куда? — «Въ Средній»¹⁾. — Смотрю, оленей у него не то шесть, не то семь.

— Да ты зачѣмъ въ Средній? — говорю. — «Торговать!» — А чего есть? — «Два оленя, пять боковъ!»²⁾. — О, и посмѣялся я, ребята! — Ой, — говорю, — далеко ты идешь, а мало везешь! — Нѣтъ! — говоритъ. — Двухъ оленей продамъ по десять рублей, бока хоть по рублю, смогу хоть полведра взять!

— Будто какой безумный дастъ ему по десять рублей за оленя! — прибавилъ Васька.

— А назадъ пойдешь, чего ѣсть станете? — говорю.

— Пустое! — говоритъ. — Пряговыхъ убивать станемъ, вотъ ѣда! — А въ ту же ночь у Креста Протопоповъ выигралъ и оленей, и бока. Съ тѣмъ онъ и вернулся на Пантелеиху!

— Здорово же тебѣ въ карты везло! — замѣтилъ я.

— Оно не совсѣмъ карты! — сказалъ Васька, подмигивая. — А только гдѣ имъ противъ нашего брата выстоять? Мы вѣдь, какъ сказать, на козлѣ смолоду выросли, а они вонъ и счету по путѣ не знаютъ. Совсѣмъ нелюди! Сами видите: пальцы такъ и топырятъ³⁾. Ему ходить надо, а

¹⁾ Городъ Средне-Колымскъ.

²⁾ Бокъ—мягкая часть мяса, покрытая жиромъ, снятая съ задняго бедра.

³⁾ Въ чукотской системѣ счисления пальцы рукъ занимаютъ мѣсто весьма важнаго вспомогательнаго средства.

онъ подъ столомъ глаза ¹⁾ высчитываетъ. Такой человекъ какъ выиграетъ? Да они чисто ни у кого и не выигрываютъ. Съ якутами на Долбѣ сядутъ, все равно, якуты такъ смаху у нихъ шкуру и спустятъ. Ну, да полевая вѣра, чего будетъ?

— Постой! — сказалъ я, подумавъ. — Значить, когда ты ламутку купилъ, при тебѣ жена была?

Васька широко оскалилъ зубы.

— Какъ же, была! вмѣстѣ и къ Шапкъ Холму ѣздили!

— Что же? она ничего не говорила?

— И баринъ, наши походскія бабы добрыя! Сами тоже... Ну и объ мужевьяхъ безъ вниманія! Хоть онъ себя на десять кусковъ разорви и десяти дѣвкамъ по куску раздай!..

Разговоръ нашъ былъ прерванъ громкими криками раздавшимися внизу, въ глубинѣ занесенной снѣгомъ виски гдѣ пролегалла узкая дорога, твердо наѣзженная многочисленными полозьями чукотскихъ и русскихъ нартъ и выводившая на Колыму.

— Держи, держи! — кричали русскіе и чукотскіе голоса. — Порвутъ, порвутъ!

Васька сорвался съ мѣста и, что было мочи, почти покотился внизъ по косогору.

— Наши ѣдутъ, собакъ сдержать не могутъ! — бросилъ онъ на бѣгу.

Я, какъ могъ, послѣдовалъ за нимъ. Въ узкой и глубокой ложбинѣ, огражденной крутыми склонами обрывистыхъ береговъ, происходило невыразимое смятеніе. Десятка полтора оленей, заложивъ на спину вѣтвистые рога, въ безумномъ ужасѣ неслись во весь опоръ по дорогѣ,

¹⁾ Очки на картахъ.

толкая и сбивая другъ друга съ наѣзженной тропы. Три или четыре пыжика, спокойно пасшихся на косогорѣ, увидѣвъ бѣгущихъ товарищей, быстро сбѣжали къ нимъ навстрѣчу, очевидно, желая узнать, въ чемъ дѣло, и были увлечены ихъ стремленіемъ. Болѣе опытные быки, не поддаваясь суетному любопытству, напротивъ, быстро карабкались на косогоръ, торопясь поскорѣе скрыться подъ надежную защиту лѣсной чащи.

Изъ-за крутого поворота дороги съ трескомъ вылетѣла длинная и узкая нарта, увлекаемая дюжиною черныхъ косматыхъ собакъ. Зубастые скакуны, привязанные попарно къ крѣпкому шестисаженному потягу изъ моржоваго ремня, такъ и рвались впередъ. Двѣ человѣческія фигуры, уцѣпившись за дугу нарты, волоклись по сторонамъ, упираясь ногами и всѣмъ тѣломъ о каждую неровность дороги въ отчаянныхъ, но тщетныхъ стараніяхъ замедлить быстроту остервенѣлыхъ животныхъ. Собаки мчались впередъ, очертя голову, съ тихимъ, но зловѣщимъ повизгиваніемъ. Пасти ихъ были раскрыты, глаза сверкали, какъ у волковъ. Наболѣе рѣзвья подпрыгивали по временамъ всѣми четырьмя ногами вдругъ и какъ-то особенно дергались впередъ, стараясь прервать свару. Другія, разстилаясь по землѣ, съ визгливымъ плачемъ вытягивали впередъ лапы, и цѣпко хватались за каждый бугорокъ, чтобы ускорить движеніе надобдлиной нарты, тяжело вполчившейся сзади.

Васька, кубаремъ скатившись съ косогора, ворвался въ потягъ и, схватившись обѣими руками за ремень, тоже распластался по снѣгу, волочась среди бѣгущихъ собакъ, какъ мѣшокъ съ рухлядью.

— Сто-ой, тоо-ой, то-о-ой! — выкрикивалъ онъ протяжно, стараясь успокоить упряжку.

Этыгинъ и другой чукача, въ старой кукашкѣ и по-

тертыхъ мѣховыхъ шароварахъ, съ криками бѣжали навстрѣчу. Двѣ дѣвки, выколачивавшія пологъ, сбѣжали съ косогора и побѣжали вслѣдъ за оленями, издавая рѣзкіе гортанные крики, похожіе на хлопанье бича: хокъ! хокъ! хокъ! и стараясь спугнуть ихъ съ дороги, чтобы прогнать наверхъ въ безопасную лѣсную чащу. Но обезумѣвшіе олени бѣжали все прямо, путаясь и сбиваясь, какъ прежде. Ихъ длинныя ноги дѣлали удивительные прыжки въ воздухъ, унося ихъ отъ преслѣдователей. Собаки, видя, что добыча готова ускользнуть, взвыли съ отчаянія, еще наддали, напрягая послѣднія силы, очень удачно обогнули чукчей, бѣжавшихъ навстрѣчу, но въ рѣшительную минуту невольно посторонившихся, и, словно невзначай, налетѣли на какого-то горемычнаго пыжика, который въ сотый разъ сбился съ колени въ глубокой снѣгъ. Олень тотчасъ же былъ сбитъ съ ногъ и со всѣхъ сторонъ опутанъ потягомъ, нарта остановилась, люди и собаки смѣшались въ одну беспорядочную кучу. Внезапное появленіе этой свирѣпой упряжной своры, олени, беспорядочно рассыпавшіеся по дорогѣ и по прибрежнымъ косогорамъ, группа косматыхъ хищниковъ, копошившихся надъ добычей, и людей, старавшихся отнять добычу у собакъ, все это вмѣстѣ походило скорѣе на сцену изъ фееріи, чѣмъ на дѣйствительность.

Когда я подбѣжалъ, люди успѣли, наконецъ, одержать верхъ. Васька и другой маленькій человѣчекъ, одинъ изъ тѣхъ, которые волочились за дугой нарты, отводили въ сторону потягъ, чтобы подняться наверхъ по тропинкѣ, по которой мы только что спустились. Заѣденный олень лежалъ на землѣ, подергиваясь въ послѣднихъ судорогахъ. Эттыгинъ быстро и сердито лопоталъ по-чукотски, проклиная русскую ѣзду и требуя платы за убитое животное.

Васька посмотрѣлъ на него недоброжелательнымъ взглядомъ.

— Опять мечтоваться сталъ!— сказалъ онъ по-русски.— Это какой олень? Худенькій пыжикъ развѣ олень!.. И развѣ ты не хочешь ни разу накормить моихъ собакъ?

Другая фигура изъ волочившихся за нартой, облеченная въ длинный балахонъ изъ черной дабы, достигавшій до пятъ и надѣтый поверхъ вытертой парки ¹⁾, копалась теперь въ задкѣ нарты, что-то отыскивая. Эттыгинъ хотѣлъ возразить Васкѣ, но голосъ его пресѣлся. Въ рукахъ этой фигуры онъ увидѣлъ круглую жестяную посудину съ узкимъ горлышкомъ, похожую на тѣ, въ которыхъ держатъ керосинъ, которую она немного приподняла и сунула внутрь, тщательно завернувъ ее въ старую кожаную рубаху.

— Водочка! — осклабился Эттыгинъ. — Водочку привезли! Люблю водочку! — продолжалъ онъ, зажмуривая свои красные глазки, воспаленные отъ нестерпимаго снѣжнаго блеска, съ узкими щелками, совершенно заплывшими гноемъ. — Васька, это твоя водка? Поднеси!

— Какъ-да, поднесу! А пыжика собакамъ скормлю сегодня, а? — заискивающе говорилъ Васька. — Ты вѣдь мой другъ, а?

— Возьми! — сказалъ Эттыгинъ равнодушно, тыкая ногой упавшаго оленя. — Развѣ мнѣ жалко?

Глаза его были прикованы къ жестянкѣ.

— Анюша, налей чашку! — сказалъ Васька, подходя къ нартѣ.

Фигура въ длинномъ балахонѣ, оказавшаяся его женой, достала изъ старой нерпичьей сумы бѣлую чайную чашку, осторожно освободила жестяное горлышко изъ-подъ обертки, налила изъ него драгоценную влагу и тотчасъ же заткнула его деревянной пробкой. Эттыгинъ выпилъ ее, какъ воду.

¹⁾ Парка — длинный мѣховой балахонъ, надѣваемый большей частью поверхъ другой мѣховой одежды.

— Еще, еще!—схватился онъ обѣими руками за драгоценную жестянку. — Налей еще одну!

Анюша бросила на него звѣрскій взглядъ и, снова откнувъ пробку, нехотно налила еще полчашки.

— Мишка, поѣздай наверхъ!—сказала она своему спутнику, положивъ посудину на прежнее мѣсто. — Да собакъ покрѣпче привяжите! А то сорвутся, бѣда вѣдь! Они всѣхъ оленей передуютъ!

Мишка, молодой мальчикъ съ бѣлокурыми волосами, съ красивымъ, но болѣзненнымъ лицомъ, окончательно повернулъ нарту къ подъему.

— Таймъ, таймъ! Тахъ, тахъ, тахъ! — раздался рѣзкій окрикъ собачьей команды. Собаки полѣзли на косогоръ, направляясь къ стойбищу. Васька и Анюша пошли сзади.

— Почему пріѣхала? — спрашивалъ Васька довольно суровымъ голосомъ. Они не поздоровались съ женой во время ея пріѣзда, и теперь оба позабыли объ этомъ.

— Ёды не стало, такъ пріѣхала! — угрюмо сказала баба. У насъ въ Походской вискѣ сей годъ чистая бѣда. Наказаніе божеское! Ни у людей, ни у собакъ! Всѣ жители упали. Про васъ услышала, сюда пріѣхала. Можетъ, ты мнѣ хоть два оленчика убьешь!

— Я чѣмъ убью? — также угрюмо сказалъ Васька. — Чаю, табаку нѣту! Можетъ ты привезла?

— Мы сами давно не пьемъ! — возразила баба. — Когда себѣ, четверть выпросила у Омчата. Съ тѣмъ и жила до сегодня. А табаку отроду!.. Всѣ кисеты выкрошили, да выкурили!.. Братанъ пріѣхалъ изъ Средняго, четыре бутылки далъ, то привезла.

Мы поднялись на гору. Мишка уже былъ на стойбищѣ и, отвязавъ потягъ отъ барана ¹⁾ нарту, привязывалъ

¹⁾ Баранъ — передняя дуга, къ которой привязывается потягъ.

его прямо къ одному изъ деревьевъ, стоявшихъ вблизи. Собаки, почувствовавъ себя на привязи, спокойно улеглись на снѣгу, свернувшись клубочкомъ. По ихъ теперешнему виду можно было заключить, что это самыя смиренныя животныя на свѣтѣ. Чукчанки, въ виду пріѣзда гостей, поспѣшно снимали съ шестовъ сушившійся пологъ, намѣреваясь поставить его въ шатрѣ на обычное мѣсто, тѣмъ болѣе, что солнце близилось къ заѣату. Отва накладывала куски мерзлаго мяса въ огромный котелъ, намѣреваясь варить ѣду. Другая жена Эттыгина, молодая высокая чукчанка съ мѣдно-краснымъ загорѣлымъ лицомъ, съ двумя тонкими синими линіями татуировки, выгравированными иглой и спускавшимися отъ лба вдоль щекъ до самаго подбородка, съ рубашечными пуговками въ ушахъ вмѣсто серегъ, съ тонкой ниткой мелкаго цвѣтнаго бисера на полуобнаженной шеѣ, сидѣла на корточкахъ и толкла мерзлое мясо большимъ каменнымъ молотомъ, настоящимъ орудіемъ каменнаго вѣка, приготовляя любимое кушанье чукчей, мерзлое мясо, раздробленное на мелкія крошки.

Пологъ, натянутый на кольяхъ, уже принялъ обычную форму четырехугольнаго короба, опрокинутаго вверхъ дномъ Бабы, ползая внутри, устилали землю двойнымъ рядомъ мохнатыхъ шкуръ, тщательно запихивая подъ нихъ нижніе края полъ. У самаго входа онѣ положили два длинные и плоскіе мѣшка, набитые рухлядью и составившіе низкій барьеръ вродѣ порога, который долженъ былъ служить изголовьемъ для спящихъ (чукчи ложатся въ пологѣ головою къ выходу). Передняя пола была подобрана кверху, подвязана тонкими ремешками и неуклюжими складками спу-скалась внизъ вокругъ отверстія, назначеннаго для входа. Отва положила на большую желѣзную сковороду цѣлую грудю топленого жира, лежавшаго широкими, тонкими пластами въ деревянномъ корытѣ, и зажгла толстую свѣ-

тильно изъ размельченной гнилушки; лейка загорѣлась яркимъ и чистымъ пламенемъ, не дававшимъ копоти и наминавшимъ пламя стеариновой свѣчи. Баба внесла ее въ пологъ и поставила на широкую деревянную подставку на самомъ видномъ мѣстѣ, у задней стѣны, какъ разъ противъ входа.

— Войдите! — позвала она насъ, окончивъ всѣ приготовления.

Русскіе гости, иззябшіе на морозѣ, который усиливался по мѣрѣ приближенія вечера, торопливо полѣзли въ пологъ. Баба отвязала входную полу и опустила ее внизъ, наглухо закрывая тѣсное помѣщеніе. Пологъ наполнился бѣлыми клубами отъ дыханія, потемнившими даже свѣтлое пламя лейки, и сталъ быстро согрѣваться. Я понемногу сталъ снимать лишнюю одежду, стянулъ съ себя верхнюю кукашку, положилъ въ сторону ошейникъ изъ песцовыхъ хвостовъ, рукавицы изъ лисьихъ лапъ, подбитыхъ недопескомъ (молодой песецъ) и т. д.

Со двора пролѣзали все новые и новые гости, наполняя всѣ углы тѣснаго помѣщенія. Входившіе чинно садились, поджимая ноги и стараясь занимать какъ можно меньше мѣста. Я, какъ почетный гость, сидѣлъ у лейки, какъ разъ противъ Эттыгина, который моргалъ своими красными глазами мнѣ навстрѣчу, стараясь не смотрѣть на пламя, сіявшее передъ самымъ носомъ. Русскіе гости усѣлись подлѣ меня, а чукчи подлѣ Эттыгина. Мы составляли двѣ группы, разбитыя по народностямъ и, нѣкоторымъ образомъ, противопоставленныя другъ другу.

Началось чаепитіе, составляющее у всѣхъ здѣшнихъ народовъ родъ предисловія къ ѣдѣ и дѣйствительно необходимое для того, чтобы согрѣться послѣ продолжительнаго пребыванія на сорокаградусномъ морозѣ. Оттва достала изъ маленькаго деревяннаго ящика нѣсколько разно-

калиберныхъ чашекъ съ отбитыми краями, тщательно завернутыхъ въ невообразимо грязную тряпку, нѣчто вродѣ старой бумажной шали, истертой до дыръ. Разставивъ посуду на большой чугунной жаровнѣ, служившей вмѣсто стола, она налила изъ небольшого неказистаго чайника съ полуютломленнымъ носкомъ горячую черную жидкость, потомъ прибавила кипятку. Посуда Эттыгина не отличалась многочисленностью. Кому не хватило чашекъ, тѣ пили изъ желѣзныхъ тарелокъ, изъ ковшы, изъ сковороды, даже изъ старой пороховой жестянки со срѣзаннымъ верхомъ. Чукчи и русскіе жадно глотали горячую воду, стараясь наполнить драгоцѣнной теплотой всѣ поры своего тѣла. На дворѣ готовились все новые и новые запасы кипятку. Чай, вначалѣ очень крѣпкій, черный, какъ пиво, сталъ свѣтлѣть и скоро обратился въ чуть окрашенную водицу. Клубы горячаго пара, поднимавшіеся надъ чайникомъ, наполнили пологъ густымъ бѣлымъ туманомъ. Въ пологѣ стало тепло, потомъ жарко, потомъ наступила температура арестантской бани или тропическаго болота, наполненнаго мѣзмами. Распарившіеся чукчи снимали безъ церемоніи свои двойныя мѣховыя рубашки, обнажая крѣпкіе неуклюжіе торсы, по обыкновенію покрытые толстыми пластами грязи. Бабы и дѣвки вползали и выползали изъ полога, услуживая мужчинамъ, принимали самыя невѣроятныя позы, вытягивались во весь ростъ по землѣ снаружи, совывали голову и правую руку въ пологъ, чтобы поспѣшно выпить чашку, и снова исчезали въ наружномъ мрачѣ. Оттва, разливавшая чай въ пологу, разогрѣлась пуще мужчинъ и, передернувъ плечами, спустила съ правой стороны свой отрепанный кэркэръ, обнаживъ шею, черную, какъ голенище, и грязную грудь.

Васька съ безобразнымъ лицомъ, изъѣденнымъ оспой, съ вытекшимъ лѣвымъ глазомъ и плѣшивымъ затылкомъ,

странно противорѣчившимъ его ухваткамъ женскаго любезника и удальца, сидѣлъ подлѣ меня. На плечахъ его красовалась ветхая красная рубаха, надѣтая еще осенью и уже достигавшая той роковой минуты, когда она должна была окончательно распасться на куски и расползтись въ стороны.

Жена его, съ широкимъ лицомъ и выдающимися скулами обычнаго на Колымѣ русско-юкагирскаго типа, съ маленькими черными глазками, лишенными бровей, съ широкимъ ртомъ и тонкими, почти совсѣмъ безкровными губами, съ жидкой, но грубой косичкой, какъ будто сплетенной изъ конскаго волоса, была облечена въ сѣрую юбку и какую-то затрапезную кофту, украшенную двумя огромными бѣлыми фарфоровыми пуговицами, похожими на игрушечныя колеса. Такихъ пуговицъ я никогда не видѣлъ въ Россіи. Онѣ дѣлаются неизвѣстно гдѣ, должно быть, нарочно для Колымы, которая украшаетъ ими даже мужскія куртки и пиджаки, сшитые по модному образцу. Одежда Аюши была праздничнымъ нарядомъ, далеко превосходившимъ обычный балахонъ изъ синей дабы, облакающий плечи русской порѣчанки. Мишка помѣстился у самаго входа и поминутно высовывалъ голову на свѣжій воздухъ. Онъ былъ слабъ головой и чувствовалъ себя нехорошо въ угарной атмосферѣ полога.

Люди на противоположной сторонѣ сидѣли гораздо тѣснѣе насъ. Эттыгинъ, притиснутый къ задней стѣнкѣ, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь передъ русскими гостями, надѣлъ на свое обнаженное тѣло, за неимѣніемъ рубашки, черный вицмундиръ, купленный имъ за дорогую цѣну у какого-то чиновника, въ гор. Среднеколымскѣ, невообразимо ветхій и рваный, но украшенный новыми желтыми пуговицами съ государственнымъ орломъ. Правительство не хотѣло пожаловать Эттыгина параднымъ кафтаномъ, и онъ самъ пожаловалъ себя имъ, въ видѣ этого

вицмундира. Старая тетка Эттыгина, Отаутъ, поблекшая и изсохшая, съ морщинистымъ лицомъ, на которомъ чуть виднѣлись двѣ синія черты, нататуированныя лѣтъ 40 тому назадъ, сидѣла рядомъ, обхвативъ трясущимися руками чашку и поджавъ ноги, обутыя въ толстѣйшіе сапоги, съ оттопыренными щетками. Возлѣ нея сидѣли два тунгуса, Егоръ и Апанай, пришедшіе въ гости изъ тунгусскаго стойбища, расположеннаго на той же вискѣ, на версту повыше, которое всю зиму слѣдовало за чукчами, чтобы питаться крохами съ ихъ стола. Эти тунгусы не имѣли ровно ничего и безъ чукчей умерли бы съ голоду. Но Апанай не принадлежалъ къ этому стойбищу. Онъ пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ съ рѣки Алазеи, гдѣ у него было нѣсколько десятковъ собственныхъ оленей. Оба они считались самыми сильными шаманами въ ближайшей округѣ, особенно старый Егоръ, выдавшій на вѣку всякіе виды, говорившій по-русски и по-якутски, бывшій когда-то богачомъ, но давно пропившій все до послѣдняго оленя. Лицо его было совсѣмъ другого типа, чѣмъ у чукчей, блѣдное, продолговатое, съ лукавыми глазами, съ длинными волосами, висѣвшими кругомъ головы безпорядочными космами. Онъ тоже снялъ кукашку, обнаживъ тѣло, тощее, какъ у комара, и, если возможно, еще болѣе грязное, чѣмъ у чукчей. Апанай (Афанасій) былъ гораздо моложе. Глаза его дико горѣли. Взоръ то уходилъ внутрь, то недвижно останавливался, устремляясь куда-то вверхъ, черезъ головы сидѣвшихъ напротивъ людей, какъ будто присматриваясь къ чему-то невидимому для другихъ взоровъ. Чукчи въ такія минуты боязливо поталкивали другъ друга, испуганно взглядывая по направленію этихъ странныхъ глазъ. Даже Васька, черезъ голову котораго взглядывалъ дикій шаманъ, раза два обернулся и внимательно осмотрѣлъ стѣну за своей спиной. Волосы Апаная были

заплетены въ двѣ косы, упадавшія по плечамъ; онъ носилъ національную тунгусскую одежду и, снявъ свой кафтанъ страннаго покроя, узкій на груди и украшенный внизу широкими оттопыренными полами, собранными въ крупныя складки, остался въ одномъ нагрудникѣ, подпиравшемъ шею и переходившемъ внизу въ четвероугольный передникъ, сшитый изъ сѣраго низкошерстнаго мѣха.

Дальше Апаная сидѣли трое молодыхъ парней, пастуховъ Эттыгина, который не любилъ лично присматривать за стадомъ. Поближе сидѣлъ Пуккаль, тоже считавшійся шаманомъ,—маленькій, приземистый, съ темнокоричневымъ лицомъ и гладко стриженной, почти обритой головой, обрамленной спереди узкой полоской волосъ и украшенной двумя небольшими клочками, похожими на звѣриныя уши. Въ его ушахъ виднѣлись длинныя бисерныя подвѣски, спускавшіяся до плечъ. У Пуккаля было нѣсколько десятковъ собственныхъ оленей, и онъ жилъ у Эттыгина скорѣе въ качествѣ подсосѣдка, чѣмъ настоящаго работника. Тощій и долгій Ранаургинъ, тотъ самый, который недавно хотѣлъ остановить собаку вмѣстѣ съ Эттыгиномъ, сидѣлъ рядомъ, выставивъ костлявыя колѣни, съ продранными мѣховыми заплатами. Это было признакомъ крайней нищеты, ибо даже самые бѣдные изъ чукчей не носятъ зимою потертой или изорванной одежды: шкуръ на тундрѣ много, и онѣ ничего не стоятъ. Но жена Ранаургина была подъ стать ему, хвораая, безсильная, почти глухая, сильно хромавшая на одну ногу, совѣмъ задавленная тяжелой долей чукотской женщины. Мужъ ея вѣчно ходилъ въ старой изорванной одеждѣ, ибо она никогда не могла во время приготовить ему новую, пологъ ея протерся до дыръ, собственный кэркэръ давно потерялъ всю шерсть и лоснился отъ сала. Самъ Ранаургинъ былъ бѣднѣе всякаго тунгуса: у него не было даже собственной пары приго-

выхъ оленей, а между тѣмъ старый Руккватъ, его отецъ, владѣлъ трехтысячнымъ стадомъ. Но Рукквата унесла «долгозубая старуха», прокочевавшая по тундрѣ на красныхъ оленяхъ десять лѣтъ тому назадъ (по просту говоря — оспа), и Ранаургинъ остался послѣ него маленькимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Плохо охраняемое стадо растаяло, какъ комъ снѣга подъ майскимъ солнцемъ, и теперь сынъ Рукквата долженъ былъ изъ милости сторожить чужія стада, питаясь худомозглыми пыжиками, которые годились на пищу развѣ собакамъ, но всегда выпадали на долю его шатра при очередномъ убоѣ.

У входной стѣнки сидѣлъ Эуръ, маленькій, корявый, съ совершенно животнымъ выраженіемъ лица, съ большими оттопыренными ушами, какъ у летучей мыши. Полтора года тому назадъ Эуръ высваталъ у Эттыгина дочь, обязавшись ему, какъ нѣкогда Іаковъ Лавану, сторожить его стада въ теченіе трехъ лѣтъ. Но бракъ считался дѣйствительнымъ со дня договора, и молодая Тытынна (игла) спала не только съ Эуромъ, но даже съ его другомъ Пуккалемъ, не имѣвшимъ собственной жены. Это случалось каждый разъ, какъ Эуръ уходилъ ночевать въ стадо, т.-е. по меньшей мѣрѣ пять разъ въ недѣлю, ибо Эура, выкупавшаго себѣ жену, нечего было шадить. Узы дружбы, соединявшей его съ Пуккалемъ, превратились, благодаря этой оригинальной формѣ брака, въ узы родства, дававшего даже право наслѣдства послѣ такого смѣннаго товарища въ бракѣ.

Лица чукчей не отличались рѣзкостью признаковъ монгольской расы: глаза были прорѣзаны прямо, носы имѣли довольно почтенный размѣръ, но ихъ никакъ нельзя было назвать красавцами. Черты ихъ были грубы, словно вытесаны топоромъ, лица имѣли широкую лунообразную форму. Узкій покатыи лобъ уходилъ назадъ, переходя въ квадрат-

ный, словно приплюснутый черепъ, маленькіе глазки не имѣли никакого выраженія, широкіе рты часто разѣвались, обнажая крѣпкія клыкастыя челюсти, легко разгрызающія твердыя оленьи кости. Что-то неуклюжее, несимметричное было въ каждой головѣ и въ каждой фигурѣ. Бѣглому взгляду казалось, что и руки, и ноги, и голова каждаго изъ нихъ прикрѣплены какъ-то не у мѣста, или что у нихъ обѣ руки только лѣвыя и обѣ ноги тоже лѣвыя, и все тѣло состоитъ изъ двухъ лѣвыхъ половинокъ, не совсѣмъ удачно пригнанныхъ другъ къ другу.

Чаепитіе продолжалось добрыхъ полтора часа. Когда, наконецъ, нѣсколько огромныхъ чайниковъ кипятку были опорожнены, Оттва допила всѣ остатки изъ разнообразныхъ сосудовъ, тщательно облизала чашки, собирая языкомъ всѣ крошки спитаго чая, завернула вытертую посуду въ ту же тряпку и бережно сунула ее въ ящикъ. Женская рука, просунувшись изъ-подъ полы полога, протолкнула на середину огромную сковороду, на которой лежала цѣлая гора толченаго мерзлаго мяса. О ложкахъ не было и помину, гости ѣли руками, погружая ихъ въ порошкообразную массу и каждый разъ тщательно облизывая полурастаявшія крошки, приставшія къ концамъ пальцевъ. Между тѣмъ бабы на дворѣ, притащивъ изъ-подъ горы пыжика, назначеннаго на кормъ собакамъ, достали изъ него внутренности, намѣреваясь приготовить ихъ для параднаго угощенія. Когда мерзлое мясо было съѣдено, со двора стали слѣдовать одинъ за другимъ всевозможные виды *hors d'oeuvre*'овъ, быстро приготовленныхъ по всѣмъ правиламъ чукотскаго кулинарнаго искусства. Тутъ были и головной мозгъ, который Оттва разорвала на мелкія кусочки своими черными, какъ сама грязь, руками и положила на тарелку, оленьи глаза, видъ которыхъ внушалъ содраганіе, большіе, круглые, съ кровавыми бѣлками и

мелкими обрывками связокъ; почки и печень, нарѣзанныя ломтиками, носовые хрящи, мелко изрубленные ножомъ. Самое видное мѣсто занимали свѣжеободранныя ноги, которыя болѣе почетные гости разобрали по рукамъ и, вооружившись огромными ножами, стали отдирать и разгрызать жесткія связки съ искусствомъ и остервененіемъ, которыя бы сдѣлали честь любой собакѣ. Обглодавъ жилы, объдающіе стали разбивать спинкой тяжелаго ножа костяныя трубки для того, чтобы извлечь кымель (костный мозгъ), составляющій наиболѣе драгоцѣнное лакомство чукотскаго меню. Разбивъ кость, они обязательно передавали ее хозяйкѣ, которая вынимала круглую полоску мозга и, разорвавъ на кусочки, прежнимъ порядкомъ раздавала присутствующимъ.

Сама Оттва во всѣхъ этихъ лакомыхъ блюдахъ не принимала никакого участія и ограничивалась тѣмъ, что каждый разъ тщательно собирала крошки, оставшіяся отъ мужчинъ, и запихивала ихъ въ ротъ. Только старая Отаутъ, истинная владѣтельница большей части оленьяго стада, пасшагося вокругъ стойбища, сидѣвшая рядомъ съ Эттыгиномъ на почетномъ мѣстѣ, имѣла право ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами.

Послѣ закусокъ послѣдовала серьезная трапеза. Цѣлая гора полусваренныхъ кусковъ мяса, наваленныхъ на ту же сковороду, явилась среди полога. Баба срѣзывала куски мякоти, немилосердно тиская и комкая мясо своими липкими руками, и крошила ихъ на мелкіе кусочки, чтобы мужчинамъ было удобнѣе ѣсть. На долю женщинамъ оставались кости и объѣдки. Вмѣстѣ съ мясомъ женское населеніе проникло въ пологъ и, разобравъ кости, принялось ихъ глотать. Гора мяса на сковородѣ дважды исчезала и дважды появлялась вновь, пополняясь изъ невидимаго запаса такой же таинственной рукой, просовывавшейся

въ пологъ снаружи. Очевидно, на дворѣ еще оставались бабы, которымъ не было мѣста въ пологѣ.

Чуѣчи ѣли съ торопливымъ остервененіемъ, съ какими-то отвратительными всхлебываніями послѣ каждаго куска, яростно разгрызая зубами кости. Бабы разбивали спинкой ножа костныя трубки, чтобы извлечь оттуда мозгъ, который отдавали мужчинамъ, обсасывая только жиръ, текшій по пальцамъ.

— Отчего мало варили?—проворчалъ Эттыгинъ, снимая со сковороды послѣдній кусокъ. — Принесите хоть крови!

Черезъ минуту таинственная рука, принявъ опустѣвшую сковороду, протолкнула ее обратно въ пологъ, наполненную оригинальнымъ кушаньемъ изъ опаленныхъ губъ и копытъ, мелко накрошенныхъ и облитыхъ свѣжей кровью недавно убитаго оленя. Пастухи и бабы, которые чувствовали еще голодь, дружно накинудись на вновь принесенное блюдо и скоро выпачкались въ немъ до ушей, напоминая общество пирующихъ людоѣдовъ, только что опустошившихъ жилы закланной жертвы.

Эттыгинъ ѣлъ неохотно. Мысли его были чѣмъ-то поглощены.

— Гдѣ Васька?—спросилъ онъ вдругъ.

Я уже нѣсколько минутъ чувствовалъ, что мнѣ стало свободнѣй сидѣть, и теперь понялъ, что это произошло отъ удаленія Каурова, который очень ловко выскользнулъ изъ полога.

Анюша скорчила недовольную гримасу.

— Гдѣ будетъ? Однако, у нарты стоитъ, съ фляжкой цѣлуется!—проговорила она по-русски.

Эттыгинъ, почти ничего непонимавшій по-русски, все-таки утвердительно кивнулъ головой. Онъ хорошо зналъ и самъ, куда могъ скрыться Васька. Не говоря ни слова, онъ натянулъ свою кукушку на голову и торопливо скользнулъ изъ полога. Только бѣлыя пятки его свергнули

передъ глазами. Сосѣди не обратили вниманія на его исчезновеніе и продолжали пировать надъ сковородой. Пологъ былъ наполненъ запахомъ пота, вонью распарившагося человѣческаго тѣла, испареніями горячей пищи, промозглымъ зловоніемъ оттаявшихъ оленьихъ шкуръ и еще, Богъ знаетъ, какими запахами. Дышать было нечѣмъ. Мишка высунулъ голову изъ полога наружу и такъ и остался въ этомъ положеніи, не рѣшаясь вернуться обратно. Я кое-какъ проползъ къ выходу и, приподнявъ край шкуры, тоже высунулъ на улицу, обдаваемый ледянымъ дыханіемъ сорока-градуснаго мороза. Но моя голова была крѣпче Мишкиной, и я разсудилъ вернуться къ покинутымъ мною сосѣдямъ, тѣмъ болѣе, что наши вытянутыя рядомъ тѣла сильно стѣсняли Анюшу, сидѣвшую въ промежуткѣ. Отсутствіе Эттыгина продолжалось недолго. Но когда онъ вернулся, въ его лицѣ и манерахъ была замѣтна явственная переменѣна. Забравшись въ пологъ, онъ вмѣсто того, чтобы сѣсть, выпрямился во весь свой, впрочемъ, очень маленькій ростъ, подпирая головой невысокую крышу.

Одна нога его попала въ самую середину сковороды и скользнула по размазанной крови, упираясь носкомъ въ желѣзные края. Ранаургинъ посмотрѣлъ съ упрекомъ вверхъ, но сказать ничего не рѣшился, только принялся усиленно выгребать пальцами остатки крови изъ-подъ жесткой щетинистой подошвы сапога. Но Эттыгину было мало того, что онъ самъ стоялъ на сковородѣ. — «Встаньте!» — сказалъ онъ повелительно. Недолго думая, онъ опустилъ внизъ руки и, поймавъ за волосы двухъ ближайшихъ сосѣдей, потянулъ ихъ кверху. Остальные не заставили себя просить и встали сами. Ранаургинъ въ послѣдній разъ провелъ ладонью по сковородѣ и, забравъ, сколько могъ крови, всталъ на ноги и принялся тщательно облизывать свою руку. Я равнодушно смотрѣлъ на группу,

стоявшую передо мной въ самыхъ нелѣпыхъ позахъ, подъ низенькой крышкой полога. Каждый разъ, когда Эттыгинъ напивался, онъ продѣлывалъ передо мной ту же самую сцену.

— Великій начальникъ! — сказалъ Эттыгинъ. — Открой намъ свое ухо! Мы всѣ стоимъ передъ тобой, и у насъ во рту одинъ языкъ! Мы хотимъ просить великою просьбою на русскихъ гостей, которые прѣзжаютъ къ намъ за торгомъ! Ты напиши наше слово на большую бумагу и пошли ее Солнечному Влалыкъ, чтобы онъ узналъ объ обидѣ своихъ людей. Сердитая вода — худая вода, и люди на тундрѣ всѣ обѣднѣли отъ нея. На Камень мало ѣздятъ русскіе купцы, и всѣ люди тамъ богаты оленями, а мой народъ сталъ бѣденъ... Зачѣмъ купцы возятъ водку? Глаза увидятъ, душа захочетъ, тогда житель отдастъ все!

Онъ долго говорилъ на эту тему, кланяясь и заставляя кланяться другихъ, которые, впрочемъ, и безъ того стояли, сильно наклонившись впередъ.

Я безстрастно слушалъ рѣчи Эттыгина, не считая даже за нужное повторять мое прежнее увѣреніе, что я вовсе не великій начальникъ и не уполномоченъ принимать такія жалобы. Я ожидалъ, когда онъ закончитъ свою рѣчь послѣдней заключительной просьбой, а именно попросить, чтобы я угостилъ его хоть получашкой водки, ибо умъ «великаго начальника» хорошо знаетъ, гдѣ ее можно найти, и сердце его можетъ потребовать ее, на примѣръ, отъ казака, который не смѣетъ противиться начальству, такъ какъ онъ казакъ и получаетъ паекъ и т. д. Но услышать обычное заключеніе пьяныхъ жалобъ чукотскаго старосты мнѣ не пришлось на этотъ разъ. На дворѣ раздался оглушительный вой дюжины собачьихъ глотокъ Мишкиной упряжи, которому вторили разсѣянные голоса чукотскихъ собакъ, привязанныхъ тамъ и сямъ у опрокинутыхъ саней.

Парни, сунувъ головы въ кукашки, проворно нырнули изъ полога. На стойбищѣ всегда можно опасаться нападенія волковъ на оленье стадо, и пастухамъ приходится вѣчно быть насторожѣ.

Но на этотъ разъ переполохъ произошелъ не отъ волковъ. — Ку-ухъ! ку-ухъ! — послышалось протяжное гарканье ¹⁾, сопровождаемое мягкимъ шуршаніемъ полозьевъ по снѣгу. Черезъ минуту Пуккаль подбѣжалъ къ пологу, наскоро просунулъ голову внутрь и, радостно сообщивъ: «Хечька пріѣхалъ, водку привезъ!» — такъ же быстро исчезъ вновь. Черезъ нѣсколько минутъ въ пологъ проползъ новый гость, высокій, плотный человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ лицомъ тоже крайне обезображеннымъ оспой, повредившей, какъ и у Васьки, лѣвый глазъ. То былъ Ѳедоръ Ошеловъ, извѣстный на тундрѣ подъ именемъ Хечьки (Ѳедька), одинъ изъ мелкихъ скупщиковъ выпоротка, песка и прочей чукотской пушнины. Ѳедька былъ мастеръ на всѣ руки: и промышленникъ, и собачій каюръ, и даже борецъ, съ молодю очень любившій участвовать въ состязаніяхъ, до которыхъ и чукчи и тунгусы большіе охотники. Среди неуклюжихъ чукчей и тощихъ тунгусовъ его статная фигура производила пріятное впечатлѣніе, почти выкупавшее безобразіе рябого лица.

Даже среди нижнеколымскихъ порѣчанъ Ѳедоръ выдавался пристрастіемъ къ карточной игрѣ, за которой проводилъ дни и ночи полярной зимы, когда порѣчанину и дѣлать-то больше нечего. Онъ считался великимъ искусникомъ «козла» и собиралъ въ теченіе зимы посильную дань со всѣхъ своихъ партнеровъ, разныхъ казаковъ и мѣщанъ, живущихъ въ крѣпости по сосѣднимъ заимкамъ. Но весной, во время пріѣзда на анюйскую ярмарку купцовъ и

¹⁾ Собаками управляютъ посредствомъ особыхъ разнообразныхъ окриковъ, совокупность которыхъ называется гарканьемъ.

властей изъ Среднеколымска, онъ каждый разъ отдавалъ всю эту дань «столичнымъ» игрокамъ, съ значительной приплатой изъ собственного кармана. Въ свободное отъ картъ время Оедоръ занимался мелкой торговлей на тундрѣ, кредитуясь для этого у среднеколымскихъ купцовъ на нѣсколько сотъ рублей.

Несмотря на выгодность этой торговли, имѣвшей, впрочемъ, очень незначительные размѣры, барышей съ нея не хватало даже для пополненія карточныхъ дефицитовъ, и Оедоръ сводилъ концы съ концами только благодаря торговлѣ водкой, въ которой онъ специализировался и которая въ нижнеколымскомъ округѣ даетъ барыши по истинѣ громадныя. Въ Нижнеколымскѣ, собственно говоря, продажа спиртныхъ напитковъ воспрещена, но Оедоръ ежегодно выписывалъ двѣ или три фляги ¹⁾ спирту «для собственного потребленія», «разсыропливалъ» ихъ содержимое водой и на каждой бутылкѣ наживалъ 300 или 400 процентовъ барыша.

Оедоръ пролѣзъ на почетное мѣсто и сѣлъ рядомъ съ Эттыгиномъ, отгѣснивъ старую тетку. Въ пологъ набилось народу больше прежняго. Пуккаль и Ранаургинъ тоже вернулись вслѣдъ за Оедькой, только Эура не было: онъ ушелъ, по обыкновенію, «въ ночное».

Собаки, завывавшія на дворѣ, очевидно, обрадовались поводу дать одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ концертовъ, о которыхъ не слышавшій не имѣетъ никакого понятія. Оедькины собаки тоже присоединились къ дикому хору. Три десятка визгливыхъ глотокъ, надрываясь отъ усердія, издавали ужасающіе звуки, способные потрясти небо и землю. Старые псы лаяли отрывистымъ хриплымъ басомъ. Молодые щенки выводили тончайшимъ фальцетомъ унылыя,

1) Плоскій деревянный сосудъ, вмѣщающій 3 ведра.

безконечно долгиа рулады, надрывавшія душу и улетавшія въ недосыгаемую высоту. То былъ чудовищный гимнъ дѣтей мрака, воспѣвавшихъ свое иго и морозныя узы. Я готовъ былъ заткнуть уши и забиться головою подъ шкуры, чтобы не слышать его...

— Здравствуй, другъ, — сказалъ Оедоръ, совершивъ церемонію привѣтственнаго прикладыванія щекъ крестъ на крестъ, замѣняющую поцѣлуй на тундрѣ. — Тебя давно не видалъ, соскучился, повидать пріѣхалъ! — говорилъ онъ льстивымъ голосомъ, изображая сладкую улыбку на своемъ хитромъ лицѣ.

— А гостинца привезъ? — спросилъ Эттыгинъ, который повидимому, не могъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ водки.

— Другу да не привезу? — отвѣтилъ Оедоръ и, вытащивъ изъ-за пазухи зеленую бутылку, передалъ ее Эттыгину.

Бутылка была весьма коварнаго свойства. По виду она совсѣмъ походила на шампанку, но была меньше ея объемомъ, съ короткимъ горлышкомъ и огромнымъ выемомъ на днѣ, значительно уменьшавшимъ ея вмѣстимость.

Но подслѣповатые глазки Эттыгина сразу оцѣнили коварство бутылки.

— Зачѣмъ маленькую бутылку привезъ? — зарычалъ онъ, схвативъ, однако, подарокъ и прижимая его къ груди обѣими руками. — Зачѣмъ не привезъ большую?..

— А ты мой тятя! — смиренно возразилъ Оедоръ. — Я передъ тобой, все равно, собака! Сказалъ: большую, въ другой разъ привезу большую. Теперь иной посуды дома не случилось!

Эттыгинъ налилъ чашку и выпилъ ее залпомъ.

— Посмотримъ, — сказалъ онъ, — какаѣ водка! — И намочивъ палецъ прямо изъ бутылки, поднесъ его къ огню. Голубоватое пламя вспыхнуло около пальца.

— Не ждетъ!—сказалъ Эттыгинъ.—Вотъ я изъ Средняго взялъ флягу, да пробовалъ, такъ палець горить вмѣстѣ. Вотъ водка!

— Видишь, какъ бредить!—сказалъ Васька.—Это надъ подаркомъ такъ согнушаешься! Сказано, нехристь!

Федоръ только покачалъ головой и не отвѣтилъ ни слова.

Началась попойка. Эттыгинъ пилъ съ собачьей жадностью, но считалъ за нужное угощать также почетныхъ гостей, хотя, подъ предлогомъ большого почета, поилъ ихъ не изъ чашки, а изъ мѣдной чарки, которую велѣлъ бабѣ достать изъ посуднаго ящика. Я рѣшительно отказался отъ вонючей сивухи, способной возбудить рвоту при первомъ глоткѣ, Васька тоже долго отнѣкивался, потомъ выпилъ. Выпили и Федоръ, и Егоръ, и старая Отаутъ. Эттыгинъ началъ пьянѣть, и буйство его дикой природы проснулось и вырывалось наружу. Ему хотѣлось задираť всѣхъ и каждаго. Но на первый разъ онъ счелъ за лучшее начать съ низшихъ членовъ общества.

— Ранаургинъ, ты худой человѣкъ!—заговорилъ Эттыгинъ.—Ты мое мясо ѣшь, ты худой человѣкъ! Отчего ты не въ стадѣ. Ты всегда хочешь сидѣть въ пологу! Каждую ночь спать съ бабой! Съ бабой спать станешь, какой пастухъ будешь?

Ранаургинъ не отвѣчалъ ни слова.

— Ты воръ!—продолжалъ Эттыгинъ, повысивъ диапазонъ обвиненій.—Ты у меня украдъ десять оленей и отдалъ ихъ Ванчеру. Ты тунгусовъ къ моимъ оленямъ прикармливаешь!.. Твое сердце не любитъ оленей... Ты слишкомъ любишь спать! Дома съ бабой спишь, въ стадо придешь—спишь!.. Худой человѣкъ! Лѣнвивыя ноги, незрячіе глаза, тяжелая поясница!

Руковатовъ сынъ молчалъ и, кажется, плохо слушалъ

слова хозяина. Все время онъ, не отрываясь, смотрѣлъ жадными глазами на зеленую бутылку, которая быстро пустѣла и изъ которой ему не досталось ни капли.

— А ты, Пуккаль, ѣздилъ на Анюй? — продолжалъ Эттыгинъ, обращая свое нападеніе на новое лицо. — Зачѣмъ даромъ оленей гонялъ? Зачѣмъ ничего не привезъ оттуда? Ни бѣличьяго хвоста, ни лисьей лапы! Два мѣсяца даромъ провелъ! Худой человѣкъ! Пустой человѣкъ! Выпотрошенный желудокъ!

Пуккаль низко опустилъ голову и тряхнулъ своими длинными подвѣсками. Но Эттыгинъ умиловивился и налилъ ему чарку. Онъ опрокинулъ ее въ ротъ и хотѣлъ уже проглотить ея содержимое, какъ вдругъ его остановила рука Ранаургина, безмолвно требовавшего своей доли.

Пуккаль безпрекословно выпустилъ изо рта часть водки обратно въ чарку и подалъ ее Ранаургину.

— Васька! — закричалъ Эттыгинъ, чувствовавшій все большую и большую злобу. — Давай водки! Ты много дней мою ѣду ѣшь! Пои меня водкой! Не то убирайся вмѣстѣ со своей бабой на свою голодную землю!

Васька посмотрѣлъ на него злыми глазами.

— У ж о, у ж о! — сказалъ онъ; однако, не тронулся съ мѣста.

— Вы нишіе! — кричалъ Эттыгинъ, — вы всѣ только нашу ѣду ѣдите! Дай водки, Васька! Сейчасъ!! Принеси!!..

— Хорошо! — отвѣтилъ Васька, но взглянулъ на него еще свирѣпѣе.

У русскихъ принято въ разговорѣ не противорѣчить чукчамъ, что бы они ни говорили. Тѣмъ не менѣе, несмотря на утвердительные отвѣты Васьки, видно было, что еще одинъ окрикъ со стороны Эттыгина, — и начнется драка.

— Анюша! — началъ опять Эттыгинъ. — Дай рыбки! хочу

ѣсть рыбку! Тащи! У тебя есть! Вотъ сковорода! Сейчасъ принеси!.. Кроши!..

Дикий человѣкъ расходился и сознавалъ себя властелиномъ.

— Я всѣхъ голодныхъ кормлю! Я русаковъ сорокъ лѣтъ кормилъ, самъ бѣденъ сталъ! Кормите меня рыбкой! Больше не дамъ оленины!..

Анюша посмотрѣла на него еще злѣе, чѣмъ ея супругъ.

— Я въ первый разъ вижу этотъ твой домъ! — возразила она сердито. — Зачѣмъ ты говоришь понапрасну такъ много словъ?.. Охъ, жалко, я настоящее не знаю по чукотски! Я-бы тебя выговорила! — прибавила она уже по-русски.

Женщина оказалась бойчѣе мужчины.

— Что жъ дѣлать? — подхватилъ Оедоръ. — Какъ мы, значить, всѣ имъ подвластны. Потому, промышлай, не промышлай, до весны все равно не хватить. А тутъ еще собаки. Безъ оленей наплачешься. Такъ ужъ намъ надо угождать имъ!..

Но Эттыгинъ уже перешелъ къ другому предмету.

— Лаймэръ! ¹⁾ — обратился ко мнѣ неукротимый старикъ. — Ты все пишешь!.. Напиши комиссару, чтобы онъ моихъ триста оленей отдалъ! Уже десять лѣтъ, какъ я заплатилъ сто оленей, да Эункэу по моему слову далъ сто, да сто отдалъ Аттанъ. Все равно, я далъ всѣ триста! А кафтана все нѣтъ, да нѣтъ. Говорить, на будущій годъ! А я считаю, что онъ совсѣмъ не написалъ Солнечному Владыкѣ, что чукотскій староста Эттыгинъ отдалъ голоднымъ русскимъ триста оленей... Это все равно, что у меня украли! Не даютъ кафтана, давайте оленей назадъ!.. Ой! будемъ шумѣть! — неожиданно крикнулъ онъ. — Будемъ

¹⁾ Владиміръ.

кричать! Сегодня праздник! Водка есть! У Хечьки есть! У Васьки есть! Много есть!.. Лаымэръ, давай сухарей и сахару!..

Я насыпалъ на тарелку жесткихъ ржаныхъ сухарей изъ моего скуднаго дорожнаго запаса. Попойка разыгрывалась.

Өедоръ принесъ боченокъ, въ которомъ было еще три бутылки, и отдалъ его Этыгину. Даже Пуккаль успѣлъ напиться и дикимъ голосомъ вопилъ какую-то нелѣпицу, воспѣвая лейку и стѣны полога, боченокъ водки и рюмку, которую держалъ въ рукахъ. Я, молча, наблюдалъ за дѣйствіями всей подпившей компаніи.

— Вася! — сказалъ Өедоръ. — Надо веселить барина! И мы запоемъ.

— Запоемъ! — согласился Васька. — Только стару пѣсенку! Баринъ стары пѣсни любитъ!

И, откинувъ назадъ голову, онъ затянулъ тончайшимъ фальцетомъ жалобно-наивный мотивъ «Скопиной пѣсни».

«Скопину да его мати приговаривала:

Ты не ѣзди, Скопинъ, во каменну Москву» и т. д.

Странно и печально зазвенѣла пѣсня древней Москвы, полная отраженіемъ чувствъ и впечатлѣній совершенно иного порядка, среди этой грубой обстановки вылетавшая изъ устъ порѣчанина, почти такого же дикаря, какъ и окружавшіе его чукчи. Какъ будто внезапный лучъ свѣта прорѣзался среди безобразной мглы, въ которой погрязъ и я самъ, и все окружающее меня.

Но Васькѣ не пришлось допѣть до конца своей пѣсни.

Общее вниманіе привлекъ на себя тунгусъ Егоръ, который, подвыпивъ, расхвастался своимъ шаманскимъ искусствомъ:

— Я великій шаманъ! — кричалъ онъ. — Истыкайте меня всего ножами! Вотъ мое брюхо! распорите его ножомъ!

Мнѣ все нипочемъ! Я живой буду! Только на столъ положите сто рублей! Вотъ мое брюхо! Колите ножомъ! Я не боюсь! Пропаду, пускай! Ладно!.. По крайней мѣрѣ, у моихъ дѣтей ѣда будетъ! — закончилъ онъ не совсѣмъ логично.

— Выпей водки! — приставалъ къ нему Эттыгинъ.

— Мнѣ водки не надо, мнѣ надо ѣду! — закричалъ тунгусъ, однако, съ жадностью схватилъ чарку и выпилъ что-то ужъ въ десятый разъ.

— Какую тебѣ ѣду? — завизжалъ Эттыгинъ. — Вы, тунгусы, и такъ, какъ собаки, вытаскиваете мясо изъ нашего котла! — Васъ убить надо!

Молодой тунгусъ, державшій въ рукахъ рюмку и собиравшійся ее выпить, рѣзкимъ движеніемъ бросилъ ее на сковороду.

— Ты чего кричишь? — спросилъ онъ тихимъ, но зловѣщимъ голосомъ: — Хочешь, я тебя съѣмъ?

— Зачѣмъ ты льешь водку, проклятый? — заревѣлъ Эттыгинъ.

— Сердце у тебя выну и скормлю собакамъ! — возвысилъ голосъ тунгусъ. — Душу твою разорву на четыре части и разбросаю по сторонамъ!

Эттыгинъ разсвирѣпѣлъ.

— Ты дьяволъ! — завопилъ онъ не своимъ голосомъ. — Я тебя зарѣжу! — И, схвативъ полуаршинный ножъ, лежавшій на шкурѣ подлѣ него, онъ бросился на тунгуса.

— Будетъ тебѣ, дьяволъ! — сказалъ Оедоръ по-русски и ловкимъ движеніемъ выбилъ ножъ изъ его нетвердой руки. — Ты чего, разбойникъ, что-ли? рѣзать людей задумалъ? — сказалъ онъ Эттыгину.

Эттыгинъ сразу утихъ.

— А зачѣмъ онъ водку проливаетъ? — бормоталъ онъ. — Здѣсь не Якутскъ! Водка дорога!

И, поднявъ сковороду на уровень своего рта, онъ выхлебнулъ изъ нея пролитую водку, смѣшанную съ остатками крови и цѣлой кучей оленьей шерсти.

— Якутскъ далеко! — повторилъ онъ, улыбаясь, и посмотрѣлъ побѣдоносно по сторонамъ, какъ будто свершивъ какой-то подвигъ.— Тебѣ какая ѣда нужна? — обратился онъ опять къ Егору, что-то припомнивъ.— А куда ты дѣлъ семьдесятъ оленей, которыхъ получилъ отъ моего брата за дѣвку? Неужели всѣхъ проигралъ въ карты?

— Полно безумное говорить! — разсердился Егоръ.— И одного не проигралъ въ карты! Все на водку ушло и теперь на водку идетъ! Полно кричать! Хочешь пить? Вотъ моя бутылка! Пей!

И онъ поставилъ на столъ бутылку, вынутую изъ-подъ помы, которую успѣлъ пріобрѣсти отъ Васьки, какъ послѣ я узналъ, въ обмѣнъ за одного изъ десяти пряговыхъ оленей, еще уцѣлѣвшихъ у него отъ прежняго стада.

Пирующие приходили и уходили. Только Ранаургинъ не слѣдовалъ за ними и печально сидѣлъ въ опустѣвшемъ пологу. Васька тоже остался и пододвинулся къ сыну Руквата.

— Зачѣмъ это Эттыгинъ съ тобой такъ худо разговариваетъ? — подзадоривалъ онъ молодого пастуха. Пьяный худо разговариваетъ, трезвый худо разговариваетъ... Зачѣмъ слушаешь, какъ тебѣ говорятъ худыя слова, будто ты дѣвка?

Ранаургинъ поддакивалъ, но плохо слушалъ слова Васьки. Онъ думалъ о боченкѣ, который унесли изъ полога, и сожалѣлъ, сколько тамъ еще осталось и достанется ли на его долю хоть нѣскольکو капель. У чукчей считается большой обидой, если при выпивкѣ кому-нибудь изъ присутствующихъ не поднесутъ ни капли, хотя бы настолько, чтобы замочить губы.

Пьяная компанія вернулась и продолжала попойку. Только Апаная не было.

— Давайте бороться! — кричалъ Егоръ. — Даромъ я тунгусъ, а давайте бороться! Я хоть старый человекъ, а постою за себя!

— Э, врешь! Русскіе лучше васъ! — сказалъ Федоръ, блеснувъ единственнымъ глазомъ. — Если станемъ бороться, — да мы всю землю вашей спиной вымѣряемъ! Вотъ давайте лучше побѣдимъ до Лакеева объ закладъ, кто кого покинетъ! Ставлю десять рублей! А станемъ бороться — да мы отъ васъ лоскутьевъ не найдемъ!... Правда, Васька? — спросилъ онъ казака.

Будь здѣсь какіе-нибудь чукчи поудалѣе, дѣло не обошлось бы безъ драки, но, какъ нарочно, Эттыгинъ и его пастухи были люди слишкомъ ничтожные, чтобы состязаться съ Оедькой.

— Ты, Пуккаль, слушай и молчи! — ядовито заговорилъ Эттыгинъ. — Когда русскіе говорятъ, ты молчи и бойся, потому что они лучше тебя. Когда русскіе и тунгусы говорятъ тебѣ съ обидой, ты молчи и бойся, какъ трусливая дѣвка!

Но Пуккаль дѣйствительно молчалъ, несмотря на всѣ поддразниванія старика.

— Гдѣ Апанай? — вдругъ спросилъ Эттыгинъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ. — Почему онъ не пьетъ съ нами? Пойдемъ искать его.

Вся толпа опять вылѣзла изъ полога. Я послѣдовалъ за ними. Апаная мы нашли въ сосѣднемъ пологу, гдѣ онъ сидѣлъ у лейки и угощалъ самъ себя водкой изъ чашки, которую ему удалось купить у казака. Онъ наливалъ изъ чашки нѣсколько капель въ рюмку, ставилъ ее на тарелку, потомъ приглашалъ самъ себя выпить, какъ будто обращаясь къ постороннему лицу, бралъ рюмку, подносилъ

ее ко рту съ невнятнымъ бормотаніемъ и дѣлалъ медленный глотокъ. Все это имѣло цѣлью по возможности продолжить наслажденіе напиткомъ, ибо въ чашкѣ оставалось уже очень мало.

Однако, увидѣвъ эти манипуляціи, Эттыгинъ замѣтно струсилъ.— Не надо худое думать! — заискивающе сказалъ онъ шаману.— Лучшіе выпей! — И онъ налилъ большой чайный стаканъ и поднесъ его Апанаю.

— И боченокъ тоже твой! — Онъ поставилъ деревянный боченокъ около шамана на оленью шкуру, предварительно встряхнувъ его, чтобы доказать, что въ немъ есть еще водка.

Апанай величественно принялъ стаканъ.

— То-то! — сказалъ онъ.— Не надо слишкомъ много говорить! Пей да молчи! А съ шаманами не ссорься.— Пойдемъ опять въ твой пологъ! — прибавилъ онъ, мимоходомъ допивая и свою чашку и подхвативъ боченокъ подъ мышку. Мы вернулись въ пологъ Эттыгина, который все-таки былъ больше. Попойка дошла до апогея.

Егоръ припалъ ко мнѣ на грудь и совалъ мнѣ въ ротъ свои мокрые усы, вонявшіе сивухой.

— Начальникъ! — говорилъ онъ.— Я знаю, ты хочешь ѣхать далеко. Дай мнѣ четыре рубля, и я призову тебѣ на помощь всѣхъ своихъ духовъ. И того, что клекочетъ, какъ щелокъ, и того, что каркаетъ, какъ воронъ, и того, что стучитъ, какъ желна, и того, что кичетъ, какъ лебедь!.. Ты вѣдь знаешь!

Компанія мало-по-малу расходилась, одолѣваемая опьяненіемъ и сномъ. Мишка, который все время смотрѣлъ на эти дикія сцены широко раскрытыми, немного испуганными глазами, задремалъ въ уголку, съежившись, какъ котенокъ. Федоръ ушелъ спать въ пологъ Эура.

Оттва уложила въ другомъ углу двухъ своихъ малень-

кихъ сыновей и приготовляла ложе для своего властелина. Васька и Анюша легли тутъ же рядомъ. Я кое какъ при-
могнулся, протянувъ ноги къ тому углу, гдѣ скорчился
Мишка. Егоръ сѣлъ посреди полога, на небольшомъ мѣ-
стечкѣ у лейки, которое обыкновенно оставляется незна-
тымъ, и объявилъ, что тоже хочетъ остаться здѣсь и бу-
детъ спать сидя.

Устроивъ ложе, т.-е. расправивъ барьеръ изъ мѣшковъ,
служившій изголовьемъ, и притащивъ огромное одѣяло изъ
толстыхъ оленьихъ шкуръ, Оттва привела откуда-то Этты-
гина, стащила съ него одежду и стала укладывать его, какъ
ребенка.

Но у Эттыгина были совсѣмъ другіе планы.

— Не хочу съ тобой спать! — кричалъ расхолодившійся
старичишка. — Ты старая! У тебя кожа сморщилась, какъ
опаленная ровдуга¹⁾. Пойду къ ламуткѣ. Пусть у меня бу-
детъ три жены! — И, откинувъ одѣяло, онъ, совершенно
нагой, быстро выползъ изъ полога.

Васька безпокойно заворочался съ боку на бокъ.

— Ты главная жена! — сказалъ онъ бабѣ, которая ле-
жала въ нерѣшимости, не зная, что предпринять. — Ты ему
столько дѣтей нарожала, а онъ тебя покидаетъ для какой-
то ламутской шлюхи!

Слова его вывели Оттву изъ нерѣшительнаго состоянія.
Сбросивъ въ свою очередь одѣяло, она предстала предъ
нами, во всемъ ужасѣ своей наготы, какъ чукотская ве-
нера, выходящая изъ груди оленьихъ шкуръ, и не обра-
щая на насъ особаго вниманія, стала подвязывать длинные
обороты мѣховыхъ сапогъ, потомъ натянула на себя свое
просторное платье и, въ свою очередь, вышла изъ полога
въ погоню за невѣрнымъ мужемъ. Черезъ нѣсколько ми-

¹⁾ Замша, выдѣланная изъ оленьей кожи.

нуть она вернулась, таща Эттыгина за загривокъ, какъ кошка тащить котенка. Онъ попрежнему былъ нагъ, какъ Адамъ до грѣхопаденія.

— Спи тутъ! — сказала она, съ силой бросая его на прежнее мѣсто.

— Харэмъ, Харэмъ, Харэмъ! Не стану, не стану, не стану! — кричалъ Эттыгинъ. — И онъ опять нырнулъ изъ-подъ одѣяла.

— Ты чего убѣгаешь? — сказалъ Егоръ со смѣхомъ ему вдогонку

Но Эттыгинъ не слушалъ увѣщаній. Это была отвратительная, и вмѣстѣ съ тѣмъ забавная сцена: три раза Эттыгинъ убѣгалъ къ ламуткѣ, и три раза Отва извлекала его изъ запретнаго Эдема и водворяла на законное мѣсто.

Не дожидаясь окончанія этой оригинальной борьбы, я забылся тяжелымъ и безпокойнымъ сномъ. Егоръ раздумалъ спать сидя и примостился поперекъ двухъ супружескихъ паръ, положивъ голову на постель Эттыгина, а ноги протянувъ прямо на Ваську. Пуккаль и Апанай еще ходили по стойбищу. Засыпая, я слышалъ ихъ пьяные голоса, распѣвавшіе дикую импровизацію чукотской пѣсни и очень похожіе на волчій вой.

На другой день пьяная компанія проснулась довольно поздно. Эттыгинъ, трезвый и мрачный, немедленно приступилъ къ выполненію тѣхъ обязательствъ, которыя онъ молча взялъ на себя вчера, выпивая Оедькину водку.

Оедькѣ надо было убить шесть оленей. Кромѣ того, по какому-то странному расчету, оказалось, что за водку, взятую у казака Егоромъ и Апанаемъ, приходится убивать оленей тоже Эттыгину. Одинъ изъ десяти прыговыхъ оленей Егора на этотъ разъ спасся отъ угрожавшей ему участи. Васькѣ нужно было убить трехъ оленей, принимая во вни-

маніе тѣ четыре чашки, которыми онъ угостилъ Эттыгина вечеромъ.

Ранаургинъ и Эуръ пригнали съ пастбища одно изъ стадъ, принадлежавшихъ Эттыгину; нѣсколько сотъ оленей сгрудились на одномъ концѣ площадки, гдѣ было посвободнѣе, и испуганно смотрѣли на людей, копошившихся въ лагерѣ. Когда кто-нибудь приближался къ нимъ, они спѣшили перебѣжать на другой конецъ площади. На срединѣ площади образовалось нѣчто вродѣ арены, по обѣимъ сторонамъ которой стояли Эуръ и Пуккаль съ длинными арканами въ рукахъ. Ранаургинъ на своихъ длинныхъ ногахъ бѣгалъ взадъ и впередъ, стараясь перегонять оленей черезъ арену самыми небольшими группами. Ему помогали и Эттыгинъ, и тунгусы, и русскіе гости, и бабы, и даже старая Отаутъ, чуть ковылявшая на своихъ дряхлыхъ ногахъ. Нужно было девять оленей, заранѣе обреченныхъ на закланіе, прогнать мимо стоявшихъ впереди пастуховъ, на разстояніи, удобномъ для того, чтобы бросить арканъ. Но дѣло шло медленно. Олени ни за что не хотѣли повиноваться и все устремлялись не туда, гдѣ стерегли ихъ Пуккаль и Эуръ. Но Эуръ, уловивъ минуту, кинулъ арканъ и поймалъ молодую сѣрую важенку, пробѣгавшую мимо.

Почувствовавъ на своихъ рогахъ арканъ, важенка немедленно принялась выдѣлывать отчаянные прыжки и курбеты, оказывая ожесточенное сопротивленіе власти челоуѣка. Двое чукчей подбѣжали на помощь и, осторожно перебираясь по аркану, успѣли схватить ее за рога. Эуръ вынулъ ножъ изъ-за пояса, подошелъ къ важенкѣ и ловкимъ ударомъ ткнулъ ее прямо въ сердце. Люди, державшіе арканъ, старались такъ натянуть его, чтобы убитое животное упало раной вверхъ. Эуръ омочилъ свои пальцы въ свѣжей крови и, зачерпнувъ немного, брызнулъ на закатъ солнца.

Когда всѣ олени были убиты, подошли бабы и стали потрошить. Вынувъ внутренности и выливъ въ котель моняло изъ большого желудка, они наливали въ желудокъ кровь, черпая ее ковшомъ изъ оленьяго брюха. Моняло предназначалось для ихъ собственнаго употребленія. Изъ брюха каждой важенки онѣ доставали совершенно сформировавшагося выпоротка, длиннаго и тощаго, обросшаго скользкой черной шкуркой. Ихъ было шесть, ибо Эттыгинъ велѣлъ убить трехъ быковъ и шесть важенокъ. Важенки были меньше, а потому дешевле. Эттыгинъ мрачно посмотрѣлъ на выпоротковъ.

— Вмѣсто одного оленя, двухъ убиваю!— сказалъ онъ Оедькѣ. — На новый мѣсяцъ родились бы, на своихъ ногахъ ходили бы!

Выпоротковъ чукчанки тоже отложили въ сторону. Кромѣ того, у каждаго оленя онѣ очень искусно вырубали и выломали темянную кость вмѣстѣ съ рогами, укрѣпленными на ней. Это предназначалось для весенняго праздника роговъ, который долженъ былъ скоро наступить.

Когда олени туши были совсѣмъ готовы, Оедоръ и Мишка поспѣшно нагрузили свои нарты. Они торопились уѣхать, чтобы добраться до Ермолова, лежавшаго верстахъ въ пятидесяти, хотя бы не позже полуночи. Анюша осталась на стойбищѣ, чтобы пожить нѣсколько дней вмѣстѣ съ мужемъ.

Проводивъ русскихъ гостей, Эттыгинъ по-вчерашнему усѣлся у шатра и сталъ скоблить свои неизмѣнныя палочки. Пастухи угнали стадо въ лѣсъ. Бабы принялись за обычныя работы. Въ простотѣ моего сердца я полагалъ, что попойка окончена и что опять началась обычная трезвая трудовая жизнь.

Однако, Васька, тоже по-вчерашнему сидѣвшій на пнѣ

съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ, скоро вывелъ меня изъ этого заблужденія.

— Вотъ сегодня закрутятъ, такъ закрутятъ! — сказалъ онъ, подходя ко мнѣ. — Вчера маненько выпили, а сегодня закрутятъ ужъ по-настоящему!

— Какъ закрутятъ? — спросилъ я. — А водка гдѣ?

— Она! — отвѣтилъ Васька. — Водка куда дѣвается? У стараго чорта за пологомъ цѣлая фляга спрятана. Онъ у Петрушки взялъ за казенныхъ оленей. Сами, однако, знаете!

Дѣйствительно, мнѣ было извѣстно, что казакъ, закупавшій оленей для среднеколымской казачьей команды, заплатилъ Эттыгину за тридцать два оленя флягу спирта, но я какъ-то выпустилъ изъ виду это обстоятельство.

— Вотъ посмотрите, какъ сегодня они будутъ чертить! — продолжалъ Васька. — Старый-то дьяволъ русскую водку выдудилъ, такъ хорошо раззарился! Теперь прильнется къ флягѣ, его и лошадьми не отодрать!

На вискѣ послышался топотъ и скрипъ полозьевъ, и два огромные оленя, какъ вихрь, взлетѣли по косогору, увлекая за собой маленькую, словно игрушечную, турку, на которой сидѣлъ верхомъ, толкаясь объ снѣгъ ногами, здоровый чукча въ длинной желтой кухлянкѣ съ волчьимъ колпакомъ.

— Видишь! какъ воронъ на падалъ, такъ и явился! — замѣтилъ Васька, набивая опять трубку. — У нихъ, однако, на водку особенный нюхъ есть!

Приѣхавшій оказался двоюроднымъ братомъ Отвы, старшей жены Эттыгина. Стойбище его находилось верстахъ въ восьмидесяти, но такое разстояніе для чукчей ничего не значить. Онъ выѣхалъ утромъ и намѣревался переночевать, а на другое утро уѣхать домой.

Началась обычная вечерняя суета, происходящая всегда

по одному и тому же образцу и закончившаяся продолжительным чаепитием и обильной трапезой. Какъ только послѣдній кусокъ былъ съѣденъ, Эттыгинъ вышелъ изъ полога и скоро вернулся съ большой бутылкой, наполненной крѣпкимъ спиртомъ. Чукчи не признаютъ необходимости «сыропить» сердитую воду.

Попойка началась такъ же, какъ и вчера. Чукчи пили спиртъ чашками, какъ воду, не думая о закускѣ.

— А знаешь, зачѣмъ я пріѣхалъ? — сказалъ Кѳоульгинъ (таково было имя новаго гостя), обращаясь къ Эттыгину. — Арара приказалъ привезти ламутскую бабу!

Васька сдѣлалъ движеніе, какъ будто его упустили.

— Зачѣмъ Арарѣ ламутка? — спросилъ онъ отрывисто.

— Не Арарѣ, Якулю! — отвѣтилъ Кѳоульгинъ. — Арара голова. Большой человѣкъ на тундрѣ... Якуль ему жаловался, говоритъ: «жену мою отняли!» Нехорошо! Она вѣдь его купленная, да и попъ вѣнчалъ!

— А тебѣ какое дѣло до Якуля? — спросилъ Васька грубо.

— Якуль мой другъ! Якуль мнѣ, все равно, братъ, больше чѣмъ братъ! — живо возразилъ Кѳоульгинъ.

Васька насунился и замолчалъ. Выпивка подвигалась впередъ быстрѣе вчерашняго. Видно было, что въ водкѣ нѣтъ недостатка. Эттыгинъ приносилъ изъ тайника, скрытаго гдѣ-то за пологомъ, бутылку за бутылкой. Гости, которымъ было душно въ пологу, вылѣзли въ переднее отдѣленіе шатра и сѣли на разостланныхъ шкурахъ передъ огнищемъ, на которомъ еще тлѣло нѣсколько углей.

Сегодня въ попойкѣ принималъ большое участіе женскій элементъ, вчера пребывавшій совсѣмъ на заднемъ планѣ. Старая Отаутъ, выпивъ нѣсколько рюмокъ, скоро опьянѣла.

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери, ни мужа, ни дѣтей! — запѣла она жалобнымъ голосомъ. — Отецъ и мать

ушли, когда эти большія лиственницы были еще тонки, какъ олени ребра...

Она широкомъ жестомъ показала на лѣсъ, виднѣвшійся сквозь отверстіе полуоткрытаго шатра.

— Мужа и сыновей унесъ Великій Моръ, чтобы они были пастухами при его красныхъ оленяхъ. А я осталась одна, какъ сухое дерево среди тундры... Когда Отаутъ сидѣла одна у порога своего пустого шатра и умъ ея былъ смутенъ отъ слезъ, пришелъ съ запада лживый человѣкъ и сказалъ: «поди, Отаутъ, со мной! Я буду тебѣ сыномъ!» Лживый человѣкъ, лукавый человѣкъ любилъ не Отаутъ, а ея оленей, но безумная старуха повѣрила словамъ и покинула родные камни и могилы, и ушла на чужую западную тундру!.. Никогда, никогда не будетъ у Отаутъ сына на западной тундрѣ!..

Старуха пѣла эти жалобы протяжнымъ речитативомъ, разбивая ихъ на строфы и сопровождая каждую строфу самыми горькими рыданіями.

Подъ лживымъ человѣкомъ подразумѣвался Эттыгинъ. Старуха была родомъ съ «каменнаго» берега, но Эттыгинъ сманилъ ее съ собою на тундру, послѣ того, какъ оспа унесла ея мужа и дѣтей. Кэоульгинъ сидѣлъ рядомъ и пѣлъ дикимъ голосомъ:

— Вотъ моя тру-у-бка, тру-у-бка, тру-у-у-у-бка. А въ ней та-ба-акъ, та-ба-акъ, та-ба-акъ!

Но старуха, окончивъ свою импровизацію, совсѣмъ разрыдалась и упала къ нему на грудь, повторяя свою вѣчную жалобу на одиночество. Кэоульгинъ нѣжно обнималъ ее; отъ сочувствія къ ея слезамъ онъ и самъ прослезился, и замочилъ ей все лицо.

Отъ Кэоульгина старуха перешла къ Васкѣ и, заключивъ его въ объятія, снова стала произносить свои причитанія тѣмъ же раздирающимъ речитативомъ.

— Я одна, всегда одна! — повторяла она. — Мужъ и дѣти меня покинули! Зачѣмъ они ушли, а я осталась? Мои зубы не могутъ жевать, руки не въ силахъ мять кожу, глаза вѣчно плачутъ и не видятъ ничего! Когда падаетъ снѣгъ на мою шею, мнѣ холодно, когда солнце жжетъ мнѣ голову, мнѣ жарко!.. Зачѣмъ старымъ глазамъ смотрѣть на солнце?.. Лучше для Отаутъ попросить послѣдняго удара...

Возможно, что Эттыгинъ воспользовался бы намекомъ, заключавшимся въ этихъ словахъ, если бы не было русскихъ гостей. Старая Отаутъ уже не разъ подумывала о спасительномъ ударѣ ножа или копья, освобождающемъ отъ старческаго бремени, невыносимаго при суровыхъ условіяхъ этой жизни, но еще не могла принять опредѣленнаго рѣшенія. Но въ присутствіи русскихъ гостей словамъ старухи нельзя было дать дальнѣйшаго развитія. Эттыгинъ ограничился только тѣмъ, что въ знакъ одобренія налилъ большую чашку водки и подаль старухѣ. Эпитеты «лживый и лукавый», относящіеся къ его особѣ, повидимому, мало задѣли его. Старуха выпила и окончательно опьянѣла.

Придвинувшись къ огнищу, она наклонилась надъ тлѣвшими углями, дѣлая руками странные жесты и произнося невнятные заклинанія. Она молилась огню, чтобы онъ даровалъ ей скорое свиданіе съ ея родными. Тѣло ея склонялось все болѣе и болѣе, и она окончила бы тѣмъ, что упала бы на горячіе угли, если бы ламутка и другая баба не схватили ее за платье и не оттащили въ сторону. Видя, что она не шевелится и находится уже въ совершенно безсознательномъ состояніи, онѣ взяли ее за руки и за ноги и утащили въ ея пологъ, стоявшій рядомъ.

Оттва и другія бабы, которыхъ Эттыгинъ угощалъ все-таки очень скупо, тѣмъ не менѣе становились все возбужденнѣе и веселѣе. Развязность ихъ рѣчей и движеній замѣтно увеличивалась. Очевидно, веселье мужчинъ дѣй-

ствовало на нихъ заражающе, или же онѣ черпали вдохновеніе изъ какого-то неизвѣстнаго источника. Оттва явно была навеселѣ и, прищелкивая пальцами, кружилась на одномъ мѣстѣ, тяжело притопывая своими неуклюжими сапогами. Васька, выпившій три или четыре чашки, выглядѣлъ съ виду совершенно трезвымъ; Анюша, питавшая великое презрѣніе къ чукчиш камъ, ушла въ пологъ и легла спать.

Вдругъ Кѣоульгинъ, замѣтивъ, что ламутка не показывается обратно, всталъ съ своего мѣста и вышелъ изъ шатра. Васька вскочилъ, какъ уколотый, и послѣдовалъ за нимъ. Выпивающее общество разбрелось по угламъ. Я тоже всталъ и вышелъ вслѣдъ за Васькой. На дворѣ уже не было никого, но изъ полога старухи слышались громкіе голоса, и я вошелъ туда.

Васька и Кѣоульгинъ сидѣли другъ противъ друга и вели разговоръ, повидимому, довольно дружелюбный, но тонъ голосовъ повышался, и дѣло грозило окончиться дракой. Ламутки не было, а Отаутъ лежала навзничъ, неподвижная, какъ трупъ, крѣпко сомкнувъ глаза и широко раскрывъ свой беззубый ротъ.

Кѣоульгинъ былъ настроенъ примирительно. Васька, напротивъ, считалъ, что новый гость вторгается въ его владѣнія, и потому въ свою очередь задираетъ его.

— У меня сердце есть и мужество есть! — говорилъ Васька. — И я никого не боюсь! Никакихъ людей вашего рода я никогда не боялся!..

— И я не боюсь никого! — отвѣчалъ гость. — Ты все равно мой братъ! У насъ сердце равное!

— Сердце мое совершенно крѣпкое! — кричалъ Васька. — Нисколько я не пугаюсь! Не боялся я «кавралиновъ», а васъ и подавно! И раньше этого постоянно ѣздилъ къ вамъ и не боялся! Вашъ родъ плохой! Слабый вашъ родъ!

— Вотъ и я никого не боюсь!— кричалъ чукча. — У насъ сердце совсѣмъ одинаковое! Мы два брата!

Такіе переговоры продолжались до тѣхъ поръ, пока Кѣоульгинъ, раздраженный приставаніями, не объявилъ, что у него сердце больше.

— А, больше?.. Могу я тебѣ показать, что не больше, а меньше. — И не говоря лишняго слова, Васька полѣзъ на соперника со сжатыми кулаками. Кѣоульгинъ приготовилъ ему достойную встрѣчу, и, сцѣпившись, какъ собаки, они стали кататься и кувиркаться по пологу, рискуя совсѣмъ задавить неподвижную старуху. Пользуясь уклономъ почвы, я выждалъ удобную минуту и вытолкнулъ живой клубъ изъ полога наружу.

Очутившись въ переднемъ шатрѣ, они выбѣжали вонъ, ища болѣе удобной арены. Я поспѣшно послѣдовалъ за ними.

Противники уже стояли другъ противъ друга въ боевой позиціи.

— Я за ламутскую бабу заплатилъ!— кричалъ Васька. — Полъ-лахтака! Фунтъ табаку! Кирпичъ чаю! Я ее купилъ! Она все равно моя жена! Ты зачѣмъ къ ней лѣзешь? Пока я тутъ живу, ни одинъ чукча не отниметъ ее!

— Я силенъ, я отниму!— кричалъ чукча. — Ты казакъ, ѣздишь на собакахъ, умъ у тебя все равно, какъ у собаки! Собака! Собака! На! На! На!

— Ты хочешь драки? — кричалъ Васька. — Хочешь драки? Давай! Я могу!

Противники сняли кулашки и, швырнувъ ихъ въ сторону, кинулись другъ на друга. Я сдѣлалъ попытку растащить ихъ.

— Не мѣшай, баринъ!— сердито крикнулъ Васька.

Онъ перервалъ пополамъ свою ветхую рубаху, чтобы урвануться съ чукчей, и бросилъ обрывки на снѣгъ.

Противники опять стали другъ противъ друга. Видъ ихъ былъ ужасенъ. Нижняя часть тѣла, одѣтая въ толстую мохнатую одежду, какъ-то нелѣпо отгнѣяла верхнюю, совершенно обнаженную и несоразмѣрно тонкую. Рябое и безобразное лицо Васьки совершенно исказилось отъ ярости, на углахъ рта выступила пѣна. Его худое и корявое тѣло, повидимому, зябло на морозѣ, и онъ каждый разъ передергивалъ плечами, бессознательно стараясь укрыть то треугольное мѣстечко между лопатками, которое у обнаженнаго человѣка зябнетъ больше всего. Короткіе усы Кэоульгина ошетинились, какъ у дота. Его большая голова моталась во всѣ стороны, зубы свѣтились, какъ у волка.

Онъ, повидимому, совершенно не ощущалъ холода и бѣгалъ, какъ безумный, вокругъ противника, осыпая его бранью и восхваляя свое мужество.

Наконецъ, они снова бросились другъ на друга и стали бороться. Топая ногами по снѣгу, они то толклись на одномъ мѣстѣ, то передвигались впередъ или кидались въ сторону, сисясь пригнуть противника къ землѣ. По временамъ одинъ схватывалъ другого за кожу и, собравъ ее въ рукѣ, какъ будто это была одежда, старался приподнять противника вверхъ. Васька, очевидно, былъ сильнѣе Кэоульгина и скоро подмялъ его подъ себя; но чукча, ловкій, какъ кошка, мгновенно высвободился, и, сцѣпившись клубомъ, враги стали кувиркаться по сугробамъ, перекатываясь другъ черезъ друга и обминая своими обнаженными плечами каждое мягкое мѣстечко на снѣгу. Черезъ минуту они уже опять стояли на старомъ мѣстѣ, другъ противъ друга, въ боевой позиціи.

Я видѣлъ, что дѣло не окончится для Васьки добромъ. Плечи его судорожно подергивались, шаровары были набиты снѣгомъ, затискавшимся за поясъ.

— Надо ихъ разнять! — сказалъ я Пуккалю и Ренаурину, которые стояли рядомъ со мной, съ наслажденіемъ любуясь единоборствомъ. «Эгей!» — дружжелюбно сказали пастухи. Неожиданное зрѣлище привело ихъ въ превосходнѣйшее расположеніе духа. Они осторожно зашли сзади Кѳоульгина и, схвативъ его внезапно за руки, потащили къ шатру Эура, стоявшему поодаль. Васька, по видимому, былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Молча надѣвъ свою кукашку, онъ опять полѣзъ въ пологъ старухи, куда, мимоходомъ сказать, недавно пролѣзла и ламутка. Она помогала старухѣ исполнять тяжелыя обязанности женскаго хозяйства, и пологъ Отаутъ былъ ея жилищемъ.

Пастухи дотащили Кѳоульгина до входа въ шатеръ, но онъ выразилъ рѣшительное нежеланіе войти туда и принялся даже кусаться и лягаться ногами. Они были принуждены оставить его снаружи и сами остались вмѣстѣ съ нимъ. Кѳоульгинъ стоялъ, широко разставивъ ноги и опираясь плечами на людей, державшихъ его за руки. Оставшись на свѣжемъ воздухѣ, онъ успокоился и больше не пытался вырваться, остатокъ-же своей ярости изливалъ въ цѣломъ потокѣ вызововъ и бранныхъ словъ. Я стоялъ неподалеку и смотрѣлъ на его нелѣпую полуобнаженную фигуру. Его неуклюжее тѣло напоминало уродливыя формы деревянныхъ божковъ, вырѣзываемыхъ эскимосскими или негритянскими художниками. Холода онъ, очевидно, вовсе не ощущалъ, и ему въ голову не пришло потребовать свою одежду, лежавшую на снѣгу. Наскучивъ вызывать отсутствующаго врага, онъ сталъ обращаться ко мнѣ:

— Ты все равно русскій! — кричалъ онъ. — Давай, по мѣряемъ силу! — Если ты мужчина и у тебя не бабье сердце, давай попробуемъ, кто изъ насъ лучше!.. Ты писарь! Ты вѣчно пишешь! Я пишу лучше тебя! — кричалъ

онъ, думая уязвить меня въ самое чувствительное мѣсто моего самолюбія. — Давай вмѣстѣ станемъ писать письмо на этомъ снѣгу!

Я уступилъ Кѳоульгину поле сраженія и направился въ пологъ Эттыгина. Мнѣ было холодно, несмотря на двойную мѣховую одежду. Въ пологѣ были Эттыгинъ и его двѣ жены, Пуккаль и Ранаургинъ. Анюша спала въ углу сномъ праведницы. Эттыгинъ былъ сильно пьянъ и съ противнымъ смѣхомъ говорилъ самыя откровенныя сальности, слишкомъ рискованныя даже для чукотскаго обихода.

Но бабы были въ восторгѣ и шумно хохотали. Оттва, въ порывѣ неудержимаго веселья, прищелкнула пальцами и, выдернувъ изъ-за пазухи черную бутылку, наполненную до краевъ, потрясла ею надъ головой, подмигивая Эттыгину. Она, очевидно, рассчитывала, что смѣлость ей сойдетъ благополучно, ибо ея повелитель находится въ слишкомъ игривомъ настроеніи, чтобы сердиться на что-бы то ни было. Но ея расчетъ не оправдался.

— Зачѣмъ женщины смѣются, когда я говорю? — неистово завопилъ Эттыгинъ.

Его охватилъ припадокъ неудержимой ярости, присущей каждому чукчѣ въ пьяномъ состояніи.

— Зачѣмъ женщины говорятъ такъ много словъ, когда мы вдвоемъ разговариваемъ?.. Зачѣмъ женщины пьютъ водку?.. Оленій Богъ не велѣлъ, чтобы женщины пили водку! Отчего онѣ пьяны?.. Будьте прокляты!

И, недолго думая, онъ схватилъ сковородку, наполненную растопленнымъ жиромъ, пылавшимъ большимъ и яркимъ пламенемъ, и бросилъ ее въ голову Оттвѣ, вмѣстѣ съ деревянной подставкой. Въ пологѣ воцарилась тьма, а во тьмѣ началась борьба. Я слышалъ пыхтѣніе борящихся, переворачиваніе тѣлъ, сплетенныхъ вмѣстѣ, глухіе удары

кулаковъ, ругательства и женскій визгъ. Подобравъ кое-какъ лейку, я поспѣшно выскочилъ изъ полога и зажегъ ее отъ угольевъ на огнищѣ, еще тлѣвшихъ подъ пепломъ. Вернувшись въ пологъ, я увидѣлъ, что маленькій Эттыгинъ сидитъ верхомъ на своей огромной женѣ и колотитъ ее кулаками по обнаженной спинѣ.

— Откуда у тебя бутылка? — кричалъ онъ въ изступленіи. — Ты украла у меня бутылку водки! — и онъ старался вырвать у нея спорную посудину. Ранаургинъ и Пуккаль помогали ему, но не очень усердно. Они, пожалуй, предпочли бы полюбовно распить эту бутылку вмѣстѣ съ ея владѣтельницей. Оттва не защищалась, но упорно отстаивала свою драгоценность, запихнувъ ее въ сокровенныя глубины своихъ косматыхъ шароваръ и какъ будто даже обвившись вокругъ нея своимъ долгимъ тѣломъ.

Видя, что съ ней ничего нельзя подѣлать, разсвирѣпѣвшій старикъ схватилъ посохъ, валявшійся на шкурахъ около лейки. Оттва только крѣпче стиснула зубы и зарылась въ широкій воротъ кэркэра.

Видя, что дѣло грозитъ зайти слишкомъ далеко, я счелъ необходимымъ вмѣшаться и, въ свою очередь, сталъ кричать на Эттыгина, требуя, чтобы онъ немедленно оставилъ въ покоѣ бабу.

— Я только хотѣлъ отнять у нея бутылку, — сказалъ старикъ. — Зачѣмъ женщинамъ пить краденую водку? — Однако, онъ послушался и выпустилъ Оттву. Она забилась въ уголь, какъ избитая собака, и горько плакала, сжимая завѣтную бутылку въ глубинѣ своихъ одеждъ.

— Развѣ я ребенокъ, что ты меня бьешь? — говорила она. Она была горда своимъ положеніемъ старшей жены, народившей мужу столько здоровыхъ дѣтей, и не ожидала съ его стороны такой жестокости.

Анюша проснулась отъ шума и сонно протираала глаза.

— А гдѣ твой Васька? — спросилъ я не безъ задней мысли.

— Гдѣ будетъ? — отвѣтила она просто. — У ламутки однако!

— Да развѣ тебѣ ничего, — спросилъ я съ удивленіемъ, — что онъ къ другимъ ходитъ?

— И, баринъ! — сказала баба. — Походитъ, походитъ, такой же назадъ вернется! Ихъ Кауровыми не сдѣлаешь и моего отъ меня не отнимешь. Я, какъ была Каурова, такъ и останусь Каурова! Потому я вѣнчанная!

Передъ такой широкой терпимостью оставалось только развести руками.

Молодые бабы принесли сковороду, наполненную кусками варенаго мяса. Чуқчи, торопившіеся при вечерней ѣдѣ, не успѣли хорошенько поѣсть и теперь опять проголодались. Эттыгинъ заискивающе посмотрѣлъ на меня.

— Ты не пилъ съ нами! — сказалъ онъ. — Съѣшь хоть кусокъ изъ моихъ рукъ!

И отломивъ отъ запаса, лежавшаго на сковородкѣ лейки, кусокъ грязнаго сала, къ тому же совершенно обвалянный оленьей шерстью, онъ прибавилъ къ нему кусочекъ мяса, смялъ все это въ комокъ въ своей ужасной рукѣ и сдѣлалъ попытку втиснуть его въ мой ротъ. Я чуть не схватилъ его за горло.

Самый видъ этой черной лапы, съ затиснутымъ въ ней угощеніемъ, вызывалъ во мнѣ рвоту. Эттыгинъ, видя мое сопротивленіе, бросилъ на меня удивленный взглядъ, потомъ широко улыбнулся, сунулъ комокъ въ свой собственный ротъ, пожевалъ, проглотилъ и почмокалъ губами, чтобы показать, какъ это вкусно. Оттва, не переставая плакать, вытянула руку и, схвативъ со сковородки огромную кость, принялась грызть ее; какъ волчица, дѣйствуя и зубами, и ножомъ. Но слезы мѣшали ей ѣсть. Отрѣзавъ

одинъ или два куска, она провела ножомъ у себя подъ носомъ и продолжала рѣзать мясо, даже не обтеревъ запачканнаго клинка... Я положилъ кусокъ, который держалъ въ рукѣ. Меня тошнило.

Тотчасъ же послѣ ужина попойка возобновилась. На этотъ разъ угощаль Пуккаль, который купилъ у Эттыгина двѣ бутылки за пару «чемодановъ» и выставилъ ихъ обществу. Пирующие опять покинули пологъ Эттыгина и ушли въ шатеръ Эура, гдѣ Пуккаль игралъ роль второго хозяина.

На дворѣ снова раздались крики. То были недавніе противники, встрѣтившіеся у входа въ шатеръ.

— Собака, собака, собака! — кричалъ чукча попрежнему.

— А ты волкъ, волкъ! Не взять тебѣ ламутки! Чего пристаешь по-волчьи? Не взять тебѣ ламутки! Я за нее выкупъ далъ!

— Собака, собака, собака! — повторялъ чукча еще ожесточеннѣе.

— А ты волкъ, волкъ!.. Ты волкъ, а я медвѣдь! Не боюсь никого! На своемъ владѣніи я, какъ медвѣдь, противъ всѣхъ чукчей!

Мнѣ надоѣло слушать эту перебранку, и я вернулся въ шатеръ Эттыгина. Нѣсколько бабъ суетились въ переднемъ отдѣленіи, занимаясь совершенно необычнымъ дѣломъ. Онѣ, очевидно, выпили уже бутылку Оттвы и хотѣли еще достать водки.

Долгая Оттва возилась, какъ домовою, въ черномъ и глубокомъ углу, сзади полога. Тытынна стояла на стражѣ, а вторая жена Эттыгина свѣтила Оттвѣ огромной головней, принесенной отъ костра, на которомъ недавно варили пищу, и рассыпавшей вокругъ искры.

Мое появленіе произвело было тревогу, но, узнавъ мое

лицо, бабы успокоились. Оттва подняла голову и издали привѣтливо кивнула мнѣ. Она не забыла моего недавняго заступничества. Потомъ она опять принялась за прерванное занятіе. Вытащивъ флягу изъ-подъ какихъ-то саней, она высвободила туго замкнутую пробку при помощи ногтей и зубовъ и, сильными руками приподнявъ грузный сосудъ, налила спирту въ подставленный котелокъ, еще хранившій на стѣнкахъ слѣды «моняльной» каши. Ламутка, изъ-за которой на дворѣ происходила борьба, была тоже здѣсь. При невѣрномъ свѣтѣ головни я увидѣлъ, какъ блестятъ ея глаза, издали слѣдившіе за каждымъ движеніемъ Оттвы.

Мужчины съ криками и шумомъ ходили изъ шатра въ шатерь. Эттыгинъ упалъ на дворѣ, обѣ жены дружно потащили его за ноги къ его положу. Онъ валялся по снѣгу и кричалъ:

— Когда я былъ молодъ, у меня было четыре жены, и мнѣ было хорошо! Теперь у меня двѣ жены, и мнѣ тоже хорошо!

Бабы шумно смѣялись и душили его поцѣлуями.

Маленькій сынъ Оттвы, котораго она впопыхахъ забыла накормить, съ ревомъ бродилъ по стойбищу. Онъ хотѣлъ ѣсть и спать. Но въ однихъ пологихъ было темно, другіе были набиты пьяными, которыхъ крики его пугали. Не находя удобнаго приюта, онъ растянулся прямо на снѣгу, опираясь головой о дерево и, спрятавъ поглубже голову въ большой мѣховой капюшонъ своей одежды, заснулъ подъ открытымъ небомъ. Васька и Кѣоульгинъ давно уже обнимались и угощали другъ друга водкой изъ Пуккалевой бутылки. Кѣоульгинъ называлъ Ваську своимъ братомъ и брачнымъ товарищемъ, вѣроятно имѣя въ виду именно ламутку. Онъ даже спрашивалъ, не ссорятся ли люди на дворѣ. Ему казалось, будто онъ недавно слышалъ

чьи-то крики и будто кто-то хотѣлъ обидѣть его брата. Но онъ заступится!

— Пускай, пускай, — кричалъ чукча, ударяя правымъ кулакомъ по лѣвой ладони. — Пускай! Горло перерву! — и онъ выразительно щелкалъ своими волчьими челюстями.

Въ шатрѣ Эттыгина, напротивъ, происходила ожесточенная борьба между Оттвой и ея дочерью. Дѣло шло опять о бутылкѣ водки, которую Оттва припрятала себѣ на утреннее похмѣлье, а Тытынна подсмотрѣла и вытащила, собираясь угоститься, какъ слѣдуетъ. Оттва поймала ее на мѣстѣ преступленія и теперь хотѣла отвоевать свою собственность. Старая чукчанка оказалась гораздо болѣе жестокой, чѣмъ колотившіе ее недавно мужчины. Она съ неописанной яростью таскала дочь за волосы и топтала ее ногами. Тытынна не сопротивлялась, но такъ же отчаянно сжимала добычу въ глубинѣ своихъ одеждъ.

— Я тоже хочу пить! — хрипѣла она, стараясь укрыть голову отъ сыпавшихся ударовъ. — Ты мнѣ ничего не давала!

Было уже за полночь. Я вошелъ въ пологъ, зажегъ свѣчу и сталъ устраиваться на ночлегъ, предоставивъ чукчамъ окончить пиръ безъ моего присутствія.

Кѣоульгинъ уѣхалъ рано утромъ, когда я еще спалъ, и увезъ съ собой Авдотью; Васька, по словамъ Эттыгина, очень дружелюбно попрощался съ обоими. Впрочемъ, Кѣоульгинъ общался, что уговорить Якуля заплатить Васькѣ на Анюйской ярмаркѣ покупную цѣну ламутки.

Черезъ два дня мы перешли Колыму и откочевали на тундру. Васька съ Анюшей жили какъ примѣрные супруги, и о второй женѣ, купленной за полъ-лахтака и т. д., не говорилось ни слова. Но чукчи долго съ наслажденіемъ вспоминали подробности попойки. Эттыгинъ припряталъ

остатокъ спирту и крѣпился, намѣреваясь выгодно сбыть его на ярмаркѣ, гдѣ у «чаунскихъ» или «носовыхъ» пришлецовъ можно взять по лисицѣ за «разсыропленную» бутылку. Пастухи все время проводили въ стадѣ, ибо олени стали безпокойнѣе. Приближалось время вожденія телятъ, когда для чукотскихъ пастуховъ начинается страда, продолжающаяся всю весну и все лѣто, до тѣхъ поръ, пока воды снова покроются льдомъ, и земля одѣнется толстымъ слоемъ снѣга.

На рѣкѣ Россомашьей.

Уже третью недѣлю я проживалъ на верховьяхъ рѣки Россомашей у восточной границы чукотскихъ стойбищъ, протянувшихся длинной лентой вдоль сѣвернаго края прианюйскихъ лѣсовъ на разстояніи около шестисотъ верстъ къ востоку отъ Колымы.

Я только что окончилъ перепись анюйскихъ чукчей, довольно трудную задачу, для исполненія которой мнѣ пришлось истратить немало времени и терпѣнія, и теперь, объѣхавъ долгій рядъ стойбищъ отъ Колымы до верховьевъ Сухого Анюя, оставался на одномъ мѣстѣ, ожидая прихода послѣднихъ каравановъ съ Чукотскаго носа, направлявшихся къ Анюю для обычной весенней торговли.

Бхать дальше на востокъ было невозможно.

Чаунскіе жители, ближайшія стойбища которыхъ обыкновенно отстоятъ не болѣе, какъ на три дневныхъ перехода отъ границы анюйскихъ поселеній, въ настоящую зиму удалились далеко вглубь пустыни, «убѣгая отъ злого духа болѣзни», по образному выраженію чукчей. Болѣзнь эта была однимъ изъ обычныхъ на полярномъ сѣверо-востоцѣ простудныхъ повѣтрій, которое минувшимъ лѣтомъ прокатилось по р. Колымѣ и теперь медленно распространялось къ востоку, переходя отъ жительства къ жительству и съ одного горнаго перевала на другой, постепенно покидая старые

районы, для того чтобы захватить новые. Изъ среды чукчей она успѣла выхватить уже не одинъ десятокъ жертвъ.

Поэтому чаунскіе чукчи, не дожидаясь ея прихода, поторопились уйти какъ можно дальше и очистили весь лѣвый берегъ рѣки Чауна, чтобы отдѣлать себя отъ заразы широкой полосой необитаемаго пространства.

По словамъ торговцевъ-«кавралиновъ»¹⁾, недавно проходившихъ черезъ ту землю, самое переднее стойбище отстояло отъ рѣки Россомашей на десять дневныхъ переходовъ по безлюдной безжизненной пустынѣ, лишенной растительности и топлива и ничѣмъ не защищенной отъ свирѣпаго сѣвернаго вѣтра, который прилетаетъ съ моря.

За Чауномъ, впрочемъ, начинался другой округъ—Анадырскій или, если угодно, «независимая чукотская земля», по выраженію древнихъ актовъ, во всякомъ случаѣ такая территория, которая къ Колымскому округу не принадлежала и не могла подлежать переписной дѣятельности колымскихъ счетчиковъ.

Поэтому я пересталъ думать о дальнѣйшемъ путешествіи на востокъ, но и возвращаться вспять не особенно торопился. До ярмарки на Островномъ, куда я долженъ былъ пріѣхать для переписи ламутовъ, оставалось еще болѣе мѣсяца, а окружавшіе меня люди и условія жизни были исполнены такого своеобразнаго интереса, какой не всегда можно найти на самыхъ многочисленныхъ стойбищахъ бродячихъ народовъ Колымы,

То были старинныя чукотскія жительствова, занятія ими около двухъ вѣковъ. Населеніе здѣсь было замѣтно гуще, чѣмъ на западѣ у береговъ Колымы, гдѣ чукчи были недавними пришельцами. Жители р. Россомашей, пріѣзжая въ гости на приколымскія стойбища, съ гордостью рассказывали,

¹⁾ Кавралины—приморскіе странствующие торговцы.

что на ихъ родной землѣ «люди многочисленнѣе комаровъ» и «съ одного стойбища можно различить дымъ другого». И дѣйствительно, черезъ каждыя пять или десять верстъ можно было увидѣть въ глубинѣ ущелья или на склонѣ сопки не дымъ, а густой бѣлый туманъ, стелющийся надъ чернымъ лѣсомъ, какъ низкое облако, въ знакъ свидѣтельства о многочисленномъ оленьемъ стадѣ, рассыпавшемся внизу по моховищу.

Кромѣ того, въ настоящее время между коренными жителями по обѣ стороны Россомашьей были рассыпаны десятка полтора стойбищъ приморскихъ кавралиновъ. Не обращая особаго вниманія на заразу, которая какъ-то шадила этихъ пришельцевъ, они вели бойкую торговлю съ оленеводами, собирая олени шкуры для перепродажи приморскимъ сидячимъ чукчамъ и заморскимъ эскимосамъ и отдавая взаменъ тюленьи шкуры, кожи моржей и лахтаковъ, свитки ремней, узкія полоски китовыхъ костей, употребляемая весной вмѣсто подрѣзовъ на полозьяхъ, и т. п. приморскія произведенія. Пришельцевъ съ Чауна было мало, несмотря на близость анойской ярмарки. Чаунщики предпочли остаться безъ чаю и табаку, чѣмъ подвергнуться опасности.

Кромѣ торговыхъ сношеній, пришельцы съ восточнаго моря были соединены съ коренными жителями множествомъ разнообразныхъ связей; большая часть изъ нихъ имѣла на оленней землѣ друзей и родственниковъ, которые много лѣтъ тому назадъ промѣняли голодную жизнь приморскаго охотника на болѣе обезпеченное существованіе оленнаго пастуха.

Иные изъ этихъ переселенцевъ успѣли расплодить многочисленныя стада и считали своей обязанностью оказывать помощь и поддержку каждому пришельцу изъ далекой родины. Многія жены и хозяйки исконныхъ оленныхъ владѣльцевъ тоже были родомъ изъ приморскідь поселковъ.

Оленные люди охотно выбирали невѣсть между кавралинками, ибо онѣ считались бойчѣе и неутомимѣе на всякую работу. Съ другой стороны, не одна молодая дѣвушка изъ уединеннаго стойбища среди анюйскихъ горъ, прельщенная удалю и чудесными разказами одного изъ вѣчныхъ «бродягъ», покинула свою родную землю, чтобы сдѣлаться полуголодной спутницей «бѣломорскаго истребителя моржей» 1).

Кавралины, имѣвшіе родственниковъ оленеводовъ, обыкновенно приходили прямо къ нимъ на стойбище, все время получали отъ нихъ пищу и, возвращаясь на родину, увозили съ собой щедрые дары въ видѣ запаса шкуръ и живыхъ оленей, которые у восточнаго моря цѣнятся гораздо дороже, чѣмъ въ глубинѣ моховыхъ пастбищъ. Отъ нихъ же они получали поддержку во время столкновеній съ другими жителями оленной земли.

А такихъ столкновеній было немало. Обитатели пустыни, привыкшіе вести совершенно разрозненную жизнь, отличаются неуступчивостью нрава; при каждомъ общественномъ собраніи сколько-нибудь разнообразныхъ элементовъ это выражается множествомъ споровъ и ссоръ, которые большею частью тутъ же забываются, но нерѣдко обостряются, приводятъ къ кровавому столкновенію и потомъ затягиваются на многіе годы, замирая на неопредѣленные промежутки времени, но вспыхивая съ новой силой при каждой случайной встрѣчѣ.

Зато приходъ торговыхъ гостей послужилъ естественнымъ поводомъ для цѣлаго ряда общественныхъ увеселеній. Чукчи страстно любятъ всевозможныя состязанія, требующія физической силы и ловкости, и пользуются каждымъ

1) Чукчи въ древнихъ сказкахъ называются жителями Бѣлаго моря, дѣтьми бѣломорской жены. Приморскіе чукчи, въ частности, называются моржеѣдами, истребителями моржей.

удобнымъ случаемъ для ихъ устройства. Черезъ каждыя три или четыре дня на различныхъ стойбищахъ околотка устраи-вались гонки на оленяхъ съ безконечнымъ разнообразіемъ призовыхъ ставокъ отъ куска облѣзлой вольчей шкуры до дорогого бобра. Эти гонки разнообразились пѣшимъ бѣгомъ, борьбою, прыганьемъ черезъ барьеръ, скачками на лахтакѣ¹⁾ и т. п. и перемежались жертвоприношеніями, куда собирались ближніе и дальніе шаманы, чтобы состязаться во вдохновеніи. Чукчи усиленно веселились и старались запастись весельемъ на цѣлый годъ вплоть до будущей весны.

Я переѣзжалъ со стойбища на стойбище, отдаваясь интересу этой своеобразной жизни. Въ одномъ мѣстѣ наблюдалъ, какъ чукотки длинными ножами разрѣзываютъ трупъ, чтобы, обнаживъ сердце, собственными глазами изслѣдовать причину смерти, въ другомъ слушалъ хитросплетенія сказанія «временъ сотворенія міра и еще раньше того», а въ третьемъ старался укрѣпить свой слухъ предъ оглушительнымъ трескомъ бубна во время торжественнаго служенія богамъ. Чукчи успѣли привыкнуть къ моимъ разспросамъ и не оказывали мнѣ недовѣрія. Труднѣе всего было прокормить двѣ собачьи упряжки, цѣлую прожорливую стаю изъ двадцати пяти здоровенныхъ псовъ, для пропитанія которой требовалось ежедневное закалываніе двухъ оленей. Мои покупательныя средства состояли изъ нѣсколькихъ десятковъ кирпичей чаю и такого же количества пачекъ листового табаку, а дорожные запасы ограничивались двумя мѣшками ржаныхъ сухарей и связкой сушеной рыбы. Но въ глазахъ чукчей и эти скромные продукты имѣли несравненную цѣнность, и они охотно убивали двухгодовалого оленя за половину чай-

¹⁾ Скачки на лахтакѣ состоятъ въ томъ, что нѣсколько человекъ берутъ за концы широкую лахтачную или моржевую кожу и подбрасываютъ на ней человекъ, какъ можно выше. Подбрасываемый долженъ, падая на шкуру, становиться на ноги.

наго кирпича съ придачей двухъ листовъ табаку. Окаменѣлые сухари казались имъ лакомствомъ, въ обмѣнъ за которое они оказывали посильное гостепріимство мнѣ и моимъ тремъ спутникамъ.

Одинъ изъ эпизодовъ этого весенняго веселья полярной пустыни я постараюсь описать на нижеслѣдующихъ страницахъ.

I.

Стойбище Акомлюки раскинулось на правомъ берегу р. Россомашей по большому ровному полю, которое разливы рѣки успѣли отвоевать у линіи хребтовъ и обратить въ заливной лугъ. Вездѣ кругомъ были горы. Двѣ волнистыя гряды невысокихъ, но довольно обрывистыхъ вершинъ тянулись вдоль обоихъ береговъ, часто подходя къ самой водѣ и запирая рѣку въ узкія стремнины, спадавшія, во время весенняго разлива быстрыми и бурливыми шиверами ¹⁾. Подальше, въ сторонѣ отъ рѣки, повсюду поднимались сопки, кругляя, правильно обточенныя, поросшія по склонамъ жидкимъ лѣскомъ съ коническими бѣлыми вершинами, похожія на кучу приземистыхъ сахарныхъ головъ, въ безпорядкѣ высыпанныхъ изъ какаго-то исполинскаго мѣшка. Горы повсюду заслоняли горизонтъ, оставляя открытымъ для взора только небольшой промежутокъ между противоположными склонами. Впрочемъ, на югѣ, по направленію рѣчной долины, онѣ нѣсколько расходились и открывали болѣе широкій видъ, составлявшій какъ бы брешь въ общей круговой каймѣ и замыкавшійся узкой поперечною полоской, чуть синѣвшей вдаль. То былъ зарѣчный берегъ р. Сухого Анюя, принимавшаго воды р. Россомашей почти подъ прямымъ угломъ.

¹⁾ Перекатъ горной рѣки съ мелкимъ, но быстрымъ теченіемъ.

Тѣмъ не менѣ для большого чукотскаго стойбища осталось довольно мѣста. Обширный лугъ, въ настоящее время покрытый толстымъ слоемъ снѣга, былъ гладко утопанъ ногами людей и безчисленными копытами оленей, которыхъ то и дѣло прогоняли взадъ и впередъ мимо стойбища. Шестъ огромныхъ шатровъ, обращенныхъ, по обычаю, устьями къ востоку, вытянулись въ длинную линію, заполненную въ промежуткахъ группами кладовыхъ саней, грузными связками оленьихъ шкуръ и всякой рухлядью, составляющей необходимую принадлежность кочевой жизни. На верхнемъ концѣ стойбища возились бабы, устанавливая деревянный остовъ седьмого шатра, оболочка котораго лежала на землѣ въ видѣ трехъ огромныхъ мѣховыхъ грудъ. Мѣсто это по праву принадлежало Этынъкэу, старшему въ родѣ по общему родословному счету семьи Кэргинто, и не могло быть занято никѣмъ другимъ. Этынъкэу съ мѣсяцъ тому назадъ отдѣлился отъ большого стойбища и отправился съ походнымъ шатромъ и небольшимъ стадомъ верстъ за 400 на югъ къ берегамъ р. Большого Анюя для рубки березы, изъ которой выдѣлываются полозья, затѣйливыя рѣшетки и переплеты ѣздовыхъ нартъ,—и возвратился только теперь. Экспедиція его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и онъ успѣлъ заготовить около тридцати связокъ березовыхъ жердей, представлявшихъ матеріаль для такого же количества нартъ, каждая стоимостью по два оленя. Въ благодарность за такіе блестящіе результаты онъ собирался устроить большой бѣгъ и жертвоприношеніе богамъ и на обратномъ пути отъ Большого Анюя, приближаясь къ своему стойбищу, разослалъ всѣмъ сосѣдямъ оповѣщеніе собираться на завтра. Въ качествѣ приза Этынъкэу собирался поставить полный приборъ березовыхъ частей бѣговой нарты. Кромѣ того, я обѣщалъ хозяевамъ поставить послѣдовательно нѣсколько небольшихъ призовъ для пѣшаго бѣга, борьбы и прыганья. Берега рѣки

Россомашей представляли крайній предѣлъ моей поѣздки, и, согласно чукотскимъ воззрѣніямъ, я тоже долженъ былъ выступить устройтеlemъ бѣга, чтобы обезпечить себѣ покровительство «внѣшнихъ силъ» для благополучнаго возвращенія на родину. Такимъ образомъ, увеселенія обѣщали принять универсальный характеръ, и всѣ молодые люди на сто верстъ въ окружности уже десять дней говорили только нихъ, заранѣе волнуясь и обсуждая шансы того или другого изъ будущихъ соперниковъ.

Этынькэу пріѣхалъ не болѣе часа тому назадъ, покинувъ жену и обозъ на послѣднемъ ночлегѣ верстахъ въ десяти пониже, и тотчасъ же заставилъ женщинъ на стойбищѣ, по большей части все своихъ племянницъ и невѣстокъ, поставить на переднемъ планѣ его большой бычачевидный ¹⁾ шатеръ, снятый на время его отсутствія. На нижнемъ концѣ стойбища воздвигалось еще цѣлыхъ три шатра. Тамъ тоже суетились женщины, устанавливая на снѣгу длинные шести, опертые другъ на друга, и цѣлую систему жердочекъ, связанныхъ ремешками. То были гости, съѣхавшіеся для участія въ завтрашнемъ праздникѣ и для большаго удобства захватившіе съ собой и жилища.

Все ближайшее пространство передъ шатрами было наполнено группами стоявшихъ и сидѣвшихъ людей. Кромѣ довольно многочисленныхъ хозяевъ тутъ были кавралины съ близъ лежащаго стойбище, отстоящаго не болѣе какъ на версту, и чаунскіе гости, стойбища которыхъ находились еще ближе, по ту сторону р. Россомашей. Молодые и старые ѣздоки на оленяхъ съѣхались со всѣхъ окружающихъ стойбищъ. Одни усѣлись на нартахъ и на грудяхъ шкуръ, другіе развалились на снѣгу такъ непринужденно, какъ будто

¹⁾ Бычачевидный шатеръ—выдающійся величиной среди другихъ шатровъ, подобно тому какъ олений быкъ выдается среди стада.

это были теплыя полати только-что вытопленной избы, и, не обращая вниманія на морозъ, обсуждали порядокъ и устройство завтрашнихъ увеселеній. А морозъ выдался не на шутку. Февральское солнце, цѣлый день заливавшее снѣгъ ослѣпительнымъ блескомъ, быстро катилось подъ гору, такъ быстро, что, казалось, его движеніе можно уловить глазами. Въ глубинѣ рѣчной долины надъ самымъ горизонтомъ поднимался легкій туманъ, заслоняя чуть замѣтную полоску анойскихъ горъ.

Бѣзовые олени гостей, привязанные къ рѣдкимъ деревьямъ стойбища, отказывались раскапывать копытами слежавшійся снѣгъ и стояли, неподвижно понутивъ головы и слегка подрагивая всѣмъ тѣломъ отъ холода. Маленькіе, тощіе щенки, выращиваемые чукчами на закланіе во время жертвоприношеній, набились къ огнищу и смѣло лѣзли въ костеръ, чтобы спастись отъ мороза. Даже большія мохнатые сабаки моихъ упряжекъ, привязанныя сзади шатровъ и обставленные со всѣхъ сторонъ санями, чтобы какой-нибудь глупый теленокъ не могъ подойти слишкомъ близко къ ихъ сокрушительнымъ зубамъ, свернулись въ клубокъ, тщательно подобравъ подъ себя лапы, уткнувъ носъ въ брюхо и покрывъ голову пушистымъ хвостомъ.

Чукчей спасали отъ холода теплыя кукашки, сшитыя изъ самаго пышнаго густошерстнаго пыжика, лоснивагося какъ бархатъ и отливаваго красивымъ коричневымъ цвѣтомъ.

Кто былъ почувствительнѣе къ холоду, стягивалъ голову въ глубину широкаго ворота, опушеннаго полосой собачьяго или волчьяго мѣха, и, выпроставъ руки внутрь, складывалъ ихъ на груди, напоминая огромную черепаху и согрѣваясь своимъ собственнымъ тепломъ.

Спутники мои, пріѣхавшіе со мной изъ русскихъ поселеній на Колымѣ, одѣтые въ старыя вытертыя парки, давно отслужившія свой вѣкъ, не раздѣляли равнодушія чукчей

къ вечернему холоду. Долговязый Митрофанъ проявлялъ необычную дѣятельность. Его крѣпкая фигура то и дѣло мелькала взадъ и впередъ съ огромными деревьями на плечѣ, каждое изъ которыхъ могло удовлетворить дневное потребление всѣхъ огнищъ стойбища. Впрочемъ, кромѣ желанія согрѣться, онъ имѣлъ въ виду еще заслужить одобрение дѣвокъ, которыя при каждомъ принесенномъ деревѣ всплескивали руками и громко удивлялись его величинѣ и тяжести.

Маленькій тощій Селивановъ съ злымъ лицомъ, украшеннымъ остроконечной бородкой, надвинувъ поглубже на голову ветхій капюшонъ своей ровдужной камлеи ¹⁾, ожесточенно рубилъ на части принесенныя Митрофаномъ деревья, съ шумомъ перебрасывая полѣнья на довольно далекое разстояніе къ грудѣ дровъ, расползавшейся во всѣ стороны у одного изъ шатровъ. Только старый Айганватъ, натянувъ на себя нѣсколько самыхъ разнообразныхъ одеждъ, неподвижно улегся на нартѣ и не хотѣлъ принимать участія ни въ бесѣдахъ, ни въ работѣ. Уже второй годъ онъ служилъ мнѣ не столько переводчикомъ, сколько истолкователемъ непонятныхъ мнѣ явленій, обычаевъ и поступковъ и, несмотря на свою чисто-чукотскую кровь, считалъ себя въ правѣ съ презрѣніемъ смотрѣть на своихъ соплеменниковъ, ихъ жизнь и увеселенія.

Я ходилъ взадъ и впередъ по стойбищу, останавливаясь тамъ, гдѣ разговоръ казался мнѣ интереснѣе. Одежда моя была совершенно достаточна для защиты отъ холода, но послѣ длиннаго дня, проведеннаго на морозѣ, неопредѣленное ощущеніе озноба понемногу забиралось подъ мѣхъ и какъ-то само собою возникало въ глубинѣ костей.

1) Ровдуга—родъ замши. Камлея, камлейка—верхній балахонъ изъ ровдуги, ситца или сукна.

Длинная двойная парка давила мнѣ плечи, какъ броня. Шапка, рукавицы, сапоги все состояло изъ двойного, даже тройного мѣха и соединялось такъ плотно, какъ вооруженіе средневѣковаго латника. Это дѣйствительно было вооруженіе, и врагъ, противъ котораго оно давало оборону, — жестокой властитель полярной пустыни, морозъ, — былъ страшнѣе цѣлой толпы человѣческихъ враговъ со всѣми избрѣтенными ими средствами нападенія.

Однако, несмотря на усталость, я не чувствовалъ желанія войти подъ защиту чукотскаго домашняго крова. Подъ открытымъ небомъ было такъ свѣтло, такъ весело. Косые лучи солнца, приближавшагося къ закату, придавали снѣжной поверхности какой-то особенно нарядный розоватый оттѣнокъ. Бѣлыя вершины сопокъ блестѣли, какъ полированные. Въ сравненіи со всѣмъ этимъ великолѣпіемъ духота и вонь глухого мѣхового ящика, который даетъ чукамъ ночной пріютъ, не представляли особеннаго соблазна. Пологъ былъ тюрьмой, гдѣ вѣчно царствовала тьма, озаряемая тусклымъ свѣтомъ жировой лампы, гдѣ попеременно бывало то холодно, какъ въ глубинѣ колодца, то жарко, какъ въ банѣ, гдѣ всѣ мы были обречены задыхаться вечеромъ, тѣсниться ночью, какъ сельди въ бочкѣ, и откуда каждое утро мы съ отвращеніемъ вылѣзали наружу, шурясь отъ рѣзкаго контраста между ночнымъ и дневнымъ свѣтомъ, раздѣленными только тонкой мѣховой перегородкой.

Селивановъ, наконецъ, бросилъ топоръ и подошелъ ко мнѣ.

— Хоть бы поскорѣе пологъ поставили! — проворчалъ отъ недовольно, страхивая съ скамейки нѣсколько приставшихъ стружекъ дерева.

— А что? — спросилъ я невнимательно.

— Да чего! — проворчалъ онъ еще съ большимъ неудовольствіемъ. — Исти страсть охота! Съ утра, вѣдь, не ѣденные ходимъ! У, клятые! какъ только жи-

вые ходятъ? Жисть ихняя лебяжья! ¹⁾—не утерпѣлъ онъ, чтобы не выругаться.

Дѣйствительно, по исконному обычаю скупой тундры утромъ мы покидали пологъ послѣ самаго ничтожнаго завтрака, состоявшаго изъ вчерашнихъ объѣдковъ и полуобглоданныхъ костей. Днемъ не полагалось никакой ѣды, даже во время празднествъ и общественныхъ увеселеній. Единственной трапезой въ теченіе сутокъ являлся ужинъ, за которымъ каждый старался наѣсться такъ, чтобы хватило на слѣдующія сутки до новаго ужина.

Такъ живутъ чукчи изо дня въ день, и такъ должны были жить и мы. Я, впрочемъ, относился довольно равнодушно къ этимъ спартанскимъ порядкамъ. Чукотское корыто для ѣды было покрыто слишкомъ толстымъ слоемъ грязи и прогорклаго жира, чтобы желать его появленія чаще, чѣмъ разъ въ сутки. Я почти не участвовалъ даже въ вечерней трапезѣ и предпочиталъ питаться просто сырою печенью, почками и т. п., нарѣзывая ихъ тонкими ломтями и замораживая до твердости камня.

Митрофанъ тоже пересталъ таскать деревья и подошелъ къ намъ. Старая Роутына, мать Акомлюки, во вниманіе къ его усердію, дала ему надѣть свою просторную кухлянду ²⁾, украшенную запутанною сѣтью кожаныхъ и мѣховыхъ хвостиковъ и полосокъ. Для нашихъ глазъ, привыкшихъ отличать женскую одежду отъ мужской, его длинная фигура, облеченная въ этотъ несоотвѣтственный нарядъ, выглядѣла какъ-то особенно нелѣпо. Тѣмъ не менѣе его широкое и безбородое лицо, обрамленное косматою оторочкой огромной шапки изъ волчьего мѣха, носило на себѣ слѣды озабоченности.

¹⁾ Лебяжья жизнь почему-то считается на Колымѣ синонимомъ самой бѣдственной жизни.

²⁾ Кухлянка—верхняя мѣховая одежда.

— А знаешь! — сказалъ онъ таинственно. — Кэргакъ съ братомъ уѣхали домой, а до Акомлюкиной руйты ¹⁾ и близко не доходили.

Акомлюка былъ племянникомъ Этынькэу, но имѣлъ гораздо больше богатства и вліянія и являлся дѣйствительнымъ хозяиномъ нашего стойбища. Кэргакъ былъ кавралинъ, недавно пришедшій съ восточнаго моря, и заявлялъ притязаніе на часть стада Акомлюки.

Отецъ этого послѣдняго много лѣтъ тому назадъ захватилъ стадо послѣ смерти одного изъ своихъ родственниковъ, не оставившаго прямыхъ потомковъ, и теперь Кэргакъ, на основаніи весьма запутанныхъ вычисленій, доказывалъ, что ближайшимъ наслѣдникомъ являются именно онъ и братъ его Умка. Споръ изъ-за наслѣдства тянулся уже нѣсколько лѣтъ безъ всякихъ очевидныхъ результатовъ: Акомлюка имѣлъ пять родныхъ братьевъ, и второе противъ того двоюродныхъ. Противъ такой сильной семьи было опасно прибѣгнуть къ насилію. Съ другой стороны, Кэргакъ и его братъ были бѣдны, и предметъ спора слишкомъ возбуждалъ ихъ алчность для того, чтобы они согласились отступить.

— Посмотримъ, чего завтра будетъ, — сказалъ Митрофанъ, — Умка-то хочетъ бороться!

— Пускай борются! — возразилъ я. — Намъ что? Мы смотрѣть станемъ.

— Умка-то, да еще тутъ кавралинъ Ятиргинъ — на славу борцы! — продолжалъ Митрофанъ такъ же таинственно, — а оленные поддаваться не хотятъ. Ночью-то за 40 верстъ по борца бѣгали. Вонъ какого чортушку привезли!

Молодой чукча огромнаго роста и атлетическаго тѣлосложенія неторопливо подошелъ къ намъ и, остановившись немного поодаль, принялся разсматривать насъ съ такимъ

¹⁾ Р у й т а — юрта, шатерь.

неослабнымъ вниманіемъ, какъ будто мы были какіе-то невиданные звѣри.

При видѣ его лицо Митрофана еще болѣе омрачилось.

— Видишь, какъ зиркать ¹⁾, и долъ!— сказалъ онъ тихо.

— Чего ты запинаешься? — сказалъ Селивановъ, замѣтивъ, что Митрофанъ не договариваетъ.— С ка з ы в а й, чего есть дакъ!..

— Да чукчи говорили, будто что я бороться хочу!— признался Митрофанъ.— Ну вотъ онъ, какъ пріѣхалъ, такъ и сталъ ходить за мной слѣдомъ. Чисто не отстаеъ. Куда я—туда и онъ. А глазами-то словно мѣрку съ меня сымать!

Въ это время молодой чукча подошелъ ближе и обвелъ Митрофана долгимъ взглядомъ, какъ-бы дѣйствительно измѣривая его съ ногъ до головы.

— Такъ всегда алясничаете ²⁾,—сказалъ Селивановъ сердито.— А тебѣ почего хвастать было? Ну, пускай они борются, въ озеро ихъ. Не-чего тебѣ съ ними заплетаться!..

Митрофанъ молчалъ, видимо сознавая свою опрометчивость. Я заговорилъ съ подошедшимъ. Имя его было Энму-вія. Ему было никакъ не болѣе двадцати пяти лѣтъ, его смуглое лицо носило выраженіе простодушной наивности, какъ часто бываетъ у очень смѣлыхъ людей. Я спросилъ его, будетъ-ли онъ завтра участвовать въ пѣшемъ бѣгѣ и борьбѣ. Онъ сказалъ, что есть люди гораздо лучше его, и что ему въ его возрастѣ не слѣдуетъ равняться съ борцами и бѣгунами, достигшими зенита силъ, что, впрочемъ, онъ побѣдитъ сзади всѣхъ и будетъ бороться съ тѣми, кто, уставъ состязаться съ сильными, захочетъ отдохнуть предъ слабымъ противникомъ...

¹⁾ Зиркать—подглядывать.

²⁾ Алясничать—дѣлать или говорить глупости.

Такія рѣчи считаются наиболѣе приличными для благомыслящаго молодого человѣка, и Энмувія, очевидно, не имѣлъ склонности къ хвастовству, столь распространенной между чукчами, и предпочиталъ употреблять самые скромные обороты рѣчи, говоря о своей силѣ.

Самая большая группа людей сидѣла около шатра Акомлюки. Я проходилъ мимо нея, направляясь на другой конецъ стойбища, но долженъ былъ остановиться.

— Ты, Вэйпъ!—окликнулъ меня маленькій подвижной старикъ съ красными глазами, лишенными вѣкъ, и съ рѣдкой рыжебурой щетиной, мелкими кустиками разбросанной по подбородку, совершенно утопавшій въ широкомъ верхнемъ балахонѣ, сшитомъ изъ двухъ пестрыхъ американскихъ одѣялъ.

— Я думалъ, ты спишь на нартѣ вмѣстѣ съ Айганватомъ.

Чукчи называли меня Вэйпъ по предполагаемому сходству моего лица съ какимъ-то торговцемъ изъ кавралиновъ, умершимъ лѣтъ десять тому назадъ.

— А гдѣ твои писанія?—продолжалъ старичокъ.— А ну-ка, ну-ка, посмотри, найдешь ли домочадцевъ Такэ?..

Черновая тетрадь, куда я заносилъ предварительныя данныя по переписи, служила на всѣхъ окрестныхъ стойбищахъ неисчерпаемымъ источникомъ забавы. Для чукчей являлось чудесной и неразрѣшимой загадкой то безошибочное знаніе именъ и семейныхъ отношеній, которое я мгновенно пріобрѣталъ, беря въ руки тетрадь, хотя въ обычное время былъ совершенно лишень этого дара.

До извѣстной степени я пользовался ихъ интересомъ для повѣрки записей, но чукчи такъ надоѣли мнѣ безконечнымъ повтореніемъ этой игры въ перепись, что я не чувствовалъ никакого желанія приступить къ ней еще разъ. Поэтому я успѣшилъ отвлечь мысли старика въ другую сторону.

— Иыномъ! — произнесъ я, дѣлая жестъ, какъ будто ударялъ колотушкой въ воображаемый бубень.

— Иыномъ, иыномъ! — радостно подхватилъ старичокъ, вскакивая на ноги. Онъ былъ такъ подвиженъ, что не могъ просидѣть на мѣстѣ болѣе пяти минутъ. «Иыномъ!» было началомъ шаманскаго припѣва одной сказки, которую мы слышали вмѣстѣ со старичкомъ нѣсколько дней тому назадъ отъ сказочника кавралина. Она произвела на старика такое впечатлѣніе, что онъ только и бредилъ ею. Это слово съ тѣхъ поръ служило мнѣ при встрѣчахъ съ нимъ чѣмъ-то въ родѣ масонскаго пароля.

— А что? — спросилъ я, когда живость его воспоминаній нѣсколько улеглась. — Какъ думаете, кто завтра возьметъ ставку?

Задать этотъ вопросъ значило бросить искру на кучу пороха.

— Я говорю! — воскликнулъ Этынькэу, приземистый человѣкъ среднихъ лѣтъ съ мрачнымъ лицомъ и широкимъ шрамомъ поперекъ лба, — я говорю: пусть моя ставка, а если обгоню, все равно, самъ возьму, насмѣюсь надъ другими!

Этынькэу, какъ сказано, былъ хозяиномъ и устройтелемъ бѣга, и рѣчь его представляла забвеніе исконнаго обычая, запрещающаго устройтелю самому взять свой призъ.

— Не знаю! — медленно протянулъ пожилой человѣкъ съ насмѣшливыми глазами и большимъ лысымъ лбомъ, высывавшимся изъ-подъ мѣховой шапки, сдвинутой на затылокъ. — Хозяева бѣговъ не берутъ ставки. У насъ... на Чаунѣ... А здѣсь, можетъ, иначе...

То былъ Рольтыиргинъ, самый старейшій изъ чаунскихъ гостей, слышій за ревностнаго хранителя старинныхъ обычаевъ и установлений.

— Зачѣмъ говорить пустое? — сказалъ Ақомлюка, спѣша

загладить неловкія слова своего дяди.—Какъ знать, кто возьметъ? У кого еще олени быстрѣе... Вотъ мой правый олень тяжелъ, никогда мнѣ не проѣхать первому.

— Развѣ Толинъ возьметъ!—прибавилъ онъ послѣ краткой паузы, указывая на высокаго дюжлага молодца съ безобразнымъ лицомъ, маленькими глазами и длинными бисерными серьгами, свѣшивавшимися до плечъ.

Толинъ считался лучшимъ ѣздокомъ по всѣмъ Анюйскимъ стойбищамъ. Онъ обиталъ далеко на западѣ, вблизи отъ русскихъ селеній, и пріѣхалъ на Россомашью столько же для участія въ весеннихъ бѣгахъ, сколько для обычнаго торгова съ кавралинами.

— Не я возьму!—счелъ нужнымъ возразить онъ.— Мои олени устали. Развѣ Коколи-Ятиргинъ.

Маленькій черный человекъ, сидѣвшій на корточкахъ съ глазами, опущенными къ землѣ, сердито тряхнулъ головой и пробормоталъ что-то не весьма любезное по адресу Толина. Коколи-Ятиргинъ считался лучшимъ ѣздокомъ на р. Россомашей, но Толинъ совершенно затмилъ его. Уже на третьемъ бѣгу Коколи остался сзади на довольно значительное разстояніе, и слова Толина очень походили на насмѣшку.

— А ты иди, куда идешь!—обратился ко мнѣ красноглазый старичокъ,—я вѣдь знаю. Тебѣ Тылювію нужно.

— Кококой! ¹⁾—со страхомъ произнесъ Этынкэу.—У тебя, Амрилькуть, видно сердце не боязливое!..

Дѣйствительно на нижнемъ концѣ стойбища находилась личность, возбуждавшая во мнѣ самое живое любопытство, соразмѣрное только тому почтительному страху, съ которымъ относились къ ней окружавшіе чукчи. То былъ, или, если хотите, была — Тылювія, ирка-ляуль,

¹⁾ Воскликаніе страха.

т.-е. мужчина, принявшій на себя роль женщины и исполнявшій ее вполнѣ добросовѣстно до самыхъ послѣднихъ подробностей жизни. Такія превращенія встрѣчаются иногда среди чукчей въ связи съ особенностями шаманскихъ вѣрованій. Мужчина, которому духи велѣли сдѣлаться женщиной, совершенно отрекается отъ мужской природы надѣваетъ на себя женское платье, усваиваетъ женское произношеніе ¹⁾ и всѣ женскія работы, наконецъ, выходитъ замужъ и исполняетъ всѣ обязанности жены, конечно, modo Socratis. Превращенныя жены относятся очень ревниво къ своимъ мужьямъ и не позволяютъ имъ ни малѣйшей невѣрности, хотя нѣкоторыя изъ нихъ въ свою очередь не прочь тайно воспользоваться любовью другихъ женщинъ. Кромѣ мужа плотскаго онѣ обыкновенно имѣютъ сиссуб'а, мужа изъ области духовъ, который одарилъ ихъ шаманскимъ могуществомъ высшаго разряда. Чукчи считаютъ ихъ самыми сильными изъ всѣхъ «духовдохновенныхъ» и относятся къ нимъ съ весьма большимъ страхомъ.

Тылювія была родомъ изъ Энурмина, приморскаго поселка на Чукотскомъ Носу, и пришла вслѣдъ за другими кавралинами, чтобы выколачивать шатеръ ²⁾ своего мужа Ятиргина, который привезъ на продажу оленнымъ жителямъ два десятка свитковъ моржоваго ремня и нѣсколько лахтачныхъ шкуръ. Оригинальная супружеская чета прибыла на стойбище Акомлюки нѣсколько часовъ тому назадъ и тоже привезла съ собой жилище и домашнія принадлежности. Тылювія не успѣла еще окончить

¹⁾ Женское произношеніе у чукчей значительно разнится отъ мужского.

²⁾ Одной изъ главныхъ обязанностей чукотской хозяйки является выколачиваніе шатра и полога.

установку шатра и возилась около своихъ саней рядомъ съ другими сосѣдками.

Оставивъ чукчей препираться о вѣроятномъ исходѣ завтрашняго бѣга, я отправился на нижній конецъ стойбища и, обмѣнявшись съ работавшими женщинами нѣсколькими незначительными словами, замѣняющими привѣтствіе, усѣлся на пнѣ и принялся глядѣть во всѣ глаза.

Положимъ, я чувствовалъ нѣкоторую неловкость. Точно такими же глазами разсматривали чукчи мою собственную особу на каждомъ стойбищѣ, куда я пріѣзжалъ въ первый разъ. Но я добросовѣстно старался преодолѣть это чувство и прилежно наблюдалъ за дѣйствіями Тылювіи. Мнѣ приходилось уже разъ или два видѣть такихъ превращенныхъ мужчинъ, но впервые я могъ наблюдать ирка-ляуля въ его домашней обстановкѣ.

Тылювія была высокаго роста—по крайней мѣрѣ 2 арш. 8 вершковъ, съ такими широкими плечами, которыя сдѣлали бы честь любому гренадеру. Ея огромныя руки съ узловатыми пальцами, которыми она перебирала тонкія завязки полога, скорѣе годились бы для топора или копья. Осанка и походка ея были совершенно мужскія. Подъ широкими женскими одеждами можно было угадать худощавое мускулистое тѣло съ длинными ногами и узкимъ тазомъ. Изъ-подъ вырѣза корсажа виднѣлась обнаженная шея и часть груди, плоской и костлявой, съ рѣзко обозначенными ямками выступами ключицъ и безъ всякихъ признаковъ женственности. Но всего необыкновеннѣе было лицо Тылювіи. Оно было круглое, широкое, съ большимъ носомъ, низкимъ и прямымъ лбомъ и рѣзкими складками около угловъ рта. Несмотря на довольно замѣтный пушокъ, пробивавшійся на верхней губѣ, нельзя было сказать, что это мужское лицо. Что-то странное, не вполне

уловимое, но, тѣмъ не менѣе, ясно замѣтное, пробивалось сквозь суровость этихъ мужественныхъ линій и придавало имъ совсѣмъ особое выраженіе. Это, дѣйствительно, было лицо преображеннаго существа, внезапно измѣнившаго самую суть своей природы. Впечатлѣніе усиливалось цѣлымъ лѣсомъ растрепанныхъ черныхъ волосъ, небрежно свитыхъ въ двѣ толстыя косы, и неподвижнымъ взглядомъ глубокихъ черныхъ глазъ, устремленныхъ куда-то внутрь и застывшихъ въ этомъ созерцаніи. Лицо Тылювіи походило на трагическую маску. Это была голова Горгоны, снятая со щита Паллады и снова посаженная на живое человѣческое тѣло. Въ общемъ, вся фигура Тылювіи казалась существомъ совсѣмъ иной породы, женщиной изъ народа великановъ, послѣдней представительницей загадочной расы Лельгиленовъ, о которой рассказываютъ нѣкоторыя чукотскія легенды.

Тылювія усердно хлопотала вокругъ своего ночевища, выколачивая шкуры, выгребая снѣгъ, натягивая полы шатра при помощи длинныхъ веревокъ, привязанныхъ къ кладовымъ нартамъ, разставленнымъ вокругъ. Женское дѣло спорилось у ней въ рукахъ. Ея верхняя кухлянка, небрежно брошенная у входа, была украшена вышивками и запутанной бахромой изъ тонкихъ полосокъ разноцвѣтнаго мѣха, какъ бываетъ только у щеголихъ. По временамъ она останавливалась и хваталась руками за грудь, заливаясь удушливымъ кашлемъ. Злой духъ кашляющей болѣзни, очевидно, не устрасился ея сверхъестественнаго могущества и по дорогѣ на Чаунъ мимоходомъ заглянулъ въ ея жилище. Разъ или два ея неподвижный взоръ обращался въ мою сторону съ какимъ-то особеннымъ, не то сердитымъ, не то смущеннымъ выраженіемъ.

Молодой чукча, довольно тщедушнаго вида, съ ординарнымъ лицомъ, одѣтый въ короткую пеструю кукашку,

со свиткомъ аркана, наброшеннымъ на шею, подошелъ къ огнищу. То былъ Ятиргинъ, супругъ Тылювіи.

— А что котелъ? — спросилъ онъ беззаботнымъ тономъ. — Вечеръ близко!

Тылювія молча кивнула своей растрепанной головой, указывая глазами на котелъ, навѣшенный надъ огнемъ и кипѣвшій ключомъ. Ятиргинъ подошелъ къ шатру и, усѣвшись на снѣгу, снялъ рукавицы и принялся перелаживать расхлябавшіяся копылья одной изъ нартъ, туго стягивая ихъ тонкими ремешками. Тылювія схватила въ охапку всю грудку шкуръ, лежавшихъ на снѣгу, и отнесла ихъ къ пологу. Умостивъ ихъ въ пологъ, она заглянула въ котелъ, поправила огонь и, къ немалому моему удивленію, подошла къ сосѣдкѣ, хлопотавшей около другого шатра, оперлась брюхомъ на одинъ изъ основныхъ столбовъ и завязала болтовню точно такъ, какъ это дѣлаютъ всѣ молодыя и старыя чукчанки, управившись съ предварительными вечерними занятіями и ожидая той минуты, когда мужчины, наконецъ, рѣшатся войти въ пологъ. Сосѣдка — маленькая, тощая, съ корявымъ, но веселымъ лицомъ, и юркими движеніями, рядомъ съ колоссальной Тылювіей напоминавшая шавку передъ овчаркой, тѣмъ не менѣе разговаривала съ ней такъ непринужденно, какъ будто бы стоявшее передъ ней существо не представляло ровно ничего удивительнаго. Маленькій ребенокъ, походившій скорѣе на мѣшокъ, набитый оленьей шерстью, съ четырьмя короткими отростками вмѣсто рукъ и ногъ, закопошился въ глубинѣ шатра. Тылювія живо отдѣлилась отъ своего столба и подхватила ребенка, осыпая его поцѣлуями.

— Твой, Каляи? — спросила она съ завистливой нотой въ голосъ.

— Нѣтъ! — сказала Каляи, и ея веселое лицо на мгновеніе затуманилось.

— Мужъ не хочетъ меня, онъ любить только Карыну! — прибавила она просто.

Ятиргинъ кончилъ работу и поднялся на ноги, отряхивая отъ снѣга свои рукавицы. Тылювiя, замѣтивъ это, тотчасъ же вернулась къ своему шатру и опять стала хлопотать вокругъ костра. Я рѣшилъ, наконецъ, возвратиться къ шатру Акомлюки, дававшему мнѣ ночлегъ. Онъ уже былъ приготовленъ для входа мужчинъ. Толстая Виськатъ, сестра Акомлюки, распластавшись по землѣ, уже собиралась вползти въ пологъ съ лампою въ рукахъ. Другія женщины снимали съ крючьевъ огромные чайники и переворачивали горячее мясо въ котлахъ, для того чтобы оно лучше варилось, хватая куски голыми руками и немилосердно обжигаясь. Во всѣхъ концахъ стойбища слышался частый и глухой стукъ. То мужчины выколачивали свои плечи и ноги роговыми колотушками, приготовляясь войти въ домашнее святилище. Въ пологъ нельзя внести на одеждѣ ни одной порошинки снѣга, ибо она превратится въ сырость, а чукотскiй обиходъ не изобрѣлъ еще никакихъ средствъ для сушенiя отсырѣвшей одежды. Волей-неволей и мнѣ приходилось послѣдовать примѣру другихъ и полѣзть въ пологъ.

Черезъ четверть часа всѣ прелести чукотскаго домашнего комфорта были налицо. Я сидѣлъ въ углу, снявъ съ себя всю лишнюю одежду и скорчившись въ три погибели для того, чтобы занимать поменьше мѣста. Весь пологъ отъ края до края былъ наполненъ полуобнаженными человѣческими тѣлами, которыя разгорѣлись отъ внезапнаго перехода отъ холода къ теплу и блестяли крупными каплями пота. Изъ-подъ входной полы виднѣлся рядъ круглыхъ, гладко стриженныхъ головъ, такъ плотно окутанныхъ тяжелой мѣховой драпировкой, что о существованiи туловищъ сзади можно было только догадываться.

Это были люди, которымъ не хватило мѣста въ пологу и которые не хотѣли лишиться своей доли въ пиршествѣ. Кавралины и чаунщики съ ближайшихъ стойбищъ уѣхали домой, но и безъ нихъ было довольно гостей. Люди въ пологу нажимали другъ друга колѣнями и плечами, принимали самыя неудобныя и неестественныя позы, сохраняемыя только благодаря силѣ взаимнаго подпиранія. Мнѣ было не лучше, чѣмъ другимъ. Широкая спина Акомлюки простиралась передъ самымъ моимъ лицомъ, скрывая отъ меня свѣтъ лампы, а другая, не менѣе увѣсистая туша, принадлежавшая молодому гостю изъ кавралиновъ, двоюродному брату Умки, весьма больно притиснула къ землѣ мою лѣвую ногу. Въ пологѣ было жарко, какъ въ печи. Рѣзкій запахъ человѣческихъ испареній такъ и бросался въ голову. Сѣрая оленья шерсть носилась повсюду, прилипла къ потнымъ щекамъ, назойливо лѣзла въ носъ и въ ротъ, примѣшивалась къ каждому глотку чая и къ каждому куску пищи. Чаепитіе кончилось, не успѣвъ начаться. Два ведерныхъ чайника опустѣли, а присутствующимъ насилу досталось по чашкѣ. Женщины опять стали возиться на дворѣ, а общество старалось сократить время ожиданія разговорами. Я кое-какъ уговорилъ Акомлюку отодвинуть свою спину и, доставъ изъ портфеля записную книжку, принялся заполнять страницу дневника. Чукчи смотрѣли на мои руки съ такимъ пристальнымъ вниманіемъ, какъ будто я разыгрывалъ передъ ними на своихъ десяти пальцахъ самое удивительное представленіе. Этынькэу, сидѣвшій наискось, такъ низко перегнулся надъ моими колѣнями, что его голова задѣвала за ручку пера, мѣшая мнѣ писать.

— Ого! — сказалъ онъ, — хорошо ты выучился! Словно бѣгъ мышиныхъ ногъ!

— Словно бѣгъ водяного червяка! — прибавилъ кавралинъ, сидѣвшій рядомъ со мной.

— Это что? — подхватилъ красноглазый Амрикультъ съ торжествующимъ видомъ. — А ну-ка, Вэипъ, достань бумагу, гдѣ жители! Найди семью Такэ! Посмотримъ, всѣхъ ли назовешь?..

И онъ опять весь затрясся отъ предвкушаемаго наслажденія.

На этотъ разъ никакія отговорки не помогли. Скрѣпя сердце, я досталъ изъ портфеля злополучные списки и принялся вычитывать рядъ неудобопроизносимыхъ именъ, которыми лучше не отягощать этихъ страницъ. Чукчи слушали съ молчаливымъ удивленіемъ, которое каждую минуту возрастало. Этынькэу поочередно смотрѣлъ то на мои губы, то на бумагу.

— Гдѣ ты ихъ видишь? — сказалъ онъ, наконецъ.

— Развѣ это похоже на людей? Гдѣ носъ, гдѣ глаза, гдѣ ноги?

— Ого! — говорилъ Амрикультъ. — Развѣ одинъ Такэ? Эта тетрадь знаетъ всѣхъ жителей. Хорошій пастухъ! Забралъ все стадо къ себѣ и стережетъ, не отпуская.

И онъ указывалъ на мои списки съ такимъ увѣреннымъ видомъ, какъ будто ему была въ точности извѣстна каждая подробность ихъ содержанія. Онъ уже готовился раскрыть ротъ, чтобы потребовать перечисленія именъ другой семьи, но одна изъ головъ, торчавшихъ изъ-подъ входной поры, неожиданно помѣшала ему.

— Мы тебя не знаемъ и никогда не видѣли! — сурово заговорила голова, обращаясь ко мнѣ. — Гдѣ могъ ты увидѣть наши имена и имена нашихъ дѣтей?

— Во снѣ! — отшутился я. — А ты кто такой? — прибавилъ я съ невольнымъ любопытствомъ.

Голова стала еще мрачнѣе, и внезапно изъ-подъ мѣховой драпировки выползло массивное туловище и, раздвинувъ двухъ ближайшихъ сосѣдей, пододвинулось ко мнѣ.

— Ты смѣешься надо мной! — заговорилъ мой вопрошатель. — Я Авжольгинъ, сынъ Такэ. Ты только что назвалъ мое имя, а теперь говоришь такъ, будто не знаешь меня совсѣмъ!..

Дѣйствительно, я встрѣтилъ стараго Такэ нѣсколько дней тому назадъ на сосѣдномъ стойбищѣ, и изъ его устъ записалъ имена его домочадцевъ, но я не имѣлъ никакого понятія о томъ, что прямо передо мной торчитъ голова его сына.

— Зачѣмъ ты записываешь имена маленькихъ дѣтей? — продолжалъ Авжольгинъ. — Отъ этого можетъ быть вредъ!..

Я хотѣлъ начать длинное и утомительное объясненіе, но пріатели мои, слышавшіе его уже нѣсколько разъ, не дали мнѣ раскрыть рта.

— Ты чего? — напустились они на вопрошателя. — Развѣ этотъ плохъ? Этотъ хорошъ!..

— Это не ко вреду! Это для жизни, это для счастья! Солнечный Владыка желаетъ узнать имена здѣшнихъ жителей, всѣхъ — и женщинъ, и дѣтей!.. Онъ говоритъ: «Если я отецъ, почему же я не знаю, какъ зовутъ моихъ дѣтей?» Онъ хочетъ узнать, сколько кому нужно посылать товаровъ: чаю, табаку и тканей!..

Послѣднее соображеніе было, впрочемъ, произведеніемъ ихъ собственной изобрѣтательности.

Авжольгинъ замолчалъ. Я опять сталъ перелистывать списки. Митрофанъ, сидѣвшій у входа, возбудилъ неожиданный вопросъ:

— А что? — спросилъ онъ меня. — Тылювію-то какъ записалъ, мужчиной или женщиной?..

Я, дѣйствительно, затруднился, какую отмѣтку сдѣлать противъ имени «превращенной» въ графъ о полѣ.

— А ты, какъ думаешь? — обратился я полушутя къ Этынькэу за разрѣшеніемъ недоумѣнія.

— Ко!—тотчасъ же отвѣтилъ Этынькэу.—Я не знаю!.. Похожа на женщину!..

— А почему у ней усы на верхней губѣ?—насмѣшливо возразилъ Митрофанъ.—Ты развѣ не видалъ?..

— Коккой!—со страхомъ отвѣтилъ Этынькэу.—Я не приглядывался. Для меня великій страхъ смотрѣть на такое лицо.

— Отчего страхъ?—безпечно возразилъ Митрофанъ, тряхнувъ головой.—Я не боюсь!

— Не говори!—сказалъ Этынькэу, понизивъ голосъ.— Вотъ моего старшаго брата такая сдѣлала хромымъ.

— Да вы что насъ спрашиваете?—задорно сказалъ Амрикульгъ.—Хотите знать,—спросите у нея самой!..

Я, впрочемъ, заранѣе собирался провести эту ночь въ шатрѣ Тылюви и счелъ эту минуту наиболѣе удобной для того, чтобы разстаться съ хозяевами. Виськать и ея сестра, только что втащившія въ пологъ кипящіе чайники съ чаемъ, узнавъ, что я хочу отправиться къ Тылюви, стали меня удерживать.

— Зачѣмъ ты пойдешь?—говорили они,—что пить станешь? У нихъ нѣтъ даже чайнаго котла!..

— Я возьму этотъ!—сказалъ я, указывая на небольшой походный чайникъ, принадлежавшій мнѣ.

— Смотри!—сурово сказала Раутына.—Если тамъ повѣсишь чайникъ надъ огнемъ, назадъ его не приноси!..

Въ качествѣ старухи, Раутына была ревностной блюстительницей чистоты домашняго очага, который считается оскверненнымъ, если къ нему попадетъ какой-нибудь предметъ, находившійся въ общеніи съ очагомъ чужой семьи.

Несмотря на предостереженіе, я подхватилъ свой чайникъ и отправился къ шатру Ятиргина. Однако, у входа я остановился въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Огонь на очагѣ

былъ погашень, и обгорѣлыя головни разбросаны вокругъ. Въ наружной половинѣ шатра никого не было. Обитатели уже успѣли забраться въ свое гнѣздо и теперь ужинали или ложились спать. Вторгнуться къ нимъ безъ предупрежденія не соответствовало даже обычной безцеремонности полярной жизни. Къ счастью, голосъ хозяина вывелъ меня изъ затрудненія.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ изнутри.—Кто пришелъ?

— Гость!—отвѣтилъ я.

— Кто ты?—повторилъ Ятиргинь.

— Гость, Вэипъ, пишушій человѣкъ!

— Войди!—сказалъ Ятиргинь.

Я немедленно распростерся по землѣ и, проползши подъ входной полой, очутился въ пологѣ.

Хозяева только что поужинали. Ятиргинь собирался закурить трубку и усердно ковырялъ мѣдной заправкой закопченный деревянный мундштукъ, чтобы добыть немного нагару.

Табаку у него не было, какъ и у всѣхъ кавралиновъ, уже полгода. Я поспѣшилъ предложить ему листокъ изъ табачнаго мѣшка, который я всегда носилъ въ карманѣ для угошенія чукчей. Онъ жадно схватилъ его и немедленно принялся крошить на небольшой дощечкѣ, потомъ наскоблилъ сырого дерева и, смѣшавъ оба ингредиента, набилъ трубку и съ наслажденіемъ закурилъ.

— Крѣпкій табакъ!—похвалилъ онъ.—Уже шестой мѣсяць горькаго не пробовалъ!..

Тылювія съ ожесточеніемъ скоблила ногтями деревянное корыто, въ которомъ недавно помѣщалось мясо, тщательно облизывая буроватую грязь, приставшую къ пальцамъ. Звукъ этого скобленія напоминалъ треніе стального напилка о сухое дерево. Кромѣ супружеской четы, въ пологѣ былъ еще неуклюжій мальчикъ лѣтъ 16, съ кру-

глымъ лицомъ, чернымъ, какъ голенище, и такими оттопыренными губами, какъ будто онъ постоянно собирался свистнуть. То былъ братъ Ятиргина, Китувія, который пришелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Энурмина, чтобы помогать въ дорогѣ, но собирался остаться у Акомлюки въ качествѣ кандидата въ женихи, который долженъ работать и стеречь стадо, пока его признаютъ годнымъ въ мужья. Предметомъ его искательства была Нулинга, двоюродная сестра Акомлюки, костлявая, худая, и, вдобавокъ, кривая на одинъ глазъ дѣвка, которую никто не хотѣлъ сватать изъ-за ея безобразія. Она была почти вдвое старше Китувіи, но при заключеніи чукотскихъ браковъ это не составляетъ препятствія, если дѣло идетъ о томъ, чтобы бѣдному искателю вступить въ семью богатыхъ стадовладельцевъ.

— Итакъ, ты пришелъ! — сказалъ Ятиргинъ, сдѣлавъ нѣсколько затяжекъ изъ трубки.

Слова эти замѣняютъ у чукчей привѣтствіе, но въ данномъ случаѣ они выражали недоумѣніе хозяина.

Я объяснилъ, что у Акомлюки очень тѣсно и что я пришелъ сюда, зная, что тутъ мало людей, и хотѣлъ бы тутъ переночевать.

— Ночуй, ночуй! — поспѣшно сказалъ Ятиргинъ. — Домъ жителя — домъ гостя... Хоть десять ночей кряду... Сколько самъ захочешь...

Я, впрочемъ, заранѣе былъ увѣренъ, что встрѣчу гостепріимный пріемъ, ибо приморскіе чукчи относятся къ гостямъ съ особеннымъ радушіемъ.

— Ухъ! — уже суетился Ятиргинъ. — Чѣмъ только угощать тебя? Мы уже поужинали. Вотъ только объѣдки остались...

— Покажи! — обратился онъ къ женѣ.

Тылювія молча протянула мнѣ круглый коробъ изъ гнутаго сосноваго луба, издѣлія американскихъ эскимосовъ,

наполненный истерзанными кусками холодного мяса, которое предназначалось къ завтраку.

— Сваримъ чай!—предложилъ я, зная пристрастіе чукчей къ этому напитку.

— Ахъ, у меня нѣтъ чаю! — сказалъ съ сокрушеніемъ хозяинъ. Было бы, развѣ я самъ не угостилъ бы тебя?

— У меня есть, — сказалъ я.

— Чайника нѣтъ!—возражалъ хозяинъ.

— У меня есть чайникъ!.. И сахаръ, и сухари!—прибавилъ я, видя его нерѣшительность.

Ятиргинъ все-таки колебался.

— Но вѣдь твой котелъ стоялъ у чужого огня, — жалобно сказалъ онъ. — Грѣхъ противъ домашняго обычая!.. Стой, стой! — вдругъ прибавилъ онъ оживленно. — У меня есть американское шаркающее огниво (спички). Можно будетъ развести новый огонь!..

Дѣйствительно, оскверненіе касается только огня, добытаго отъ деревяннаго огнива, которое составляетъ часть домашнихъ пенатовъ. Огонь же, добытый при помощи стали и кремня, а тѣмъ болѣе спичекъ, считается безразличнымъ и оскверненію не подлежащимъ.

Я послалъ Китувію къ своимъ спутникамъ за дорожными переметами ¹⁾ и портфелемъ; Тылювія опять принялась хлопотать около огнища, приготовляя чай и новый ужинъ. Черезъ полчаса мы уже наслаждались горячимъ напиткомъ на этотъ разъ вполнѣ певозмутимо, ибо назойливая свора любопытныхъ и жаждущихъ подачи людей, отравлявшая каждое мгновеніе каждаго моего ночлега, никогда бы не посмѣла набиться въ шатеръ превращенной шаманки. Зато пологъ Тылювіи былъ гораздо хуже полога Акомлюки. Онъ былъ такъ тѣсенъ, что мы вчетверомъ едва

¹⁾ Переметы — переметныя сумы.

помѣшались въ его предѣлахъ. Лампа, въ видѣ большой каменной чаши, выдолбленной изъ мягкаго песчаника, была наполнена протухлымъ тюленьимъ жиромъ и немилосердно коптила. Ёдкая вонь горящей ворвани смѣшивалась съ прѣлымъ запахомъ вареной ѣды и невытой посуды въ такой острый букетъ, что даже привычные хозяева время отъ времени просовывали голову наружу, чувствуя потребность освѣжиться. По обычаю приморскихъ жителей, они раздѣлись донага и сидѣли въ костюмѣ Адама, прикрывая чресла небрежно брошенной полой мѣховой одежды. Тылювія тоже сняла свои необъятныя шаровары и разостлала ихъ у себя на колѣняхъ. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на формы шаманки. Конечно, это было мужское тѣло. Грудь, плечи, животоъ, ширина таза — все имѣло рѣзко выраженный мужской характеръ.

— Итакъ, ты пришелъ! — повторилъ Ятиргинъ выразительно, когда второй ужинъ тоже былъ оконченъ. Я отложилъ въ сторону дипломатію и безъ обиняковъ объявилъ ему, что я ѣзжу для того, чтобы узнавать все примѣчательное, и что его шатеръ привлекъ меня, ибо такихъ людей я еще не видѣлъ близко. На лицѣ Тылювіи выразилось мучительное смущеніе. Ей, очевидно, было стыдно, что разговоръ собирается коснуться щекотливыхъ особенностей ея исключительнаго состоянія, но Ятиргинъ не раздѣлялъ этого ложнаго стыда.

— Конечно! — сказалъ онъ самодовольно. — Такихъ людей не часто можно встрѣтить! — и онъ безцеремонно ткнулъ пальцемъ въ грудь своей огромной супруги.

Тылювія смущенно опустила глаза и сдѣлала движеніе, чтобы закрыть лицо руками. Подъ этой маской Горгоны скрывалась застѣнчивость шестнадцатилѣтней дѣвочки. Я осторожно объяснилъ, что желаю предложить нѣсколько вопросовъ Тылювіи, чтобы лучше понять свойство ея превращенія.

— Спрашивай, — тотчас же сказалъ Ятиргинъ. — Она будетъ отвѣчать.

Однако, Тылювія сидѣла въ упорномъ молчаніи, перебирая руками оторочку мѣховой одежды и отказываясь подарить меня хоть однимъ взглядомъ.

Дальнѣйшій разговоръ происходилъ въ довольно оригинальномъ порядкѣ. Я задавалъ вопросы, обращаясь къ Тылювіи, но великанша не хотѣла открыть рта, и вмѣсто нея говорилъ Ятиргинъ, обнаружившій полную готовность дать объясненіе на самые щекотливые вопросы. Онъ разсказалъ мнѣ, что Тылювія родилась мальчишкомъ въ семьѣ одного изъ оленныхъ кавралиновъ Энурмина, который, впрочемъ, снискивалъ значительную часть своего пропитанія морскими промыслами, подобно всѣмъ оленнымъ людямъ восточнаго побережья. До начала зрѣлости, Тылювія росла, какъ растутъ всѣ дѣти; но въ критическій періодъ перехода отъ дѣтства къ юношеству она заболѣла тяжелой и таинственной болѣзью, отъ которой чуть не умерла. По обыкновенію чукотскихъ больныхъ, она прибѣгла за помощью къ бубну и колотушкѣ и день за днемъ стала проводить въ пологу, не принимая ѣды и вызывая духовъ своимъ упорнымъ стукомъ. До тѣхъ поръ она никогда не имѣла вдохновенія и никогда не разговаривала съ духами, но теперь «внѣшнія силы» велѣли ей превратиться въ женщину, обѣщая этой цѣной даровать ей выздоровленіе. Тогда она переодѣлась изъ мужского платья въ женское, отказалась отъ мужской силы и ловкости, покинула копье и арканъ для иглы и аута¹⁾ и стала женщиной.

— Развѣ у ней нѣтъ силы? — позволилъ я себѣ усомниться въ виду могучихъ мышцъ великанши.

¹⁾ Аута — круглый желѣзный ножъ, вставленный въ двуручную деревянную оправу, употребляется для скобленія шкуръ.

— Ничего нѣтъ!—увѣренно отвѣчалъ Ятиргинъ.—Ноги стали медленны, руки безсильны. А когда-то обгоняла всѣхъ парней на пѣшемъ бѣгу.

— А что, трудно было научиться женской работѣ?—спросилъ я опять.

— Не надо было учиться! — послѣдовалъ многозначительный отвѣтъ. — Сразу все узнала. Внѣшнія силы дали знаніе.

— Иныя дѣйствительно совсѣмъ становятся женщинами!—признавался онъ.—Не только душа, но и тѣло... Она къ сожалѣнію не дошла еще... Можетъ быть, потомъ когда-нибудь!..

Другія подробности объясненій я предпочитаю опустить, оставляя за собою право вернуться къ этому предмету въ другое время.

Въ концѣ концовъ я выразилъ желаніе осмотрѣть тѣло Тылювіи, предлагая за это довольно значительное вознагражденіе по моимъ скромнымъ средствамъ. Ятиргинъ ничего не имѣлъ и противъ этого, но превращенная, несмотря на мои соблазны и уговоры мужа, отказалась наотрѣзъ. Подъ конецъ она вдругъ посмотрѣла на Ятиргина такимъ зловѣщимъ взглядомъ, что онъ сразу съежился и перемѣнилъ тонъ.

Что же?—сказалъ онъ.—Дѣйствительно, по ея обычаю ей грѣхъ показываться чужимъ глазамъ... Довольно съ тебя моихъ словъ. Пусть твои уши станутъ тебѣ глазами!..

Я не настаивалъ дольше.

Мы еще долго разговаривали съ Ятиргиномъ въ этотъ вечеръ. Онъ оказался довольно бывалымъ человѣкомъ и обычнымъ эпическимъ языкомъ, свойственнымъ чукотскимъ рассказчикамъ, описывалъ подробности приморской жизни, условія промысла, порядки торговли съ рота стыми и эскимосами и морскими бородачами. Болѣе всего онъ

распространялся о покупке американцами живых оленей для разведения стадъ на американскомъ берегу, къ которой всѣ чукчи относятся одинаково враждебно, такъ какъ она грозитъ еще болѣе сократить привозъ дорогихъ мѣховъ изъ полярной Америки, вымѣниваемыхъ на шкуры молодыхъ оленей, необходимыя эскимосамъ для одежды.

— Въ послѣдніе годы, — говорилъ онъ, — началось новое, чего раньше не бывало, чего мы не слыхали отъ своихъ отцовъ. Ходить Или ¹⁾ на огненныхъ судахъ, возить ружья и капканы, и ткани, и сахаръ, и сердитую воду въ бочкахъ и не беретъ ни уса (китоваго), ни зуба (моржоваго)...

Или, живущій по ту сторону пролива, противъ конца земли, въ морской губѣ, между двумя мысами, въ недвижимыхъ домахъ... Накупивъ чукотскихъ оленей, ставитъ на судно, сдираетъ мохъ съ чукотскихъ скалъ, кормитъ всю дорогу, потомъ выпускаетъ на своемъ берегу, творя обиду жителямъ этой земли. Создавъ стадо, соблазняетъ нашихъ пастуховъ стеречь своихъ оленей за высокую плату, размножаетъ скотъ, желая вести торгъ собственными шкурами.

— По моему уму это весьма худо. А по твоему?..

Я выразилъ осторожное мнѣніе, что все вредное жителямъ я тоже считаю худымъ.

— Пошелъ Или по морю! — продолжалъ Ятиргинъ, — и вышелъ на открытую воду. Встрѣтилъ его Маньо, посланный Солнечнымъ Владыкой русскій бородачъ ²⁾, на большомъ суднѣ съ тремя стоячими деревьями (мачтами). Или пьянъ, говоритъ:

¹⁾ Чукчи называютъ именемъ Или тѣхъ американскихъ торговыхъ агентовъ, которые скупаютъ живыхъ оленей.

²⁾ Русскихъ корабельщиковъ чукчи называютъ, какъ и американцевъ, бородачами, въ отличіе отъ русскихъ жителей Колымы и Анадыря, которые развитіемъ растительности на лицѣ мало превосходятъ самихъ чукчей.

— Я начальникъ, я силачъ, я великій, я пьяница!

— Ага! — говоритъ Маньо ¹⁾, — приди же ко мнѣ въ гости!..

Какъ только пришелъ, связалъ ему руки и ноги, повѣсилъ на мачтѣ внизъ головой.

Говоритъ Маньо:— Ты богачъ, ты начальникъ, ты пьяница?.. А что?..

Или только головой крутить. — Ухъ!..

Говоритъ Маньо:—Ты завелъ стадо?

— Завелъ!

— Зачѣмъ же ты завелъ стадо? Какъ ты приобрѣлъ его?

Говоритъ Или:—Отчасти, конечно, я купилъ его.

— Ага!..—Чѣмъ же ты купилъ его?

Говоритъ Или:—Частью ружьями.

— А еще чѣмъ?

— Также сердитой водой!..

— А еще чѣмъ?..

— Иныхъ по-правдѣ взялъ грабежомъ.

— Ага! говоритъ Маньо. — Зачѣмъ же ты завелъ стадо?

— Хотѣлъ продавать пыжики островитянамъ!..

Говоритъ его людямъ: — На четвертый день придите взять его!..

Пришли его люди на четвертый день.

— Скорѣе уходи на свою землю! Не нужно тебя.

— Оставь здѣсь оленей! Если Творящій создалъ тебя безъ стада, зачѣмъ противишься, творя оскорбленіе жителямъ этой страны? Уйди скорѣе домой!..

— Если снова придешь, будешь убитъ до смерти!..

¹⁾ Именемъ Маньо чукчи называютъ вообще русскихъ начальниковъ, приходящихъ на корабляхъ со стороны Тихаго океана, въ частности также анадырскаго окружного начальника.

Тотъ ушелъ, скрылся. Маньо пошелъ по морю, снова встрѣчаетъ заморскаго бородача ¹⁾).

— Ты зачѣмъ идешь? Не нужно тебя! Вернись!

— Меня послалъ Владыка земли бородастыхъ...

— Вернись!..

— Не хочу!..

— А-а! Давай же сражаться!

Сразились. Маньо сильнѣе. Сталъ убѣгать заморскій бородачъ. Маньо смотритъ на большую бумагу, видитъ весь путь бѣглеца, спустился подъ воду, нырнулъ какъ гагара, вмѣстѣ съ судномъ, вынырнулъ впереди чужого судна.

Говоритъ бородачатый: — Пристанемъ къ берегу, испытаямъ, изъ насъ двоихъ кто лучше.

— Согласенъ!

Вышли на берегъ. Маньо-дружокъ очень проворенъ, съ легкими членами. Сталъ на собачью нарту, прыгнулъ впередъ черезъ всю упряжку, и опять назадъ на нарту, ибо весьма легкокъ.

Другой тяжелъ, колода!.. Скоро смялъ руки бородачато, прыгнулъ къ ногамъ.

— Ой, ой, отпусти!..

Связавъ желѣзной веревкой, увезъ вмѣстѣ съ собой...

Жена и братъ Ятиргина заснули на половинѣ разсказа. Миѣ нужно было сдѣлать еще нѣсколько записей, и я вынулъ изъ портфеля свою тетрадь. Гостепріимный хозяинъ непремѣнно хотѣлъ бодрствовать вмѣстѣ со мною.

— Нѣтъ, нѣтъ!—рѣшительно отвѣчалъ онъ на всѣ уговоры. Пока твои глаза еще смотрятъ, стыдно моимъ закрыться. Буду тебѣ товарищемъ скуки. Стану смотрѣть на бѣгъ твоей руки.

¹⁾ Американскаго.

Впрочемъ, такъ поступалъ хозяинъ каждаго шатра, гдѣ мнѣ случалось провести ночь. Мы заснули только около полуночи, одновременно и внезапно побѣжденные усталостью, едва найдя достаточно силы для того, чтобы погасить лампу, и не давая себѣ даже труда улечься, какъ слѣдуетъ, на шкурахъ.

II.

Когда на другое утро я вышелъ изъ полога, приготовления къ бѣгу были въ полномъ разгарѣ. Чаунщики и кавралины уже пріѣхали со своихъ стойбищъ. Оленные жители были тоже въ полномъ сборѣ. Кромѣ чукчей явилось еще человѣкъ двадцать ламутовъ, не столько для участія въ состязаніи, сколько въ смутной надеждѣ урвать какъ-нибудь кусокъ мяса отъ щедрости или простодушія хозяевъ.

Старики стояли группами у шатровъ, молодые люди озабоченно осматривали копыта оленей и полозья бѣговыхъ нартъ. Акомлюка праздно стоялъ у своего шатра. Не надѣясь на быстроту своей упряжки, онъ рѣшилъ отказаться отъ участія въ бѣгѣ.

— Хорошо ты спишь, Вэйпъ! — привѣтствовалъ онъ меня. — Должно быть Тылювія тебѣ мягко постлала... Видѣлъ? — прибавилъ онъ таинственнымъ тономъ, подходя ближе.

— Я какъ увижу? — переспросилъ я. — Впрочемъ, я думаю, что это женщина!..

— Ну да, женщина! — вмѣшался неугомонный Амрикутъ. — Тутъ есть старушка у кавралиновъ, изъ одной земли съ ними, въ одно время пришла, — послушай-ка, что она говоритъ.

— Ночевала, говоритъ, прошлымъ лѣтомъ въ одномъ пологу съ ними, и они лежатъ раскрывшись...

— Такъ Ятиргинъ, это что? ребенокъ, а не мужчина. А настоящей-го мужчина—Тылювиа...

Чукчи смѣялись, но старый Рольтыиргинъ съ испугомъ уговаривалъ ихъ говорить потише.

— Еще услышитъ та!—кивалъ онъ головой въ сторону шатра Тылювиа, какъ будто шаманка могла услышать оттуда нашъ разговоръ.

Акомлюка отозвалъ меня въ сторону,

— Ты бы не ставилъ на борьбу!..—заговорилъ онъ сконфуженно.—Разный народъ есть, со всѣхъ земель... Худые люди!.. Можетъ выйти драка!..

— Нельзя не поставить!..—отвѣчалъ я.—Всѣ люди знаютъ. Станутъ приставать!—А кто худые?—спросилъ я не безъ задней мысли.—Кэргакъ?

— Пустое!—отвѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ.—Умку могу я зашвырнуть дальше Бѣлаго моря, пусть себѣ жи-жетъ съ медвѣдями...

Я улыбнулся. Имя Умки дѣйствительно означаетъ по-чукотски бѣлаго медвѣдя...

— По-моему пусть!—продолжалъ Акомлюка.—А только Митрошкѣ скажи, пусть онъ не борется! Хоть станутъ тянуть за полы, хоть самъ я стану звать, пусть укрѣпится!.. Русскій!.. худо!.. Еще опять выйдетъ смута!..

Онъ имѣлъ въ виду столкновение русскихъ съ чукчами, имѣвшее мѣсто въ 1895 году на Анюйской ярмаркѣ.

Я общалъ удержатъ Митрофана отъ участія въ борьбѣ. Этынкэу торжественно вынесъ изъ-за своего шатра связку березовыхъ жердей, провелъ черту на снѣгу, воткнулъ на чертѣ вѣтку тальника и подлѣ нея положилъ свою ставку. Я воткнулъ вѣтку немного подальше и привязалъ къ ней большой ножъ въ кожаныхъ ножнахъ, довольно грубое произведение якутскаго кузнечнаго ремесла. Третій призъ состоялъ изъ тюленьей шкуры и былъ по-

ставленъ Акомлюкой. Женщины зажгли около каждой ставки по небольшому костру и бросили въ огонь по нѣсколько зеренъ жира. Ъздоки уже запрягали оленей. Толинъ крѣпко подтянулся и заткнулъ за поясъ широкія полы своей кукашки.

— Ухъ! — говорилъ онъ, обращаясь къ намъ. — Я все равно вашъ землякъ, на этой землѣ одинъ съ запада. Пожелайте мнѣ счастья, чтобы я опередилъ. Они всѣ противъ меня, носовые и оленные!.. Ухъ, какъ хочется обогнать!..

Коколи-Ятиргинъ заботливо выравнивалъ длину постромокъ и испытывалъ крѣпость ремешковъ, соединяющихъ концы ременнаго хомута.

Всѣхъ упряжекъ, желавшихъ принять участіе въ бѣгѣ, было около сорока. Къ великой утѣхѣ молодыхъ людей, вертлявая Каляя вывела и свою упряжку, желая состязаться съ мужчинами.

— Го-го! — кричалъ Акомлюка. — Важенка! Хочетъ гнаться за быками!

Каляя бойко отшучивалась, приводя въ порядокъ упряжь своихъ бѣгуновъ. Быть можетъ, она хотѣла своею удалью отвоевать у счастливой соперницы любовь своего мужа. Его, впрочемъ, не было на стойбищѣ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ уѣхалъ въ гости къ родственникамъ, жившимъ на южномъ берегу Сухого Анюя, и до сихъ поръ еще не возвратился.

Какъ только всѣ олени были запряжены, участники бѣга безъ всякаго порядка ринулись впередъ, каждый съ того мѣста, гдѣ находилась его нарта, и крупной рысью понеслись по дорогѣ, понемногу выравниваясь и вытягиваясь въ долгую линію. Черезъ двѣ минуты всѣ они уже исчезли въ глубинѣ дороги, но изъ середины стойбища выѣхала новая нарта, возбудившая всеобщій восторгъ зрите-

лей. Десятилѣтняя Уанга, старшая дочь Этынъкэу, изловивъ старую важенку, смирную, какъ корова, запрягла ее въ полуизломанную кладовую нарту и, насажавъ цѣлую кучу ребятишекъ, выѣхала на дорогу. Важенка бѣжала мелкой рысцей, потупивъ голову и лѣнливо передвигая ноги, но Уанга немилосердно дергала возжами и махала длинной талиной, замѣнявшей бичъ. Ей во что бы то ни стало хотѣлось догнать старшихъ участниковъ бѣга, умчавшихся впередъ.

— Гото, гото, гото, гото! — присвистывалъ Амриль-кутъ. — Вотъ самые быстрые ѣдутъ! Самые лучшіе сзади!

Нѣсколько самыхъ почтенныхъ стариковъ и старухъ, въ порывѣ неудержимаго восторга, бросились къ нартѣ и расхватили ребятишекъ.

Любовь къ маленькимъ дѣтямъ составляетъ самую свѣтлую черту чукотской жизни и часто выражается такими бурными порывами.

Ребятишки отбивались изо всѣхъ силъ.

— Отстаньте! — кричали они. — Мы торопимся. Не приставайте!..

Старики, однако, не слушали и тащили ихъ назадъ на стойбище.

— Чѣмъ вамъ бѣгать на оленяхъ, — говорилъ Амриль-кутъ, — лучше поборитесь!.. Конечно, этияе силачи не хотятъ стоять безъ дѣла!..

— Эти пусть! — указалъ онъ на двухъ маленькихъ пузатыхъ мальчиковъ, похожихъ на самодвижущіяся связки оборванныхъ мѣховыхъ лохмотьевъ.

Мальчишки сцѣпились тутъ же, не сходя съ дороги, и весьма добросовѣстно принялись таскать другъ друга по ухабамъ накатанныхъ колеи.

Гэть, гэть, гэть!

Гы, гы!

Гычь, гычь!

Гото, гото, гото!

Присвистывали и притопывали зрители, болѣе увлекающаяся этой кукольной борьбой, чѣмъ серьезнымъ состязаніемъ взрослыхъ борцовъ.

— Ъдутъ, ъдутъ! — закричали другіе мальчишки постарше, которые убѣждали впередъ, чтобы первыми увидѣть возвращеніе состязавшихся.

Зрители съ недоумѣніемъ стали присматриваться въ даль. На узкой полоскѣ дороги, убѣгавшей въ глубину рѣчной долины, дѣйствительно показались два крошечныхъ облачка снѣжной пыли, быстро приближавшихся къ стойбищу.

— Мало бѣгали! — недовольнымъ тономъ сказалъ Рольтиргинь. — Ставка большая, надо бѣгать дальше!

Неугомонный Амрилькуть попытался вскарабкаться на огромную кучу мерзлыхъ шкуръ, сваленныхъ у послѣдняго шатра, но она немедленно расплзлась подъ его ногами и на минуту совсѣмъ заслонила отъ его глазъ приближавшихся ѣздоковъ. Они мчались во весь опоръ, заставляя оленей напрягать послѣднія силы. Корма снѣгу такъ и летѣли изъ-подъ копытъ. Маленькія легкія нарты судорожно подпрыгивали на каждомъ ухабѣ.

— Напрасно смотрите, — вдругъ сказалъ Акомлюка. — Это не передніе!

— Ты откуда знаешь? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— А ты думаешь, передніе олени такъ отбрасываютъ ноги? — саркастически возразилъ онъ. — Это какіе-то хромые, должно быть, съ полдороги вернулись!..

Дѣйствительно, когда черезъ нѣсколько минутъ нарты подскакали къ стойбищу, ѣздоки сконфуженно стали распрягать оленей въ сторонкѣ, не дотрогиваясь до ставки.

Настоящіе передніе нарты показались почти черезъ

полчаса. На этотъ разъ въ глубинѣ дороги появилось только одно облачко, которое мчалось съ удивительной быстротой, гораздо скорѣе двухъ раньше пріѣхавшихъ нартъ.

Амрилькуть опять полѣзъ на свои шкуры.

— Двѣ нарты! — сказалъ онъ увѣренно. — Толинъ и Коколи, больше некому.

Облачко дѣйствительно раздѣлилось надвое, и задняя половина постепенно начала отставать отъ передней. Сзади на самомъ краю горизонта появилась длинная полоска снѣжной пыли, низко прилегавшая къ землѣ и тоже быстро катившаяся по направленію къ стойбищу. Черезъ пять минутъ весь поѣздъ быдъ на виду. Толинъ и Коколи-Ятиргинъ дѣйствительно скакали во главѣ состязавшихся. Толинъ былъ впереди всѣхъ; его высокіе поджарые олени вытягивались, какъ борзые собаки, и такъ далеко забрасывали свои длинныя ноги, что заднія копыта чуть не стучались о переднія. Ъздокъ сидѣлъ скорчившись и только похлопывалъ возжами. Толинъ больше всего гордился именно тѣмъ, что его олени не нуждаются въ ударахъ бича. Коколи-Ятиргинъ, отставшій отъ него сажень на десять, напротивъ, осыпалъ оленей беспощадными ударами остраго костяного наконечника ¹⁾. Его олени очевидно, достигли высшей быстроты бѣга и не имѣли силъ ускорить движеніе.

По лицу Амрилькута расплылась широкая улыбка. Толинъ былъ женатъ на его племянницѣ и, пріѣзжая на Россомашью, жилъ у него на стойбищѣ.

— Наддай, Толинъ! — крикнулъ онъ и, не надѣясь, что его слова будутъ услышаны, сдернулъ съ головы свой широкій лисій шлыкъ и азартно замахалъ имъ въ воздухѣ.

¹⁾ Бичъ состоитъ изъ гибкаго деревяннаго прута съ острымъ наконечникомъ изъ моржоваго зуба.

Толинъ бросилъ бѣглый взглядъ въ сторону зрителей и, привставъ на полозьяхъ, приподнялъ бичъ. Олени его рванулись впередъ и оставили Коколи-Ятиргина еще на нѣсколько сажений. Побѣда его была обезпечена. До конца бѣга оставалось не болѣе тридцати или сорока сажений. Вдругъ лѣвый олень неловко передернулъ въ воздухъ передними ногами и неожиданно воткнулся носомъ въ снѣгъ. Толинъ взмахнулъ бичомъ и на этотъ разъ ударилъ оленя съ такою силой, что кровь брызнула изъ-подъ наконечника. Олень сдѣлалъ было усиліе, чтобы рвануться впередъ, но вмѣсто того сталъ клониться на сторону и, наконецъ, повалился на снѣгъ, увлекая за собой другого оленя, соединеннаго съ нимъ общей короткой уздой.

Толинъ еще разъ передернулъ возжами, потомъ хотѣлъ было соскочить съ нарты и докончить состязаніе пѣшкомъ, но было уже поздно. Коколи-Ятиргинъ успѣлъ схватить главную ставку, а сзади, какъ буря, налетала безпорядочная вереница бѣговыхъ нартъ.

— Ухъ! — жалобно простоналъ Толинъ, ударивъ себя руками по бедрамъ, и пошелъ въ сторону, не позаботившись даже распрячь своихъ бѣгуновъ, запутавшихся въ упряжи и бившихся въ снѣгу.

Впрочемъ, два или три подростка тотчасъ же подскочили къ его нартѣ и, осторожно распутавъ упряжь, распрягли оленей и повели ихъ къ мѣсту привязи. Лѣвый олень поднялся на ноги, и теперь, какъ ни въ чемъ не бывало, ступалъ по снѣгу вслѣдъ за мальчикомъ, державшимъ въ рукѣ узду.

Амрилькуть, стоявшій рядомъ со мной, нахмурился.

— Посмотри, — сказалъ онъ мнѣ таинственно, указывая на удалявшихся оленей. — Непремѣнно напущено! Олени совсѣмъ не пристали. Безъ колдовства развѣ упа-

дутъ олени передъ концомъ бѣга? Чье-то злоумышленіе; тайныя слова!..

Я слушалъ его безъ удивленія, ибо мнѣ было извѣстно, какое мѣсто занимають всевозможные заговоры и чары въ чукотской жизни.

Вниманіе Амрилькута тотчасъ же отвлеклось въ другую сторону. Участники бѣга продолжали пріѣзжать то группами, то по одиночкѣ, до послѣдней минуты стараясь блеснуть предъ зрителями быстротой своихъ упряжекъ. Ъхавшіе вмѣстѣ такъ усердно стремились обогнать другъ друга, какъ будто ни одна ставка еще не была взята. Къ великому угѣшенію всѣхъ зрителей, Каляи вернулась въ числѣ самыхъ первыхъ и, подлетѣвъ къ стойбищу, бойко соскочила съ нарты, круто осадивъ оленей. Ея некрасивое лицо разгорѣлось отъ холода и движенія и какъ будто преобразилось; она казалась теперь моложе и свѣжѣе; ея юркая фигура въ одеждѣ изъ растрепаннаго рыжаго мѣха замелькала по стойбищу, показываясь то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Самые задніе вернулись шагомъ на обезсилѣвшихъ оленяхъ, еле передвигавшихъ ноги. Иные ѣхали на одномъ оленѣ, а другого вели сзади на привязи. Этынкѣу, хвастливо намѣревавшійся захватить собственную ставку, пріѣхалъ двадцатымъ. Единственный ламуть, дерзнувшій вступить въ состязаніе съ чукчами, пріѣхалъ въ самомъ хвостѣ ѣдущихъ и поспѣшилъ удалиться въ сторону, избѣгая насмѣшекъ.

Калоунъ, самый удалый изъ чаунщиковъ, олени котораго взяли не одинъ призъ на разныхъ бѣгахъ отъ Чауна до Колымы, вернулся послѣднимъ. Онъ велъ за собою на длинной привязи трехъ или четырехъ оленей. То были присталые, покинутые по дорогѣ различными ѣздоками, на попеченіе того, кто будетъ ѣхать сзади всѣхъ.

— О-о! — смѣялись чукчи, глядя на этотъ поѣздъ.—

Предводитель кочевья ѣдет! Другъ, гдѣ твой кочевой караванъ?

Кочевой караванъ обыкновенно движется шагомъ.

— Близко! — отшучивался Калюунъ. — Да и стадо тутъ же. Что, мохъ найдется ли? Ваши копыта весь мохъ вытоптали!..

— Что дѣлать? Олени пристали, — объяснялъ онъ потомъ зрителямъ. — Только третьяго дня пріѣхалъ съ Чауна!..

Молодые парни, собиравшіеся состязаться въ пѣшемъ бѣгѣ, уже давно сгорали отъ нетерпѣнія. Маленькій и невзрачный Келеккакъ, бѣдный родственникъ Акомлюки, проживавшій въ качествѣ пастуха при его стадахъ, подбѣжалъ ко мнѣ съ озабоченнымъ видомъ.

— Хочешь ставить, такъ ставь! — заговорилъ онъ безъ обиняковъ. — Молодые люди хотятъ бѣжать. Видишь, солнце перевалило черезъ макушку неба. До вечера еще много работы!..

Я велѣлъ одному изъ своихъ спутниковъ достать обѣщанную ставку.

Только поставь побольше! — сказалъ Келеккакъ. — Далеко будемъ бѣжать! Жалко нашихъ ногъ при малой ставкѣ!..

— А тебѣ какая забота? — возразилъ я шутя. — Развѣ ты возьмешь? Твои ноги что-то коротки!..

— Пусть коротки! — возразилъ Келеккакъ увѣренно, — все равно возьму! Ставь ставку! Замедленіе ты!..

Ставка вызвала одобреніе всѣхъ присутствующихъ. Она состояла изъ полукирпича чаю и папуши листового табаку, что представляло по южно-сибирскимъ цѣнамъ стоимость немного болѣе полтинника, но мнѣ обошлось не менѣе двухъ рублей, а у окрестныхъ жителей представляло мѣновую цѣну двухъ молодыхъ оленей. Келеккакъ и его товарищи тотчасъ же стали приготовляться къ бѣгу. Они

снимали обувь и верхнее платье и оставляли на себѣ только нижнюю одежду, сдѣланную изъ тонкихъ и мягкихъ шкуръ, и тонкіе мѣховые чулки, надѣтые шерстью внутри, запущенные подъ шаровары и плотно затянутые шнурками вокругъ щиколотки. Въ рукахъ у каждаго былъ короткій и крѣпкій посохъ съ широкимъ роговымъ наконечникомъ, для того чтобы подпираться во время бѣга. Всѣхъ участниковъ бѣга набралось человекъ двѣнадцать. Большая часть ихъ сгруппировалась около ставки, нисколько не заботясь о томъ, чтобы выравняться въ линію, и дожидаясь только, чтобы послѣдніе окончили переодѣваніе. Плотная фигура Акомлюки замѣтно выдавалась между другими.

Онъ не снялъ кукашки и только плотнѣе затянулъ поясъ вокругъ стана и неподвижно стоялъ, опираясь на посохъ, весь наклонившись впередъ и готовый каждую минуту сорваться съ мѣста. Трое молодыхъ ламутскихъ парней, тоже пожелавшихъ принять участіе въ состязаніи, тощихъ и низкорослыхъ, съ ногами, похожими на спички, выглядѣли рядомъ съ ними просто пигмеями.

— Какъ весенніе телята возлѣ сохатаго! — самодовольно говорили чукчи, поглядывая на группу молодыхъ людей. Старые ламуты, стоявшіе въ толпѣ, только поддакивали. Они слишкомъ боялись чукчей и зависѣли отъ нихъ, чтобы защищать передъ ними свое національное достоинство. Даже степенный Пэлэпка — Павелъ (Павелъ Филипповъ), капраль ¹⁾ рода Балаганчиковъ, счелъ своимъ долгомъ замѣтить на ломаномъ чукотскомъ языкѣ:

— Ламуты слабѣе, ламуты мало ѣдятъ! Никогда ѣды нѣтъ — оттого!..

Какъ только послѣдній изъ переодѣвавшихся поднялся съ земли, вся группа кинулась вразсыпную, толкая и пере-

¹⁾ Капраль — одна изъ мелкихъ родовыхъ властей у ламутовъ.

гоня другъ друга, но все-таки видимо, стараясь сберечь свои силы для дальнѣйшей части состязанія. Въ виду важности ставки бѣгъ предполагался далекій. «Пока обезсилимся! Пока мозгъ въ костяхъ не сожмется!» — говорили парни. Рѣшающее значеніе, конечно, должно было принадлежать обратной половинѣ пути по направленію къ стойбищу.

Зрители стояли, не расходясь, и смотрѣли вслѣдъ убѣгавшимъ. Я сталъ искать глазами Толина. Они стояли съ Амрилькутомъ въ сторонѣ и о чемъ-то оживленно разговаривали. Я подошелъ сушать.

— Я тебѣ опять говорю, — настаивалъ Амрилькутъ, — не гонись ты за призомъ! Ихъ умы всѣ противъ тебя! Еще испортятъ тебя, да!.. Если нельзя не состязаться, самъ останься сзади, пріѣзжай третьимъ или четвертымъ!.. Дай другимъ потѣшиться!..

Толинъ упрямо тряхнулъ своими длинными серьгами.

— Скажи ему, Вэипъ! — обратился ко мнѣ Амрилькутъ съ огорченнымъ видомъ. — Онъ русскихъ любитъ, можетъ, тебя послушаетъ!..

— Я какъ стану сзади оставаться?.. — проворчалъ Толинъ — Люди хотятъ обогнать, а я стану оленей удерживать?.. Пусть колдуютъ! Мы тоже найдемъ вдохновеніе!..

Къ моему удивленію, Энмувія, который вчера такъ неотвязно преслѣдовалъ Митрофана, не побѣждалъ вмѣстѣ съ другими.

— А ты чего? — насмѣшливо обратился къ нему Селивановъ. — А еще, говорятъ, легкій человекъ!

Энмувія печально посмотрѣлъ на него.

— Худо! — сказалъ онъ со вздохомъ. — Съ утра занемогъ.

Чай пилъ плохо. Ъду не ѣлъ. Теперь все тѣло дрожитъ!..

— Отчего заболѣлъ? — допытывался Селивановъ.

— Кто знаетъ? — отвѣтилъ Энмувія уклончиво. — Людей

съ твердымъ сердцемъ слишкомъ много, мужчинъ и женщинъ!..

— Видишь! — сказалъ Селивановъ съ негодованіемъ, уразумѣвъ намекъ и обращаясь на этотъ разъ ко мнѣ. — Только у нихъ ума, чтобы портить другъ дружку. Давеча Толиновыхъ оленей, а теперь и до людей дошло!..

Каляи отыскивала меня въ толпѣ.

— Другъ! — сказала она просительно. — Ты обѣщаль поставить и женщинамъ. Поставь поскорѣе! Я не въ силахъ дожидаться. Сами ноги такъ и убѣгають. Поставь, пожалуйста! Пусть и изъ насъ кто-нибудь потѣшитъ душу, русскую ставку возьметъ!

Я поставилъ ставку и для женщинъ. Онѣ оказались гораздо азартнѣе мужчинъ и толпою бросились впередъ, не давая себѣ даже времени раздѣться и кое-какъ на бѣгу развязывая оборы и сдергивая черезъ голову мохнатые верхніе кэркэры. Толстая Виськатъ не преминула запутаться въ собственной волочащейся штанинѣ и тутъ же около стойбища ткнула лицомъ въ снѣгъ, вызывая смѣхъ и вольныя шутки зрителей. вмѣстѣ со взрослыми дѣвками и молодыми бабами побѣждали и молоденькія дѣвочки, которыя не могли имѣть никакой надежды добѣжать даже до половины бѣга. Маленькая Уанга тоже ковыляла сзади всѣхъ на своихъ короткихъ ногахъ. Черезъ четверть часа женщины, въ свою очередь, потерялись изъ глазъ, растаявъ въ сверкающей снѣжной бѣлизнѣ рѣчной долины. Ожидать возвращенія обѣихъ партій приходилось долго, ибо пѣшія бѣга, конечно, происходитъ гораздо медленнѣе оленьяго.

Этынкэу посмотрѣлъ кругомъ. Акомлюки и Умки не было. Всѣ тѣ люди, столкновение которыхъ могло оказаться опаснымъ, были въ числѣ участниковъ бѣга. Въ его головѣ неожиданно родился мудрый планъ.

— Если бороться, — громко заговорилъ онъ, — надо теперь начинать. Вечеръ приближается. Когда еще окончимъ!

— Кто хочетъ бороться, пусть бѣжитъ грѣться, — заключилъ онъ, входя въ роль хозяина. — А ты давай ставку!..

Человѣкъ тридцать изъ присутствующихъ, всѣ, кто были помоложе, побѣжали толпой по общей дорогѣ. Это была уже третья партія состязавшихся. Этынькэу, отыскавъ мѣсто поровнѣе, заботливо утаптывалъ ногами снѣгъ и убиралъ прочь сучья и щепки. Люди, побѣжавшіе грѣться, тоже скрылись изъ глазъ, но вмѣсто нихъ на горизонтѣ показалось нѣсколько движущихся точекъ, которыя, конечно, должны были принадлежать партіи женщинъ. Бѣгъ молодыхъ парней долженъ былъ простираться гораздо дальше, и для нихъ было еще рано появиться на полѣ зрѣнія.

Женщины постепенно приближались къ стойбищу. Онѣ растянулись въ длинную линію съ огромными промежутками и, видимо, изнемогали отъ усталости. Всѣ силы ихъ ушли на стремительность первоначальнаго порыва. Большая часть уже думала не о ставкѣ, а о томъ, чтобы какъ-нибудь добраться до стойбища. Иныя ложились лицомъ на снѣгъ и лежали неподвижно, ожидая, пока подойдутъ бывшія позади. Только Каляи и еще одна молодая дѣвушка лѣтъ 18, разгорѣвшаяся, какъ огонь, и выпроставшая плечи и грудь изъ широкихъ рукавовъ карсажа, еще имѣли силу бѣжать взапуски. Каляи, впрочемъ, успѣла добѣжать первая, и схвативъ чай и табакъ, бывшіе на ставкѣ, въ обѣ руки, изнеможенно опустилась на землю. Лицо ея посинѣло отъ напряженія; растрепанныя косы были покрыты густымъ слоемъ мохнатаго инея; на бровяхъ, на рѣсницахъ, — вездѣ былъ бѣлый налетъ. Она хотѣла что-то

сказать, но не могла выговорить ни слова и только громко и часто дышала, какъ загнанная лошадь. Дѣвушка прибѣжавшая сзади, съ досадой сдернула свой корсажъ еще ниже и повалилась навзничъ въ сугробъ рыхлаго снѣга.

Люди, убѣжавшіе для того, чтобы согрѣться передъ борьбой, тоже возвращались. Добѣгая до мѣста борьбы, они устанавливались широкимъ кругомъ вмѣстѣ съ простыми зрителями. Калюунъ, славившійся своимъ искусствомъ въ борьбѣ, вышелъ на средину и сдернулъ свою парную кукашку, обнажившись до пояса. Его красивый бѣлый торсъ съ выдающимися мускулами на груди и на рукахъ, какъ-то странно отдѣлялся отъ неуклюжихъ мѣховыхъ штановъ, сшитыхъ по обычному чукотскому покрою и потому лишенныхъ пояса и упрямо сдвигавшихся внизъ.

Шея его была украшена ожерельемъ изъ двойного ряда крупныхъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ.

— Ну, кто хочетъ? — сказалъ онъ, присѣдая на корточки и растирая снѣгомъ свои плечи и грудь, чтобы вызвать приливъ крови къ кожѣ, защищающей отъ холода. Долговязый молодой кавралинъ выступилъ изъ рядовъ и тоже снялъ кукашку, приготовляясь къ борьбѣ. Онъ былъ хромъ на лѣвую ногу, и это помѣшало ему принять участіе въ бѣгѣ, но онъ хотѣлъ наверстать свое.

— Ты куда, Иченъ? — останавливали его зрители. — Калюунъ тебѣ еще изломаетъ что-нибудь!

Но Иченъ не обращалъ вниманія на уговоры и всталъ въ боевую позицію, наклонивъ впередъ туловище, немного разставивъ ноги и стараясь покрѣпче утвердить на снѣгу скользкія подошвы своихъ сапогъ.

Противники бросались другъ на друга по очереди. Одинъ стоялъ пассивно, а другой нападалъ, стараясь сбить его съ ногъ или, по крайней мѣрѣ, стащить съ мѣста. Они безъ разбора хватили одинъ другого всей горстью за грудь,

за кожу на загривкѣ, за бока, повсюду, куда только можно было впитаться крѣпкими пальцами и даже ногтями. Двѣ пары рукъ непрерывно упали на мокрое тѣло, отскакивали съ хлопающимъ звукомъ, похожимъ на удары валька по мокрому бѣлью. Борцы падали на землю, перекатывались другъ черезъ друга, таскали одинъ другого въ мокромъ снѣгу и, вскакивая, расходились, присѣдали на корточки на противоположныхъ концахъ арены, натирались снѣгомъ и снова становились въ позицію для возобновленія борьбы. Наконецъ Калюунъ такъ хлопнулъ Ичена объ твердо утоптаннй снѣгъ, что тотъ, поднявшись, началъ смущенно потирать плечи и отошелъ въ сторону, признавъ себя побѣжденнымъ.

Одолѣвъ еще одного соперника, Калюунъ тоже вошелъ въ ряды для того, чтобы передохнуть. За нимъ оставалось право вступить въ единоборство съ послѣднимъ побѣдителемъ для того, чтобы испытать, кто окажется сильнѣе всѣхъ. На арену выступили новые борцы, но борьба почему-то не разгоралась. Чукчи, видимо, боялись увлекаться, очень хорошо зная, что у такихъ разнородныхъ соперниковъ, какіе были здѣсь, при первой же серьезной стычкѣ борьба можетъ обратиться въ кулачный бой и окончиться неожиданнымъ побоищемъ. Когда человекъ десять уже перебивало на аренѣ, наконецъ, раздался крикъ подростковъ, бѣжавшихъ взадъ и впередъ по стойбищу:

— Бѣгутъ!

Борьба тотчасъ же прекратилась; смотрѣть на состязаніе бѣжавшихъ было гораздо интереснѣе. Ставку подѣлили между собою Калюунъ и еще одинъ черный приземистый чукча, тоже свалившій двухъ человекъ.

Черезъ нѣсколько минутъ бѣжавшіе уже приближались къ стойбищу. Впереди всѣхъ дѣйствительно былъ

Келеккакъ. Несмотря на десятиверстное разстояніе, оставшееся за его спиной, онъ бѣжалъ легко, рѣдкими и большими прыжками, каждый разъ закидывая впередъ посохъ и стараясь ступить какъ можно дальше вытянутымъ носкомъ ноги.

— Хорошо бѣжить! — рѣшили знатоки. — Настоящія оленьи ноги.

Шагахъ въ двадцати за Келеккаккомъ бѣжали рядомъ Акомлюка и одинъ изъ молодыхъ ламуговъ. Ламутъ постоянно убѣгалъ впередъ, но Акомлюка снова дѣлалъ усиліе и настигалъ его, забѣгая со стороны дороги и стараясь отгѣснить его въ снѣгъ. Другіе такъ отстали, что ихъ едва можно было разглядѣть. Мало-по-палу ламутъ и Акомлюка стали приближаться къ Келеккаку. Разстояніе между ними сократилось шаговъ до десяти, потомъ сдѣлалось еще меньше. Одну минуту казалось, что кто-нибудь изъ задней пары вырветъ пальму побѣды у передняго бѣгуна! Но Келеккакъ рванулся впередъ съ новой энергіей и снова оставилъ своихъ соперниковъ сзади. Нѣсколькими широкими прыжками онъ достигъ цѣли и схвалилъ призъ. Его волосы, брови и рѣдкіе усы тоже были запущены инеемъ, но онъ, повидимому, не очень усталъ.

— Куда имъ со мной состязаться? — гордо говорилъ онъ. Я сызмалѣтства привыкъ; сутками бѣгаю за стадомъ, ни разу не садясь; не знаю, что такое пологъ.

— Акомлюка въ изнеможеніи опустился на нарту, стоявшую у межевой черты.

— Если бы не моя болѣзнь, — сказалъ онъ, съ трудомъ выговаривая слова отъ усталости, — мы бы еще потягались. Злой духъ лишилъ меня силы. Это всѣ знаютъ.

Акомлюка, дѣйствительно, недавно оправился отъ болѣзни.

— А хочешь? — сказалъ вызывающимъ тономъ Келек-

какъ, въ упоеніи побѣды, повидимому, забывшій свое зависимое положеніе.—Хочешь, опять побѣдимъ! Я готовъ пробѣжать еще столько же!

Оставшіеся сзади подбѣгали одинъ за другимъ. Мой новый пріятель Ятиргинъ, несмотря на усталость, тотчасъ же освѣдомился о ставкѣ для борцовъ и былъ весьма не пріятно удивленъ, узнавъ, что борьба уже окончена.

— Зачѣмъ такъ сдѣлали? — громко ропталъ онъ. — Жаль табаку! Мы развѣ не люди, что насъ не захотѣли ждать?

Однако ропотъ его остался безъ послѣдствій. Солнце быстро спускалось на западный склонъ горизонта, и для вторичнаго состязанія не оставалось времени.

Молодые подростки, не принимавшіе участія въ бѣгѣ, не желая отставать отъ старшихъ, затѣяли состязаніе въ прыганіи, воздвигая изъ жердей и изломанныхъ саней импровизированные барьеры и преграды. Прыгали они, не раздвигая ногъ, съ плотно сложенными носками, стараясь придать себѣ легкости нѣсколькими послѣдовательными прыжками и сдѣлать послѣдній рѣшительный прыжокъ возможно дальше. Неловкій обыкновенно попадалъ ногами въ середину груды деревянныхъ обломковъ и платился довольно чувствительными ушибами. Парни, немного отдохнувъ, принялись прыгать взадъ и впередъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто никто изъ нихъ не участвовалъ въ недавнемъ бѣгѣ. Каждый, вновь прыгавшій, старался превзойти предшественника; предѣльная черта прыжка отодвигалась все дальше и дальше. Побѣдителемъ, однако, оказался не Келеккакъ и никто изъ чукотскихъ парней, а довольно пожилой ламуть съ безобразнымъ лицомъ и ногами, искривленными отъ постоянного сидѣнья на оленьемъ хребтѣ. Его подошвы, казалось, были сдѣланы изъ каучука; онъ легко переносился черезъ всѣ барьеры, и каждый

слѣдъ, оставленный его ногами на снѣгу послѣ предѣльнаго прыжка, былъ недостижимой цѣлью для всѣхъ чукотскихъ прыгуновъ.

Мальчишки отстали отъ взрослыхъ и, привязавъ къ вершинѣ дерева длинный ремень съ лямкой на концѣ, бѣгали по кругу, забавляясь «гигантскими шагами». Нѣсколько молодыхъ женщинъ собрались на другомъ концѣ стойбища и затѣяли своеобразное игрище, которое тотчасъ же привлекло къ себѣ вниманіе всѣхъ мужчинъ, молодыхъ и старыхъ.

Три пары самыхъ бойкихъ женщинъ встали другъ противъ друга и начали такъ называемое «горлохрипѣніе», которое замѣняетъ у чукчей хоровое пѣніе и служитъ введеніемъ къ пляскѣ.

Онѣ испускали странные горловые звуки, совершенно не поддающіеся описанію, производя ихъ непрерывной смѣной короткихъ и отрывистыхъ выдыханій и вдыханій. Казалось, какъ будто оригинальныя пѣвицы изо всѣхъ силъ стараются удержать голосъ въ самой глубинѣ горла и каждый звукъ, все-таки выходящій наружу, стремятся снова проглотить и вернуть обратно. Сквозь это странное хрипѣнье съ трудомъ можно было уловить слова припѣва:

— Одноглазый старикъ съ молодой дѣвкой состязались въ горлохрипѣніи... А-хай, а-хай, а-хай!..

— Пока у старика не вылѣзъ послѣдній глазъ изъ лба... А-хай, а-хай, а-хай! А-хай, а-хай, а-хай!..

— Гуня вай, гуня вай! — затянули пѣвицы протяжнымъ речитативомъ.

— Мы стали безъ костей!

Начался обычный танецъ, состоявшій изъ довольно нелѣпаго топтанія на мѣстѣ и разнообразившійся вставочными мимическими эпизодами наивно безстыднаго харак-

тера, которые я затрудняюсь описать. Мальчишки тоже приняли участіе въ пляскѣ, и одинъ въ особенности возбуждиль всеобщій восторгъ выразительной гибкостью своего стана и подвижностью поясницы.

Послѣ пляски женщины завязали цѣлый рядъ разнообразныхъ игръ. Однѣ прыгали черезъ веревочку, переваливаясь съ ноги на ногу, похлопывая мѣховыми рукавами въ тактъ прыжкамъ и каждый разъ задѣвая штаниной о штанину. Другія пускались взапуски «на четырехъ косяхъ», крѣпко упираясь въ землю носками ногъ и кулаками выпрямленныхъ рукъ, которыя должны были оставаться все время несогнутыми. Третьи прыгали взадъ и впередъ, сжавшись въ комокъ и схватившись руками за носки сапогъ, что при массивности мѣховыхъ одеждъ требовало немалой ловкости. Четвертыя, наконецъ, попросту ползли на брюхѣ, вытянувъ ноги, сложенные вмѣстѣ, упираясь локтями о землю и поразительно напоминая ползущихъ нерпъ, — онѣ, дѣйствительно, имѣли въ виду подражать нерпамъ.

Акомлюка проявлялъ весьма живой интересъ къ женскимъ играмъ и осыпалъ участницъ шумными возгласами одобренія. Самымъ бойкимъ онъ выражалъ свое сочувствіе еще нагляднѣе и пускалъ въ ходъ свои длинныя руки, что заслужило ему отъ Каляи довольно изрядный толчокъ въ грудь.

— А ты что стоишь, какъ дерево? — задорно сказалъ онъ Ятирину, — и не обнимаешь такихъ удалыхъ дѣвочекъ?

Ятиринъ только поглядѣлъ на него и не отвѣчалъ ни слова. Длинная фигура Тылюви, какъ безмолвное *temento mori*, виднѣлась у входа въ послѣдній шатеръ. Она разложила большой огонь и накладывала куски мяса въ закопченный котелъ, готовясь подвѣсить его на крюкъ.

— Ну, давай хоть поборемся! — предложилъ Акомлюка. — Зачѣмъ тебѣ стоять безъ дѣла?

Ятиргинъ тотчасъ же согласился. Несмотря на свой тшедушный видъ, онъ считался однимъ изъ самыхъ сильныхъ борцовъ въ Кичетунѣ, Энурминѣ и Нэтэнѣ, трехъ приморскихъ поселкахъ, расположенныхъ рядомъ.

Они схватились, не снимая кушака, и стали топтаться на мѣстѣ, старясь половчѣе притянуть къ себѣ противника. Акомлюка нападалъ, а Ятиргинъ, сообразно обычаямъ борьбы, долженъ былъ ограничиться только пассивнымъ сопротивленіемъ. Вдругъ, замѣтивъ, что Акомлюка слишкомъ подался впередъ, онъ сильно отскочилъ и дернулъ за плечи противника, — тотъ немедленно растянулся во всю длину, ударившись лицомъ о снѣгъ.

— Это противъ обычая! — закричалъ, онъ вскакивая на ноги. — Не твоя очередь! Вотъ я тебя еще не такъ дерну!..

Но долговязый Энмувія удержалъ его за руки. Съ утра онъ успѣлъ оправиться и теперь сторалъ желаніемъ испробовать свои силы. — Я стану! — говорилъ онъ нетерпѣливо. — Ты потомъ!..

Волей-неволей Акомлюка вынужденъ былъ уступить мѣсто новому претенденту.

Началась борьба между маленькимъ кавралиномъ и долговязымъ олениводомъ, который былъ выше своего противника на полторы головы, и длилась очень долго безъ всякаго рѣшительнаго перевѣса въ ту или другую сторону. Энмувія два раза высоко приподнималъ Ятиргина въ своихъ огромныхъ объятіяхъ и далеко бросалъ его въ сторону, совсѣмъ наотмашь, но Ятиргинъ оба раза, какъ кошка, падалъ на ноги. Съ другой стороны, всѣ уловки, избобрѣтенныя чукотской борьбой и-поочередно пущенныя въ ходъ Ятиргиномъ, оказались безсильными для того,

чтобы сбить съ ногъ огромнаго представителя оленныхъ людей.

Акомлюка ни за что не хотѣлъ успокоиться.

— Моя очередь! — кричалъ онъ. — Перестань, Энмувія! Пусть я попробую!..

Дюжія Умка, дѣйствительно напоминавшій фигурой бѣлаго медвѣдя и, для довершенія сходства, съ головы до ногъ облеченный въ бѣлую мѣховую одежду, выступилъ впередъ и неторопливо сталъ развязывать поясъ.

— Если тебѣ хочется, такъ попляшемъ со мной! — сказалъ онъ съ жестокой улыбкой на своемъ четвероугольномъ, кирпично-багровомъ лицѣ съ крупнымъ носомъ и массивными челюстями.

Акомлюка на минуту смѣшался, но старики, находившіеся среди зрителей, единодушно запротестовали противъ борьбы.

— Довольно! — кричалъ Амрилькутъ. — Перестаньте на ночь! Народъ озябъ, нужно войти въ пологъ, у бабъ ужъ чай варится. Вотъ и солнце входитъ въ свой шатеръ!..

Солнце дѣйствительно закатилось. У каждаго шатра былъ разведенъ огонь, и женщины суетливо перебѣгали отъ огня къ шатру и обратно, занимаясь приготовленіемъ ужина и ночлега. Всѣ полога уже были поставлены на мѣсто. Морозъ былъ еще крѣпче, чѣмъ вчера. Молодые дѣвки мерзли и то и дѣло вскакивали въ густую струю дыма, тянущуюся отъ костра по направленію вѣтра, для того, чтобы нѣсколько согрѣть свои полуобнаженные плечи. Спутники мои давно забились въ пологъ, хотя въ только что поставленномъ чукотскомъ пологу, пока онъ не прогрѣется парами чайника и дыханіемъ ночлежниковъ, пожалуй, еще холоднѣе, чѣмъ на дворѣ. Тылювія зажигала свѣтильню въ своей каменной лампѣ, намѣреваясь внести ее въ пологъ. Я счелъ за лучшее послѣдовать за ней.

III.

Ятиргинъ не заставилъ себя долго ждать. Въ качествѣ гостепріимнаго хозяина онъ считалъ своей обязанностью не оставлять меня одного въ пологу. Вмѣстѣ съ нимъ явился молодой человѣкъ съ довольно пріятнымъ лицомъ, тихимъ голосомъ и застѣнчивыми глазами. Имя его было Тэнгэтъ. Онъ былъ братомъ чаунскаго витязя Пэкуля, о походахъ котораго ходитъ много разсказовъ на Колымѣ. О самомъ Тэнгэтѣ говорили, что изъ всѣхъ кавралиновъ, пришедшихъ въ текущую весну на Анюйскую землю, онъ былъ самымъ сильнымъ шаманомъ, сильнѣе даже Тылюви, несмотря на ея загадочное измѣненіе пола. Китуви не было. Онъ ушелъ въ стадо на всю ночь.

Ужинъ прошелъ такъ же, какъ вчера. «Женщина» хлопотала на дворѣ, крошила варево, толкла мерзлое мясо на ёду мужчинамъ, влѣзла въ пологъ для того, чтобы налить чай, и опять вылѣзла наружу, однимъ словомъ, ревностно исполняла многочисленныя вечернія обязанности чукотской хозяйки дома. Она вошла окончательно въ пологъ только послѣ того, какъ мужчины окончили ёду, и удовлетворилась объѣдками и костями, составляющими вѣчный удѣлъ женщинъ. Она, по-вчерашнему, тщательно выскребла ногтями деревянное корыто и чисто-начисто вылизала сковородку и нѣсколько полуразбитыхъ чашекъ, изъ которыхъ мы пили чай, потомъ все ненужное выставила наружу и окончательно закрыла входную полу полога, подвернувъ ея край подъ шкуры, разостланныя на полу. Въ пологѣ было такъ же душно, какъ вчера. Мы всѣ были раздѣты донога и все-таки обливались потомъ. Я плотно прижался къ стѣнкѣ. Подъ бокомъ у меня стоялъ огромный котелъ, наполненный холоднымъ бульономъ;

онъ очень непрочно опирался на неровную подстилку и при каждомъ неосторожномъ движеніи расплескивалъ часть своего содержимаго.

Ятиргинъ опять началъ рассказы о чудесахъ и рѣдкостяхъ его родной земли и сопредѣльныхъ странъ.

— А за моремъ, — говорилъ онъ, — есть на далекомъ берегу большой лѣсъ, которому нѣтъ конца. Въ томъ лѣсу живутъ люди-невидимки. Когда они выходятъ на торгъ, можно видѣть только лисицъ и бобровъ, которыхъ несутъ въ рукахъ, ибо сами они неуловимѣе тѣни. Кажется, будто мѣха сами движутся по воздуху. И когда наши торговцы придутъ къ нимъ, они выбѣгаютъ на опушку лѣса и кричатъ: Давайте торговаться! — Тогда купцы бросаютъ папушку табаку какъ можно дальше въ глубь лѣса.

— О-о, табакъ, табакъ! — раздается въ лѣсу крикъ. На опушкѣ начинается шумъ, споры... А кто галдитъ, не видно. Потомъ изъ лѣсу вылетаютъ бобры или сума съ песцами. За одну папушку даютъ полную суму песцовъ... И еще есть тамъ озера, и на берегу подъ деревьями сидятъ люди-половинки, словно расколотые по длинѣ, и когда услышатъ чьи-нибудь шаги, склеиваются между собой попарно и бросаются въ воду. Они тоже желаютъ табаку. Въ землѣ выкопаны норы, и въ норахъ живутъ люди, маленькіе, какъ зайцы, и они тоже желаютъ табаку. Еще есть другіе, великаны, выше стоячихъ деревьевъ, они живутъ въ сопкахъ, въ горныхъ пещерахъ, и, когда варятъ пищу, огонь выходитъ изъ вершины сопки. Они тоже желаютъ табаку. И всѣ люди на томъ берегу жаждутъ только табаку и за комочекъ трубочнаго нагара, величиной съ полнаперстка, готовы отдать красную лисицу. Еще есть: въ открытомъ океанѣ, среди глубокой пучины, стоитъ высокое дерево, въ деревѣ большое дупло; въ дуплѣ

живеть злой духъ. Сучьевъ у дерева выше счисленія, на каждомъ сукѣ двадцать разъ двадцать отростковъ, на каждомъ отросткѣ по кривому шипу. Дерево ложится на бокъ и погружается въ пучину; когда поднимется, все бѣлѣетъ отъ рыбы. На каждомъ шипѣ по бѣлой рыбѣ, вся эта рыба падаетъ въ дуло, и злой духъ ее съѣдаетъ. Если чукотская байдара проходитъ слишкомъ близко, дерево падаетъ на нее и, зацѣпляя шипами, сдергиваетъ всѣхъ людей на пищу духу.

За этимъ моремъ есть материкъ, но за материкомъ опять море, а за тѣмъ моремъ птичьи ворота. Тамъ край твердаго неба падаетъ внизъ и, ударившись о землю, отскакиваетъ обратно; никогда не перестаетъ падать и отскакивать. За тѣми воротами находится птичья земля. Туда птицы улетаютъ на зиму. Но небо падаетъ такъ быстро, что не успѣваютъ пролетѣть, и заднихъ прихлопываетъ, какъ въ ловушкѣ. Обѣ сталкивающіяся половинки покрыты толстымъ слоемъ толченыхъ птицъ, больше чѣмъ на вышину человѣка, и перья тамъ вѣчно носятся по вѣтру...

Однако, содержаніе разсказовъ Ятиргина, несмотря на всю ихъ оригинальность, не представляло для меня интереса новизны, и я постарался свести разговоръ на шаманство, намѣреваясь упросить Тылювію показать мнѣ образчикъ своего шаманскаго искусства. Мнѣ хотѣлось узнать, дѣйствительно ли загадочная хозяйка обладала той степенью шаманской силы, которую приписывали ей окружающіе жители.

Ятиргинъ съ первыхъ же словъ о шаманствѣ самъ переложилъ разговоръ на свою жену.

— Ты спрашиваешь, есть ли въ нашей землѣ вдохновенныя!.. — заговорилъ онъ. — Моя жена, хотя молода, но тоже не лишена свободныхъ голосовъ. Слава

Богу! Можно сказать, что не одному человѣку помогла въ болѣзни. Но ни противъ кого не употребила во зло.

Тылювія, услышавъ, что разговоръ коснулся ея особы, проявила еще большую стыдливость, чѣмъ вчера. Зато Тэнгэтъ, сидѣвшій все время молча, обнаружилъ неожиданную словоохотливость. — Я тоже высоко-вдохновенный! — заговорилъ онъ. — Именно я, сынъ Апрыя, Тэнгэтъ! Конечно, я молодъ и стыдливъ. Когда другіе собираются состязаться во вдохновеніи, я прячусь между санями на дворѣ, и меня принуждены приводить въ пологъ силой. Но въ моемъ собственномъ пологу я каждый день разговариваю съ разнообразными духами. Въ моемъ котлѣ съ водой живетъ старый моржъ и отзывается оттуда хриплымъ ревомъ. Когда я ударю въ бубень, три волка приходятъ изъ-подъ постели и воютъ по очереди. Воронъ и гагара пролетаютъ взадъ и впередъ. Невидимая рука просовывается сквозь стѣну и хватается за лицо каждаго изъ присутствующихъ!..

— Ты увидишь завтра! — говорилъ онъ. — Во время жертвоприношенія я ударю въ бубень и создамъ силу въ очагѣ, которая поднимается сквозь отверстіе шатра тонкимъ столбомъ пламени, и духъ будетъ говорить изъ черной золы.

— Моя сила все умѣетъ. Я могу глотать ножи и извергать дорогіе мѣха изъ горла, нырять въ морѣ какъ рыба и летать быстрѣе птицы по небу. Однажды, когда я сидѣлъ въ пологу за ужиномъ, врагъ мой, упившись сердитой водою, взятой отъ морскихъ бородачей, разорвалъ стѣну полога и ударилъ меня ножомъ въ спину, такъ что я упалъ на лицо и умеръ. Но жена посадила меня и вложила въ одну руку бубень, а въ другую колотушку изъ китоваго уса и стала барабанить по бубну, сжимая мою руку своей рукой. Тогда явился Кэля и принесъ мою улетѣвшую душу, и вдунулъ ее въ отверстіе раны, чтобы я

ожилъ и снова сталъ смотрѣть на солнце. А отъ раны не осталось никакого слѣда.

Я сказалъ Тэнгэту, что слава о его подвигахъ достигла великой рѣки и перешла за нее, что я пріѣхалъ сюда, намѣреваясь отыскать его и услышать его шаманскіе напѣвы и что черезъ нѣсколько дней я нарочно пріѣду на его стойбище, желая давать ему отвѣтные отклики.

Послѣ этой краткой рѣчи я прямо обратился къ Тылювіи и сталъ просить ее доказать намъ, что и она одарена вдохновеніемъ и что слова ея мужа не являются напраснымъ хвастовствомъ. Однако, застѣнчивость Тылювіи оказалась препятствіемъ, которое было не весьма легко преодолѣть. Услышавъ мое предложеніе, она немедленно спрятала уже не лицо, а всю голову подъ мѣховое одѣяло, валявшееся подлѣ, и рѣшительно отказывалась отвѣчать мнѣ хотя бы однимъ звукомъ. Я могъ вести съ ней переговоры только при помощи мужа, который съ самаго начала сталъ держать мою сторону и, поднимая мѣховую покрывку, осторожно уговаривалъ Тылювію согласиться, на что она отвѣчала какими-то невнятными звуками, вразумительными только для одного Ятиргина.

Наконецъ, послѣ того какъ я въ десятый разъ сослался на обычаи гостепріимства, дающіе гостю право на угожденіе хозяина, и пообѣщавъ, что о чудесной силѣ Тылювіи я расскажу на своей родинѣ всѣмъ моимъ соплеменникамъ, стыдливая шаманка поколебалась.

— Спроси его,—тихо сказала она Ятиргину,—развѣ на его землѣ люди тоже стучать въ бубенъ и призываютъ духовъ?

Я принужденъ былъ отвѣчать отрицательно.

— Почему же,—недовольно проворчала она,—онъ такъ лакомъ до вызыванія духовъ?.. Я не понимаю!..

Начались новые уговоры и, наконецъ, дѣйствіемъ крас-

норѣчія и подаркомъ небольшой связки табачныхъ листьевъ я вынудилъ у шаманки согласіе, выраженное, однако, устами нашего непремѣннаго посредника.

— Она будетъ шаманить!—сказалъ Ятиргинь.—Я пойду, принесу бубень!..

— Лучше я сама!—сказала недовольнымъ тономъ Тылювія, натягивая мохнатые чулки на свои могучія ноги.—Ты мужъ! Сиди въ пологу! А только скажи ему, что я совсѣмъ не имѣю духовъ послѣ болѣзни. Въ вѣчномъ кашлѣ, не знаю, куда дѣвались. Стуча, не могу вызывать, вызывая, не могу вызвать... Или они глухи?

Я счелъ своей обязанностью протестовать и выразить увѣренность, что духи попрежнему подвластны ея призыву, но Тылювія все еще не хотѣла успокоиться.

— А тебѣ лучше уйти!—обратилась она къ Тэнгэту, уже безъ посредничества мужа.—Я вѣдь въ твой шатеръ не хожу слушать, какъ реветъ твой моржъ.

— Эгэй!—отвѣтилъ безпрекословно Тэнгэтъ и немедленно сталъ одѣваться и собирать свои вещи. Такъ какъ съ его уходомъ въ пологу освобождалось мѣсто, я попросилъ его позвать Айганвата, который остался у Акомлюки вмѣстѣ съ Митрофаномъ и Селивановымъ.

Бубень Тылювіи былъ обыкновеннаго чукотскаго типа—маленькій, круглый, съ тонкимъ деревяннымъ ободкомъ и чрезвычайно звонкой перепонкой изъ оболочки моржоваго желудка. Двѣ тонекія полоски китоваго уса, служившія колотушками, были привязаны къ короткой деревянной ручкѣ бубна.

Черезъ нѣсколько минутъ лампа была погашена, и мы молча сидѣли среди непроницаемой тьмы, ожидая начала.

— Э-гэ-гэ-гэ-гэй!—начала Тылювія тяжелымъ истерическимъ вздохомъ, который вырвался изъ ея горла болѣз-

ненной ногой и сразу наполнилъ всѣ углы полога. Повидимому, необходимость настроить свои нервы на высоту шаманскаго экстаза являлась гнетущимъ бременемъ для ея души.

— Э-гэ-гэ-гэ-гэй! А-яка-яка-яка-якай!..

Оглушительная дробь короткихъ и частыхъ ударовъ раскатилась надъ нашей головой и загремѣла, отскакивая отъ тѣсныхъ стѣнокъ мѣхового ящика и какъ будто стремясь найти себѣ выходъ и вырваться наружу.

— Гоу, гоу, гоу, гоу!—запѣла Тылювія, старательно выдѣлывая голосомъ какой-то необыкновенно сложный напѣвъ, весьма напоминавшій вой мятели на тундрѣ.

— Боббо, боббо, боббо, боббо!.. Гоу, гоу, гоу, гоу!— По обычаю чукотскихъ шамановъ, Тылювія пользовалась бубномъ, какъ резонаторомъ, то держа его передъ самымъ ртомъ, то отводя его вверхъ и внизъ и отклоняя подъ разными различными углами. Ятиргинъ и Айганватъ поощряли ее установленными возгласами сочувственнаго удивленія.— Гычь! Гычь!.. Правда!..

Благодаря акустическимъ свойствамъ полога, звукъ голоса Тылювіи совершенно утратилъ локализацию, и мы перестали связывать его съ тѣмъ опредѣленнымъ мѣстомъ на лѣвой сторонѣ, гдѣ сидѣла шаманка. Большею частью онъ казался исходящимъ изъ независимаго центра, находившагося приблизительно по срединѣ потолка, потомъ облеталъ пологъ справа налево и слѣва направо, кружился надъ нашей головой, бился о стѣны. Голосъ Тылювіи становился громче и громче, стукъ колотушки превратился изъ частой дроби въ непрерывный грохотъ, а духи, дѣйствительно, не хотѣли приходить.

— Приди, приди, приди!..— зывала Тылювія. —А-яка-яка-якай!.. Боббо, боббо, боббо!..

— Ухъ!— вздохнула она, внезапно прерывая стукъ.—

Бубенъ худъ, звонкости мало. Голосъ не долетаетъ до зарубежнаго міра.

Черезъ минуту призывъ возобновился съ удвоенной силой. Подъ грохотъ колотушки одинъ за другимъ раздавались самые причудливые напѣвы. Одни изъ нихъ были сложены старинными шаманами много вѣковъ тому назадъ и переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію, тщательно запоминаемые памятью нововдохновенныхъ учениковъ, другіе были созданы Тылювией въ теченіе тѣхъ таинственныхъ мѣсяцевъ, когда она лежала въ пологу, измѣняя свой полъ, и старалась шаманствомъ избавиться отъ преслѣдованій грознаго духа невѣдомой болѣзни, третьи были плодомъ импровизаціи и продолжали создаваться при каждомъ новомъ общеніи съ «вольными голосами». Къ моему удивленію, среди хаоса запутанныхъ и безформенныхъ звуковъ я могъ уловить отрывки, запечатлѣнные своеобразной красотой и обладавшіе даже мелодіей, которая вообще совершенно чужда пѣнію туземныхъ племенъ сѣверовосточной Азіи.

— Приди, приди, приди!—взывала Тылювія.

Гоу, гоу, гоу!.. Убуу—уу, буу, буу, буу!..

Мнѣ казалось, что пѣніе Тылювіи продолжается уже Богъ знаетъ какъ долго. Спертая духота полога послѣ долгаго дня, проведеннаго на морозѣ, такъ и охватывала голову, и совершенно неожиданно для самого себя я впалъ въ дремоту.

Меня разбудилъ высокій странный звукъ, который раздался на необычайной высотѣ, нѣсколько справа, далеко за предѣлами полога и самого шатра.

Духи, наконецъ, соизволили явиться.

— Гычь!—воскликнулъ было Айганвать, но голосъ его пресѣкся. Ему было не по себѣ.

Звукъ повторился опять за предѣлами полога, но на этотъ разъ замѣтно ближе.

— Приди, приди, приди!—взывала Тылювія.

Черезъ минуту она забилась и зафыркала съ необычайной силой. Трескъ бубна раздавался адскимъ грохотомъ, и можно было явственно различить, что теперь стучатъ двѣ колотушки, а не одна. Духъ вошелъ въ пологъ и помогаль Тылювіи шаманить.

— Бубень мой плохъ! — сказала Тылювія, прерывая стукъ. — Самъ видишь!.. Дохни на него, чтобы онъ сталъ звончѣе!

Изъ противоположнаго угла полога послышались такіе странные неожиданные звуки, полузадыхавшіеся, проникнутые неизъяснимымъ хрипѣніемъ, которые, конечно, могли принадлежать только духу.

— Это ея мужъ!—сказаль мнѣ Ятиргинъ тихонько.— Другой мужъ, настоящій!.. Вотъ послушай только, что будетъ!..

Голосъ другого мужа, несмотря на свою сверхъестественность, имѣлъ довольно замѣтное сходство съ голосомъ Тылювіи. Онъ былъ такой же сиплый, простуженный, раздававшійся какимъ-то хрипучимъ шопотомъ вмѣсто полного звука. Тылювія не замедлила объяснить намъ причину этого сходства.

— Онъ говоритъ, что простудился и хвораль, оттого сначала не хотѣлъ приходить, — пояснила она непонятныя слова духа.

— А развѣ вы тоже простуживаетесь?—прибавила она со смѣхомъ.

Въ отвѣтъ раздался хриплый рядъ непонятныхъ, съ трудомъ выдавливаемыхъ словъ, на этотъ разъ уже изъ другого угла. Духъ успѣлъ перемѣститься и теперь находился у моихъ ногъ.

— Зачѣмъ ты ходишь? — съ неудовольствіемъ сказала Тылювія. — Будеть тебѣ! Вотъ, дохни на бубень!

Раздалось рѣзкое дуновеніе невидимыхъ губъ.

Перепонка бубна вздрогнула и щелкнула, бубень подскочилъ и ударился о низкій потолокъ.

— Ого! — сказала Тылювія.

Вслѣдъ за этимъ раздался такой оглушительный грохотъ обѣихъ колотушекъ, что я невольно зажалъ уши.

— Слышишь! — сказалъ Ятиргинъ, — совсѣмъ другой бубень!..

Бубень дѣйствительно сдѣлался звончѣе прежняго, трескъ колотушекъ теперь раздавался съ такой силой, что я положительно опасался за цѣлость зыбкаго мѣхового потолка надъ нашей головой.

Побарабанивъ немного вмѣстѣ съ Тылювіей, ея таинственный супругъ изъ другого міра удалился въ направленіи, противоположномъ тому, откуда пришелъ, и послѣдній звукъ его голоса опять раздался на неизмѣримой высотѣ за предѣлами шатра, но уже слѣва.

Вслѣдъ за нимъ явился послѣдовательно цѣлый рядъ духовъ, представшихъ передъ нами въ безконечномъ разнообразіи звуковъ.

Хриплое карканье ворона начиналось чуть слышно вдали и, постепенно приближаясь, врывалось въ пологъ какъ буря, налетало на бубень съ громкимъ хлопаньемъ крыльевъ, поднимало неистовый стукъ запасной колотушкой и уносилось въ ночную даль. Волчій вой доносился изъ глубины земли, потомъ становился ближе, раздавался въ самомъ пологѣ и, побарабанивъ на бубнѣ, въ свою очередь удалялся въ вышину. Невидимый песъ являлся на зовъ шаманки и съ такой силой отряхивался надъ бубномъ, что стѣны полога вздрагивали и тряслись. Самые неестественные голоса прилетали съ различныхъ сторонъ, гремѣли,

хрипѣли, ворчали и выли въ разныхъ углахъ полога, блуждали взадъ и впередъ, произносили отрывистыя фразы на непонятномъ языкѣ и опять улетали въ пространство. Излишне говорить, что два голоса никогда не раздавались въ одно время и что шаманская пѣсня Тылювіи раздавалась только въ промежуткахъ между звуками «вольныхъ голосовъ».

Зато рука ея ни на минуту не отрывалась отъ колотушки и все время извлекала изъ бубна рѣзкій, сухой трескъ, время отъ времени усиливавшійся аккомпаниментомъ второй колотушки, такъ какъ каждый сверхъестественный посѣтитель считалъ своимъ долгомъ блеснуть передъ нами въ качествѣ магическаго барабанщика. Къ сожалѣнію, скоро выяснилось, что, несмотря на добрую волю Тылювіи, интересъ шаманскаго представленія не можетъ подняться выше, такъ какъ оно не имѣетъ никакого опредѣленнаго объекта. Многіе духи, являясь, спрашивали насъ, что намъ нужно, и мы не умѣли дать отвѣта на этотъ простой вопросъ. Подъ руками не было никакого больного, которому нужно было бы добыть облегченіе, и если у каждаго изъ насъ были враги, то никто не рѣшился попросить духовъ наслать на нихъ кару и гибель. Иногда Тылювія давала духамъ простосердечный отвѣтъ, что любопытствующій чужестранецъ желалъ послушать ихъ голосъ и просилъ ее вызвать ихъ на короткое время изъ заоблачнаго міра. Духи, впрочемъ, относились довольно добродушно къ этому назойливому любопытству и, повидимому, только не желали долго оставаться у насъ въ пологу, гдѣ ихъ не удерживали никакія опредѣленныя просьбы или обѣщанія. Засвидѣтельствовавъ свое присутствіе нѣсколькими непонятными словами или просто криками и побарабанивъ на бубнѣ, они тутъ же удалялись, освобождая мѣсто другимъ.

Многіе въ видѣ особой любезности предлагали намъ

послушать «ихъ дыханіе» и съ этой цѣлью затягивали свои напѣвы, которые, впрочемъ, ничѣмъ не отличались отъ напѣвовъ самой Тылювіи. Два духа съ холерическимъ темпераментомъ, почти одновременно явившіеся съ противоположныхъ сторонъ, затѣяли перебранку на чистѣйшемъ чукотскомъ діалектѣ и подъ конецъ даже собирались драться, но были остановлены увѣщаніями шаманки. Иные изъ духовъ проявляли проказливость нрава. Они швыряли и перетряхивали посуду, плескали водой изъ котла въ разныя стороны, выдергивали изъ-подъ насъ постели, даже кидали въ насъ неизвѣстно откуда взявшимися полѣньями. Одинъ разъ невидимая рука совсѣмъ приподняла пологъ надъ нашей головой, и мы на мгновеніе увидѣли тусклый свѣтъ звѣздной ночи, вливавшійся въ высокій шатеръ сквозь дымовое отверстіе. Все это время рука Тылювіи не переставала стучать въ бубенъ, свидѣтельствуя о томъ, что вдохновенная не принимаетъ никакого участія въ этихъ продѣлкахъ. Если бы не оригинальность обстановки, можно было бы подумать, что находишься на спиритическомъ сеансѣ, гдѣ-нибудь за много тысячъ верстъ отъ этой полярной пустыни.

Надо замѣтить, что миниатюрные размѣры полога дѣлали гораздо болѣе труднымъ для нашихъ сверхъестественныхъ гостей сохраненіе неуловимости; но они вертѣлись буквально у насъ подъ носомъ, не производя лишняго шума и никого не задѣвая.

Дольше другихъ прогостилъ у насъ одинъ духъ, прилетѣвшій, по его собственнымъ словамъ, изъ девятой вселенной. Это была особа женскаго пола, которая сначала говорила на обычномъ непонятномъ языкѣ, свойственномъ заоблачнымъ сферамъ. На приглашеніе Тылювіи говорить чукотски она выразила опасеніе, что мы станемъ смѣяться надъ ея произношеніемъ, но потомъ все-таки

заговорила, дѣйствительно варварски бормоча и проглатывая звуки.

Она объяснила, что ей было трудно рѣшиться прійти къ намъ, такъ какъ она большая домосѣдка и рѣдко посѣщаетъ чужихъ людей, но ей не хотѣлось отказывать Тылюви въ ея просьбѣ. Вѣроятно, это была какая-то старая дѣва, ибо она не преминула довольно жеманнымъ тономъ прибавить, что ей стыдно быть въ присутствіи столькихъ мужчинъ.

Однако, пропѣвъ свой напѣвъ и постучавъ колотушкой по бубну, она медлила уходить и послѣ незначительныхъ переговоровъ захотѣла исполнить обязанность духа-охранителя и стала объяснять при помощи различныхъ окольныхъ и причудливыхъ оборотовъ рѣчи, что у Ятиргина есть врагъ, котораго онъ долженъ остерегаться. При дальнѣйшихъ разъясненіяхъ врагъ оказался долговязымъ Энмувіей, недавнимъ соперникомъ въ борьбѣ мужа Тылюви. Оказывалось, что Энмувія въ минувшую ночь творилъ заклинанія, имѣвшія цѣлью ослабить силу Ятиргина, и поэтому-то ему дважды удалось приподнять его и отбросить наотмашь.

Въ угѣшеніе она произнесла нѣсколько неясныхъ выраженій, повидимому, заключавшихъ въ себѣ угрозу противъ Энмуви. Покончивъ съ Ятиргиномъ, она стала приставать къ Айганвату, что онъ обидѣлъ какихъ-то «черненькихъ жителей пустыни, ходящихъ пѣшкомъ», но ни за что не хотѣла дать болѣе подробныхъ объясненій. Наконецъ, я выразилъ догадку, что дѣло идетъ о медвѣдяхъ. Айганватъ не на шутку перепугался, особенно когда невидимая гостья погрозила ему, что въ возмездіе за обиды черненькимъ его ожидаетъ истощеніе силъ и невозможность предаваться его любимому занятію — охотѣ на дикихъ оленей. Взволнованнымъ голосомъ онъ сталъ оправдываться, увѣряя, что онъ никогда не обижалъ черненькихъ, ходящихъ пѣшкомъ. Я напомнилъ ему, что въ прошломъ году, во время одной изъ

нашихъ поѣздохъ, онъ ходилъ на лыжахъ осматривать медвѣжью берлогу.

— Я не виноватъ! — укоризненно отвѣтилъ онъ. — Это ты! Ты послалъ!.. Да и никого тамъ не было, пустая берлога..

Какъ бы то ни было, обстоятельство это осталось безъ дальнѣйшаго разъясненія, ибо интересная гостя вдругъ объявила, что дыханіе ея слабѣетъ, и постучавъ на прощаніе въ бубенъ, удалилась изъ полога, конечно, торопясь возвратиться въ свое покинутое жилище.

Тылювія послѣ этого еще довольно долго продолжала распѣвать свои напѣвы и вызывать духовъ, но они не представляли особеннаго интереса. Ятиргинъ, наконецъ, заснулъ. Айганватъ не спалъ по необходимости и время отъ времени усталымъ голосомъ выкрикивалъ формулы отвѣтовъ. Я тоже чувствовалъ непреодолимое влеченіе ко сну, но никакъ не могъ собраться съ духомъ для того, чтобы попросить Тылювію отложить въ сторону бубенъ. Наконецъ, она повидимому, поняла, что пора прекратить. Вызвавъ изъ бубна цѣлую серію трескучихъ залповъ и пропѣвъ подъ рядъ оголо десятка очень длинныхъ и сложныхъ напѣвовъ, она остановилась и сказала: — Уже разсвѣтаетъ, а вставать надо рано... Можеть быть, вы хотите спать!..

Мы съ Айганватомъ въ качествѣ гостей воздержались отъ прямого отвѣта, только Ятиргинъ громкимъ храпомъ выражалъ свое мнѣніе по этому поводу.

— Завтра будетъ служеніе; еще много будемъ шаманить! — сказала Тылювія. — Но если тотъ хочетъ, — прибавила она послѣ короткой паузы, очевидно, имѣя въ виду меня, — то я готова еще шаманить, пока не настанетъ большой свѣтъ!..

Устрашенный этой перспективой, я выразилъ, наконецъ, что я совершенно удовлетворенъ. Лампу опять зажгли.

Ятиргинъ проснулся и смущенно протиралъ глаза. Но Тылювiя, повидимому, не хотѣла спать и не имѣла усталого вида. Трагическое выраженiе ея лица смягчилось гордымъ сознаниемъ шаманской силы и самодовольствомъ успѣха. Она уже не выказывала прежняго смущенiя и, встрѣтивъ мой взглядъ, даже улыбнулась, раздвинувъ огромный ротъ, вооруженный двумя рядами крупныхъ бѣлыхъ зубовъ.

— Ты не устала... Диво!.. — сказалъ я. — Мы слушать устали, а тебѣ ничего!..

— Я отчего устану? — возразила шаманка. — Я мало пѣла, все больше духи... А бубномъ я когда-то отъ болѣзни излѣчилась...

Черезъ пять минутъ мы всѣ спали крѣпкимъ сномъ, совершенно позабывъ о духахъ.

На другой день дѣйствительно состоялось торжественное служенiе богамъ, которое ознаменовалось многими любопытными эпизодами, но описанiе ихъ увлекло бы меня слишкомъ далеко изъ предѣловъ настоящаго очерка. Относительно дальнѣйшей судьбы различныхъ людей, присутствовавшихъ на бѣгу, скажу только о Толинѣ. Онъ не избѣжалъ-таки влiянiя злыхъ чаръ, тайно творимыхъ его врагами, и черезъ мѣсяцъ послѣ нашей послѣдней встрѣчи скоропостижно умеръ на большомъ бѣгу во время ярмарки, возвращаясь отъ межи съ только что взятымъ призомъ въ рукахъ. Общественное мнѣнiе обвинило въ его смерти Кокколи-Ятиргина, выступавшаго его соперникомъ и на этотъ разъ.

Для того, чтобы устранился отъ мести раздраженныхъ родственниковъ Толина, Кокколи-Ятиргинъ въ ближайшую ночь послѣ рокового бѣга бѣжалъ съ ярмарки, покинувъ большую часть своего имущества, и, прiѣхавъ на свое стой-

бище на р. Россомашьей, немедленно уключвалъ съ семьей и стадомъ на востокъ къ самому мысу Пээкъ. Впрочемъ, были примѣры, что оружіе мстителя настигало убійцу даже на болѣе далекомъ разстояніи.

У Григорьихи.

Была уже поздняя ночь, когда наши утомленные собаки добрались, наконец, до стойбища Ақанги. Въ зтотъ короткій январскій день, несмотря на пятидесяти-градусный морозъ, мы совершили переѣздъ въ сто верстъ и три раза перебирались съ одной горной рѣчки на другую, по крутымъ переваламъ, уходившимъ далеко за предѣлы растительности.

На каждомъ подъемѣ намъ приходилось спѣшиваться и вмѣстѣ съ собаками тащить вверхъ грузныя нарты, обливаясь потомъ въ своей тройной мѣховой одеждѣ. На спускахъ было еще хуже. Собаки, по своему обыкновенію, приходили въ чрезвычайное возбужденіе и мчались, какъ угорѣлыя. Чтобы удержать ихъ, нужно было изо всей силы съ обѣихъ сторонъ тормазить нарту тормазными палками, которыя прыгали и хлопали на каждой неровности почвы, передавая очень чувствительные толчки державшимъ ихъ рукамъ. На одномъ крутомъ поворотѣ тормазъ, задѣвъ о корень дерева, торчавшій поперекъ дороги, ударилъ моего спутника въ шею съ такой силой, что онъ выпустилъ изъ рукъ дугу нарты и отлетѣлъ въ сторону, а я изорвалъ жесткія камусныя рукавицы и ободралъ въ кровь обѣ руки, пока мнѣ удалось остановить мою бѣшеную свору. На другомъ спускѣ задняя нарта съ разгона попала на дерево, сломала перед-

ною дугу и сильно ушибла собаку, запряженную въ корню. Намъ слѣдовало, впрочемъ, благодарить Бога, что на всѣхъ этихъ подъемахъ, спускахъ и поворотахъ дѣло обошлось для насъ безъ болѣе серьезныхъ ушибовъ.

По дорогѣ мы три раза заѣзжали на чукотскія стойбища, производя повѣрку свѣдѣній по переписи, добытыхъ предварительно разспроснымъ путемъ при разныхъ случайныхъ встрѣчахъ; но, несмотря на уговоры хозяевъ, нигдѣ не согласились остаться ночевать. Я непремѣнно хотѣлъ добраться въ этотъ день до рѣки Лабугена, гдѣ рассчитывалъ на стойбищѣ Ақанги или гдѣ-нибудь по сосѣдству встрѣтить Коравію Кутылина сына, бродячаго торговца, который общалъ, возвращаясь изъ поѣздки въ русскіе поселки на Колымѣ, привезти мнѣ почту изъ Среднеколымска, Якутска и другихъ цивилизованныхъ мѣстъ земного шара. Поэтому я заставлялъ усталыя ноги нашихъ собакъ безостановочно подвигаться впередъ, пока, наконецъ, искры, привѣтливо замелькавшія въ черной глубинѣ лѣса, не возвѣстили намъ о желанномъ ночлегѣ.

Я поспѣшно соскочилъ съ нарты и направился ко входу въ шатеръ. Моя внутренняя одежда, нѣсколько разъ промокшая отъ пота, заставила меня озябнуть, несмотря на плотную мѣховую парку и двойные сапоги. Спутники мои въ своихъ вытертыхъ кухлянкахъ озябли еще больше меня, и я хотѣлъ поторопить хозяевъ приготовленіемъ горячаго чаю, пока ямщики будутъ управляться съ привязываніемъ собакъ и установкой нарты.

— Го-го!—крикнулъ я, приподнимая край входной полы, завязанной изнутри, и ожидая обычнаго привѣтствія и приглашенія войти.

Меня постигло, однако, неожиданное разочарованіе.

— Кто тамъ?—раздался изнутри женскій голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ Ақанги, хозяйки стойбища.

— Вэипъ, пишуцій челоуѣкъ съ рѣки Россомашей на возвращеніи домой!

— Не входите!—рѣшительнымъ тономъ сказалъ голосъ изнутри.—Идите въ другое мѣсто.

Я остановился въ недоумѣніи. Съ Акангой я былъ знакомъ раньше и никакихъ напряженныхъ отношеній между нами не было, и она не имѣла повода запрещать мнѣ доступъ къ своему огню, который продолжалъ такъ привѣтливо потрескивать внутри и выбрасывать снопы искръ чрезъ отверстіе вверху.

— Почему не входить?—спросилъ я, наконецъ.—Я хотѣлъ здѣсь ночевать. Собаки устали!

— А развѣ на Россомашей рѣкѣ не ходитъ злой духъ?—съ упрекомъ спросилъ голосъ.

Дѣйствительно, въ околоткѣ, откуда я пріѣхалъ, появилась заразительная болѣзнь, въ родѣ гриппа или инфлюэнцы, выражавшаяся довольно разнообразными признаками и успѣвшая умертвить нѣсколько десятковъ жертвъ, но я вовсе не считалъ этого достаточнымъ основаніемъ, чтобы Аканга заперла передъ нами дверь, тѣмъ болѣе, что на всѣхъ стойбищахъ, посѣщенныхъ до того, мы были желанными гостями, несмотря на злого духа съ рѣки Россомашей.

— Развѣ вы думаете, что мы привезли злого духа въ складкахъ платья?—сказалъ я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.—Онъ вольный. Куда захочетъ, придетъ и безъ насъ!..

— Ко! (междом. незнанія) — отвѣтилъ голосъ изнутри съ отгѣнкомъ сомнѣнія.

— Да вы развѣ маленькіе?—продолжалъ я убѣждать.—Чего вы боитесь?

— Есть и маленькіе?—возразилъ голосъ.—Моя дочь третьяго дня родила сына!

Я нѣсколько смутился. Посѣщеніе злого духа болѣзни, имѣющаго привычку невидимо слѣдовать за путниками, болѣе

всего опасно для младенцевъ, въ особенности же для новорожденныхъ, которыхъ поэтому чукчи охраняютъ весьма ревниво. Перспектива ночлега на открытомъ воздухѣ вдругъ воочию предстала предо мною, какъ чрезвычайно близкая къ осуществленію.

Въ этомъ не могло быть ничего пріятнаго.

— У насъ двадцать четыре сторожа!—доказывалъ я самымъ убѣдительнымъ тономъ, — съ нами ничто худое не могло прійти!—Я имѣлъ въ виду нашихъ собакъ, такъ какъ собака считается сторожемъ человѣка, отпугивающимъ враждебныхъ духовъ.

Однако, хозяйка, очевидно, относилась скептически къ бдительности русскихъ собакъ, мало знакомыхъ съ чукотскими злыми духами.

— Не знаю!—упрямо повторила она.—Собаки въ упряжкѣ, на привязи... А ребенокъ достоинъ жалости... Попроситесь лучше въ задній шатеръ. Можетъ, васъ пустять...

Я отошелъ отъ этой недавшейся двери и отправился къ заднему шатру.

— Го-го!—громко окликнулъ я.—Хозяева, впустите!

Внутри шатра тоже топили огонь, и слышно было движеніе людей, однако, отвѣта на мой окликъ не послѣдовало.

— Гэ-гэй!—окликнулъ я снова и еще громче прежняго.—Русскіе пріѣхали! Впустите!

— Идите въ передній шатеръ!—отозвался, наконецъ, голосъ изнутри, точь въ точь какъ раньше.— Гости не ходятъ къ заднему!

Дѣйствительно, по общему правилу, гости, въ особенности почетные, заходятъ въ шатеръ главнаго человѣка на стойбищѣ, всегда стоящій впереди.

— Аканга не пускаетъ!—объяснилъ я довольно жалобнымъ тономъ.

— Отчего?— допрашивалъ голосъ.

— Изъ-за болѣзни на Россомашей, — объяснилъ я.— Жалѣеть ребенка!

— У насъ тоже есть дѣти! — проворчалъ голосъ.

Усиленная осторожность Ақанги подѣйствовала заразительно и на ея сосѣдей. Я хотѣлъ было продолжать переговоры, но въ это время подошли мои спутники, управившіеся съ собаками, и узнавъ, что не хотятъ впустить въ шатеръ, разразились проклятіями на русскомъ и чукотскомъ языкахъ. Особенное раздраженіе проявляли два русскихъ ямщика. Для колымскаго русскаго жителя гостеприимство является непререкаемой обязанностью, для исполненія которой онъ готовъ пожертвовать послѣднимъ кускомъ, оторвавъ его отъ собственнаго рта, и поведение чукчей казалось имъ чуть не святотатствомъ. Мои чукотскіе спутники, Леуть и Айганватъ, вели себя сдержаннѣе. Мотивы чукотской осторожности предъ злыми духами были имъ ближе и понятнѣе, чѣмъ русскимъ, и, быть можетъ, въ свое время и они сами не разъ запирали свои двери передъ подозрительнымъ путникомъ, неожиданно явившимся въ ночной темнотѣ. Богъ знаетъ откуда. За то Митрофанъ, дюжій анющикъ¹⁾ изъ обрусѣлыхъ якутовъ, бывшій ямщикомъ передней нарты, скоро перешелъ отъ проклятій и угрозъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ схватился руками за длинныя жерди, къ которымъ была привязана входная пола, и принялся съ ожесточеніемъ трясти ихъ, какъ будто собираясь обрушить весь шатеръ на голову обитателей. Такая рѣшительность не замедлила принести плоды.

— Войдите! — довольно хладнокровно сказалъ голосъ изнутри, — если не хотите уйти.

1) Житель рѣки Анюя.

Чьи-то проворныя руки развязали входныя ремешки, и мы стали одинъ за другимъ пролѣзать въ шатеръ, торопясь приблизиться къ огню. Въ шатрѣ уже не было никого, кромѣ одной довольно дряхлой старухи; другіе обитатели удалились во внутреннее отдѣленіе, твердо намѣреваясь отсидѣться тамъ отъ нашего нашествія, какъ въ цитадели. Огонь, правда, горѣлъ довольно ярко, но о чаѣ и ѣдѣ не было и помина. Мы усѣлись передъ костромъ на обрывкахъ шкуръ, проклиная духа болѣзни и чукотское суевѣріе.

— Подвѣсь чайникъ! — сказалъ я старухѣ.

— Нѣтъ чайника! — возразила она, равнодушно разглядывая наше общество.

— Ну, попроси у Аканги! — посоветовалъ я.

— Огонь чужой! — отвѣтила старуха. — Грѣшно!

Очевидно, оба шатра не имѣли общенія огня и потому не могли мѣняться посудой.

— Разведите огонь на дворѣ, варите сами себѣ! — посоветовала старуха, снова стараясь выжить насъ изъ шатра.

— О, несчастныя людишки! — разразился Митрофанъ. — Чтобъ вамъ пропасть! Клятые! Жисть ваша собачья! — Дай ѣду! — сурово обратился онъ къ старухѣ. — Печенка болитъ! Сейчасъ давай ѣду!

Старуха порылась сзади себя въ грудѣ деревянныхъ лотковъ и, вытащивъ нѣсколько кусковъ холоднаго варенаго мяса, отдала ихъ намъ. Мы поспѣшно достали ножи, какъ будто собирались вступить въ единоборство изъ-за предложенной пищи. Разговоры немедленно замѣнились чавканьемъ, заглушавшимъ для нашихъ собственныхъ ушей даже трескъ костра.

Въ это время входная пола приподнялась и пропустила еще одну человѣческую фигуру. Населеніе передняго шатра,

наконецъ, рѣшилось прислать намъ парламентарера для переговоровъ. Это была молодая, здоровая баба въ косматой одеждѣ, беспорядочно натянутой на плечи. Въ рукахъ она сжимала маленькаго чернаго щенка, который жалобно попискивалъ.

— Старуха говоритъ, — сказала баба, обращаясь ко мнѣ, — потритесь объ этого щенка, тогда можете войти къ намъ въ шатеръ.

Щенокъ въ данномъ случаѣ являлся замѣстителемъ ребенка и, смотря по обстоятельствамъ, долженъ былъ или испугать духа болѣзни или явиться для него умиловательной жертвой.

Митрофанъ поглядѣлъ на пришедшую, и лицо его разгладилось.

— Будетъ тебѣ щенка мучить! Давай его сюда! — сказалъ онъ уже шутливо и вмѣстѣ со щенкомъ облапилъ посланницу, которая тщетно старалась вырваться изъ его могучихъ объятій. Онъ велъ давнее знакомство съ Григорьихой, какъ русскіе окрестили Ақангу, по имени ея покойнаго мужа Гырголя, и пользовался пріязнью ся обѣихъ дочерей, и, быть можетъ, именно его присутствію мы были обязаны тѣмъ, что двери запертой крѣпости готовы были открыться передъ нами.

Мы подхватили щенка и поспѣшно принялись прикладывать его къ своимъ бокамъ и спинѣ.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли во внутреннемъ отдѣленіи передняго шатра, раздѣтые до послѣднихъ предѣловъ возможности и, обливаясь потомъ, усердно поглощали горячій чай. Хозяева, успѣвшіе поужинать до нашего пріѣзда, не уступали намъ въ соревнованіи надъ уничтоженіемъ пищи. Всѣ они сидѣли на правой хозяйской сторонѣ полога, уступивъ намъ лѣвую, какъ гостямъ.

Григорьиха сидѣла впереди всѣхъ. Это была крѣпкая,

костлявая баба лѣтъ пятидесяти, съ безобразнымъ скуластымъ лицомъ и мрачнымъ взглядомъ. Вдобавокъ къ природному безобразію, лицо ея было испещрено широкими черными знаками, намалеванными графитомъ и составлявшими предохранительное средство противъ покушеній новопришедшаго духа. На лицахъ ея обѣихъ дочерей, сидѣвшихъ поближе ко входу, красовались тѣ же знаки. Старшая приходила недавно за нами въ сосѣдній шатеръ. Младшая была родильницей, но сидѣла какъ ни въ чемъ не бывало. По ея внѣшнему виду никакъ нельзя было бы опредѣлить, что она два дня тому назадъ разрѣшилась отъ бремени.

Китувія, мужъ старшей дочери, сидѣлъ сзади. Въ качествѣ старшаго зятя, онъ имѣлъ право возсѣдать въ пологу, между тѣмъ какъ младшій зять, еще не укрѣпившійся окончательно въ семьѣ, несмотря на рожденіе вышеупомянутаго младенца, долженъ былъ мерзнуть подъ открытымъ небомъ при оленьемъ стадѣ.

Изъ-за Ақангиной спины выглядывало еще одно старческое сморщенное лицо съ рѣдкими сѣдыми усами и маленькими злыми глазками, очень живыми и бѣгающими по сторонамъ. Это былъ Йэкакъ, пріемный мужъ Ақанги, которая, подыскавъ мужей своимъ дочерямъ, не позабыла и самое себя. Йэкакъ былъ старшимъ изъ девяти сыновей небезызвѣстнаго на Аноуйской сторонѣ Лятувіи «въ ошейникѣ», прозваннаго такъ за то, что нѣкогда, утащивъ на чужомъ стойбищѣ свитокъ оленьихъ кишокъ и торопясь уйти домой, онъ надѣлъ его себѣ на шею, чтобы имѣть болѣе свободы въ движеніяхъ. Всѣ братья Йэкака въ настоящее время были владѣтелями многочисленныхъ стадъ и хозяевами отдѣльныхъ стойбищъ, но онъ никогда не чувствовалъ призванія къ заботамъ оленьяго хозяйства и провелъ свою жизнь, скитаясь между стойбищами своихъ

многочисленныхъ родственниковъ и добрыхъ знакомыхъ. Подъ старость онъ пріютился у Аканги, которая, кстати, приходилась ему троюродной сестрою. Впрочемъ, Йэкакъ издавна былъ смѣннымъ товарищемъ по женамъ покойнаго Гырголя и, поселившись на стойбищѣ его вдовы, только исполнялъ обязанность, возложенную на него условіями такого союза. Принять Акангу на свое собственное стойбище, какъ, собственно говоря, ему слѣдовало сдѣлать, онъ, конечно, не могъ, ибо у него не было ни стойбища, ни даже никакого жилища, достойнаго упоминанія. Другая жена его не обновляла своего шатра уже около десяти лѣтъ, и онъ представлялъ теперь кожаные лоскутья, которые стыдно было даже натянуть на жерди.

Нечего говорить, что Йэкакъ во всемъ подчинялся авторитету своей главной, болѣе зажиточной подруги, и въ общемъ равновѣсіи стойбища имѣлъ гораздо меньше значенія, чѣмъ хотя бы новорожденный младенецъ, который недавно чуть не выжилъ насъ со стойбища.

Лица обоихъ мужчинъ были чисты отъ кабалистическихъ черныхъ знаковъ.

— Ты отчего не расписалъ себѣ лица? — обратился я шутливо къ Китувіи. — Развѣ ты не боишься духовъ?

Китувія сконфуженно улыбнулся. Онъ былъ приморскаго происхожденія и только пять лѣтъ тому назадъ покинулъ свой родной поселокъ у Колючинской губы, чтобы отправиться къ оленнымъ людямъ на поиски счастья. Имущество его состояло изъ старой кукашки, а всѣ жизненные ресурсы представлялись царю неутомимыхъ ногъ и такихъ же неутомимыхъ красныхъ глазокъ, мало нуждавшихся въ снѣ. Къ Акангѣ онъ попалъ прямо изъ своего родного Чейтуна, но до сихъ поръ не могъ вполнѣ освоиться съ положеніемъ старшаго зятя, которому въ не весьма отда-

ленномъ будущемъ, когда старуха одряхлѣетъ, предстояло сдѣлаться главою богатаго стойбища.

— Пустое! — пробормоталъ онъ въ отвѣтъ. — Это онъ, бабы... Такъ только!..

— А я тоже не расписалъ себя! — хихикнулъ Йѣкакъ изъ-за плеча Аканги. — Что же!.. Я не знаю, вправду ли вы привезли духа болѣзни, или вы обманщики? — Онъ опять засмѣялся и вызывающе посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Конечно, мы обманщики! — усмѣхнулся и я. — Никакого духа у насъ нѣтъ. Но отчего же вы насъ не хотѣли выпустить? Такого пугливаго жительствова мы не встрѣчали во всей странѣ отъ самаго рубежа поселеній.

Лицо старухи вдругъ еще болѣе омрачилось. Леутъ, сидѣвшій рядомъ со мною, толкнулъ меня въ бокъ локтемъ. Я вспомнилъ разсказъ, слышанный мною отъ него же не такъ давно, и пересталъ задавать вопросы.

Старый Гырголь отличался довольно неуживчивымъ характеромъ даже для чукчи, и въ молодости Акангѣ приходилось пить отъ него горькую чашу. На лѣвой щецѣ ея до сихъ поръ бѣлѣлъ шрамъ, нѣкогда прорубленный острымъ тесломъ, которое Гырголь въ запальчивости швырнулъ ей въ голову. Зато Гырголь и окончилъ свою жизнь довольно необычнымъ образомъ. Въ одно лѣто, когда онъ стоялъ со своей семьей на отдѣльномъ стойбищѣ, не имѣя ни одного сосѣда, ему вдругъ пришло желаніе отправиться на тотъ свѣтъ, и онъ приказалъ своей женѣ, чтобы она застрѣлила его, что и было исполнено, согласно обычаю. Такая смерть встрѣчается часто у чукчей, и въ этомъ еще не было ничего необычнаго, но женщины съ ближайшаго стойбища, куда Аканга на другой день послала своихъ дочерей съ вѣстью, явившись на погребеніе и переодѣвая трупъ для того, чтобы возложить его на погребальную нарту, съ удивленіемъ замѣтили, что смер-

тельная рана была нанесена Гырголю не спереди, какъ это дѣлается всегда, а сзади, въ затылокъ. Впрочемъ, дочери Аканги, бывшія въ то время уже на возрастѣ, во всемъ подтвердили разсказъ матери и никакого повода для чужого вмѣшательства не представилось. У Гырголя не было близкихъ родственниковъ, а чукчи не признаютъ за собой права вмѣшиваться въ дѣла чужой семьи, даже если въ ея средѣ случилось убійство.

Такимъ образомъ, Аканга сдѣлалась хозяйкой на стойбищѣ своего мужа, но теперь всѣ сосѣди говорили, что, наскучивъ побоями Гырголя, она попросту застрѣлила его изъ его же собственнаго ружья, а дочери, тоже не мало терпѣвшія отъ отца, безъ отговорокъ согласились хранить тайну.

Вспомнивъ этотъ разсказъ, я сообразилъ, что Аканга имѣла добавочную причину бояться невидимыхъ пришельцевъ изъ сверхъестественнаго міра. По вѣрованіямъ чукчей, мертвецы обращаются въ духовъ, враждебно относящихся къ живымъ, и, конечно, болѣе всего стараются мстить своимъ личнымъ врагамъ. Аканга могла опасаться, чтобы вмѣстѣ съ духами болѣзни ее не постигъ мстительный духъ ея покойнаго мужа.

Послѣ ужина при помощи Китувіи я произвелъ повѣрку переписныхъ записей. Аканга не вмѣшивалась, только проворчала что-то, когда я повторилъ имя ея новорожденнаго внука, готовясь занести его на бумагу.

Другихъ поправокъ дѣлать не пришлось, и я отложилъ въ сторону тетрадь переписныхъ записей. Спать мнѣ еще не хотѣлось.

— Йэкакъ! Разскажи сказку, — обратился я къ старику, сидѣвшему въ углу.

— Сказку? — протяжно переспросилъ Йэкакъ. — Купи!

— Хорошо! — согласился я.

— Плату дай впередь!— настаивалъ Йэкакъ.— Можетъ быть, вы обманщики?— повторилъ онъ въ виду объясненія свою недавнюю фразу.

Я вынулъ изъ дорожнаго мѣшка нѣсколько листковъ табаку и отдалъ ему. Йэкакъ быстро спряталъ ихъ за пазуху, попутно откусивъ уголь одного листка для употребленія въ жвачку, а потомъ спросилъ:

— Какую сказку? Простую, про шамановъ?..

— Не надо!— отвѣчалъ я.— Расскажи вѣсти отъ времени перевозанія или повѣсть о битвахъ со злыми.

Этими терминами чукчи обозначаютъ отдѣлы космогоническихъ и эпическихъ преданій, и я интересовался ими гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенными сказками.

Йэкакъ хитро улыбнулся и обвелъ насъ своими быстрыми глазками.

— Ага!— сказалъ онъ, — обращаясь ко мнѣ.— Я расскажу тебѣ хорошую повѣсть о войнѣ съ Таньгами, Огнивными Таньгами ¹⁾, твоимъ собственнымъ народомъ. Только ты слушай хорошенько.

Спутники мои, заинтересованные предстоящимъ разговоромъ, пододвинулись ближе. Йэкакъ считался однимъ изъ лучшихъ сказочниковъ Анюйской стороны, и можно было ожидать, что «повѣсть» будетъ хороша, если онъ самъ хвалилъ ее.

— Собрались въ шатрѣ творящіе служеніе, закрыли дымовое отверстіе, шаманятъ, поютъ. А между тѣмъ это собаки. Одни поютъ:— Ко-о-о! Ко-о-о,— воютъ. Другіе:— Ко-о-о-о! Ко-о-о-о-о-о! — Третьи, приплясывающіе:— О-о-о-о! По-о-о-о!

¹⁾ Чукчи называютъ русскихъ «огнивными таньгами», имѣя въ виду стальныя огнива русскихъ пришельцевъ.

— Опять сталъ бредить! — недовольнымъ тономъ сказалъ Митрофанъ.

Хотя рассказъ Йэкака описывалъ одно изъ обычныхъ чукотскихъ обрядовыхъ празднествъ, но въ напѣвахъ, изображенныхъ имъ, слышалось явное желаніе подражать русскому протяжному пѣнію, которое, кстати сказать, у сѣверныхъ инородцевъ возбуждаетъ безчисленныя насмѣшки отсутствіемъ горловыхъ переливовъ.

— Около шатра ходитъ дѣвочка, именемъ Инкынутъ, — продолжалъ Йэкакъ, хитро прищуриваясь. — Хозяйка стойбища говоритъ ей: — Взгляни въ шатеръ! Кто тамъ поеть? Зачѣмъ они закрыли дверь и дымовое отверстіе?

— Нашла щель, взглянула внутрь, а тамъ все собаки. Подняла крикъ. Люди прибѣжали съ палками, стали колотить. Собаки разбѣжались, убѣжали на западную сторону, стали народомъ. Часть же осталась собаками и стала служить для упряжки...

— Отчего же ты не даешь отклика? — внезапно спросилъ Йэкакъ, взглядывая мнѣ въ лицо.

Насмѣшка была очевидна; оленные чукчи привыкли упрекать русскихъ порѣчанъ ихъ связью съ собаками, которыя служатъ имъ для ѣзды и перевозки тяжестей. Вдобавокъ дерзкій старикъ требовалъ, чтобы я, по обычаю слушателей, выразилъ свое одобреніе рассказу принятыми для того восклицаніями: правда! такъ!..

Митрофанъ и его товарищъ съ трудомъ удерживали свое негодованіе. Аеутъ неодобрительно покачивалъ головой, но глаза его смѣялись. Его тѣшило забавное сопоставленіе между собаками и ихъ хозяевами. Мнѣ самому было смѣшно, хотя я и сознавалъ, что проклятый старикъ рассказываетъ свою сказку въ пику главнымъ образомъ мнѣ.

— Тогда прежніе битые стали гнѣваться за удары! —

продолжалъ Иэкакъ, подмигивая.— Начали войну!.. Ухъ! Мы не знали, что они обидятся. Наши били собакъ, а онѣ стали народомъ, захотѣли отомстить... Такимъ образомъ, началась война между племенами.

Таково было оригинальное объясненіе начала чукотско-русскихъ войнъ, услышанное мною изъ устъ стараго бродяги на рѣкѣ Погинденѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ чукотскаго полога.

— Тогда началась война между племенами! — повторилъ Иэкакъ.

— Пришелъ Якунинъ, Огнивный Тангъ, одѣтый желѣзомъ, худо убивающій. Оттого худо убивающій:—кого поймаешь, худо убиваетъ; мужчинъ, повернувъ внизъ головой, разрубаетъ топоромъ по промежности, женщинъ раскалываетъ пополамъ, какъ рыбу для сушенія.

Пришелъ Якунинъ, сталъ истреблять народъ. У него пріемышъ изъ кочевого племени, проворный, приносящій пищу, быстроногій... На бѣгу догоняетъ дикаго оленя, убиваетъ ножомъ, вываливъ внутренность, хватаетъ за заднюю ногу, вскидываетъ вверхъ, такъ прямо приноситъ домой.

Якунинъ, худо убивающій, истребляетъ народъ, собралъ цѣлые возы шапокъ, шапки убитыхъ, двадцать возовъ отправилъ Солнечному Властителю. Говоритъ:—Больше нѣтъ оленныхъ людей! Всѣхъ истребилъ!—Говоритъ Солнечный Властитель:—Еще въ травѣ много птичекъ прячется!..

— Покончу и ихъ! Дайте большое ружье (пушку)!..

— Смотри, какъ бы самого тебя не убили!..

— Пустое!..

Взялъ большое ружье, унесъ съ собою, ходить, ищетъ жителей, истребляетъ. Люди бѣжали изъ внутренней страны къ морю, но танги слѣдовали сзади и истребляли отстававшихъ, Оленные люди добѣжали до края земли,

поселились подъ утесомъ, подъ крутыми скалами, но танги взобрались на утесъ и, скатывая сверху камни, разбили укрѣпленіе и истребили многихъ.

На землѣ Нэтэнъ поставили на морскомъ берегу подъ нависшимъ утесомъ другую крѣпость. Сверху туда нельзя скатить камни. Танги взошли на утесы, но ничего не могутъ сдѣлать. Камни перелетаютъ черезъ границу жительства. Пошли танги по ущелью, ища прохода. Впереди идетъ Якунинъ, одѣтый бѣлымъ панцыремъ, подобный бѣлой чайкѣ, съ длиннымъ копьемъ въ рукахъ.

У входа въ узкое ущелье молодой Эыргынъ пьетъ воду изъ деревянной чаши.

— Пей хорошенько,—говоритъ Якунинъ.—Больше ты не будешь пить на этой землѣ!..

— Посмотримъ!—говоритъ Эыргынъ.

Поднявъ Якунинъ копье, прыгаетъ вверхъ, какъ до вершины лиственницы, машетъ копьемъ...

— Кто, кто выйдетъ сразиться съ казацкимъ начальникомъ?

Богатырь Нанкачгатъ, въ панцырѣ изъ моржовой кожи, огромный, широкой въ плечахъ. Во время ледохода на рѣкѣ Номваанъ ложится поперекъ воды, задерживая глыбы льда. По его тѣлу переходятъ кочевые поѣзда, какъ по твердой землѣ.

Говоритъ Нанкачгатъ:— Я выйду на испытаніе!..

Встрѣтились двое, Якунинъ, одѣтый бѣлымъ желѣзомъ, подобный бѣлой чайкѣ; Нанкачгатъ, обшитый кожей. Остріе копья Якунина длиною въ локоть; у Нанкачгата такой же длины.

Солнце обошло кругомъ неба, еще сражаются. Копье Якунина стерлось до обуха, языкъ у Нанкачгата свѣшивается до плеча...

Люди вокругъ стоятъ, смотрятъ. У Эыргына деревян-

ный лучокъ, стрѣлка изъ китоваго уса. У Якунина на лицѣ желѣзо, только для глазъ двѣ дыры. Выстрѣлилъ Эыргынъ китовоусовой стрѣлкой, попалъ Якунину въ глазъ. Облился кровью Якунинъ, сѣлъ на землю, оперся локтемъ о землю. Бѣжали другіе таньги. Множество людей приступаетъ къ нему; еще убиваетъ, ибо силенъ.

У Эыргына ножикъ изъ китоваго уса. Ударилъ китовоусовымъ ножомъ между швовъ панцыря. Повалился Якунинъ навзничъ. Еще живъ. Схватили его.

Говорятъ: — Ты жестокій, худо убивающій! У насъ нѣтъ топоровъ. По крайней мѣрѣ, медленно умертвимъ тебя...

Развели огонь. Жарятъ его у огня, поджаренное мясо срѣзаютъ ломтиками и жарятъ снова.

— Хорошо!—говоритъ Якунинъ.—Есть еще мой пріемный сынъ. Онъ отомститъ.

Вмѣстѣ съ другими таньгами убѣжалъ пріемышъ. Погнались сзади многіе люди. Всѣхъ догоняютъ, всѣхъ убиваютъ. Пріемышъ Якунина взобрался на высокую скалу, но стрѣла Эыргына отыскала его лобъ. Принесли его Якунину.

— Вотъ, посмотри! это твой будущій мститель!..

Заплакалъ Якунинъ.—Конецъ теперь битвамъ. Некому отомстить за нашу смерть!..

Еще двухъ таньговъ, бѣдныхъ работниковъ, оставили въ живыхъ. Самыхъ бѣдныхъ, вѣчно обижаемыхъ, которыхъ всю жизнь плохо кормили, тѣхъ оставили живыми.

Сказали имъ:—Будьте смотрящими на то, что мы сдѣлали съ начальникомъ, и, уѣхавъ, расскажите своимъ, чтобы прекратилось худое убиваніе нашихъ людей!..

Снабдили ихъ жирнымъ мясомъ въ дорожный запасъ, дали имъ сильныя упряжки. Уѣхали къ своимъ, рассказали. Съ тѣхъ поръ прекратилось жестокое убиваніе людей на этой землѣ...

— А что, хорошая повѣсть? — спросилъ Йэкакъ, докончивъ разсказъ и съ торжествомъ взглядывая на меня. — И все правда. Какъ разъ такъ и было.

— Я уже слыхаль объ Якунинѣ! — отвѣтилъ я.

Дѣйствительно, разсказъ о смерти Якунина, подъ которымъ подразумѣвается майоръ Павлуцкій¹⁾, довольно распространенъ среди чукчей въ нѣсколькихъ различныхъ вариантахъ.

— Такъ было и съ нимъ! — повторилъ старикъ съ удареиємъ. — За то: не убивай жестоко мужчинъ и женщинъ.

— Буде тебѣ-ка лепетать! — грубо возразилъ Митрофанъ по-русски. — Жестоко убиваль?! Вы сами-то чего дѣляли?

— Вонъ, старики-то сказываютъ, — обратился онъ ко мнѣ. — Чукочью деревню²⁾ первый разъ разорили, не то что людей перерѣзали, а то есть ѣдушку, юколу тамъ, рыбу, кости, все наземъ прибросали и ногами притоптали...

— Надо было васъ чертей не такъ еще наказывать! — продолжалъ онъ съ ненавистью въ голосъ, снова обращаясь къ Йэкаку, но не отступаясь отъ русской рѣчи, совершенно непонятной сказочнику. — Вишь, расплодились! Табуны-то кругомъ развели, чисто, какъ грязь. А земля-то вѣдь наша, дѣловская...

Въ качествѣ анющика, Митрофанъ считалъ себя имѣющимъ право владѣнія на всѣ тундры и лѣса каменнаго берега Колымы, занятые теперь чукчами, но нѣкогда, дѣйствительно, составлявшіе охотничью территорію его предковъ.

1) Майоръ Павлуцкій погибъ въ сраженіи съ чукчами въ 1747 г.

2) Чукотья деревня — старинное русское поселеніе въ западномъ устьѣ Колымы, теперь совершенно обезлюдѣвшее.

— А тебѣ, видно, завидно на ихъ стада?—спросилъ я шутя.

— Какъ не завидно будетъ!—сознался Митрофанъ.— Мы голодные сидимъ, а ихъ ѣда кругомъ нихъ сама на ногахъ ходить.

— А вы тоже заведите стадо!—сказалъ я.

— Какъ же заведешь!—сердито сказалъ Митрофанъ.— Надо вѣдь на гору итти, на волѣ ходить. Насъ развѣ отпустить? А службы кто справлять станеть? Мы все равно привязанные. Живемъ, какъ на цѣпѣ! Своя воля була бу, я давно бу, пожалуй, ушелъ къ чукчамъ...

Митрофанъ имѣлъ въ виду гнетъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, который заставляетъ каждое общество колымскихъ порѣчанъ ¹⁾ прикрѣплять своихъ членовъ къ ихъ мѣсту жительства на рѣкѣ настоящими крѣпостными узами. Въ словахъ его было много правды. Не будь этого прикрѣпленія, многіе молодые люди, можетъ быть, дѣйствительно ушли бы на гору и обзавелись стадами оленей.

Наступило короткое молчаніе.

— А что, Йэкакъ!—началъ опять Митрофанъ, желая въ свою очередь, подразнить старика.—Гдѣ твое стадо?

— Не нужно стада!—живо возразилъ Йэкакъ.—Заботы много!..

— А правда, что у тебя и ѣздовыхъ (оленей) нѣтъ?—продолжалъ Митрофанъ насмѣшливо.—На Агангиныхъ будто оленяхъ ты въ гости ѣздишь?..

Старикъ насупился. Для чукчи, особенно для старика, считается весьма предосудительнымъ не имѣть собственной упряжки.

¹⁾ Порѣчане составляютъ около десятка отдѣльныхъ мелкихъ обществъ. Самое меньшее изъ нихъ насчитываетъ два десятка душъ обоего пола и только троихъ взрослыхъ работниковъ.

— Двѣ упряжки есть, четыре кладовыхъ оленя, восемь всего! — угрюмо возразилъ онъ. — Кто говоритъ, что я пѣшъ?..

— Люди говорятъ! — не унимался Митрофанъ. — Говорятъ, будто ты и на тотъ свѣтъ хочешь ѣхать на Акангиныхъ оленяхъ.

— Полно врать! — сердито сказалъ Йэкакъ.

— Да, полно врать! — передразнилъ Митрофанъ. — А мой совѣтъ, лучше иди пѣшкомъ! Гырголь увидитъ, все равно отниметъ; станешь пѣшъ, еще придется нарту волочить самому.

По вѣрованію чукчей надъ тѣломъ умершаго должны быть убиты непременно его собственные упряжные олени, ибо чужихъ на томъ свѣтѣ все равно отберутъ ихъ бывшіе владѣльцы.

Поэтому, если нѣтъ собственныхъ оленей, не можетъ быть и погребальнаго жертвоприношенія.

Йэкакъ серьезно разсердился.

— Собачій языкъ! — крикнулъ онъ. — Зачѣмъ ты присталъ къ моимъ оленямъ! — Развѣ хочешь выклянчить кусокъ мяса на подарокъ женѣ?..

Я поспѣшилъ остановить возникавшую ссору, но словоохотливость Йэкака пропала. Онъ угрюмо отодвинулся къ стѣнѣ и не только не хотѣлъ разсказывать больше, но не отвѣтилъ даже на мой вопросъ относительно вѣроятности приѣзда на завтра вышеупомянутаго Корави Кутылина изъ Крѣпости Собранія (такъ называютъ чукчи Нижне-Колымскъ). Я, впрочемъ, не сталъ настаивать на разспросахъ. Глаза мои слипались. Въ мозгу внезапно возникали смутные и неожиданные обрывки фразъ и образовъ, которые безцеремонно прерывали обычное теченіе моихъ мыслей, потомъ сами заволакивались туманомъ. Еще черезъ десять

минуть мы всё спали, какъ убитые, позабывъ Якунина и его погибшее войско.

Мнѣ, впрочемъ, снились письма и газеты, которыхъ я ожидалъ уже два мѣсяца. Митрофанъ съ полночи сталъ ворочаться и стонать. Быть можетъ, ему пригрезилось то самое податное ярмо, которое мѣшало ему завести соблазнявшее его оленье стадо.

Русскій чукча.

— Слушай меня, Вэйпъ! Я хочу говорить! У меня есть слова для васъ, танъги!..—Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на говорившаго. То былъ Етынькэу, второй сынъ нашего хозяина Номгатли, парень совсѣмъ молодой, безусый и, къ тому же, не имѣвшій жены, которому вовсе не приличествовало обращаться въ такомъ тонѣ къ людямъ, сидѣвшимъ на почетномъ мѣстѣ въ шатрѣ его отца.

— Такъ не говорятъ съ гостями!—съ упрекомъ возразилъ Высокій Амулинъ, сѣдой старикъ, сидѣвшій рядомъ со мною, предупреждая мой отвѣтъ. Онъ былъ гостемъ, какъ и мы, и пріѣхалъ вслѣдъ за нами съ послѣдняго стойбища съ единственною цѣлью лишній разъ напиться чаю, не виданнаго въ этомъ околоткѣ уже около четырехъ мѣсяцевъ.

Къ Номгатлѣ мы заѣхали случайно по дорогѣ на большой бѣгъ, назначенный черезъ три дня у богатаго стадовладѣльца Экэви въ верховьяхъ рѣки Погиндена. Собаки наши устали, и, наѣхавъ передъ вечеромъ на шатры Номгатли, стоявшіе при самой дорогѣ, мы рѣшили остановиться и отдохнуть до утра.

— Я хочу говорить!—упрямо повторялъ Етынькэу.

Онъ, видимо, былъ взволнованъ, и для того, чтобы имѣть болѣе простора, поднялся и, покинувъ свое мѣсто на оленьей шкурѣ, всталъ передъ дверью.

— Ну, что жъ, говори!—отвѣтилъ я.—Гдѣ твои слова? Будемъ слушать!

— Не мои только слова, — счелъ нужнымъ сказать Етынькэу въ видѣ бѣлаго оправданія, — слова всѣхъ со-сѣдей!.. Я скажу тебѣ, а ты передай ихъ ясачному начальнику ¹⁾).

— Ну, говори! — повторилъ я.

— Уберите отъ насъ Ольку! — разразился Етынькэу. — Уведите къ себѣ этого пса! Слышите!

— Что такое? — спросилъ я съ еще большимъ удивленіемъ.

— Я говорю, — продолжалъ Етынькэу, не помня себя отъ гнѣва, — въ прошломъ году пролилась чукотская кровь, въ этомъ году прольется иная!..

— Ты что, обезумѣлъ? — спросилъ я, тоже разсердившись.

Етынькэу говорилъ о столкновеніи на Анюйской ярмаркѣ въ 1895 году, во время которой одинъ изъ чукчей былъ избитъ до смерти, и его угроза была слишкомъ прямого свойства, чтобы пропустить ее безъ вниманія.

— Довольно ему нашихъ парней обижать! — продолжалъ Етынькэу. — Насъ много! Вотъ соберемся и переломаемъ ему руки и ноги!..

— Ты слышишь, Номгатля? — обратился я къ хозяину, сидѣвшему напротивъ.

— Ничего не слышу! — отвѣтилъ хитрый старикъ. — Ты знаешь, я глухъ!

Номгатля, дѣйствительно, былъ туговать на ухо, но Етынькэу кричалъ слишкомъ громко, чтобы можно было не слышать его словъ.

— Ну, такъ и я не слышу! — сказалъ я, — да и слушать не хочу!..

— Перестань кричать, Етынькэу! — сказалъ высокій

¹⁾ Исправникъ.

Амулинъ усовѣщающимъ тономъ. — И правда, ты обезумѣлъ. Развѣ не можешь говорить тихо?

— Да въ чемъ дѣло? — спросилъ я, обращаясь къ старику.

— Въ чемъ же, какъ не въ борьбѣ, — предупредилъ Етынькэу его отвѣтъ. — Олъка всѣхъ нашихъ борцовъ перебросалъ!.. Это пускай! Что же, если онъ сильнѣе. Да зачѣмъ онъ Эленди голову разбилъ въ кровь? — Онъ говорилъ значительно пониженнымъ тономъ, но подъ конецъ опять разсердился, и глаза его налились кровью.

— Что же, — сдержанно сказалъ Номгатля. — Дѣйствительно, если живешь между чужимъ народомъ, надо быть скромнымъ. Олъка слишкомъ склоненъ къ издѣвательствамъ, какъ будто вся эта земля его! Молодые люди сердятся.

— А кто такой Эленди? — спросилъ я.

— Мой племянникъ, — мрачно отвѣтилъ Номгатля, — вотъ его двоюродный братъ! — И онъ указалъ рукой на Етынькэу.

Я теперь уже отдавалъ себѣ ясный отчетъ о причинахъ гнѣва Номгатли и его сына.

Олъка, о которомъ они говорили съ такимъ ожесточеніемъ, былъ мой старый знакомецъ Алексѣй Козановъ, числившійся русскимъ мѣщаниномъ, но выросшій среди чукчей и вполнѣ усвоившій ихъ образъ жизни и нравы. Онъ считался въ своемъ околоткѣ лучшимъ борцомъ и каждаго чукотскаго силача могъ швырнуть на землю, какъ мѣшокъ съ рухлядью, по собственному хвастливому выраженію. Понятно, что чукотскіе парни, очень ревниво относящіеся ко всякимъ тѣлеснымъ состязаніямъ, постоянно злились на его успѣхи и пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ для придирокъ. Теперь, когда настроеніе чукчей и безъ того было испорчено, благодаря анюйской исторіи

эти придирки грозили превратиться въ настоящее гоненіе.

— Борьба близка къ дракѣ, — попробовалъ я вступить. — Чукотскіе борцы тоже нерѣдко показываютъ другъ другу свою кровь!..

— То люди ¹⁾, а то тангы! — дерзко и прямо возразилъ Меветь, двоюродный братъ Номгатли, сидѣвшій возлѣ него.

Я посмотрѣлъ вокругъ себя: Номгатлина семья не пользовалась хорошей ренутаціей, и, хотя насъ было четверо и мы не имѣли причины опасаться чукчей, но у меня не было никакой охоты внезапно затѣвать ссору вмѣсто отдыха послѣ огромнаго и утомительнаго переѣзда, занявшаго цѣлый день.

— Я буду завтра у Ольки, — сказалъ я, — спрошу, что онъ надѣлалъ. А теперь давайте спать.

Олька Козановъ былъ незаконный, «вдовій», сынъ Овди (Авдотьи) Козановой, вдовы нижнеколымскаго мѣщанина. Собственно говоря, въ его жилахъ текла кровь весьма смѣшаннаго свойства, такъ какъ мать его происходила изъ обрусѣлой ламутско-чуванской семьи. Отецъ его вовсе не былъ извѣстенъ, ибо Ольга родился черезъ три года послѣ смерти перваго мужа своей матери, семейное прозвище котораго онъ унаслѣдовалъ. Во всякомъ случаѣ, по происхожденію, онъ считался «рѣчнымъ», а стало быть — русскимъ человѣкомъ, такъ какъ на нижней Колымѣ эти понятія совпадаютъ. Но Овдя вскорѣ послѣ его рожденія вышла замужъ за богатаго чукчу и сына унесла съ собою на тундру, гдѣ въ настоящее время протекала ихъ жизнь. Ольга воспитался по-чукотски, жилъ оленями, бѣгалъ вокругъ стада, какъ оленные люди, роднымъ языкомъ его былъ чукотскій, а по-русски онъ понималъ нѣсколько

¹⁾ Самихъ себя чукчи называютъ просто людьми.

словъ и то больше угадывалъ ихъ смыслъ какимъ-то особымъ чутьемъ. Самъ себя Олька считалъ русскимъ, въ чемъ его поддержать могло развѣ только постоянное стремленіе со стороны общественниковъ взвалить на его, Олькины, плечи соотвѣтственную или, лучше сказать, совсѣмъ несоотвѣтственную долю податной тяготы. Въ сущности, ни чукчи, ни русскіе не признавали его своимъ, въ чемъ я могъ убѣдиться чуть ли не съ первой же встрѣчи съ нимъ. Это было на Анюйской ярмаркѣ 1895 года, гдѣ произошло «недоразумѣніе», окончившееся смертью одного изъ чукчей, — и какъ разъ во время «недоразумѣнія».

Чукчей поспѣшно выдворили съ ярмарочнаго двора, ворота были заперты, и русское населеніе ярмарки собралось въ казенный домъ къ помощнику исправника обсуждать положеніе вещей, угрожавшее настоящею осадой со стороны чукчей. Среди русскихъ плисовыхъ пальто и куртокъ, крытыхъ сатиномъ, затесалась одна бурая мѣховая рубаха самаго настоящаго чукотскаго фасона и покроя.

— Это что за чукотская морда? — спросилъ помощникъ исправника, занимавшій положеніе предсѣдателя.

— Я не чукча, я русскій! — тоже сердито возразилъ Олька, увы, чукотскимъ языкомъ, такъ какъ онъ по-русски не могъ сказать двухъ словъ.

— Это мой сынъ, мѣщанинъ колымскій! — сказала Овдя, стоявшая рядомъ; она была переводчицей у одного изъ купцовъ и по этому случаю, въ противоположность сыну, была облечена въ новое шумящее платье изъ пестрой сарпинки обыкновеннаго русскаго покроя. Говорила она прекраснымъ русскимъ языкомъ, совершенно свободнымъ отъ противнаго сюсюканья нижнеколымскихъ женщинъ.

Помощникъ осмотрѣлъ ихъ обоихъ недоброжелательнымъ взглядомъ.

— Отчего у него креста нѣтъ? — спросилъ онъ сурово,

тыкая пальцемъ въ обнаженную грудь Ольки, выдѣляющаяся изъ-подъ низко вырѣзаннаго ворота мѣховой рубашки.

— Теряетъ онъ кресты-те, за оленями бѣгаетъ! — объясняла Овдя, — не напасешься ему. Поневоля пересталь надѣвать.

— Креста не носить, языка русскаго не знаетъ! — сказалъ помощникъ съ нескрываемымъ негодованіемъ. — Какой же онъ русскій?..

На другой день я опять увидѣлъ Ольку за воротами; онъ стоялъ среди группы чукчей и велъ съ ними оживленный разговоръ.

— Кто убилъ Кэулина? — спрашивали чукчи. — Говори, Олька, ты былъ въ оградѣ.

— Наши убили! — отвѣчалъ Олька съ довольно откровенною улыбкою.

— Ты что смѣешься, таньгинская морда? — закричали чукчи. — Весело тебѣ, что твоя собачья родня человека загрызла?

— Чего вы ко мнѣ пристали? — отгрызался Олька. — Развѣ я трогалъ Кэулина?

Чукчи опять стали ругаться, хотя ихъ крики не производили особеннаго впечатлѣнія на русскаго оленщика. Во всякомъ случаѣ было очевидно, что и чукчи не признавали его своимъ.

Еще разъ я видѣлъ Ольку на оленьемъ бѣгу, гдѣ присутствовало нѣсколько русскихъ парней изъ самыхъ крайнихъ бѣдняковъ. Олька относился къ нимъ ласково, одѣлялъ ихъ мясомъ изъ своихъ и изъ чужихъ запасовъ, постоянно разговаривалъ съ ними, что не мѣшало имъ открыто подтрунивать надъ его русскими притязаніями при чукотскомъ языкѣ. Чукчи тоже не отставали отъ нихъ, и Олька одновременно былъ мишенью всеобщихъ насмѣшекъ, которыя онъ какъ-то пропускалъ мимо ушей.

Я вспоминалъ всѣ эти подробности на другой день во время пути на стойбище Козанова, которое лежало въ 40 верстахъ отъ Номгатли.

— А что, Митрофанъ, — спросилъ я, наконецъ, своего каюра, — какъ ты думаешь, выживутъ они отсюда Ольку?

— Они-то не выживутъ, — тотчасъ же отвѣтилъ Митрофанъ. — А только достать его надо намъ самимъ!

— Зачѣмъ достать? — спросилъ я, недоумѣвая.

— А затѣмъ: пускай не шляется «по горѣ», пускай живетъ на рѣкѣ, тягости относить какъ всѣ люди!.. Какой же онъ мѣщанинъ?.. Этакъ, пожалуй, и всякій захотѣлъ бы въ чукчи уйти. Нѣтъ, братъ, коли ты русскій, такъ нечего отвиливать.

Митрофанъ, въ качествѣ коренного порѣчанина, каждую человѣческую единицу могъ разсматривать только съ точки зрѣнія равенія податей. Его собственное общество заключало 14 плательщиковъ, которые денно и ночью думали только о томъ, какъ бы безнедоимочно погасить разнообразныя требованія окладныхъ и неокладныхъ листовъ о сборѣ.

— Постой! — возразилъ я. — А олени какъ? Вѣдь онъ живетъ стадомъ.

— Олени! — сказалъ Митрофанъ, презрительно прищуриваясь. — Не бойся, оленямъ найдемъ мѣсто! Мало ли голодныхъ на Колымѣ? Только мигнемъ общественникамъ, они и не такой табунъ по себѣ растаскаютъ!

Это нашла себѣ выраженіе другая сторона уравнительныхъ стремленій представителя рѣчныхъ интересовъ. Не имѣя никакого запаса, существуя изо дня въ день продуктами рыбнаго промысла, онъ не признавалъ и за оленеводомъ права на его живой капиталъ и въ своихъ голодныхъ вождедѣніяхъ не отличалъ его прирученныхъ стадъ отъ дикихъ животныхъ. Такія воззрѣнія присущи всѣмъ

рыболовнымъ и охотничьимъ племенамъ по отношенію къ сосѣдямъ-скотоводамъ и на Колымѣ постоянно даютъ себя чувствовать въ отношеніяхъ между чукчами, съ одной стороны, и русскими или ламутами — съ другой.

Черезъ два часа мы пріѣхали на стойбище Ольки. Тутъ было цѣлыхъ шесть шатровъ, одинъ другого ободраннѣе, но шатеръ русскаго оленевода стоялъ впереди всѣхъ, въ знакъ того, что это самый богатый и сильный человекъ на стойбищѣ. Ольки не было дома, онъ ушелъ къ оленямъ. Насъ встрѣтила Овдя и засуетилась надъ приготовленіемъ неизбѣжной закуски, непрерывно понукая свою молодую сноху Чомыльгинъ, красивую, но необыкновенно замазанную чукчанку, чтобы она поскорѣе кипятила чайникъ. Сноха, впрочемъ, мало обращала вниманія на крики свекрови и больше возилась надъ импровизированной зыбкой, связанной изъ шкуръ и палокъ и подвѣшенной къ углу шатра, въ которой пищалъ маленькій грудной ребенокъ. Чомыльгинъ была совсѣмъ молода — ей, вѣроятно, не было еще и двадцати лѣтъ. Станъ ея, несмотря на материнство, имѣлъ дѣвичьи очертанія даже подъ неуклюжимъ мѣховымъ нарядомъ чукчанки, похожимъ на толстый мѣшокъ, но гладкая круглая шея была навьючена цѣлымъ хомутомъ бусъ и всяческихъ мѣдныхъ украшеній самага несимметрическаго вида.

Овдя, напротивъ того, была высокая, костлявая баба съ чрезвычайно безобразнымъ лицомъ, — надъ ея безобразіемъ смѣялись даже чукчанки. Носъ ея былъ совершенно сплюснутъ, бровей не было, и маленькіе желтоватые глазки были прорѣзаны совсѣмъ наискось. Лицо ея не имѣло ни одной русской черты, и Чомыльгинъ гораздо скорѣе могла сойти за русскую женщину, чѣмъ эта порѣчанка изъ обрусѣлыхъ ламутовъ. Она была одѣта въ такой же мѣховый мѣшокъ, какъ и ея сноха, и шея ея

была украшена двойнымъ рядомъ крупныхъ, но неровныхъ зеленыхъ бусъ съ большимъ мѣднымъ крестомъ посрединѣ.

— Каково на рѣкѣ? — спросила Овдя, усѣвшись рядомъ съ нами на шкурахъ, когда приготовления къ чаю были окончены.

— Все хорошо! — отвѣтилъ Митрофанъ.

— Не хворають?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ твердо Митрофанъ.

— Не голодуютъ?

— Нѣ-ѣтъ! — отвѣтилъ Митрофанъ, но уже не съ такою твердостью, какъ прежде.

— Ну, строгайте рыбу! — сказала она въ заключеніе, — давно рыбу не видѣла! Кормите насъ рыбой.

Каюры немного помялись; у нихъ было немного мороженой рыбы, ибо ни одинъ уважающій себя порѣчанинъ не отправляется въ путь безъ рыбнаго запаса, но они тщательно скрывали его отъ чукотской алчности и извлекали на свѣтъ только во время уединенныхъ остановокъ подъ открытымъ небомъ, когда имъ не грозила конкуренція цѣлой оравы непрошенныхъ сотрапезниковъ. Но для этой русской души слѣдовало поступиться, и черезъ нѣсколько минутъ Митрофанъ принесъ огромнаго чира, завернутаго въ тряпку, и сталъ сдирать съ него кожу для строганины. Въ это время явился Олька. Онъ тащилъ за собой на санкахъ большого оленя, только что заколотаго.

— Вотъ собачій кормъ! — сказалъ онъ, сбрасывая его на землю между обѣими упряжками. — Я услышалъ отъ Кэмлиля, что вы пріѣхали... Что же? Хотя у меня оленей немного и о каждомъ теленкѣ сердце мое болитъ, убивая, но какъ сдѣлать? Русскіе должны помогать другъ другу.

Кэмлиль былъ одинъ изъ подростковъ, толокшихся на стойбищѣ во время нашего пріѣзда; онъ счелъ необходимымъ тотчасъ же предупредить главу стойбища.

Признаюсь, мнѣ тоже было жаль великолѣпнаго оленя, который, вѣроятно, составлялъ одно изъ украшеній немногочисленнаго стада Ольки, но я сознавалъ, что собаки не могутъ ночевать безъ ужина. Я могъ только предложить Олькѣ плату чаемъ и табакомъ, заставившую его, впрочемъ, тотчасъ же утѣшиться въ своей потерѣ. Каюры, напротивъ, ворчали. Имъ казалось, что одного оленя мало на двѣ упряжки, и они успокоились, только обойдя стойбище и набравъ у бабъ прокисшаго лѣтняго мяса, крови, печени и разныхъ остатковъ и обрѣзковъ отъ человѣческой пищи.

Олька былъ молодой парень средняго роста, съ обвѣтреннымъ и загорѣлымъ лицомъ совершенно бронзоваго цвѣта и крупными правильными чертами, какъ будто вырѣзанными изъ твердой мѣди. Крѣпкая круглая голова его была острижена по-чукотски, съ широкой бахромой спереди и двумя пучками волосъ по обѣимъ сторонамъ макушки. Ни въ лицѣ, ни въ фигурѣ не было признаковъ русскаго происхожденія. Это былъ типичный чукотскій ачекъ¹⁾, легконогий охранитель стадъ, не знающій устали въ погонѣ за отбѣгающими оленями, привычный къ голоду, ненастью и продолжительному пребыванію безъ сна. На первый взглядъ въ фигурѣ Ольки нельзя было даже признать несокрушимой силы и выносливости, дававшей ему побѣду въ столькихъ единоборствахъ съ чукчами.

Только присмотрѣвшись поближе, можно было различить желѣзную крѣпость этого плотно сбитаго тѣла съ круглыми упругими мышцами, рельефно выступавшими даже подъ мѣховой рубахой.

Олька, по своему обыкновенію, былъ съ открытой головой и обнаженными руками. Шапку и рукавицы онъ ском-

1) Молодецъ, молодой человѣкъ,

каль вмѣстѣ и небрежно прицѣпилъ къ поясу, рискуя каждую минуту потерять ихъ въ снѣгу. Онъ притащилъ санки съ убитымъ оленемъ безъ всякаго видимаго напряженія; даже грудь его дышала такъ же ровно, какъ всегда. Онъ должно быть, провелъ цѣлый день не ѣвши и, войдя въ шатеръ, тотчасъ же схватилъ мерзлую оленью ногу и принялся отдирать зубами жилы, помогая себѣ ножомъ. Онъ, старался ѣсть, какъ можно скорѣе, такъ какъ это считается первымъ признакомъ удали молодого пастуха, и управлялся со своею костью не хуже каждой изъ собакъ, которыя были въ это время, поглядывая на оленя, назначеннаго имъ на ѣду.

— А что, Алексѣй? — сказалъ я по окончаніи ѣды, когда бабы стали убирать посуду. — Вотъ Номгатлины люди жалуются, что ты обижаешь чукчей.

Олька, игравшій въ это время со своей малолѣтней дочкой, которую онъ досталъ изъ колыбели, и улыбавшійся самой безпечной улыбкой, сердито надулся. — Что же мнѣ уступать имъ? Если они сами лѣзутъ, — неохотно проворчалъ онъ.

Я не могъ не признать справедливости словъ Ольки, такъ какъ чукотскіе борцы, сторяя желаніемъ свергнуть его первенство, дѣйствительно не давали ему прохода.

— Да ты бы хоть полегче, что ли! — сказалъ я полусуто.

— Что же мнѣ падать самому? Если я ихъ сильнѣе? — угрюмо возразилъ Олька. — Я вѣдь одинъ русскій, а ихъ много. Пусть между чукчами выищется настоящій человекъ, то и самъ меня покорить.

— Видишь! — заговорила Овдя. — Всегда этакій несговорный! Какъ ни придутъ чукчи, что они станутъ говорить, а онъ имъ наоборотъ да наоборотъ... Намедни съ ножами пришли, желѣзо вытаскиваютъ. Говорятъ: «пере-

рѣжемъ ему нитки ¹⁾ на рукахъ и на ногахъ, тогда перестанетъ бороться!» Номгатлины дѣти, да Меветъ, да Вантувiя... Небось, этого не сталъ разсказывать, глухой чортъ!..

— А зачѣмъ ты Эленди ударилъ до крови? — спросилъ я.

— Эленди мой сосѣдъ; на этомъ стойбищѣ четвертый шатеръ! — сказалъ Олька, уклоняясь, однако, отъ прямого отвѣта. — Я ему далъ важенку съ теленкомъ; мы помирились!..

— А гдѣ Эленди? — спросилъ я.

— Уѣхалъ къ кавралинамъ за ремнями, — сказалъ Олька. — Да мы помирились, я говорю, — повторилъ онъ. — Эленди — мой человѣкъ.

— Номгатлины дѣти за Эленди пристають? — вмѣшалась Овдя. — Обманъ! Сами за себя пристають! Етынькэу съ Олькою въ прошломъ году боролись, Олька Етынькэу трижды бросалъ; третій разъ бросилъ, а тотъ, варнакъ, схватилъ — изъ американскаго дерева полозъ былъ сдѣланный, гранито, какъ ножи, — да на Ольку и поднялъ. Спасибо, руку успѣлъ кинуть, да дерево поймать. Съ тѣмъ отнялъ и опять давай душить, — насилиу вырвался да убѣгъ. А Номгатля говоритъ къ сыну-то: «Ты кто? парень или дѣвка! Мнися ²⁾, а на будущій годъ опять на него выходи!» Вотъ Зимусъ опять мѣрился на бѣгу. Извѣстно, съ Олькой кто состоитъ? Онъ, все равно, желѣзо. Опять сразу задавилъ. Такъ Номгатля говоритъ: «Ты одинъ. А мы люди родистые. У меня 12 сыновей. Всѣ на тебя придутъ съ копьями!»

¹⁾ Сухожилiя. Изъ оленьихъ сухожилiй дѣйствительно дѣлають нитки.

²⁾ Мяться — упражняться въ атлетическомъ спортѣ для увеличенiя своей силы.

У Номгатли дѣйствительно была цѣлая куча дѣтей отъ трехъ разныхъ женъ, но почти всѣ они были малолѣтки и особой опасности не представляли.

— Номгатлины дѣти еще маку ¹⁾ волочатъ!—сказалъ я шутливо, — далеко имъ до копыя.

— Подрастутъ когда-нибудь! — возразила старуха. — Етынкѣу даромъ худосильный, а знаетъ за собой братьевъ, то и лѣзетъ на всякаго. Знаетъ вѣдь, по чукотской вѣрѣ за братову обиду черезъ двадцать лѣтъ не забудется.

— Наказаніе!—сказалъ Селивановъ, другой изъ моихъ каюровъ. — Зачѣмъ вы вздоритесь съ има? Это чукотская земля. Надо бу вамъ жить по всей ихой вѣрѣ ²⁾.

— Да кто съ ними вздорится?—защищалась старуха. — Сами всегда лѣзутъ. «Вы, говорятъ, русскіе, уходите на свою землю!» А земля эта вовсе не чукотская. Изстари вѣковъ нашихъ предковъ земли,—ламутовъ да юкагеровъ.

— Кто тутъ станетъ разбирать — проворчалъ Селивановъ. — А только, я вамъ говорю! живите тихо! Не то вправду на Колыму васъ выведутъ. Между васъ еще убійство выйдетъ. Весь народъ сомутился!..

Въ качествѣ казака—Селивановъ считалъ себя въ правѣ говорить авторитетнымъ тономъ.

Овдя съежилась.

— Вотъ я говорила тебѣ,—обратилась она къ сыну,— не борися ты! Видишь, изъ-за твоей борьбы всѣ на насъ: русскіе на насъ и чукчи насъ.

— Если они лѣзутъ!..—повторилъ Олька свой прежній аргументъ.

— Имъ бы еще, чѣмъ жалиться, слѣдовало бы выкупъ дасти за желѣзо, что ножи вытаскивали, — опять загово-

¹⁾ Ма ка — нижній клапанъ дѣтской одежды.

²⁾ Т. е. по ихъ обычаямъ.

рила старуха. — Мой - то далъ вѣдь Эленди за кровь важенку. А они жмутся. Жалко оленя, то и жалиться стали.

— Развѣ у васъ нѣтъ друзей?—спросилъ я.—Вотъ невѣстку взяли. У ней вѣдь есть братья?

— Какъ не быть?—сказала старуха съ гордостью.—Это Янынтина сестра. Янынтина знаешь небось... Пять братовей они,—на Погинденской вершинѣ стоятъ.

Янытинъ былъ самый извѣстный ѣздокъ на оленяхъ во всей Анюйской округѣ, побѣдитель на многихъ бѣгахъ, игравшій, между прочимъ, довольно видную роль и во время смуты на ярмаркѣ.

— Отчего же они за васъ не заступаются? — спросилъ я.

— Да Олька дѣвку-то убѣгомъ увелъ!—сказала Овдя, понизивъ голосъ до шопота.—То и не ладно.—Разскажи, Олька!

Олька потупился.

— Сама разскажи!—сказалъ онъ застѣнчиво.

— Ну, ладно,—сказала старуха,—пусть я! Да немного и разсказывать-то! Ъхаль онъ однова вечеромъ на оленяхъ мимо ихъ стойбища. Табаку нѣтъ, гамзу дома забылъ, а курить охота! А дѣвки у огнища копошатся. «Дѣвки, кричите, накурите меня!» А Чомыльгинъ и говоритъ: «Не накуримъ, покуль оленей не привяжешь». Нечего дѣлать, онъ привязалъ. «Ну, кричите, теперь накуривайте!» «Нѣтъ, говоритъ, покуль оленей не выпряжешь». Только выпрягъ, а она ихъ въ стадо угнала, поневолѣ остался почевать.

— Вѣрно ихъ къ робеночку-то и тянуло, — прибавила Овдя, внезапно улынувшись нѣжной улыбкой и указывая глазами на свою маленькую внучку.

— Ну, а потомъ что?—спросилъ я, невольно заинтересованный разсказомъ объ этой безыскусственной любви.

— А потомъ они въ табунъ ушли вдвоемъ да три дня и проходили,—продолжала старуха съ хитрой усмѣшкой.

— Домой пришли, братья и говорятъ: «Живи у насъ пріемнымъ зятемъ. Сейчасъ убьемъ оленя, помажетесь!» А онъ говоритъ: «У меня мать есть!» «Мать, — говорятъ, — сюды принеси! Пусть рядомъ руйту ставить». «У меня, — говоритъ, — оленчики есть!» «Много ли, — говорятъ, — твои оленчики? всего сотня! Сообщися съ нашими!» Ну, да извѣстно тысячники; имъ наши оленчики за ничего кажутся. А Олька и не захотѣлъ. «Я, — говоритъ, — работникомъ никогда не булъ, а оленей своихъ всѣхъ по одному самъ выкормилъ и теперь отъ своего дома къ чужимъ людямъ не иду».

— Ну, и что же?—спросилъ я опять.

— Съ тѣмъ и разошлись! — продолжала старуха, — До время! А только у нихъ ужъ было сговорено. Пришла Островновска ярмарка, они и встрѣтились: братья за торгомъ пошли, а она къ намъ прибѣгла. Я у Константина Николаевича тогда була; ну, всѣ больши люди меня жалѣютъ. Параня-то Кошелевска и заперла ихъ въ простой амбаръ, — тамъ просидѣли сутки; а братья пьяные ходятъ, о сестрѣ и думы нѣтъ. Потомъ, конечно, вспомнили, кинулись къ намъ. Ну, стали ихъ уговаривать, Константинъ да Федька, да всѣ хорошіе люди. А Олька-то сейчасъ вышелъ изъ амбару и четверть спирту вынесъ, — запасено было. Съ тѣмъ дѣло и кончилось.

— А теперь какъ?

— Теперь помирились! — сказала Овдя. — Другъ къ дружкѣ въ гости такъ и ѣздимъ. Они намъ каждый годъ гостинцы возятъ: то оленя, то пыжиковъ; весной плетеный чауть ¹⁾ новый привезли,—о, и тяжелый! какъ разъ Олькѣ

¹⁾ Арканъ.

по рукѣ. А то у насъ стадо маленькое, большой чауть сплести не изъ чего. Ну, да и я какой чаекъ, табачокъ привезу изъ крѣпости, все съ ними дѣлюся. Дружно живемъ, грѣхъ сказать...

— Что же они не заступятся за васъ? — повторилъ я вопросъ.

— Да какъ они заступятся? — возразилъ вдругъ Олька. — Янынтынь весной Поленоля стрѣлялъ, Пагантова сына. Теперь Паганто съ братьями на нихъ итти хотятъ. Это вѣдь цѣлый народъ. Однихъ отцовъ сколько! А молодыхъ парней больше 20 человекъ. Теперь Янынтыну еще заступиться за самого себя трудно.

— Видишь, варнаки! — замѣтилъ Селивановъ, — такъ кругомъ и дерутся.

— У меня другая заступа! — сказалъ Олька. — Вотъ видишь, сосѣди, — пускай бѣдные, а все мои друзья. Они меня не дадутъ обидѣть. Мы и ѣдимъ вмѣстѣ.

— Оттого-то и друзья! — проворчала Овдя. — Они и насъ съѣдятъ живьемъ вмѣстѣ съ оленями.

— Ничего! — успокаивалъ ее Олька. — Они поѣдятъ, они и попасутъ. Мои важенки шибко плодушя.

— Вамъ бы прикочевать поближе къ русскимъ! — предложилъ я.

— Ну, да, прикочуй-ка! — сказала старуха, косясь на моихъ спутниковъ. — Разорять вѣдь! Всѣхъ оленей поубиваютъ. Самъ знаешь, какой тамъ народъ! А Олька простой человекъ — онъ, пожалуй, и «нѣтъ» не скажетъ.

Митрофанъ ядовито усмѣхнулся, но не сказалъ ничего.

— Вотъ и теперь между мѣщанами говорятъ, — продолжала старуха, — весной, говорятъ, какъ придетъ голодовка, терпѣть не станемъ, прямо къ Олкѣ пойдемъ. Онъ нашъ общественикъ, пускай насъ кормить! Со собаками, совсѣмъ

явимся. Весь табунъ переведемъ. Пусть будетъ въ ровню съ нами. Нечего ему великаться!»

— А какъ же?—сказалъ Митрофанъ.—Такъ и надо. О, и я такъ сдѣлаю, даромъ не вашъ общественный. Приѣду къ вамъ весною, —кормите меня. И собакъ приведу.

— Слышишь, чего лепечеть?—сердито сказала старуха.—Будто намъ даромъ достается? А вы побѣгайте-ка за табуномъ, небось отобьете ноги! Да лѣтомъ подъ комаромъ, да зимою въ пургу... Вы передъ чуваломъ ¹⁾ пузо грѣете, то ваше и дѣло; а мы теплую избу забули, какая она и була!

— Молчи!—сказалъ Митрофанъ.—Мы всѣ подати и повинности начальству правимъ, да и то мольчимъ.

— А мы не правимъ ли?—воскликнула старуха.—Каждой годъ дерутъ насъ, дерутъ, какъ лисью куреньгу ²⁾; прошлаго году 8 рублей, сего года 7 рублей. Гдѣ ни хватятъ, тамъ и тянутъ. Вотъ зимусь въ крѣпость поѣхала, къ Кошелеву поторговать; только отторговались, выходитъ староста. «Старуха, а подать гдѣ?» О, Господи помилуй,—говорю,—я на легкой нартѣ приѣхала, каки подати привезу. «Нѣтъ, говоритъ, на это отговорки нѣту; не заплатишь, такъ и назадъ не уѣдешь». Нечего дѣлать, стала просить Кошелева положить за меня. Кошелевъ и положилъ. А староста и говоритъ: «Еще дрова для Спаса, нарту дрова подай». Опять давай бѣгать, искать по городу; насилу нашла.

Митрофанъ опять разсмѣялся.—Правда!—сказалъ онъ.—И теперь староста заказываетъ: «Четыре рубли приготовь къ Островному!»

— Да что онъ обезумѣлъ, что ли?—почти закричала

¹⁾ Чуваль — деревянный каминъ.

²⁾ Ободранная туша пушного звѣря.

старуха.— Давно семь рублей взял? Теперь опять четыре! Видно, съ насъ однихъ только и берутъ.

— Не знаю! — сказалъ Митрофанъ.— А только заказывалъ староста: «Скажи Овдѣ, четыре рубли пусть приготовить къ ярмаркѣ, не то и съ ярмарки не отпущю, на рѣку вывезу!»

— Небось, какъ мы не ѣвши сидѣли, — кричала Овдя, — такъ васъ не було! А теперь, какъ живое мясо обросло, вы объявились. «Дай да принеси...» Общество тоже! — прибавила она съ презрѣніемъ...

— Развѣ мы мало муки приняли? — обратилась она ко мнѣ, немного успокоившись.— Я сама вѣдь рѣчная, Чайновска. Отецъ у меня померъ. Только дядя да братъ остались, дядя-то меня молоденькую выдалъ за старика прямо силомъ. Я съ нимъ немножко пожила, онъ и померъ — я вдова осталась. А мы жили на большомъ Анюѣ; тутъ пріѣхалъ чукча, Кеутегинъ, о, и богатый — табунъ у него — земля! — да и давай меня сватать. А я не хочу. Уговаривали, уговаривали, прямо сказать, опять силомъ спихнули. Это само въ баронскій годъ було и до барона ¹⁾ доходило и до всѣхъ, и то есть, что баронъ меня уговаривалъ, а Кеутегинъ-то оленей, людямъ ли, собакамъ ли, такъ и убивать. Привезли меня къ чукчамъ, баятъ по-ихому не умѣю, тоскую, плачу день и ночь, забну на сѣнтухъ ²⁾, днемъ сижу въ пологу съ лейкой (лампой); таборъ большой, людей много, я ни въ чемъ и не сучуся сама. Кочевать ли надо, такъ въ болокъ ³⁾ лейку поставятъ, да чайникъ сварятъ, да нагрѣютъ, тогда я въ болокъ перейду. А Ольку-то я родила еще во вдовахъ и съ собою его при-

¹⁾ Баронъ Майдель, начальникъ чукотской экспедиціи 1870 г.

²⁾ На сѣнтухъ — на полѣ.

³⁾ Кибитка.

везла еще совѣмъ красеньяго сюда; тутъ онъ и выросъ. Пожили мы лѣтъ десять, мужъ и померъ; а братъ у него булъ, деверь мой, шибко худой, — прѣхалъ онъ ко мнѣ да и говорить: «У тебя дѣтей нѣту, я табунъ возьму, а ты мнѣ поди въ хозяйки, въ жены значить». А у него и такъ три жены. Ну, русскіе близко, говорятъ: «Зачѣмъ тебѣ этта мучиться, лучше прѣзжай на рѣку!» Поѣхала я, стала жить въ крѣпостѣ, прожила два мѣсяца, парнишка съ непривычки рыбку-то ѣсть плачетъ, мяса просить; поѣхала я на тундру къ чукчамъ гостить. Сталъ за меня чукча свататься, бѣдненькой такой; ну я не иду, поѣхала назадъ, онъ и погонится за мною, да отъ Коретовой до Крестовки на одинъ духъ выбѣжалъ 50 верстъ, не отсталъ отъ собакъ. Тутъ меня братъ сталъ уговаривать: «Пойди, да пойди! Ты, — говоритъ, — все ждешь богатаго, а богатые откуда придутъ? А онъ, все-таки, хоть бѣдный, да старательный, исти хотѣтъ не станешь у него!» Подумала, подумала, пошла. Пожила съ нимъ немного, померъ. Пришелъ братъ его съ морской стороны, опять табунъ обобралъ да увелъ. Осталось у меня десять важеночковъ, мое пятно: родники да сосѣди меня дарили. Съ тѣмъ я и жить начала. А Олька-то еще былъ недосилокъ, вот олений чемеръ¹⁾, такъ еще ниже того, когда сталъ съ табунѣмъ биться, да годъ за годъ, въ голодѣ да въ холодѣ, черезъ силу расплодили стадо.

— Я вѣдь мясо-то варила не каждый день, — продолжала Овдя. — День ѣдимъ, а другой не ѣвши сидимъ. Положокъ-то у меня зимній булъ, вездѣ плѣшины, чисто одна мездра, все оленей жалѣли убивать на шкуры; а Олька въ табунѣ живетъ, по три, по четыре дня не ѣвши ходитъ, домой придетъ, поѣстъ, похвататъ, какъ собака,

1) Чемеръ — крупъ.

опять въ стадо бѣжитъ. Лѣтомъ на округъ¹⁾ безъ сна ходитъ, глаза опухнутъ, лицо заплыветъ, отъ комара, чисто на человѣка не похожъ... Такъ-то мы оленчиковъ развели...

— Разъ Олька стадо отпустилъ, цѣлое лѣто ходилъ, искалъ. Черезъ Медвѣжью рѣку на самомъ устьѣ сталъ на плотъ переправляться, плотъ волной разбило, самого его въ море выбило. Спасибо люди були, три чаута составили да его на валу за руку поймали. Онъ день да ночь пролежалъ, да опять пошелъ искать, на вершинѣ Погинденской у людей сталъ находить, у кого два оленя, у кого три; а большая половина Богъ знаетъ куда дѣвалась, — а и тутъ мы опять заправились да жить стали...

— А вы еще завидуете! — заключила она. — Баринъ, — прибавила она, обращаясь опять ко мнѣ, — нельзя ли Ольку въ чукчи переписать?

— Какъ въ чукчи? — спросилъ я.

— Да онъ все равно чукча, — продолжала Овдя, — языкъ у него чукотскій, вся вѣра тоже, опять олени. Зачѣмъ ему съ русскими считаться вмѣстѣ?

Олька хотѣлъ было возразить, но мать остановила его:

— Будетъ пустое говорить! — сказала она. — Русскимъ быть хочешь, а то не толкуешь²⁾, что вотъ я умру, со всѣмъ съѣдятъ тебя эти мѣщана...

Я долженъ былъ сказать, что считаю превращеніе изъ русскихъ въ чукчи невозможнымъ.

— А какъ бы хорошо было! — сказала Овдя со вздохомъ, — у чукчей-то, не бойся, никакая мука нѣту. Большая половина ничего не платитъ, а кто и платитъ, — всего одинъ рубль, ни подводы и ни дрова, ничего нѣту.

1) Постоянно.

2) Не понимаешь,

— Развѣ на ярмаркѣ исправника попросить, — можетъ онъ и переписать? — прибавила она вопросительно.

Я объяснилъ, что исправникъ не можетъ дѣлать своею властью такія перечисленія.

— Слышишь, какъ она поговаривать? — сказалъ Митрофанъ, — почище всякой чукчанки!

— Ну да, разговаривай! — возразила Овдя, — видишь, онъ дикій, ничего не понимаетъ! Я помру, безъ меня станутъ у него русскіе грабить; а онъ съ тоски прямо руки на себя наложитъ... По чукотской вѣрѣ они изъ-за одного оленя убиваются.

— А ты, я вижу, совсѣмъ въ чукотскую вѣру перешла, — сказалъ Митрофанъ, — и Бога забула.

— Зачѣмъ забула? — сказала Овдя обидчиво. — Вотъ зимуся я у отца Михаила гумажныя иконки купила цѣлыхъ четыре, всѣмъ намъ по одной, за каждую по бѣлкѣ отдала. — Она показала четыре крошечныя картинки духовнаго содержанія, пестро и аляповато раскрашенныя, которыя, между прочимъ, отецъ Михаилъ получилъ для бесплатной раздачи своимъ прихожанамъ, но счелъ за лучшее продать ихъ по бѣлкѣ за штуку.

— А ты говоришь: «Бога не помнимъ!» — прибавила она, припрятывая свой духовныя сокровища, послѣ того какъ мы достаточно налюбовались ими.

— Разсказывай! — возразилъ Митрофанъ. — Слышишь, хозяинъ, — обратился онъ ко мнѣ, — чукчи, которую русскую дѣвку возьмутъ, а она шибко тоскуетъ, они перешаманиваютъ ее, на свою вѣру передѣлываютъ. Христіанскую-то душу вынимутъ, а чукотскую-то, земляную или какую иную полевую, душу и вложатъ.

— Правда, Овдя? — спросилъ я. Овдя утвердительно кивнула головой.

— И тебя передѣлывали? — спросилъ я шутя.

— Ээ! передѣлывали!—сказала Овдя,—а только вретъ онъ: не душу вынимають, а тоску. Тогда только и повеселѣють русскія бабы, которыя у чукчей вновѣ...

— А молодуха-то у нихъ не вѣнчанная!— не унимался Митрофанъ,— только мазанная по чукотской вѣрѣ: оленя убили и кровью вымазались.

— Отчего же они не повѣнчаются?—спросилъ я.

— Я не велѣла!—сурово отвѣтила Овдя.—Будутъ сыновья, опять ихъ запишутъ въ мѣщана; пусть хоть дѣти Олькины не мучатся такъ, какъ онъ самъ.

— А хорошая баба!—продолжалъ неугомонный Митрофанъ.

— Возьми меня въ смѣнные товарищи, Олька!

Олька нахмурился.

— У меня нѣтъ смѣннаго товарища!—сказалъ онъ рѣзко.

— Полно врать!—сказалъ Митрофанъ.—У чукчей безъ смѣннаго товарища не бываетъ.

— Правду, нѣту!—сказала Овдя.—Русская кровь ревнивая; ей Богу, нѣту!

— Чудеса!—сказалъ Митрофанъ.—Первой вижу такого. То-есть у насъ на Колымѣ на этотъ счетъ сколько угодно. Весь народъ перемѣшался.

— Однако, вамъ худо этакъ-то!—сказалъ Митрофанъ, помолчавъ.—У васъ, значить, ни откуда помощи нѣту, ни въ родствѣ, ни въ свойствѣ, ни въ бабьей дружбѣ; только на себя надѣетесь...

Олька молчалъ.

— Будетъ тебѣ!—сказала Овдя.—Баба-то совсѣмъ ребенокъ, ничего не понимаетъ. Ее умъ-то еще на куклы поворачиваетъ. Ей Богу, пошлю ее на ледъ, а она санки-то оставить, а сама съ дѣвчонками убѣжить; а дома ребенокъ плачетъ.

— А ты, небось, все понимаешь!— сказалъ Митрофанъ, смѣясь. — Небось, прежніе дружки еще всѣ за тобой.

— Что же?— сказала Овдя не безъ чувства собственного достоинства. — То все хорошіе люди, почетные. Меня мужъ худымъ не отдавалъ. Коравія, Амулинъ, Тельгинъ, Паганто... — начала она пересчитывать.

— А у тебя не было дѣтей отъ чукотскихъ мужей?— спросилъ я.

— Были двое парнички, да померли!— сказала Овдя. — То и горе мое, что чукотскаго сына не могла сохранить. Развѣ я бы такъ жила?

На другое утро я уѣхалъ со стойбища Ольки; но мнѣ пришлось встрѣтиться съ Овдей и ея сыномъ черезъ мѣсяцъ на Анюйской ярмаркѣ. Олька пришелъ закупать необходимое количество чаю, табаку и другихъ товаровъ, а Овдя опять пошла въ переводчицы къ своему купцу. Между прочимъ, мѣщанскій староста, при первой же встрѣчѣ съ Овдей, не только сталъ требовать четыре рубля, но объявилъ, что мѣщане накинуди на Ольку подводу въ видѣ натуральной повинности. Ему предстояло теперь выставить собачью нарту для проѣзда одного изъ начальственныхъ лицъ или казаковъ изъ Анюйской крѣпости въ Нижній Колымскъ. Овдя забѣгала по знакомымъ. Порѣчане отбываютъ эту повинность натурою, и то она имъ солоно достается, а у Ольки, конечно, не было своихъ собакъ. Нужно было нанимать чужихъ собакъ, но никто не хотѣлъ наниматься дешевле пятнадцати рублей. Въ концѣ концовъ Овдя прибѣжала ко мнѣ. — Помоги, говорила она, — разорить насъ хотятъ. Пять быковъ Олька на убой даетъ, и то не берутъ.

Я отправился къ исправнику съ ходатайствомъ за бѣднаго русскаго оленевода.

Говорить приходилось осторожно, такъ какъ мѣщане

были бѣднѣ Ольки и тоже совершенно подавлены натуральными повинностями. Исправникъ призвалъ предъ свое лицо Ольку и старосту. Овдя служила переводчикомъ для сына, а я толкователемъ непонятныхъ подробностей популярной жизни. Ознакомившись съ подробностями дѣла, исправникъ разсудилъ совсѣмъ по-соломоновски.

— Подать возьмите, — сказалъ онъ старостѣ, — потому что это постановлено высшей властью; а подводу вы положили неправильно: онъ натуральной повинности не подлежить.

— Также и намъ тяжело, ваше высокоблагородіе!.. — вздохнулъ староста.

— Повинности налагаются, — сталъ объяснять исправникъ, — только на тѣхъ, кто пользуется попеченіемъ отъ общества или получаетъ помощь отъ начальства, а объ нихъ ни вы, ни мы заботы не имѣемъ. Они живутъ на полѣ вмѣстѣ съ чулччами.

— Какая же помощь? — спросилъ староста, не понимая, — общество все упало, каждый до рукъ добился!.. Теперь ужъ помощь и дасти некакъ, развѣ самимъ просить.

— Ну вотъ, — подтвердилъ исправникъ, — вы станете просить, а они не просятъ.

— Да имъ не нужно, — возразилъ староста, — они въ зажиткѣ живутъ.

— Все равно не имѣютъ права просить, — объяснялъ исправникъ. — Мы имѣемъ право имъ отказать...

Такимъ образомъ Олькѣ на этотъ разъ удалось отдѣлаться отъ подводы цѣною вѣчнаго отчужденія отъ общественныхъ и начальственныхъ попеченій. Овдя все-таки была чрезвычайно раздражена притязаніями старосты.

— Уйду на Чаунъ!—говорила она ему по выходѣ изъ казенной избы.— Пропади вы пропадомъ, вѣкъ васъ не видать!

— Достанемъ!—увѣренно говорилъ староста.— Безъ ярмарки не обойдетесь. А намъ что рѣже, то лучше. Волкъ однажды хвататъ, да мѣтко деретъ. Будете помнить.

Не знаю, какъ будетъ дальше житься бѣдному русскому оленеводу между чукотской сварливостью и притязаніями и алчностью сообщественниковъ съ рѣки. Со стороны чукчей опасность не велика. Сѣнтуха такъ обширна, что небольшое стадо оленей можетъ пастись безъ ущерба, не сталкиваясь съ чужими стадами; а настроеніе чукчей послѣ двукратной выдачи выкупа за убійство опять измѣнилось въ благопріятную сторону.

Гораздо опаснѣе для Ольки и его хозяйства ежегодная раскладка сборовъ его родного общества.

Овдя справедливо беспокоится объ его отношеніяхъ съ русскими послѣ ея смерти. Для сборовъ нужны деньги, а Оляка не имѣетъ о нихъ никакого понятія, онъ не знаетъ, у кого и какъ можно достать денегъ на ярмаркѣ. Сколько бы на него ни наложили, ему никогда не придетъ въ голову жаловаться на старосту, да и врядъ ли онъ самъ по себѣ получить доступъ, на примѣръ, къ исправнику, ибо русскіе порѣчане стоятъ другъ за друга и оттираютъ отъ начальства жалобщиковъ чужого племени на ярмаркѣ или при проѣздахъ. Онъ, впрочемъ, не сумѣетъ даже разобраться въ степеняхъ начальства, и его можно увѣрить, что на старосту нѣтъ управы. Однимъ словомъ, лишившись руководителя, этотъ сынъ тундры передъ лицомъ своихъ сообщественниковъ явится какъ дикій олень, который всѣмъ долженъ и съ котораго каждый

встрѣчный можетъ содрать шкуру вмѣсто уплаты. Какъ и дикому оленю, ему останется, въ видѣ послѣдняго прибѣжища, бѣгство или, пожалуй, самоубійство, къ которому сосѣдніе ему пастухи прибѣгаютъ при первомъ разочарованіи, часто изъ-за послѣдняго пустяка, такъ какъ собственную жизнь они цѣнятъ еще меньше, чѣмъ чужую.

Книгоиздательство В. М. САБЛИНА.

МОСКВА,

Петровка, д. Обидиной (ходъ съ Крапивенскаго пер.).

Телефонъ 131-34.

I ОТДѢЛЪ.

Политическая библиотека.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. М. 1906 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Предисловіе проф. М. Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Яценко, съ приложеніемъ текста конституціонныхъ актовъ.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій, съ приложеніемъ очерка конституцій Англии. М. 1905 г. Ц. 15 к.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право, въ 2-хъ част. Историческая и общая части. Съ предисловіемъ Георга Йеллинека. М. 1905 г. Цѣна 3 руб.

Собраніе конституцій. 19 конституціонныхъ актовъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ I. Конституціи: Франціи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи. Декларация правъ. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ II. Конституціи: Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгріи и Соединенныхъ Штатовъ. М. 1905 г. Цѣна 30 коп.

Собраніе конституцій. Выпускъ III. Конституціи: Швеціи, Норвегіи. Актъ Уніи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ IV. Конституціи: Болгаріи, Греціи, Румыніи и Сербіи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ V. Конституціи: Австраліи, Японіи и Бельгіи. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Г. Брандесъ. Великій человѣкъ. (Начало и цѣль цивилизаціи). Лекція, читанная въ Высшей Русской школѣ въ Парижѣ. Переводъ Н. Эфроса. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Переводъ Н. Н. Полянскаго. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Г. Йеллинекъ. Право меньшинства. Докладъ, читанный въ юридическомъ Обществѣ, въ Вѣнѣ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к.

А. А. Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи. Москва въ 1901 г. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Слѣдствіе. Судъ. Приговоръ. Амнистія. Офіціальныя документы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныя правахъ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 40 к.

Н. Полянскій. Свобода стачекъ. Исторія завоеванія коалиціонной свободы во Франціи. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Мильо. Тактика социализма въ рѣшеніяхъ международных конгрессовъ. М. 1906 г. Цѣна 75 к.

Рѣчь Робеспьера о свободѣ печати, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 11 мая 1807 г. и повторенная въ Национальномъ Собраніи 2 августа того же года. М. 1906 г. Цѣна 10 к.

А. И. Герценъ. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 50 к.

Бebelъ. Женщина и социализмъ. Полный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 193-хъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 50-ти. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Симагинъ. Отвѣтственность министровъ. М. 1906 г. Цѣна 10 коп.

Хроника социалистическаго движенія. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 35 к.

Ольшевскій. Бюрократія. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Науманъ. Демократія и императорская власть. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

К. Диль. Социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Полный переводъ съ нѣм. изд. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

Рѣчи и біографіи участниковъ процесса 193-хъ и 50-ти. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Дамашке. Земельная реформа. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

П. Луи. Рабочій и государство. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Орландо. Принципы конституціоннаго права. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

И. И. Поповъ. Дума народныхъ надеждъ. М. 1907 г. Ц. 85 к.

Петрашевы. Процессы Николаевской эпохи. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Декабристы. Процессы Колесникова и др. М. 1907. Ц. 1 р.

М. Штирнеръ. Единственный и его достояніе. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

А. А. Лопухинъ (бывш. директоръ департамента полиціи). Изъ итоговъ служебнаго опыта. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 50 к.

Проф. Оршанскій. Первый шагъ. (Мысли о еврейскомъ вопросѣ). М. 1907 г. Цѣна 25 коп.

М. Мальтусъ. Опытъ закона о народонаселеніи. Сокращ. перев. П. А. Венгерова. Изд. М. М. Прокоповича. М. 1908 г. Цѣна 80 коп.

II ОТДѢЛЪ.

Научная библіотека.

Бельше. Происхождение человѣка. Пер. подъ ред. Синицкаго. М. 1908 г. Цѣна 50 к.

Д-ръ Котикъ. Эманация психо-физической энергіи. М. 1907 г. Цѣна 60 к. (Распродано).

А. Риги. Современная теорія физическихъ явленій (радіоактивность, іоны, электроны). М. 1906 г. Цѣна 80 к.

Э. Жаваль. Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Переводъ Г. Г. Оршанскаго. М. 1905 г. Цѣна 60 к.

В. Оствальдъ. Школа химіи. Первая часть, переводъ Евг. Раковского. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

В. Оствальдъ. Школа химіи. Вторая часть. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: проф. Сельско-Хозяйственнаго Института Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 1-я. Почва. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.

Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: проф. Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 2-я. Удобрение и кормовыя вещества. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Штарке. Опытное учение объ электричествѣ. М. 1907 г. Ц. 2 руб.

Э. Ферри. Уголовная социологія. Редакція проф. Познышева. Ц. 3 р.

Проф. П. И. Новгородцевъ. Философія права. Конспектъ лекцій. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Iost. Физиологія растений. (Печатается).

Ежегодникъ Императорской Екатер. больницы. Выпускъ I. М. 1907 г. Изданіе врачей Импер. Екатер. больницы. Цѣна 1 р. 60 к.

III ОТДѢЛЪ.

Библіотека художественной литературы.

П. Д. Боборыкинъ. Европейскій романъ въ XIX столѣтіи. „Романъ на Западѣ за двѣ трети вѣка“. С.-Пб. 1900. Ц. 3 р.

П. Д. Боборыкинъ. Великая разруха—романъ. М. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Танъ. Собраніе сочиненій, т. I. Чукотскіе рассказы. М. 1909. Ц. 1 р.

Князь С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. М. 1907 г. 1 р. 50 к.

Н. А. Морозовъ. Въ началѣ жизни. (Какъ изъ меня вышелъ революціонеръ вмѣсто ученаго). М. 1908 г. Цѣна 80 коп.

Н. А. Морозовъ. Откровение въ грозѣ и бурѣ. 2-е изданіе, значительно дополненное. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 1-й. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 2-й. М. 1907 г. Цѣна 2 р. 50 к.

П. С. Коганъ. Очерки по исторіи западной литературы, т. III. Современники. (Печатается).

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. (Итоги художественной литературы въ XIX вѣкѣ.) Часть первая. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. Часть вторая. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Люблинскій. Итоги современнаго искусства и литературы. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

В. Стражевъ. Путь голубиный. М. 1908. Ц. 50 коп.

Корона. Сборникъ. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Ник. Русовъ. Мистикъ. — Андрей Бѣлый. Усталость. — Ник. Поярковъ. Красный цвѣтокъ. — Александръ Блокъ. Подруга свѣтлая и др.

Ф. Ведекіндъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Лулу. Духъ земли. Ящикъ Пандоры. Пляска мертвыхъ. Изданіе к-ва „Панъ“. М. 1907. Ц. 1 руб.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. 3-е изд. съ портретомъ автора и критической статьей Г. Брандеса. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Сказка, драма. — Смерть, новелла. — Мгновенія жизни, драма. — Литература, комедія.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Завѣщаніе, драма. — Поручикъ Густель, новелла. — Анатолий, діалоги. — Роковой вопросъ. Рождественскій подарокъ. Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анатолия передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефисъ. Цвѣты. Мертвые молчатъ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изданіе М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай. — Покрывало Беатриче. — Одинокой тропой.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Берта Гарланъ. Храбрый Касьянъ. Канунъ Нового года. Общая добыча.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. V. 2-е изд. М. 1909 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Забава, драма. — Интермеццо, драма. — Разсказы.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1908 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Хороводъ. Новеллы. Крикъ жизни. Маріонетки.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1908 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Дорога къ волѣ. (Романъ).

Артуръ Шницлеръ. Забава, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1899 г. Цѣна 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Общая добыча (Пощечина), драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ Н. Е. Эфроса. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. I. Драмы, съ портретомъ и предисловіемъ автора. 2-е изданіе. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Принцесса Малень. Вторженіе смерти. Аглавена и Селизета. Слѣпые. Аріана и Синяя Борода. Intérieur.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. Сестра Беатриса. Монна Ванна. Жуазель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сокровище смиренныхъ. Мудрость и Судьба.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство матеріи. Прошлое. Счастье. Будущее. Жизнь пчелъ.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Разумъ цвѣтовъ. Двойной садъ.

Морисъ Метерлинкъ. Слѣпые, драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Вторженіе, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Внутри, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Двѣнадцать пѣсень. Переводъ Георгія Чулкова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры 5 р., нумерованные—3 р.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Съ предисловіемъ автора и его портретомъ. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 75 к

Содержаніе: Поэмы (Аметисты. Въ долинѣ слезъ. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Introibo. Рапсодія 1. Epipsychidion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря). Cupio Dissolvi.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. Съ предисловіемъ автора. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сыны земли (Малярія. Сумерки. Ultima Thule).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изд. Съ портретомъ автора. М. 1908 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Homo Sapiens.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Съ критической статьей автора „О драмѣ и сценѣ“. 2-е изд. М. 1909 г. Цѣна 2 р

Содержаніе: Драмы (Пляска любви и смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. V. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Критика (Къ психологии индивидуума: Шопенъ и Ницше. Ола Ганссонъ. Путями души. Вступленіе. Афоризмы и Прелюди. Эдвардъ Мунхъ. Густавъ Вигеландъ. Шопенъ. Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ Куявскихъ полей).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VI. 2-е изд. М. 1909 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Дѣти сатаны. De profundis.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Заупокойная месса. Стихотворенія въ прозѣ. Вѣчная сказка.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Повѣсти и рассказы. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сторону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царица Савская. Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Енъ Тру. Почтовая лошадь. Рождественская пирушка. Сочельникъ въ горной хижинѣ. Шкиперъ Рейерсенъ. На отмели близъ Нью-Фаундленда. Парижскіе этюды.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Редакторъ Линге, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. Повѣсти и рассказы. 2-е изд. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голосъ жизни. Маленькія приключенія: (Страхъ смерти. Уличная революція. Въ преріи. Привидѣніе. Гастроль. Завоеватель. Викторія).

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. 2-е изд. Повѣсти и рассказы. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голодь. У царскихъ вратъ, драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ V. 2-е изд. Повѣсти и рассказы. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Панъ, романъ. Вечерняя заря, драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ VI. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Въ сказочной странѣ, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. 2-е изд. М. 1909 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе. Новъ, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Фантазеръ. Въ странѣ полумѣсяца.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ IX. 2-е изд. М. 1909 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Загадки и тайны. (Мистеріи).

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. X. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Драма жизни. Царица Тамара.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ XI. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Борьба страстей. Подъ осенней звѣздой.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ XII. М. 1908 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Бродячая жизнь. Духовная жизнь Америки.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки и рассказы.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 3-е исправленное изданіе подъ редакціей М. Ликиардопуло. М. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Портретъ Доріана Грея. Романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки. Стихотворенія въ прозѣ. Саломея. De profundis (Тюрьма).

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 2-е изд. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: О социализмѣ. Герцогиня Падуанская. Вѣрльди Уайндермеръ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Исканія.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ VI. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Идеальный мужъ. Женщина безъ всякаго значенія.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. Переводъ подъ редакціей М. Ликиардопуло. М. 1909. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Преступленіе Лорда. Артура Севиля. Двѣ сказки. Портретъ мистера W.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, переводъ съ польскаго В. Ту-чапской. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: **Отрывки.** Гимнъ Аполлону. Триумфъ. Двойная смерть. Заколдованная княжна. Карьера попугая. Гробы. Дождь. Недоразумѣніе. Гордость. Изъ афоризмовъ. Ледяная вершина. Монархъ. Кукла. Изъ воспоминаній художника. Къ небу. Стихотворенія въ прозѣ. Воспоминаніе. Судъ. Тѣнь. Любовь. Роза. На Везувіѣ. Черный мотылекъ. Надъ потокомъ. Счастье. Журавли. Ель. Къ женщинѣ. Тяжелое будущее. Къ смерти. За стеклянной стѣной. Одна изъ сказокъ. **Бездна.**

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, т. III. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: На горныхъ уступахъ.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, томъ IV. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Ангель смерти.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, т. V. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Гибель (продолженіе „Ангела смерти“).

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, т. VI. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Меланхолія.

О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій, т. I. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Дневникъ горничной.

- О. Мирбо.** Полное собраніе соч., т. II. М. 1908 г. 2-е изд. Цѣна 1 руб.
Содержаніе: Садъ пытокъ, романъ.
- О. Мирбо.** Полное собраніе сочиненій, т. III. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Себастьянъ Рокъ.
- О. Мирбо.** Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Автомобиль 628-Е8.
- О. Мирбо.** Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Голгоа.
- О. Мирбо.** Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Фарсы и аллегории.
- Анатоль Франсъ.** Полное собраніе соч. т. I. М. 1908 г. Ц. 1 р.
Содержаніе: Критическій очеркъ Г. Брандеса. Садъ Эпикура.
- Анатоль Франсъ.** Полное собраніе соч., т. II. М. 1907 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Таисъ. Клю.
- Анатоль Франсъ.** Полное собраніе соч., т. III. М. 1908 г. Ц. 1 р.
Содержаніе: Валтасаръ.
- Анатоль Франсъ.** Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 1908 г.
Цѣна 1 руб.
Содержаніе: Харчевня „Королева Педокъ“.
- Анатоль Франсъ.** Полное собраніе соч., т. V. М. 1907 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Господинъ Бержере въ Парижѣ.
- Анатоль Франсъ.** Полное собраніе соч., т. VII. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Красная лилія.
- А. Стриндбергъ.** Сочиненія, т. I. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
- А. Стриндбергъ.** Сочиненія, т. II. М. 1908 г. Ц. 1 р.
- А. Стриндбергъ.** Кредиторы. М. 1905 г. Цѣна 50 к.
- Германъ Зудерманъ.** Да здравствуетъ жизнь! — Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ, съ разрѣшенія автора, В. М. Саблина. 2-е изд. М. 1902 г. Цѣна 75 к.
- Гергартъ Гауптманъ.** Эльга, переводъ В. М. Саблина. Ц. 75 к.
- Гергартъ Гауптманъ.** Красный пѣтухъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 60 к.
- Максъ Гальбе.** Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, литографированное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1904 г. Цѣна 50 к.
- Э. Лабишъ и Делакуръ.** Копилка, комедія - шутка въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 40 к.
- Роде.** Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ. М. 1903 г. Ц. 40 к.
- Поль Эрвье.** Пессимизмъ и современный театръ. Критическій очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 30 к.
- Треплевъ.** Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ, съ портретомъ М. Горькаго. М. 1904 г. Цѣна 30 к.
- Треплевъ.** Молодое сознание. Этюдъ о Вл. Г. Короленко, съ портретомъ В. Г. Короленко. М. 1904 г. Цѣна 40 к.
- Треплевъ.** Три этюда. М. 1904 г. Цѣна 50 к.
Содержаніе: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли

- Георгій Чулковъ. Кремнистый путь, стихотворенія и поэмы. М. 1904 г. Цѣна 1 р.
- С. Высянскій. Варшавянка, драма. Переводъ В. А. Высоцкаго. М. 1906 г. Цѣна 40 к.
- Э. Кей. Вѣкъ ребенка. Первый полный переводъ Е. К.—М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Э. Кей. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 р.
- Э. Кей. Любовь и бракъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Берентъ. Гнилушки, романъ. М. 1907 г. Цѣна 2 р.
- Ригеръ-Налковская. Женщины, романъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р.
- Рербергъ. Лекціи объ искусствѣ. М. 1908 г. Цѣна 2 р.
- Сизеранъ. Англійская живопись. Роскошное изд. М. 1908. Цѣна 2 р. 75 к.
- У. Патеръ. Воображаемые портреты. М. 1908 г. Ц. 75 к.

Современная библіотека.

- № 1. Ола Ганссонъ. *Sensitiva amorosa*. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- № 2. Ола Ганссонъ. Видѣнія молодого Офега. Цѣна 50 к.
- № 3. Ю. Аго. Одинокій. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- № 4. Арнэ Гарборгъ. Горный воздухъ. М. 1908 г. Ц. 50 коп.
- № 5. А. Гаукландъ. Море. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- № 6. А. Гаукландъ. Дремучіе лѣса. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- № 7. Г. Бангъ. Бѣлый домъ. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- № 8. Ж. Роденбахъ. Искусство въ изгнаніи. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- № 9. Сельма Лагерлефъ. Ингридъ. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- № 10. Г. Бангъ. Станные разказы. М. 1909. Ц. 50 к.
- № 11. Г. П. Якобсенъ. Новеллы. М. 1909. Ц. 50 к.
- № 12. Вилье де-Лиль Аданъ. Жестокіе разказы. М. 1909. Ц. 50 к.
- № 13. Ж. Роденбахъ. Мистическіе лиліи М. 1909. Цѣна 50 к.

Печатаются и на дняхъ поступятъ въ продажу.

- Августъ Стриндбергъ. Полное собраніе сочиненій, т. III и т. IV.
- Камилль Моклеръ. Импрессионизмъ, его исторія, эстетика и представители.
- Пьеръ Лоти. Полное собраніе сочиненій.
- Габріэль д'Аннунціо. Полное собраніе сочиненій.
- Ө. И. Рербергъ. Исторія русскаго искусства.

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Волховской. Дюжина сказокъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Н. Готторнъ. Первая Книга чудесъ. Цѣна въ папкѣ 1 руб.

Н. Готторнъ. Вторая Книга чудесъ. (Сказки Тэнльода). Цѣна въ папкѣ 1 руб.

Ц. Коллоди. Приключенія паяца. Иллюстрир. изданіе. Цѣна въ папкѣ 1 руб.

Эвелина Шэргъ. Исторія Вѣтрянаго Пѣтушка. Роскошное иллюстрированное изданіе, въ перепл. М. 1909. Цѣна 2 р. 50 к.

Дж. Лондонъ. До Адама. Иллюстрированное изданіе. М. 1909. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 руб.

Грегсонъ Гоу. Маленькій искатель приключеній. М. 1909. Цѣна въ папкѣ 1 руб.

В. Гомулицкій. Воспоминанія синяго мундирчика. Съ иллюстраціями. М. 1909. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ роскошн. коленк. перепл. 1 р. 50 к.

В. Лондонъ. На крайнемъ сѣверѣ. Иллюстрированное изданіе, въ переплетѣ. М. 1909. Цѣна 2 руб.

Оскаръ Уайльдъ. Молодой король. Роскошное изданіе съ премированными Академіей Художествъ рисунками В. Я. Суреньянца. М. 1909. Въ роскошномъ переплетѣ. Ц. 3 руб.

Оскаръ Уайльдъ. День рожденія инфанты. Роскошное изданіе съ премированными Академіей Художествъ рисунками В. Я. Суреньянца. М. 1909. Въ роскошномъ переплетѣ. Цѣна 3 руб.

Л. Толтой Мужикъ и огурцы. Книжка-картинки М. М. Неручева. Въ папкѣ. М. 1909. Цѣна 1 руб.

А. Ѳеоровъ - Давыдовъ. Веселые мореплаватели. Иллюстрированное изданіе въ папкѣ. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.

А. А. Ѳеоровъ - Давыдовъ. Зимній сонъ. Иллюстрированное изданіе, въ папкѣ. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.

Бр. Гриммъ. Сказки и легенды, въ переводѣ А. Ѳеорова-Давыдова. 2-е изд. *Одобрено* Уч. К. Мин. Нар. Пр. для средн. и низш. уч. зав. Томы I и II. Цѣна за два тома 3 руб., въ коленкор. перепл. 4 р.

Японскія сказки. Перев. В. Ф. Коршъ. М. 1906. Цѣна 40 коп.

С. Лагерлефъ. Легенды о Христѣ. *Допущена* въ ротныя бібліотеки военно-учебныхъ заведеній. Цѣна въ папкѣ 2 руб.

- С. Лагерлефъ.** Сказки и легенды. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 50 коп.
- С. Лагерлефъ.** Свѣча отъ гроба Господня. Цѣна въ папкѣ 25 к.
- С. Лагерлефъ.** Красношейка. Цѣна въ папкѣ 20 коп.
- С. Лагерлефъ.** Господь и св. Петръ. Цѣна въ папкѣ 20 к.
- Э. Сэтонъ-Томсонъ.** Мои дикіе знакомые. Цѣна въ папкѣ 2 р., въ коленкор. перепл. 2 руб. 25 коп.
- Э. Сэтонъ-Томсонъ.** Животныя герои. Цѣна въ папкѣ 2 руб.
- Э. Сэтонъ-Томсонъ.** По слѣдамъ оленя. Иллюстр. изд. Ц. 75 к. Допущена Уч. К. Мин. Нар. Пр. въ ученическія библіотеки низш. учебныхъ заведеній.
- В. Лонгъ.** Младшій братецъ медвѣдя. Иллюстр. изданія Цѣна въ папкѣ 1 р. 75 к., въ роскошн. коленкор. переплетѣ 2 р.
- Перри Робинзонъ.** Черный медвѣдь. Цѣна въ папкѣ 1 р. 75 к.
- Р. Киплингъ.** Вотъ такъ сказки! Цѣна 2 руб.
- Р. Киплингъ.** Джунгли. Книга I и II. Цѣна за книгу 1 р. 50 к.
- Г. Кеннеди.** Индѣйскія сказки. Цѣна въ папкѣ 2 р., въ роскошн. коленкор. перепл. 2 р. 25 к.
- Макманусъ.** Ирландскія сказки. Цѣна въ папкѣ 1 р. 25 к., въ роскош. коленкор. перепл. 1 р. 50 к.
- 10 картинъ для дѣтей,** въ краскахъ, по рисункамъ *В. Я. Су-реньянца.* Цѣна всей серіи 3 руб. Отдѣльныя картины по 35 коп.
-